

АЗИЗА НАЗАРЛИ

ХІ КРАСНАЯ АРМИЯ

**В СЕВЕРНОМ АЗЕРБАЙДЖАНЕ
ОККУПАЦИЯ, РАСПРАВЫ, БЕСЧИНСТВА**

**Национальная Академия наук Азербайджана
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ им. А.А.БАКИХАНОВА**

АЗИЗА НАЗАРЛИ

**ХІ КРАСНАЯ АРМИЯ
В СЕВЕРНОМ АЗЕРБАЙДЖАНЕ:
ОККУПАЦИЯ, РАСПРАВЫ,
БЕСЧИНСТВА**

Баку – Elm və Təhsil – 2014

Рекомендовано к печати Учёным Советом Института истории им. А.А.Бакиханова НАН Азербайджана

Научный редактор

И.С.Багирова
доктор исторических наук

Рецензенты

В.С.Гасанов
доктор исторических наук,
профессор

И.В.Нифталиев
доктор философии по истории

Назарли Азиза Энвер гызы. XI Красная Армия в Северном Азербайджане: оккупация, расправы, бесчинства. – Баку: изд-во “Elm və Təhsil”, 2014. – 392 с.

В представленной монографии показано, к каким катастрофическим последствиям для республики привело пребывание оккупационной XI Красной Армии на территории Северного Азербайджана в течение нескольких месяцев. рассматривается ряд вопросов, связанных с историей взаимоотношений личного состава XI Красной Армии с населением Азербайджана. Монография ох

ватывает различные стороны бесчинств армии: расстрелы и грабежи, хулиганства и уничтожение материальных ценностей.

© Назарли А.Э., 2014

Посвящается светлой памяти пострадавших от репрессий в 1937-1939 гг. родственников:

Назарли Гаджибаба Гаджи Алескер оглы – партийный, государственный, военный деятель, писатель, журналист, заведующий кафедрой всеобщей литературы АПИ им. Ленина, расстрелян

Назарли Агагусейн Гаджи Алескер оглы – экономист, погиб в сталинских застенках

Назарли Зивяр ханым – домохозяйка, 8 лет отбывала тюремное заключение в Коми АССР, после освобождения выслана в Гёйчай

Назарли Сара ханым – доктор медицинских наук, профессор, заслуженный деятель науки, была выслана в Северный Казахстан, после окончания войны вернулась в Баку

Назарли Бейюкага Гаджибаба оглы – художник, 8 лет ареста в Магадане

Назарли Аделя Агагусейн гызы – кандидат медицинских наук, врач-педиатр, выслана в Северный Казахстан до окончания войны

ВВЕДЕНИЕ

XX век по насыщенности историческими событиями и их значимостью не поддается сравнению ни с одной эпохой в истории человечества. Это был век революций и переворотов, двух мировых войн, переделавших карту Европы и Азии, а также судьбы миллионов людей на этих континентах. Находящийся на стыке этих цивилизационных полей Азербайджан также не избежал потрясений прошедшего столетия, дважды за это время добившись установления своей государственной независимости. Первая демократическая республика, провозглашённая в Азербайджане в 1918 г., была уничтожена в 1920 г. оккупацией XI Красной Армии, ключевые этапы и последствия которой и явились темой нашего исследования.

Выступая перед учёными Академии наук Азербайджана 31 января 1997 года, Президент Азербайджана Гейдар Алиев подчеркнул значимость изучения истории XIX-XX веков, особо отметив те искажения, которым подвергалась историческая наука в советское время. Задачей истории в то время было не столько объективное отражение происходивших событий, сколько включение их в рамки заданной идеологической концепции. Г.Алиев особо выделил период истории 1920-1930-х годов, охарактеризовав его как чрезвычайно сложный и противоречивый. С одной стороны, для него характерны репрессии правящего режима, давление, оказываемое на традиции, нравственные устои нашего народа,

существующие ограничения и запреты, а с другой стороны – этот период характеризуется большим развитием в области экономики и культуры Азербайджана. [245; 265].

Тема, поднятая и раскрытая в монографии, актуальна и мало изучена. Можно сказать, что это первая монография, посвящённая бесчинствам, совершённым «освободительной» XI Красной Армией на территории Азербайджана.

В азербайджанской советской историографии тема установления советской власти в Азербайджане была одной из самых популярных и, соответственно, наиболее глубоко исследованных. Достаточно отметить, что указатель литературы по этой проблеме, изданный в 1988 году, включает 930 наименований. Сюда входят: библиография, справочные издания, историография, источниковедение, документы, произведения руководящих деятелей партии большевиков, воспоминания, историческая литература [259].

Определенные аспекты истории XI Армии были также исследованы советскими историками.

В азербайджанской историографии советского периода деятельность XI Красной Армии характеризовалась как освободительная и дружеская, направленная на оказание интернациональной помощи революционному пролетариату Азербайджана и его союзнику-крестьянству в свержении господства ханов и беков [276; 267; 304; 341; 338; 366]. Замалчивались или фальсифицировались истинные цели и действия этой армии, с помощью которой 27 апреля 1920 г. пала независимая Азербайджанская Республика (1918-1920 гг.), и Северный Азербайджан вторично был оккупирован теперь уже не царской, а советской Россией.

Со дня оккупации Азербайджана в апреле 1920 г. началось не только расхищение его природных богатств, но и фальсификация всей истории азербайджанского народа. В новые задачи большевистских лидеров и идеологически «подкованных» историков входила фальсификация и самой

истории советизации весной 1920 г. Оккупация Азербайджана Советской Россией, вызвавшая антисоветские восстания и последовавшие за ними многочисленные расстрелы их участников, стала освещаться как бескровная, мирная социалистическая революция. Народные восстания в период оккупации стали интерпретироваться как вооружённое сопротивление контрреволюции, а их беспощадное подавление как борьба с бандитизмом. Во всех исследованиях превалировал классовый, а не объективный исторический подход.

В советской азербайджанской историографии освещались не только сюжеты, связанные «с победой вооружённого восстания и помощью XI Армии трудящимся Азербайджана». Объектом исследования была и проблема участия политорганов Красной Армии в партийном и советском строительстве. Также внимание советских историков было уделено освещению роли XI Армии и Каспийской военной флотилии в решении хозяйственных и культурных задач социалистического строительства.

Однако ни в одной работе не были показаны негативные стороны «освободительной миссии» XI Армии для жителей Азербайджана, истинное отношение советских войск как к местному населению, так и к местной власти.

Бесспорно, это не может служить основанием для упрека авторам этих работ, которые, даже не преследуя политические и пропагандистские цели, при всём желании не смогли бы написать правдивую историю оккупации и её негативных последствий. В тоталитарном государстве исторические концепции спускались сверху высшим партийным аппаратом, и вышедшие за пределы этих концепций историки могли бы оказаться в рядах диссидентов, а в 30-40-е годы и поплатиться собственной свободой и жизнью, как это и произошло с некоторыми из них.

Объективную историю оккупации могли позволить себе

писать зарубежные историки – Р.Пайпс, Ф.Каземзаде, Т.Свенточовский, О.Альштадт и др.

Рискуя своей жизнью, азербайджанские эмигранты – деятели первой азербайджанской республики М.Э.Расулзаде, М.Б.Мамедзаде, Н.б.Шейхзаманлы и другие также извещали мировую общественность о реальных событиях апреля 1920 года.

Только благодаря произошедшим демократическим процессам в нашем обществе через 71 год (18 октября 1991 г.) была дана политическая оценка историческому событию – апрельской оккупации 1920 г. [248, 123]. С распадом СССР с начала 90-х годов XX столетия в азербайджанской историографии начался реальный перелом в освещении событий, связанных с советизацией страны. Появились объективные исторические исследования, благодаря которым общественность нашей республики получила возможность узнать правду об интервенции и оккупации своей Родины в 1920 г. С повторным обретением независимости азербайджанского народа почти через 70 лет историки впервые справедливо охарактеризовали XI Красную Армию как оккупационную и колонизаторскую [311; 331; 396; 288; 382; 269; 301; 327; 295; 255]. В этих работах описаны политические события, связанные с подготовкой и осуществлением апрельского переворота и дана историческая и политическая оценка событиям 1920 г.

Первой работой по поднятой проблеме является статья Рафиева Б. «1920-й: голодный и обобранный», вышедшая в газете «Вышка» 26 мая 1992 года В указанной статье освещена политика Советской России по отношению к советизированному Азербайджану и итоги первого года пребывания здесь XI Красной Армии. В статье впервые описывается процесс расхищения материальных богатств азербайджанского народа, приведших в итоге к его обнищанию. В представленной монографии сделана попытка продолжить и уг-

любить эту тему, не потерявшую своей актуальности по сей день.

При подготовке монографии были использованы сборники документов, среди которых особенно следует отметить «Декреты Азревкома (1920-1921 гг.)», «Протоколы заседаний Азревкома и Совнаркома АССР (1920-1922 гг.)», а также сборник «Борьба за Советскую власть в Азербайджане. 1918-1920».

В работе использованы мемуары и произведения лидеров Азербайджанской Республики (1918-1920 гг.), а также мемуары военных, в которых с противоположных позиций оцениваются события весны 1920 года. Для первых это трагическая страница в истории азербайджанского народа, для вторых – красный день в календаре.

При написании монографии огромную помощь нам оказала подготовленная коллективом историков «Энциклопедия Азербайджанской Демократической Республики» в двух томах, изданная под редакцией члена-корр. НАН АР, проф. Я.Махмудова. Сведения о лидерах азербайджанского народа, трагической судьбе студентов, посланных национальным правительством на учёбу за рубеж, а также другие важные сведения были почерпнуты из этого ценного издания.

Конечно, любой исследователь истории Азербайджана 1920-1921 годов акцентирует внимание на деятельности Наримана Нариманова. Поэтому автор представленной монографии использовал труды Ф.Ахмедовой и Г.Гасанова, изданные в последнее время и посвящённые самой значительной политической фигуре Азербайджана в 20-е годы XX в.

В монографии Ф.Ахмедовой [263] исследовано участие выдающегося политического деятеля Наримана Нариманова в процессе советизации Азербайджана. Объектом анализа автора стали противоречия, возникшие в результате проти-

вопоставления национальных позиций Нариманова и советской действительности.

Ф.Ахмедова показала в своей работе, что Н.Нариманов искренне хотел верить в то, что Красная Армия действительно являлась защитницей справедливости, спасительницей эксплуатируемых от эксплуататоров. С другой стороны, Н.Нариманов видел реально бесчинствующую XI Армию, вторгшуюся в мусульманский мир, и это вызывало в его душе сомнение в своей правоте и даже ненависть к происходившему. Можно с уверенностью сказать, что у Н.Нариманова было двойственное отношение к Красной Армии и в целом к советской действительности.

В книге Ф.Ахмедовой показана тяжёлая ситуация в Азербайджане в первые 7 месяцев после оккупации. В связи с этим, естественно, затрагивались сложные взаимоотношения XI Армии с властью и населением Азербайджана.

Деятельности Н.Нариманова посвящена также монография Г.Гасанова [270]. Третья глава его монографии освещает борьбу Н.Нариманова за претворение в жизнь его национально-государственных взглядов. Она охватывает период с апреля 1920 г. до марта 1925 г. и представляет наиболее интересную часть монографии.

На основе новых фактов Г.Гасанов показал исторические заслуги Н.Нариманова перед Азербайджанской государственностью. Несмотря на то, что в официальных документах советского режима Н.Нариманов остался с имиджем «тюркского националиста», однако, автор подчёркивает, что в памяти нашего народа он живёт как государственный деятель-патриот. Г.Гасанов показал, что Н.Нариманов после апрельской оккупации прилагал большие усилия для того, чтобы азербайджанский народ с наименьшими потерями вышел из трудного положения. Н.Нариманов пытался спасти выдающихся людей от казни и привлекал лучшую часть интеллигенции к работе в органах власти республики. Автор спра-

ведливо полагает, что распоряжения и декреты азербайджанского советского правительства позволяют судить о личных качествах и мировоззрении Н.Нариманова [270, 15].

Наилучшей особенностью трудов Ф.Ахмедовой и Г.Гасанова, по нашему мнению, является то, что эти авторы выделили ту сторону общественно-политической деятельности и взглядов Н.Нариманова, которая сегодня расценивается как оппозиция большевизму.

В монографии Ф.Ибишова (Ибрагимли) «Социально-политические процессы в азербайджанской деревне (1920-1930 гг.)» §1 (с.с. 23-32) первой главы посвящён первым неудачным шагам Советской власти в уездах Азербайджана. В этом параграфе фрагментарно упоминается преступная и незаконная деятельность Особого отдела XI Армии, враждебное поведение солдат в сёлах Азербайджана, а §3 этой главы (с.с. 45-52) посвящён народным восстаниям и движению сопротивления. Основную причину народного гнева автор видит в самочинстве XI Армии, анархии, ограблении уездов и особенно в расстрелах невинных людей [273, 45]. В этой работе показаны причины отсутствия в апреле 1920 г. сильного вооружённого сопротивления XI Армии [273, 23, 24]. К этим причинам можно добавить ещё одну: провокационные слухи о помощи турецкому освободительному движению во главе с Мустафой Кемалем.

В монографии Р.С.Мустафа-заде [377] рассматриваются актуальные вопросы становления и развития азербайджано-российских отношений в период 1918-1922 годов.

Особенный интерес в работе Мустафа-заде для нас представляет глава 3 (на стр. 144-159), которая называется: «Азербайджан, живший своим хлебом, теперь сидит без хлеба, а голодные Грузия и Армения теперь имеют хлеб в изобилии»: двусторонние отношения после установления советской власти в Азербайджане (1920-1922 гг.)». Хронологические рамки этой главы охватывают интересующий

нас период первых месяцев правления большевиков в Азербайджане. В главе охарактеризовано «реакционное» поведение красноармейцев в Азербайджане в период оккупации.

Отдельные фрагменты истории бесчинств XI Армии в северо-западном регионе Азербайджана описаны в монографии Ш.Рахманзаде [290].

Истории становления советского Востока посвящена книга Й.Баберовски [307]. В главе 4-ой «Большевизм и национал-коммунизм 1920-1923 гг.» автор показал, что большевики пришли в Азербайджан как оккупанты, превратив эту республику в арену убийств и мародёрства. Террор, продлившийся несколько месяцев, оставил после себя страшные следы опустошения [307, 249]. Наше внимание привлёк тот факт, что при описании грабежа, пьянства, воровства солдат и офицеров XI Красной Армии были использованы материалы Российского государственного архива социально-политической истории. Отдельный параграф в книге посвящён Н.Нариманову.

В статье А.Назарли [379], изданной в 2009 году, впервые в азербайджанской историографии поднята проблема разрушения материально-технической базы учебных заведений Северного Азербайджана в результате апрельской оккупации. Многие аспекты данной проблематики получили качественное освещение при использовании ранее не вовлекавшегося в научный оборот архивного материала. Сюжеты этой статьи были использованы при изложении пятой главы представленной монографии.

Цель монографии – показать на основе архивных данных и материалов периодической печати, подавляющее большинство которых впервые введены в научный оборот, а также исторической литературы, к каким катастрофическим последствиям для республики привело пребывание оккупационной XI Красной Армии на территории Северного Азербайджана в течение нескольких месяцев.

В данной монографии рассматривается ряд вопросов, связанных с историей взаимоотношений личного состава XI Красной Армии с населением Азербайджана.

В представленной работе детально освещены бесчинства XI Красной Армии не только в крупных городах, но и уездах Азербайджана. Даже мелкие детали в действиях военных показывают агрессивный настрой русских солдат против местного населения. В то же время показана деятельность армян, которые использовали оккупацию Азербайджана в своих интересах, и стали претворять в жизнь свои давние антиазербайджанские планы.

При подготовке представленной монографии были поставлены следующие задачи:

– вслед за некоторыми азербайджанскими историками показать, что события 27 апреля 1920 года являлись оккупацией Северного Азербайджана Красной Армией Советской России, приведшей к ликвидации независимой государственности и суверенитета азербайджанского народа;

– показать, что после указанных событий азербайджанский народ был вынужден жить при тоталитарном режиме, уничтожившим не только лидеров Азербайджанской Республики (1918-1920 гг.), представителей национальных партий и рядовых граждан, но через несколько лет и тех людей, которые стояли у истоков советизации Азербайджана, а также военачальников, непосредственно руководивших оккупацией;

– раскрыть недостойное, безответственное поведение солдат оккупационной армии, части которой были расположены в городах и сёлах Северного Азербайджана, проявившееся в агрессивном отношении к местному населению и неуважении местной и республиканской власти;

– показать, что бесчинства XI Красной Армии привели к плачевным результатам в крестьянских хозяйствах;

– показать, что к бесчинствующим оккупационным си-

лам примкнули армяне, которые использовали историческую ситуацию против азербайджанцев;

– осветить бесчинства солдат в отношении учебных заведений и отрицательные последствия оккупации для учебных заведений и культурно-просветительных учреждений Азербайджана;

– осветить мероприятия Азревкома во главе с Н.Наримановым, а также местных органов власти, направленные на смягчение негативных последствий оккупации среди населения Азербайджана.

Следует отметить, что в указанном специфическом курсе эта тема не была объектом специального исследования. Работа носит комплексный характер, охватывая различные стороны бесчинств Красной Армии: и расстрелы, и грабежи, и хулиганства, и уничтожение материальных ценностей.

Хочется оговориться, что в работе присутствуют сведения, казалось бы, не имеющие непосредственного отношения к XI Армии, например, о состоянии здравоохранения, деятельности правительства в области просвещения, о материальном обеспечении населения. Следует отметить, что эти сведения создают исторический фон, на котором развёртывались действия советской армии. Кроме того, многие из этих событий, как-то: казни эсеров, мусаватистов и др. в конце 20-х – 30-х гг. явились последствиями оккупации Северного Азербайджана в 1920 г.

В монографии также описаны бесчинства, совершённые чекистами Азербайджана. Следует отметить, что во многих случаях карательный орган ЧК был в союзе с Красной Армией, так как цель у них была одна: внедрение новой власти, новых людей и, в общем, нового строя. В ряде случаев местные репрессивные органы коммунистических структур злодействовали против коренного населения республики не меньше русских оккупантов.

Несмотря на то, что в азербайджанской историографии уже дана объективная оценка событиям 1920 года, специального исторического труда, написанного с точки зрения новой концепции, посвящённого оккупации и бесчинствам XI Армии, ещё нет. Тем не менее, следует оговориться, что представленная вниманию читателей монография не ставит цель осветить все существующие аспекты истории апрельской оккупации.

Необходимо сказать несколько слов о хронологических рамках исследования. Оккупационный период охватывал конец апреля 1920 года – февраль 1921 года (время прихода и ухода XI Армии). Однако в монографии есть много сведений, выходящих за рамки этого периода. Как известно, часть XI Армии продолжала находиться в Азербайджанской ССР и после февраля 1921 года, в результате чего последствия оккупации и бесчинства солдат ещё долго давали о себе знать. Кроме того, во второй главе освещены события массового террора тридцатых годов XX века. Следует отметить, что жертвами террора оказались и люди, имевшие прямое отношение к событиям 1920 года: и проводники оккупации, и пострадавшие от неё. Поэтому годы массового террора не выпадают из общего контекста.

Логика исследования определила структуру монографии, которая состоит из введения, пяти глав, заключения и списка источников и литературы. Хочется коротко остановиться на содержании глав.

Первая глава «Из истории апрельской оккупации 1920 г. Подавление антисоветских восстаний и награды за «освободительную миссию»» задумана как вводная. Не углубляясь в детали, достаточно освещённые предшествующими исследователями, сделана попытка дать лишь краткий исторический экскурс, идеологическую и теоретическую подоплёку, а также характеристику одного из самых трагических в XX веке событий для азербайджанского народа. В этой главе

показано, что азербайджанский народ встал на защиту своей независимости. Антисоветские восстания были подавлены XI Армией с особой жестокостью. За это военачальники и местные коммунисты получили пролетарские награды. Во второй главе «Люди и судьбы» освещена трагическая судьба выдающихся лидеров Азербайджана. Впервые в монографии сведения о лидерах из различных, очень известных, а также малознакомых читателям источников, были собраны воедино и представлены в комплексе как цельный рассказ. Новым является и то, что показано, что судьба, не смилостивившись над жертвами оккупации, через несколько лет покарала и её проводников. В этой главе впервые введено в научный оборот много архивных материалов, рассказывающих о судьбах обычных людей. В представленной монографии многократно обращено внимание на деятельность Н. Нариманова. В специальном разделе этой главы освещены новые факты, характеризующие его отношения с советскими чиновниками и XI Армией. Именно из-за его патриотической деятельности в период оккупации, из-за желания смягчить её тяжёлые последствия и декретами нейтрализовать причинённое народу зло Нариманов превратился в неблагонадёжного человека, которого постепенно стали отдалять от родной республики. В третьей главе «Городской произвол. Снабжение армии» показано, как пребывание огромного количества солдат отразилось на состоянии городов. В этой главе освещено расстройство быта горожан, отражены тяжёлые последствия расквартирования армии, политики экспроприации, разоружения населения республики. Четвертая глава ««Мусульманское население доведено до отчаяния...» (Хроника бесчинств)» освещает бедственное положение азербайджанского народа и разрушение хозяйства и уклада жизни уездов в результате бесчинств XI Армии. Все материалы введены в научный оборот впервые. В пятой главе «Состояние просвещения в

Азербайджане после апрельской оккупации» изложены проблемы просвещения. В этой главе показано, что культура превратилась в идеологическое оружие нового режима. Определённая часть архивных источников и материалов периодических изданий было привнесено в историографию в своей дебютной по этой проблеме статье [379], о которой было указано выше. В заключении наряду с подведёнными итогами проведена ассоциативная связь между оккупацией 1920 года и январскими событиями 1990 года.

В отличие от работ, написанных в советский период и подчинённых идеологии и политической концепции командно-административной системы, в данной монографии осуществлена попытка не исказить историческую действительность, придерживаясь научного объективизма, историзма, и сознательно отказываясь от партийно-классового подхода к исследованию событий истории.

Монография написана на основе богатой источниковедческой базы. Читателю может показаться, что основные выводы обоснованы слишком большим количеством фактов. Но следует учесть, что иногда одного или нескольких фактов мало, чтобы читатели признали их типичными, характерными, заслуживающими научного доверия (особенно по таким политическим темам), дающими основание для больших социальных обобщений.

Основным источником фактического материала послужили фонды Архива Политических Документов Управления делами Президента Азербайджанской Республики (АПДУДПАР), Государственного архива Азербайджанской Республики (ГААР), Государственного исторического архива Азербайджанской Республики (ГИААР), Российского Государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ). В общей сложности в этих архивах просмотрено 18 фондов.

В АПДУДПАР просмотрены следующие фонды:

1 – Центральный Комитет АКП

609 – Н.Нариманов

Фонды ГААР:

57 – Наркомпрос

223 – Шамахинский уездно-городской революцион-
ный комитет

379 – АзЦИК

410 – Азербайджанский ревком

411 – Совнарком Азерб. ССР

420 – Чрезвычайный комиссар Азревкома по Гарабах-
скому и Зангезурскому уезду

673 – Бакуездревком

676 – Шамхорский уездный революционный комитет

1114 – АСПС

1119 – Профсоюз работников просвещения

1933 – Исполнительный комитет Бакинского город-
ского Совета

2095 – Губинский уездный революционный комитет

2475 – Гянджинский уездный революционный коми-
тет

2484 – Лянкяранский уездный военно-революционный
комитет

Фонды ГИААР:

395 – Бакинская II женская гимназия.

Фонды РГАСПИ:

80 – С.М.Киров.

Как известно, периодическая печать – это коллективная память того или иного периода времени, письменная летопись событий [329, 453]. Обычно в ней находят широкое освещение почти все вопросы общественной жизни. Поэто-

му периодическая печать является одним из основных исторических источников. Однако специфика поднятой в монографии проблемы послужила причиной того, что в официальных средствах массовой информации эта тема не освещалась. Советская пресса, конечно, не сообщала о массовых арестах и расстрелах после 27 апреля 1920 г. Предметом всенародного обсуждения не были также и безобразия, чинимые Красной Армией в сфере экономической и культурной жизни. Тем не менее, удалось почерпнуть сведения из газеты «Красный воин», которая являлась органом Политотдела XI Армии, газеты «Военмор» – органа Политотдела Каспвоенфлота, газеты «Борьба», являвшейся органом ЦК СДРП Грузии, газеты «Коммунист» – органа Революционного Комитета Азербайджана, Центрального и Бакинского Комитета АКП(б). Как известно, демократическая национальная пресса была новой властью закрыта.

Долгое время (почти 70 лет) имена людей, стоявших у истоков советизации Азербайджана, прославлялись. Улицы, школы, предприятия носили их фамилии. Отмечались их юбилеи, о них писали книги, статьи. Однако с изменением политической системы нашего общества изменились и взгляды на историю, началась ликвидация «белых пятен» в ней. Памятники Ленину и другим большевикам демонтированы, названные в их честь города, районы, предприятия, улицы, станции метро переименованы.

По решению правительства Азербайджанской Республики (30 июля 1918 г.) городу Елизаветполю было возвращено его древнее название Гянджа. Но после убийства в 1934 г. С.М.Кирова Гянджа была переименована – на этот раз в Кировабад. После восстановления независимости Азербайджана городу было возвращено (уже во второй раз) историческое название.

Кроме того, был демонтирован грандиозный памятник Кирову в Нагорном Парке в Баку. Сейчас здесь находится

Аллея Шехидов и построена мечеть. Демонтирован был в Баку и памятник в честь XI Красной Армии.

Ныне увековечена память тех, чьи имена не произносились вслух и даже шёпотом семь десятилетий. История всё расставляет по своим местам. В с. Новханы поставлен памятник М.Э.Расулзаде. В Баку, Гяндже и Шеки появились улицы Ф.Х.Хойского. В Баку на стене дома (напротив Филармонии), в котором жил Хойский, появилась мемориальная доска.

В Гяндже есть улица Халил бека Хасмамедова. В министерстве юстиции Азербайджанской Республики организован музей имени Х.б.Хасмамедова. В Баку и Гяндже есть улица Насиб бека Усуббекова.

Мемориальная доска установлена на доме, в котором жил один из руководителей Гянджинского восстания Сары Алекпер, а также на домах Гасан бека Агаева, братьев Зиятхановых, Худадат бека Рафибейли, Аслан бека Сафикюрдского, Наги бека Шейхзаманлы.

В независимом Азербайджане начали издавать монографии, мемуары тех, чьи добрые имена и деятельность во благо родного народа снова вписаны в историю: А.б.Топчибашева, М.Э.Расулзаде, Дж.б.Гаджибейли, М.Б.Мамедзаде, Н.б.Шейхзаманлы и др.

Азербайджанский народ, к счастью, избавляется от исторической амнезии, а также весьма успешно, конечно, не без подачи историков, пересматривает свои представления о важных исторических событиях, свои взгляды на роль той или иной личности в истории.

Сегодня любой азербайджанец знает, что апрельская оккупация – это чёрная страница нашей национальной истории. Чёрная – потому что светлое событие – Азербайджанская Республика (1918-1920), первая демократическая республика на мусульманском Востоке, цивилизованная, модернистская, интернациональная, светская, гуманная, миро-

любивая, независимая, – в этом месяце перестала существовать. Думается, что стоит ещё раз вернуться мысленно к историческим событиям, призадуматься и делать всё возможное, чтобы такие события не повторялись.

Представленная монография обсуждалась на заседаниях «Отдела современной истории Азербайджана» с участием сотрудников «Отдела истории Азербайджанской Демократической Республики» Института истории им. А.А.Бакиханова Национальной Академии наук Азербайджана. Хотелось бы искренне поблагодарить всех во главе с профессором Адилем Мамедовым за ценные советы и критические замечания, данные во время научных обсуждений.

Взяться за эту монографию меня вдохновил доктор философии по истории Ильгар Нифталиев, который также своей реальной помощью в процессе работы облегчил решение многих научных вопросов. Товарищескую поддержку и участие с первых дней работы оказал доктор исторических наук Векил Гасанов. Чуткое отношение И.Нифталиева и В.Гасанова заслуживает самых тёплых благодарственных слов.

Большое терпение и доброту проявила Рахилия Кязимова, оператор компьютерной техники. За эти качества, столь важные в нашей жизни и работе, Рахиле ханым адресованы горячие слова благодарности.

Неоценимую помощь исследовательской работе оказали сотрудники исторических архивов. В лице прекрасного человека Ламии ханым Гасановой они заслужили глубокое чувство признательности и благодарности к ним.

Особые слова благодарности обращены к руководителям архивов Атахану Пашаеву и Маису Багирову, которые создали благоприятные условия для работы.

Искренние слова благодарности обращены к членам Учёного Совета Института истории во главе с директором, чл.-корр. НАН Азербайджана Ягубом Махмудовым.

ГЛАВА I

ИЗ ИСТОРИИ АПРЕЛЬСКОЙ ОККУПАЦИИ 1920 г. ПОДАВЛЕНИЕ АНТИСОВЕТСКИХ ВОССТАНИЙ И НАГРАДЫ ЗА «ОСВОБОДИТЕЛЬНУЮ МИССИЮ»

Обычно идею мировой революции связывают с именем Ленина. Это, конечно, соответствует истине, хотя Ленин неоднократно на словах отрицал возможность «экспорта революции». Он, в отличие от Маркса и Энгельса, доказывал возможность победы социалистической революции в одной, отдельно взятой стране, при этом надеялся, что революция самым естественным образом перекинется в другие страны. В двадцатые годы XX столетия большевики мечтали и ждали, что вот-вот вспыхнет огонь мировой революции [305, 52].

В своей установке на мировую революцию Ленин был не одинок. Его поддерживали Троцкий и Бухарин. Будучи назначенным в ноябре 1917 г. Наркомом иностранных дел, Троцкий на первой же встрече с сотрудниками наркомата объявил, что мировой революции никакая дипломатия не нужна. Его установка была такова: мировая революция с участием Красной Армии [305, 52].

Н.Бухарин писал следующее: «Здесь путь ясен. Это есть путь всемирной поддержки международной революции, путь поддержки революционной пропаганды, стачек и восстаний в империалистических странах, путь поддержки

возмущений и восстаний в колониях этих стран». Какой же должна быть в этих условиях внешняя политика Советской России, по Бухарину? А вот какой: «Положение Советской республики есть исключительное положение. Это есть единственная в мире пролетарская государственная организация среди разбойничьих организаций буржуазии. Поэтому только она имеет право на защиту... Свержение империалистических правительств путем вооружённого восстания и организация международной республики советов – таков путь к международной диктатуре рабочего класса». И даже в условиях НЭПа, Бухарин на IV конгрессе Коминтерна в ноябре 1922 г. настаивал на правомерности «экспорта революции»: «Каждое пролетарское государство имеет право на красную интервенцию, поскольку распространение Красной Армии является распространением социализма, пролетарской власти, революции». Такой же точки зрения придерживались и другие члены советского правительства [305, 53].

Не замедлила эта теория воплотиться и в практику. В 1920 г. М.В.Фрунзе осуществил красную интервенцию в Бухару, в 1920-1921 гг. С.М.Киров – в Закавказье. Установление Советской власти в Польше, Германии, Венгрии и т.д. мыслилось большинством тогдашних коммунистических лидеров по той же модели, что и попытались осуществить большевики в этих странах [305, 54].

Ещё до Октябрьского переворота Ленин провозгласил принципы, на которых, якобы, будет строиться внешняя политика Советской России. Главным и определяющим среди них, как известно, был принцип права наций на самоопределение. Об этом Ленин говорил в 1917 г. на VII (Апрельской) Всероссийской партийной конференции. Он отмечал, что для усиления интернационализма «надо в России налегать на свободу отделения угнетённых наций». На этой конференции была принята даже написанная Лениным ре-

золюция по национальному вопросу, в которой отмечалось: «За всеми нациями, входящими в состав России, должно быть признано право на свободное отделение и на образование самостоятельного государства» [365, 439]. Это положение нашло отражение и в «Декларации прав народов России», принятой Советом Народных Комиссаров 2(15) ноября 1917 г. Однако история показала, что громогласные и благородные обещания народам были всего лишь демагогическо-популистской приманкой и тактическим трюком. Желая усыпить бдительность националистов, которые были среди всех народов Российской империи, Ленин готовил на деле широкую интервенцию и массовый террор.

Как отмечает исследователь этого периода Р.Мустафазаде, Ленин и Бухарин, а вместе с ними Троцкий, Сталин, Зиновьев и другие большевистские лидеры фактически поддерживали не сам принцип самоопределения, а заложенную в его оригинальной трактовке возможность вмешиваться во внутренние дела других государств [377, 17].

Как известно, Сталин занимал в этом вопросе ещё более жесткую позицию, считая, что единственно целесообразной формой федеративного союза между центром и окраинами является «областная автономия» [377, 20].

Одним из «эффективных» средств достижения поставленных целей Ленин считал массовый террор, о чём свидетельствует его письмо Г.Е.Зиновьеву от 26 июня 1918 г., в котором он писал: «Только сегодня мы услышали в ЦК, что в Питере рабочие хотели ответить на убийство Володарского массовым террором и что вы ... удержали. Протестую решительно! Мы компрометируем себя: грозим даже в резолюциях Совдепа массовым террором, а когда до дела, тормозим революционную инициативу масс, вполне правильную. Это не-воз-мож-но! Террористы будут считать нас тряпками. Время архивоенное. Надо поощрять энергию и массовидность террора против контрреволюционеров, и

особенно в Питере, пример коего решает» [364, 60]. Таким образом, Ленин проводит аналогию между массовым террором и революционной инициативой масс, кроме того, последняя строчка письма показывает, что пример массового террора в Питере должен стать прецедентом для других городов. Если такая политика проводилась среди титульной нации, что тогда говорить о национальных окраинах бывшей империи, где поощрялся жесточайший террор против местного нерусского населения? «Во имя революции» и создания «советской империи» Ленин был готов потопить в крови целые народы.

Сталин в 1920 году в беседе с М.Э.Расулзаде (в поезде по пути в Москву) признал правомерность массового террора. В своих воспоминаниях М.Э.Расулзаде писал, что Сталин, считая бесполезным индивидуальный террор, являвшийся методом эсеров, обещал применять массовый террор – наказание народа «в воспитательных целях» [293, 40].

Существование независимой Азербайджанской Республики (1918-1920 гг.), признанной государствами Антанты де-факто, не входило в экспансионистские планы советской Москвы. Большие запасы нефтяных ресурсов Азербайджана привлекали внимание голодающей России.

Руководимый Лениным Совет Оборона только с декабря 1918 по февраль 1920 года на 101 заседании обсудил 2300 вопросов по обороне страны, в том числе по Кавказскому фронту [276, 404]. Эти цифры говорят о пристальном внимании российских большевиков к Кавказу.

Однако Советская Россия пыталась убедить народы Закавказья в своём благожелательном отношении к ним, хитроумно прибегая к различным декретам и воззваниям. Например, 24 августа 1919 г. в «Известиях ВЦИК» было опубликовано воззвание «К рабочим и крестьянам Азербайджана, Дагестана и Грузии». Это воззвание подписали Георгий Чичерин, народный комиссар по иностранным делам

РСФСР, и Нариман Нариманов, заведовавший отделом мусульманского Ближнего Востока НКВД РСФСР. Чичерин и Нариманов сочли необходимым предупредить эти народы о том, что царский генерал Деникин во имя единой и неделимой России предпримет наступление на Кавказ. При этом эти высокопоставленные чиновники заявляли, что РСФСР никогда не выступала с целью захвата чужой земли или с целью восстановления советской власти силой оружия на чужой территории. Приведём выдержку из исторического документа: «... Советская Россия вовсе не намерена идти походом на ваши республики с оружием в руках для восстановления своей власти. Она твёрдо стоит на принципе самоопределения народов ... И если вы, мусульмане и грузины Кавказа, довольны образом правления своих республик, живите спокойно, самоопределяйтесь и восстановите с нами добрососедские отношения» [391, 36-37]. Дальнейшие события доказали лживость таких обещаний ленинского правительства, которое вынашивало более агрессивные и амбициозные планы, чем Деникин и Добровольческая Армия. Как известно, 17 марта 1920 г., Ленин даёт приказ Военно-революционному Совету Кавказского Фронта захватить Баку [274, 80].

21 апреля 1920 г. командованию XI Армии и Волжско-Каспийской военной флотилии была дана директива командующего Кавказским фронтом М.Н.Тухачевского о подготовке операции по захвату Баку и Бакинской губернии. Тухачевский приказывал командарму 27 апреля перейти границу Азербайджана и стремительным наступлением овладеть территорией Бакинской губернии [321, 282]. Однако руководить этой операцией Тухачевскому не пришлось – он получил новое назначение [405, 63].

«22 апреля 1920 г. в Баку и в Порт-Петровске были проведены совещания представителей XI Красной Армии, Кавказрайкома РКП(б) и АКП(б), в деталях обсуждён план

предстоящих совместных действий, предусматривавший вооружённое выступление коммунистов в Баку 27 апреля и переход XI Красной Армией границ Азербайджана. С раннего утра 27 апреля вооружённые отряды большевиков начали занимать важнейшие объекты: железнодорожный вокзал, почту, телеграф, радиостанцию, крупные нефтепромыслы, военные и торговые порты» [255, 546]. В ночь на 27 апреля части XI Красной Армии перешли азербайджанскую границу, несмотря на то, что Г.В.Чичерин убеждал правительство Азербайджанской Республики в том, что Советская Россия выступает за самоопределение народов и не собирается завоёвывать Азербайджан оружием [311, 62].

В феврале 1920 г. в условиях подполья состоялся I съезд объединённых коммунистических организаций Азербайджана, провозгласивший создание коммунистической партии, обсудивший и принявший программу борьбы за победу советской власти. Большевики вели подпольную работу против независимого азербайджанского правительства.

Ярыми внутренними противниками демократической республики были армяне, сыгравшие немалую роль в готовящемся перевороте. Под непосредственным руководством находящегося в Баку А.Микояна в армянских церквях создавались склады оружия [295, 158]. Армянские коммунисты в лице А.Микояна, Л.Мирзояна, Саркиса и др. исполняли роль пятой колонны России. Одним из источников добычи оружия была его скупка армянами у английских солдат. А в дни апрельского переворота Камо (С.А.Тер-Петросянц) возглавлял отряд особого назначения, руководил распределением оружия по районам [331, 149, 151]. Специальная группа армянских большевиков была занята закупкой оружия на Мугани [374, 455].

Ещё в период деятельности Азербайджанской Республики (1918-1920 гг.) Л.Мирзоян, выступая в Рабочем клубе с речью, угрожал, что «мы приведём сюда Красную Армию

по трупам членов Азербайджанского Правительства». За такую речь руководитель контрразведки Шейхзаманлы арестовал армянского провокатора [296, 140]. Таким образом, армяне вели как открытую, так и подпольную работу против независимости Азербайджана.

Благодаря деятельности генерал-губернатора Гарабаха Хосров бека Султанова в течение 1919 – первой половины 1920 гг. целый регион (Шушинский, Джаванширский, Зангезурский и Джабраильский уезды) был защищён от постоянных вылазок вооружённых сил республики Армения. Однако 22 марта 1920 года конфликт был возобновлён внезапным нападением вооружённых армянских отрядов на Шушинский гарнизон, Ханкенди и Аскеран. 2-3 апреля 1920 года азербайджанские части освободили Аскеран и Ханкенди, а в целом к концу апреля азербайджанская армия отстояла территориальную целостность республики. В то же время в результате военного конфликта оборона северных границ республики была значительно ослаблена, так как азербайджанское правительство было вынуждено сконцентрировать основные силы армии на западных рубежах республики [383, 59-60]. 30-тысячная армия Азербайджанской Республики была сосредоточена на границе Азербайджана с Арменией [248, 56].

Кстати, говоря о численности вооружённых сил, следует указать, что военный историк Безугольный А.Ю. пишет, что «к маю 1920 г. вооружённые силы Азербайджанской Республики были объединены в три пехотных дивизии и один кавалерийский корпус и насчитывали до 15 тыс. штыков и до 5 тыс. сабель, а также 2-3 аэроплана, 1 гидроплан, 2-3 бронепоезда и 2 броневедомола» [312, 108].

Конфликт в Гарабахе был результатом координированного плана Иравана и советского командования, имевшего целью облегчить операции наступавшей на Северный Азербайджан XI Красной Армии. Данный факт нашёл подтвер-

ждение в докладной записке армянского правительства в июне 1920 г. в Москву, в комиссариат по делам национальностей и в ЦК коммунистической партии. [383, 60] Удар в спину Республики нанесли и азербайджанские коммунисты. На чрезвычайном последнем 145-м заседании парламента Азербайджанской Республики 27 апреля в 20 час. 45 мин. обсуждался ультиматум Азербайджанского революционного комитета, представленный депутатам азербайджанскими коммунистами (Чингиз Ильдрим, Гамид Султанов). М.Гаджинский огласил его следующим образом: «Центральная коммунистическая партия Азербайджана предлагает нам передать власть им. В то же время они заверяют, что если мы примем их условия, Красная армия не войдет в Баку... Политические партии, представленные в парламенте Азербайджана, будут действовать свободно и на равных правах. Никаких специальных мер против них и против членов правительства принято не будет, преследоваться они не будут» [329, 230; 250, 972; 302, 963].

Это был настоящий обман, о чём свидетельствуют слова Г.Султанова на Втором съезде АКП(б) (19 октября 1920 г., шестое заседание): «Я сам обещал пощаду, но думал до поры до времени до появления красных штыков» [1, л. 281].

Карабек Карабеков, Аслан бек Сафикюрдский, Мамед Эмин Расулзаде и Султан Меджид Ганизаде выступили против передачи власти большевикам без выдвижения условий, как предлагал М.Г.Гаджинский. Вместе с тем, чтобы предотвратить кровопролитие, они поддержали передачу власти большевикам с главным условием – сохранением независимости Азербайджана [285, 27; 250, 978].

Хитроумные условия ультиматума в конце концов пришлось принять. Следует особо отметить, что согласно шестому и седьмому пункту ультиматума «новообразовавшееся коммунистическое временное правительство примет меры к недопущению вступления Красной Армии с боем в город

Баку и что новое правительство будет бороться решительными мерами и имеющимися в его распоряжении средствами со всеми внешними силами, имеющими целью поработить независимость Азербайджана, откуда бы они ни исходили» [311, 62; 302, 963].

Таким образом, предъявление ультиматума доказывает, что передача власти большевикам произошла лишь благодаря силовому давлению на правительство и парламент Азербайджанской Республики.

Особенно рьяно отстаивал интересы большевиков Алигейдар Караев, объявивший, что «Красная Армия является армией – освободительницей мирового пролетариата». М.А.Расулзаде ответил, что это ложь, в какой бы цвет ни была окрашена русская армия, в белый или красный, это – оккупационная, колонизаторская армия, которую позвали вы, вы их привели. «Перешедшие наши границы без нашего согласия силы являются не друзьями, а врагами. Принятие этого ультиматума означает сдачу власти врагу, надевшему маску друга» – сказал М.Э.Расулзаде. «Расстреляю, выколю глаза!» – угрожал А.Караев. «Вы выкололи глаза народу. Караев Алигейдар, когда товарищи расстреляют тебя, вспомнишь меня и сегодняшний день!» Это было настоящее пророчество, сбывшееся в 1937 г. [295, 160].

М.А.Расулзаде, уходя из дворца правительства последним, взял с собой, обмотав вокруг тела, знамя республики, спасая его от участи трофея Красной Армии [330, 101].

Узеир Гаджибеков в последнем номере редактируемой им газеты «Азербайджан» так ответил тем, кто с восторгом отзывался об обещаниях большевиков: «Я не говорю, что между правлением Николая и Ленина никакой разницы нет. Нет, разница есть! И состоит она в том, что если Николай и их генералы обзывали нас сволочами и ругали по отцу, то правительство мужиков и рабочих знаменитым русским ругательством будет крыть нас по матери» [329, 44].

Таким образом, 27 апреля 1920 г. независимая и демократическая Азербайджанская Республика, признанная Верховным Советом Антанты, прекратила своё существование в результате оккупации Северного Азербайджана со стороны Советской России. С этого дня начался новый этап колониальной политики теперь уже Советской России, которая, руководствуясь далеко идущими планами Ленина, фактически восстановила империю в границах 1914 года.

В исторической литературе подробно описаны все моменты военной операции по захвату Баку. Группой советских бронепоездов «III Интернационал», «Красная Астрахань», «Красный дагестанец» и «Гибель контрреволюции» с десантом руководил М.Г.Ефремов [393, 128-129]. С XI Армией прибыли А.Микоян, а также Г.Мусабеков, Г.Джабиев, М.Шахбазов, эвакуированные в 1918 году в Астрахань [374, 565].

Следует оговориться, что в период оккупации Советской Россией земель, принадлежавших различным народам, когда театр военных действий охватывал огромные пространства, перед бронепоездами ставились ответственные задачи: обеспечивать целенаправленную огневую поддержку войск и ведение самостоятельных боевых действий [389, 3].

Согласно воспоминаниям одного из мусаватских лидеров М.Б.Мамедзаде, только через два дня после перехода XI Армией границы Азербайджана была запрошена помощь от Советской России [286, 150]. Историк Балаев А. также справедливо пишет, что, «несмотря на то, что с 27 апреля 1920 г. XI Красная Армия уже находилась в Азербайджане, лишь 29 апреля Азербайджанский Революционный Комитет официально попросил правительство РСФСР оказать военную помощь и прислать отряды Красной Армии. Целью этого лицемерия было: показать, что независимое Азербайджанское правительство свергнуто самим азербайджанским народом, а не в результате интервенции русской армии в

союзе с бакинскими провокаторами армянами и азербайджанскими коммунистами» [311, 62-63].

Однако, по другим сведениям, помощь была запрошена не после, а до свершившегося факта оккупации. Зашифрованную телеграмму послал связист Иван Боданов, который в своих воспоминаниях, изданных в 1924 году, указал дату телеграммы – ночь с 26 на 27 апреля [382, 113-114; 263, 29].

30 апреля в город Баку вступили основные части ХІ Армии, конница и штаб. Город Баку был разукрашен азербайджанскими и турецкими флагами [286, 147], а народ верил распускавшимся провокаторами слухам о том, что ХІ Красная Армия проследует в Турцию на помощь Мустафе Кемалю и в Азербайджане не задержится. В тот же день части 7-ой кавдивизии вошли в Шамаху и Ахсу, а 1 мая, преодолевая сопротивление азербайджанских частей, бронепоезда с приданными им десантными отрядами 28-ой стрелковой дивизии подошли и заняли станцию Гянджа [301, 97]. 1 мая 1920 г. около 12 часов дня в бакинский порт прибыли 3 миноносца Советской России: «Карл Либкнехт», «Дельный» и «Расторопный». На миноносце «Карл Либкнехт» приехал Раскольников. Все три миноносца остановились между пристанями «Кавказ и Меркурий» и «Спасательной». Встречать «дорогих гостей» вышел нарком по военным и морским делам Ч.Ильдрым, нарком путей сообщения Везиров. После приветствий Ф.Раскольников отправился на площадь свободы на первомайские торжества [321, 290]. 3 и 4 мая были высажены десанты военморов в Лянкяране и Астаре. 5 мая кавалерийские части ХІ Армии вступили в Газах, 7 мая в Евлах. К середине мая 1920 г. ХІ Армия установила свой контроль почти над всей территорией Азербайджанской Республики [301, 97].

Газета «Военмор» (орган Политотдела Каспвоенфлота) в честь апрельской годовщины в 1921 г. писала, что «ханобекская власть подгнила под самый корень, и ей ли было

упорствовать при виде таких внушительных аргументов как победные штыки Красной Армии на границах «независимой» республики» [320] Таким образом, сами военные беззастенчиво признавались в своих «заслугах»: насильственном перевороте законного азербайджанского правительства. Так, на штыках в Азербайджан пришла советская власть.

Несмотря на то, что в Азербайджане весной 1920 г. имел место политический и экономический кризис, однако государственный переворот произошел не в результате народного восстания. На самом деле, в Азербайджане не было «революционной ситуации». Это на первых порах признавали и сами большевики. «Если мусаватское правительство дрогнуто, то не потому, что наша партия была сильна, а потому, что Красная Армия была сильна». Если раньше она шла 25 вёрст в сутки, то в Азербайджане шла 50 вёрст», – заявил на втором съезде АКП(б) 19 октября 1920 г. председатель Загатальского ревкома Балахлинский [1, л. 275].

На следующий день, на шестом заседании съезда 19 октября 1920 г., Гамид Султанов подтвердил эти слова: «... в свержении власти как раз я сам принимал горячее участие, благодаря тому, что великолепно знал, что за спиной стоят не наши дорогие товарищи из ЦК – здесь, а наши красные штыки за Яламой. Когда я шёл к этому правительству предъявить требование, я совершенно не опирался на ЦК, ибо, как таковой ЦК совершенно тормозил бы, сам не мог ориентироваться, а я знал, что красные штыки если не сейчас, то завтра – послезавтра будут здесь. За это время, если меня или моих товарищей убьют, бакинские рабочие останутся и получат советскую власть в готовом виде. Так и случилось – мы в готовом виде получили советскую власть, нам преподнесли её на блюде, товарищи» Таким образом, Г.Султанов считал, что в деле свержения национального правительства ЦК АКП(б) играл роль «тормоза», а Советскую власть установила XI Красная Армия [1, л. 280].

Небезынтересен ответ Ломинадзе тем коммунистам, которые считали, что ЦК АКП руководил апрельским восстанием: «... если ЦК руководил, то примет ли товарищ Гусейнов на себя ответственность за знаменитое письмо к XI Армии, которое было послано со специальным курьером, письмо, которое окончательно скомпрометировало наш Краевой Комитет, который послал письмо – скандальное для нашей организации, которое требовало приостановления военных действий, когда Красная Армия шла действительно освободить нас от ига мусаватистов» [1, л. 329].

Таким образом, злобный выпад Ломинадзе в сторону ЦК свидетельствует о том, что не все коммунисты приветствовали Красную Армию, определённая часть их пыталась препятствовать вторжению её в пределы Азербайджана.

Оккупация была замаскирована большевистским восстанием. Но даже локальный коммунистический переворот не означал, что произошла революция народных масс Азербайджана.

Сегодня часто задаются вопросом, почему же Турция весной 1920 г. не помогла Азербайджану, как в 1918 г.? Дело в том, что 16 марта 1920 года Стамбул был оккупирован государствами Антанты, город полностью подпал под военное наблюдение иностранных держав. Парламент был распущен, некоторые депутаты были арестованы англичанами. 23 апреля 1920 года в Анкаре открылся Высокий Национальный Меджлис Турции. Мустафа Камал был избран председателем Меджлиса и правительства и взял на себя всю ответственность по спасению страны. Путь к признанию был долгим и невероятно тяжёлым. И только 24 июля 1923 года независимость нового Турецкого государства (республики) была признана мировым сообществом [274, 80-81]. Находясь всё это время в тяжёлой общественно-политической ситуации, Турция в 1920 году не могла помочь Азербайджану.

Однако, Красная Армия несколькими провокаторами была представлена населению Азербайджана в качестве союзника и той военной силы, которая должна была помочь Турции.

Усиленно распускались слухи о том, что Красная Армия не войдёт в Баку, а перейдёт в Анатолию через Гарабах и Армению. Поговаривали даже о том, что армия, якобы, состояла только из турецких пленных, а также венгерских и немецких солдат, а главнокомандующим являлся Энвер-паша [260]. В Баку, как писал в своём полном отчаяния письме в июне 1920 г. Энверу-паше Гасанбек Агаев, её встретили Халил-паша и доктор Фуад – турецкие офицеры, которые представили XI Армию как свою союзницу и этим предотвратили в первые дни столкновения азербайджанцев с армией. Гасан-бек Агаев писал также о том, что русские солдаты вошли в Баку с красной повязкой на руке, и на этой повязке было изображение белого полумесяца, но через 3 дня полумесяц исчез с повязки [260].

Отрицательную роль турецких коммунистов и иттихадистов в апрельской оккупации раскрыл известный турецкий историк Гусейн Байкара [257].

28 апреля 1920 года была провозглашена Азербайджанская Советская Социалистическая Республика. Под председательством Н.Нариманова был создан Временный Азербайджанский Революционный комитет в составе семи членов. На его заседании в этот же день был сформирован первый состав Совета Народных Комиссаров во главе с Н.Наримановым.

Почему именно Нариман Нариманов был назначен Председателем Азревкома? Эта была самая достойная фигура в глазах русского большевистского правительства: известный врач, публицист, писатель, просветитель, общественный деятель, пользовался огромным авторитетом среди местного населения и, что немаловажно, мусульманин. Ленин был

научен горьким опытом весны 1918 года, когда он поручил армянину Шаумяну и его неазербайджанскому окружению отторжение Баку от Азербайджана и установление большевистской власти в Бакинской губернии. Учитывая последовавшие для комиссаров трагические события, а также раздражающее РСФСР 23-х месячное существование независимого азербайджанского государства, весной 1920 года ставка была сделана на Н.Нариманова.

Нариманов приехал из Москвы в Баку лишь 16 мая 1920 г. До его приезда Киров и Орджоникидзе в телеграмме Ленину просили не давать Нариманову широких полномочий. Однако Нариманов уже был у Ленина на приёме и в беседе о путях советского строительства в Азербайджане подчёркивал необходимость учёта местных условий, вековых обычаев, а также религиозных воззрений азербайджанского народа. Ленин был во всём согласен с Наримановым и обещал, что Азербайджан останется независимым [256, 21, 28, 29].

Нариманов имел продолжительную беседу также и с народным комиссаром по национальным делам Сталиным, который также одобрил политику независимого Советского Азербайджана [381, 281]. Видимо, эти обещания и одобрения имели целью усыпить бдительность и успокоить Нариманова. Но в реальности широкие полномочия в мае 1920 года были даны Г.К.Орджоникидзе.

Высшая власть в Азербайджане сосредоточилась в руках Азербайджанского ревкома.

На местах Советскую власть осуществляли уездные, участковые и сельские ревкомы. Окружные и губернские ревкомы не избирались, а назначались Азревкомом и Реввоенсоветом XI Армии, а сельские, уездные ревкомы создавались политотделами дивизий и корпусов XI Армии и местными партийными ячейками [304, 40, 41].

Также как и в РСФСР, ревкомы обеспечивали размеще-

ние воинских частей в населённых пунктах, организовывали бесперебойное их снабжение продовольствием, телефонную, телеграфную и иную связь между военными гарнизонами и т.п. Главнейшей политической задачей ревкомов являлась широкая политработа среди рабочих и крестьянских масс [368, 198].

При создании органов местной власти приоритетным считалось мнение Реввоенсовета XI Армии. Например, политбюро ЦК АКП(б) 28 августа 1920 года постановило предложить Азревкому переговорить с РВС XI Армии о создании органов власти в Нахчыванском крае и предложить на пост комиссара Нахчыванского края кандидата ЦК [7, л. 6]. На этот пост намечался М.Д.Багиров [8, л. 3.]. Этот документ является свидетельством того, что ЦК компартии Азербайджана считался с решениями РВС.

С 27 апреля до 25 августа 1920 года в 16 уездах Азербайджана были организованы ревкомы. В этих комитетах работало 70 человек, из которых 41 были большевиками [273, 25; 10, л. 24].

В общем, к концу августа 1920 г. ревкомы были созданы в 16 уездах, 46 участках и 904 сёлах [341, 240; 304, 41].

Армия не считалась с ревкомаами, т.е. с местной исполнительной властью. Приведём только один пример: 30 декабря 1920 г. секретарь ЦК Г.Каминский сообщил в РВС XI Армии о непрекращавшихся бесчинствах проходящих через Азербайджан воинских эшелонов по отношению к представителям ревкомов и начальникам гарнизонов. Секретарь от имени ЦК АКП(б) просил Реввоенсовет обсудить и решить вопрос об установлении определённых взаимоотношений между начальниками проходящих воинских эшелонов и начальниками гарнизонов на местах [32, л. 300]. Так, секретарю ЦК приходилось решать эти проблемы.

Реввоенсовет XI Красной Армии присвоил себе настолько широкие полномочия, что это сбивало с толку иностран-

ных дипломатов. Компартия Азербайджана была вынуждена внести ясность в этот вопрос. На заседании политбюро 27 августа 1920 г. М.Д.Гусейнов доложил о том, что дипломатические представители разных стран часто непосредственно обращались в Реввоенсовет. Политбюро постановило, что РВС, как и все остальные учреждения республики, не имеют полномочий принимать дипломатических представителей разных стран ни по каким делам. Все связи с дипломатическими представителями должен был поддерживать Наркомат иностранных дел [7, л. 5].

Появились трения и в других вопросах. Как известно, сразу после переворота в Азербайджанской ССР стала создаваться своя Красная Армия. Наркомом военно-морских дел был назначен А.Г.Караев. Однако широкие полномочия и в этом вопросе сосредоточились в руках Реввоенсовета XI Армии. Камнем преткновения стал вопрос о подчинении Азербайджанской армии в политическом вопросе (а значит во всех отношениях) XI Красной Армии.

9 июня 1920 г. начальником Политуправления Народного Комиссариата по военно-морским делам АССР был назначен М.Н.Исрафилбеков (Кадырли), член Азревкома и правительства. Согласно постановлению ЦК АКП(б) и Азревкома, он приступил к организации Политуправления. В Положении о Политуправлении было указано: «Временно, до создания Революционного Военного Совета АССР, общая организация и руководство политической работой в частях войск, штабах, учреждениях и управлениях Азербайджанской Красной Армии возлагается на Политическое управление. Начальник Политуправления непосредственно подчиняется ЦК АКП(б); в административно-хозяйственном отношении связан с Народным Комиссариатом по военно-морским делам и является заместителем Наркомвоенмора по политической части. Начальник Политуправления назначает и утверждает военных комиссаров главных военных

управлений и учреждений, утверждает начальников политотделов отдельных войсковых частей Азербайджанской Красной Армии, руководит политико-просветительной работой в частях Красной Армии Азербайджанской Республики» [344, 13-14].

31 июля 1920 г. РВС XI Армии постановил, что руководство политработой в I-й Сводной Аздивизии возлагается на политотдел XI Армии, причём политотделу было предписано опираться в указанной работе на ЦК АКП, Политуправление. Постановление было подписано Лукиным, Василенко и Караевым [76, л. 106]. Это постановление шло вразрез с постановлением от 9 июня.

На этой почве возникли разногласия между Поармом и местными политорганами.

Руководство XI Армии и в этом вопросе не считалось даже с ЦК АКП(б). В одном из сообщений Политотдела XI Армии в Политуправление АССР от 10 октября 1920 г. открыто было сказано, что «РВС и Поарм исполняют директивы Центра и решения ЦК АКП для него не обязательны и что поэтому I Азербайджанская Сводная дивизия остаётся политически подчинённой Поарму» [32, л. 235]. В ответ на это Секретарь ЦК АКП(б) Г.Каминский 18 октября 1920 г. сообщил в Поарм XI, что все без исключения азербайджанские воинские части в политическом отношении исключительно подчинены Политотделу при Наркомвоенморе АССР [32, л. 253]. Так, Г.Каминский подтвердил правомерность постановления от 9 июня 1920 г.

На заседании Пленума ЦК АКП(б) 26 ноября 1920 г. Г.Каминский в своём выступлении отметил, что «Реввоенсовет XI Армии является как раз тем органом, который руководил военной политикой не только XI Армии, но и азербайджанской армии, а потому в Реввоенсовет в качестве уполномоченного вошёл т. Караев». Панкратов входил как член коллегии в АЧК [3, л. 114, 120].

В тяжёлый период оккупации были организованы выборы в Бакинский Совет.

Большевики пустили в ход антидемократический Избирательный закон, не позволявший многим слоям населения участвовать в выборах. В результате в первом составе Баксовета оказалось 492 депутата, из них более 80% коммунистов и всего 35% азербайджанцев [372, 110].

Следует указать, что на выборах в Бакинский Совет незаконно участвовал передвижной состав Армии и Флота. «50-60 тыс. русских рабочих одержали победу над 3,5 млн. населением Азербайджана». Вся власть в Баку и промышленном районе (Апшеронский полуостров) была отдана Бакинскому Совету, в котором преобладали русские. Нариман Нариманов сокрушался, что даже в период Городской Думы тюркское население не было так дискриминировано, как это произошло при Баксовете [263, 83].

В Баксовет были избраны представители XI Армии и военные моряки: 11 от 32-й стрелковой дивизии и 42 от флотилии [304, 45-46]. Таким образом, советская власть создавалась на штыках XI Армии.

В июне 1920 г. Председателем Баксовета был избран Алигейдар Караев. Открывая Первое торжественное заседание, он сделал доклад о Бакинской Коммуне и её исторической роли, выдвинул идею об организации перевозки трупов 26 комиссаров в Баку [272, 57].

Видимо, А.Караев считал себя прямым наследником коммунаров, приоритетное значение придавал могиле 26-ти, а трагические последствия для родного народа мартовского геноцида 1918 г. и апрельской оккупации 1920 г. отошли у него на второй план.

Газета «Борьба» (орган ЦК Социал-демократической рабочей партии Грузии), критикуя действия Советской власти в Азербайджане и первые недемократические выборы в Баксовет, особо отмечала, что на торжественном собрании

совета произносились только приветственные речи, прочитывались приветственные телеграммы и выносились постановления о наделении наградами (вплоть до драгоценных камней) руководителей Красной Армии. Социал-демократическая газета сокрушалась о том, что не было ни одного доклада об общей политике, не было дебатов и обмена мнениями, не поднимался вопрос о реорганизации власти. Газета справедливо заявила, что страной правили Совнарком, ревкомы и чрезвычайки, а Совдеп приветствовал и делал подношения красным командирам [314].

Представитель туркестанских мусульман Норбутабеков, выступая на I съезде народов Востока в Баку в начале сентября 1920 г., подвёл некоторые итоги: «Наши верования топчутся, нам не дают молиться, не дают хоронить умерших по нашим обычаям и религии» [342, 508]. 21 делегат из Дагестана и Туркестана приняли резолюцию, резко осуждавшую бесцеремонные действия Красной Армии и ЧК в мусульманских регионах империи [307, 245]. Тем не менее, именно в эти дни съезда народов Востока похоронили останки бакинских комиссаров, и началась великая легенда о 26-ти.

Осенью 1920 г. положение ещё более ухудшилось. 30 сентября 1920 года в Москве был подписан Договор о военно-экономическом союзе России и Азербайджана. Предусматривалось, что правительства двух республик будут проводить «в кратчайший срок объединение: 1) военной организации и военного командования; 2) органов, ведающих народным хозяйством и внешней торговлей; 3) органов снабжения; 4) железнодорожного транспорта и почтово-телеграфного ведомства; 5) финансов». Договор подписали Народный Комиссар по иностранным делам РСФСР Г.В.Чичерин и Народный Комиссар юстиции АССР Б.Шахтактинский [391, 14]. Таким образом, суть этого «Договора о дружбе», который заключили правительства Рос-

сии и Азербайджана, состояла в слиянии внешней, транспортной, военной и экономической политики. Направления экономической и внешней политики отныне определялись в Москве [307, 245].

В октябре 1920 года Г.Каминский был назначен первым секретарём ЦК АКП(б), и этим началось управление Азербайджана чиновниками из России [273, 89]. В ноябре 1920 года политическое руководство Азербайджаном было полностью возложено на Г.Орджоникидзе. И это означало ограничение прав Н.Нариманова [273, 89], который руководил республикой только до 24 июля 1921 г. В первые годы оккупированным Азербайджаном руководили В.И.Найшвили, Е.Д.Стасова, В.Е.Думбадзе, Г.Н.Каминский, С.М.Киров, Х.А.Агавердиев, Л.И.Мирзоян, Н.Ф.Гикало, В.И.Полонский, Р.Г.Рубен. И только в декабре 1933 г. впервые после Нариманова азербайджанец М.Д.Багиров стал первым лицом в республике [299, 8].

ЦК АКП(б) взял в свои руки инициативу создания в Азербайджане советского тоталитарного режима и руководство этим делом, безоговорочно претворяя в жизнь указания, в первую очередь, Всероссийского, а потом уже Всесоюзного ЦК КП(б) и Закавказского партийного комитета [253, 35].

Сразу же после захвата власти большевиками все условия предъявленного им ультиматума были забыты. Руководство Азербайджаном перешло в руки представителей некоренной национальности – Микояна, Хачияна, Габриэляна (армяне), Орджоникидзе (грузин), Шевельева (русский), Левандовского и Либермана (еврей) [260].

Бурную деятельность развил Временный Революционный Комитет Азербайджана, выпускавший от имени Н.Нариманова одно за другим обращения к населению с призывом к сплочению вокруг Советской власти. В обращении от 28 апреля 1920 года говорилось: «Всем же, кто

станет поперёк великого пути, предстоящего рабоче-крестьянскому Азербайджану, пощады не будет ... каждый, кто посмеет воспользоваться неокрепшим ещё порядком для смуты, провокации, разбоя, грабежа и мародёрства, все враги народа, продолжающие или начинающие борьбу с новым порядком, будут безжалостно сметены с лица земли» [381, 271].

В обращении ВРК к аскерам (солдатам) Азербайджанской армии с призывом помогать Красной Армии в борьбе за Советскую власть от 29 апреля 1920 года строго предупреждалось, что: «отныне Азербайджанская Советская Республика становится союзницей Российской Советской Республики и никакие вооружённые столкновения с Красной Армией не должны иметь места» [381, 272].

А в Обращении Азревкома к населению Азербайджана с призывом к заключению братского союза с Советской Россией и оказанию помощи Красной Армии от 29 апреля 1920 года уже звучала неприкрытая угроза: «на белый террор буржуазии и помещиков мы ответим массовым беспощадным красным террором» [381, 277; 332, 13].

Гамид Султанов, назначенный народным комиссаром внутренних дел, издал 29 апреля 1920 года свой первый приказ об арестах и конфискациях, с которого начались жесткие репрессии Советской власти против местного населения [264, 64]. Он стоял во главе борьбы против «контрреволюционеров, мятежников», т.е. тех, кто выступал против насильственной советизации Азербайджана.

29 апреля 1920 г. была организована Азербайджанская Чрезвычайная Комиссия (АзЧека, АЧК). Не имея ещё в то время в достаточном количестве своих сил, АзЧека работала совместно с Особым отделом XI Красной Армии. А на местах, в более крупных районах были организованы местные ЧК при особых отделах дивизий [408, 39].

Руководил Особым отделом XI Красной Армии Семён

Андреевич Панкратов, отличившийся особой жестокостью к защитникам идеи независимости [264, 68].

Трагические последствия для азербайджанского народа имел приказ Азревкома от 2 июня 1920 г. «О борьбе с контрреволюцией» [264, 65], результаты которого дали знать о себе на протяжении первых десятилетий советской власти тысячами погубленных жизней, исковерканных человеческих судеб.

Был дан старт началу жестоким репрессиям против коренного азербайджанского населения. 17 мая 1920 г. политбюро КП(б) Азерб. ССР приняло постановление о создании в Баку трудового (концентрационного) лагеря. Начались повальные аресты и убийства. По словам исследователя Ш.Гусейнова, «притаившиеся под коммунистической личной дашнаки вкупе с русскими фанатиками – шовинистами и отдельными обманутыми национальными холоуями принялись в массовом порядке изолировать от общества и уничтожать в первую очередь интеллигенцию, людей думающих, не желающих склониться перед новым оккупационным режимом. Главной мишенью большевистских властей были поборники независимости – те, кто хранил в своих сердцах, в плоти и крови идеалы 28 Мая» [329, 34].

Самым вопиющим фактом была реорганизация, а фактически ликвидация национальной армии. 7 мая 1920 г. Азревком постановил передать с 1 мая все военно-морские силы республики в распоряжение Красной Армии и Красного Флота Советской России [321, 292]. Это и привело к взрыву возмущения среди населения Азербайджана, не желавшего подчиняться советским порядкам. Начальник Лянкяранского боевого участка Кожанов доносил командующему флотилией о том, что в этом районе не подчиняются постановлениям и приказам Лянкяранского уездного ревкома, ввиду чего в 4 часа 13 мая кавалерийский дивизион моряков вступил в селение Пришиб для упрочения Советской власти

[321, 293].

Так, с помощью военной силы население Азербайджана принуждалось к подчинению новой власти.

Однако ни насильственное принуждение, ни многообещающие заявления новой власти не могли заставить народ смириться с фактической оккупацией своей страны. Во многих регионах Азербайджана создавались вооружённые отряды, которые выступали против Советской власти, против присутствия в республике XI Армии. Во главе восстаний стояли лидеры независимости, военные, беки, духовные лица.

Гянджинское восстание (26-31 мая, а по некоторым данным 4 июня 1920 г.), возглавляли полковник Джахангир бек Кязимбеков, генерал Джавад бек Шихлинский, Гаджи Аскер оглы Мухаммедали, Теймур бек Новрузов, Сары Алекпер, Гасым Колахани, Татоглу Гасан, братья Хойские, Гамбар Алекперов и принц-полковник Мухаммед Мирза Каджар. Количество восставших превышало 10 тыс. человек [258, 65; 248, 396]. Гарабахское восстание (29 мая – 13 июня 1920 г.) возглавил руководитель Кавказской Исламской Армии турецкий генерал Нуру Паша и полковник Зейналов [249, 130]. Агрессивное поведение военнослужащих Красной Армии и неприятие советского режима послужило причиной Загатальского антисоветского восстания. Загатальским восстанием (6-18 июня 1920 г.) руководил военный Ахмедиев и имам сел. Тала Хафиз Эфенди [249, 452-453]. Губинское восстание (23 августа – 10 сентября 1920 г.) возглавляли депутат Азербайджанского Парламента от партии Иттихад Хамдулла Эфенди Эфендизаде и Маил. В возглавляемом подполковником Азербайджанской Армии Эфендиевым отряде были и турецкие офицеры [249, 347]. Соратниками Хамдуллы Эфенди в этом восстании были его брат Шамсаддин Эфенди, турецкий офицер Исмаил Али Эфенди, Саттар Эфендиев, офицер национальной армии Шюкюр бек

Исмаилбеков, Ариф Эфенди Шыхзаде [294, 137]. Следует указать, что ещё 27 апреля 1920 года, когда большевистский бронепоезд вторгся в Азербайджан, Х.Эфендизаде со своими сторонниками попытался его остановить. Однако силы были неравны и пришлось отступить [248, 325].

В Лянкяранском уезде тоже, как известно, вспыхнул антисоветский мятеж (июнь-декабрь 1920 г.). Возглавляли его Габиб бек Салимов и турецкий офицер Юсиф Джамал бек, активное участие принимали отряды Шахверана, Рамазана и Гудрата Моллаага оглу. В январе 1921 г. в Лерике под руководством Шахверана, а в феврале 1921 г. в Лянкяране под руководством Наджафкули хана снова вспыхнули мятежи [249, 455, 164]. Силы восставших составляли св. 6 тыс. человек [343, 350]. В Астаре в августе 1921 г. опять вспыхнул мятеж, в котором участвовали отряды Рашид хана, Гусейнали хана, Шахверана, Атахана, Наджафкули хана и его брата Ахмед хана [249, 167].

Восстали и другие регионы. В Габале против оккупантов началась священная война – джихад. Летом 1920 г. сельчане Мюшгюрлю (Шамхор) поднялись на борьбу с советским режимом. Отряды были многочисленны. В сел. Гарадонлу (Имишли) выступил отряд Сарыхана Ширванского, насчитывавший 4 тыс. повстанцев [249, 347]. В Лянкяранском уезде в отряде генерала Салимова было 1500 повстанцев. Они получали помощь из Персии людьми и снаряжением [279, 86; 343, 290]. В Лянкяранском уезде действовали также отряды Гулама Тагиева, Ислам Халил бека и др. численностью в несколько тысяч человек [343, 336]. В Джавадском уезде отряд Ширванхана и Моллы Али-Ахунда насчитывал 3000 человек на берегу р. Куры – 800 человек, в Шамкире – 500. Здесь к восставшим примкнули женщины и дети [279, 86]. 3 июня отряд Ширванхана напал на 2-й Кавалерийский полк 28-й стрелковой дивизии. К восставшим примкнули персидские азербайджанцы (5000 чел.) [343, 288]. В ноябре

1920 г. в долине р. Дзегам (Гянджинский уезд) вспыхнуло восстание, во главе которого стоял сильный отряд Намаза. В январе 1921 г. это восстание было подавлено [343, 335, 336].

Особо секретно-оперативная директива начальника штаба XI Красной Армии от 26 мая 1920 г. предписывала «начальникам районов при подавлении восстания не ожидать приказа – «отмена», так как всегда может быть нарушена связь. Действовать самостоятельно, проявляя полную инициативу для беспощадного истребления восставших, расстреливая без суда все подозрительные элементы... Мелкие вспышки подавлять с суровой жестокостью и беспощадностью...» [258, 61-62].

Эти директивы незамедлительно претворялись в жизнь. Так, в сентябре 1920 г. жестоко было подавлено Губинское восстание, в котором участвовало 5-6 тыс. человек [343, 335]. В ходе этой операции было убито свыше 400 крестьян. Некоторые сёла загорелись от снарядов [205, л. 69]. В другом документе говорилось, что число жертв достигало 500 человек [204, л. 59]. В подавлении Губинского восстания активное участие приняли А.Гараев и Гогоберидзе [249, 346].

В Гяндже Красная Армия уничтожила 13.000 мусульман, главным образом женщин, детей, стариков. XI Армия тоже понесла потери – 8,5 тыс. человек [258, 83-84]. От дивизии Великанова и нескольких частей XI Армии, дислоцированных в Гяндже, осталось всего 150 солдат [258, 18, 50].

Красная Армия выполнила свою задачу. Как выражается один из ветеранов, «но какой ценой? Ценой величайших жертв. Военное же искусство, как и всякое иное, состоит в том, чтобы достигать результата ценою минимальных усилий, или «малою кровью»» [303, 160].

В Нахчыване тоже вспыхнуло антисоветское восстание, охватившее Абракунус (сёла Сураб, Аразин, Абракунус) и

Шахбузский район (село Кечили и др.). Оно было подавлено с большой жестокостью. Из 89 арестованных повстанцев 50 были расстреляны, остальные – приговорены к лишению свободы на различные сроки, а 3 человека (из них двое с семьями) сосланы [281, 103].

XI Армия с жестокостью подавила и Загатальское восстание [249, 455].

С меньшей жестокостью подавила XI Армия народное восстание и в Гарабахе (сам Левандовский прибыл сюда), после которого прокатилась волна репрессий по всему региону.

Последовавшие зимой 1920-1921 гг. восстания в Дагестане, Губинском уезде, Ханналинском ущелье (Шамхорского и Товузского уездов) и прочих районах организовывались, вооружались и руководились уже из Тифлиса [408, 42].

Следует отметить, что народные антисоветские восстания продолжались в течение нескольких лет, с 1920 до 1924 гг. произошло 54 широкомасштабных вооружённых восстаний [286, 154].

Справедливое возмущение народа против оккупантов было интерпретировано советскими властями как «белый террор». С апреля 1920 г. до августа 1921 г. в результате подавления этого «террора» в Азербайджане погибло 48 тысяч человек. Среди репрессированных большое место занимали представители национальной интеллигенции [262, 81]. Из среды народа выбыли лучшие сыновья и дочери Родины: интеллигенция и патриоты.

Н.Нариманов в статье «Провокация мусавата и дашнаков» (31 мая 1920 г.) признавал: «Кровь в Гяндже льётся рекой. Босые, с непокрытыми головами бегут из города женщины, дети. Это – итог мусаватской провокации» [381, 287]. Таким образом, обвинив во всём мусаватистов, Нариманов не упоминает, что для жестокого подавления восста-

ния в Гянджу было послано 8000 красноармейцев [292, 92].

И уже на следующий день после выхода этой статьи азербайджанский народ предупреждают о том, что Красная Армия будет находиться здесь ещё долго. В Обращении Совета Оборона Азербайджанской ССР ко всем рабочим, крестьянам и солдатам Азербайджана от 1 июня 1920 года отмечалось: «Враги революции, палачи рабочих и крестьян хотят посеять рознь между рабочими и крестьянами Азербайджана и Российской Красной Армией и таким образом ловить рыбу в мутной воде. Сегодня мы заявляем открыто рабочим и крестьянам, а также всему населению Азербайджана о том, что Красная Армия приглашена в Азербайджан нами и она будет здесь до организации Азербайджанской Красной Армии» [381, 291].

Выступая на заседании Бакинского Совета 20 июня 1920 года, Нариманов сказал, что Красная Армия и Советская власть «не любит шутить», «думать, что революция наша, переворот произойдёт бескровно, было бы, конечно, с нашей стороны наивно. Мы, конечно, знали, что после медового месяца настанет кровавый месяц, когда нужно будет поставить точку над «и» и сказать, что власть рабочих и крестьян сумеет себя защитить». Он выразил «глубокую благодарность Красной Армии в лице нашего дорогого Красного героя тов. Левандовского» [381, 302].

По постановлению Совнаркома от 29 мая 1921 г. была организована Центральная Чрезвычайная тройка по борьбе с бандитизмом во главе с председателем АЧК. Во всех уездах также были организованы уездные Чрезвычайные тройки. Центральной Чрезвычайной тройке предоставлялось право немедленного расстрела по отношению ко всем уличённым бандитам, в особенности главарям их, или передачи в Верховный трибунал для доследования и суда. А Чрезвычайные тройки в уездах все дела по бантитизму после предварительного расследования передавали для суда выездным

сессиям Губернского и Верховного Ревтрибуналов, или доставляли с арестованными в АЧК [408, 45].

26 августа 1920 г. Политбюро ЦК АКП постановило централизовать руководство по ликвидации восстаний в АССР в руках четвёрки. От особого отдела, Азревкома, ЦК и Наркомвоенмора в четвёрку вошли Панкратов, Нариманов, Каминский, Караев [7, л. 2].

Мамедэмин Расулзаде в журнале «Ени Гафгасия» (Стамбул, 27 апреля 1927 г.) опубликовал статью, в которой были слова, очень красноречиво характеризующие обстановку в Азербайджане после оккупации: «Этапирование в Соловки, подвалы «чека», кровавые волны Каспия, залпы расстрельного взвода на высокой стене в баиловской тюрьме в горячие сердца героев, окровавленные рубашки, матери, оторванные от младенцев, чтобы отправиться на расстрел, – короче говоря, несгибаемость и героическое сопротивление, готовые большое возмездие – вот тяжёлый, но славный путь борьбы, выбранный теми, для кого честь превыше всего!» [329, 234].

Сами чекисты в «Кратком информационном отчёте о деятельности Азербайджанской Чрезвычайной комиссии (май 1921 – май 1922 гг.)», который был вручён делегатам 2-го Всеазербайджанского съезда Советов (Баку, 28 апреля 1922 г.), отмечали, что «первый отпор контрреволюционного натиска настолько был сильным и решительным, что июнь-декабрь 1920 г. вполне можно охарактеризовать периодом жестокого поражения азербайджанской, а вместе с ней и всей закавказской контрреволюции» [408, 41]. Так, чекисты действовали с неменьшей жестокостью, уничтожая патриотов, выступивших за сохранение независимости своей Родины.

Наряду с репрессированными и во многом благодаря им в исследуемый период возвысились люди, которые в дальнейшем заняли первые места в политической и партийной

иерархии Азербайджана.

Чекистом Особого отдела XI Армии был 23-летний Багиров М.Дж. – будущий первый секретарь ЦК АКП(б) [Иванов, с. 8]. Следует отметить, что Мир Джафар Багиров стоял во главе кавалерийского отряда XI Армии, движущегося на Губу [370, 92]. В 1920 году М.Дж.Багиров – заместитель председателя ревкома Гарабахской области, комиссар и председатель Верховного трибунала Азербайджанского ревкома, заместитель председателя Военного Трибунала XI Армии. В феврале 1921 года М.Д.Багиров возглавил АЗЧК, а в 1921 г. по его представлению заместителем председателя АЗЧК назначается Л.П.Берия [337, 432].

Караев Али Гейдар 27 апреля 1920 года вошёл в состав Азербайджанского Революционного Военного Комитета, Председатель Бакинского Ревкома, затем нарком труда, нарком юстиции, нарком по военным и морским делам АССР. В период с 14 ноября 1920 по 29 мая 1921 годов – член РВС XI Красной Армии [337, 443].

Командиры и бойцы XI Красной Армии и местные их помощники, особо отличившиеся в процессе оккупации, награждались пролетарскими орденами и памятными (ценными) подарками.

31 мая 1920 г. состоялся торжественный парад вручения Красного Знамени команде миноносца «Карл Либкнехт» [355].

7 июня 1920 года Реввоенсовет Республики вынес постановление о награждении Каспийской военной флотилии Почётным Красным Знаменем за выполнение поставленной задачи очистить Каспийское море от белогвардейского флота; командующий Ф.Ф.Раскольников был вторично награждён Орденом Красного Знамени; всему личному составу выдан месячный оклад жалованья [398, 446].

Как уже отмечалось, районы Евлах, Тертер, Барда, Агдам, Шуша в одном направлении и Загатала-Нуха в дру-

гом были охвачены грандиозным восстанием. В подавлении этого восстания в Агдаме и Загатале отличился командир 2 конного корпуса XI Армии В.Ф.Водопьянов. При занятии его отрядом г. Загатала были освобождены из тюрьмы уже приговорённые к смерти коммунисты. Азревком наградил его Орденом Красного Знамени [332, 366, 367].

Начальник войск охраны и обороны железных дорог XI Армии и Азерб. ССР и военный комиссар М.Г.Ефремов 13 ноября 1920 г. был награждён приказом Азревкома Орденом Красного Знамени Азерб. ССР за взятие «г. Баку 27 апреля 1920 г. и за молниеносный смертельный удар в сердце буржуазного мусаватского правительства». Такие слова были в приказе. Причём отмечалось, что Ефремову выдан знак Ордена Красного Знамени под номером 1 [332, 388]. Кроме того, М.Г.Ефремов был дважды награждён Орденом Красного Знамени – Азерб. ССР и РСФСР. Азревком подарил Ефремову шашку, украшенную драгоценными камнями с памятной надписью на рукоятке [381, 283; 249, 436]. За успешно проведённый рейд бронепоездов комиссар отряда И.Г.Дудин, 4 командира и 6 бойцов головного бронепоезда также были награждены орденом Красного Знамени [343, 261].

Скоро, 8 декабря 1920 года последовал приказ Азревкома о награждении военного лётчика С.А.Монастырёва орденом Красного Знамени республики [332, 409].

Командующий Кавказской армией Левандовский был награждён Орденом Красного Знамени, учитывая его заслуги «по советизации Азербайджана, подавлении контрреволюционных восстаний, внедрению чистого интернационализма в сознании бойцов, колоссальную работу по изжитию межнациональной розни, организации национальных частей» [151, л. 1].

«Приказом Реввоенсовета Республики за проявленную боевую доблесть, энергию и преданность делу защиты ин-

тересов пролетариата Волжско-Каспийская флотилия была награждена почётным Красным Знаменем ВЦИК РСФСР и почётным знаменем Ревкома и Совета Народных Комиссаров Азербайджана» [343, 267].

Во время подавления гянджинского восстания погиб командир 3 полка 20-й дивизии Канога. Воронцовская улица в его честь была переименована в улицу Канога [206, л. 10]. Так, в Азербайджане увековечивалась память тех, кто безжалостно уничтожал патриотов этой земли.

Не были забыты и азербайджанские коммунисты. Уже 5 мая 1920 года впервые азербайджанец Чингиз Ильдырым за заслуги в установлении Советской власти был награждён Орденом Боевого Красного Знамени РСФСР на Первой Общебакинской партийной конференции [279, 77]. Орденом Красного Знамени АССР Азревком наградил и командира отдельного конного дивизиона при Наркомвоенкоме Булгакова С.Д. за проявленную личную храбрость на Лянкяранском фронте [381, 466].

Красным знаменем за боевые отличия в Губинском уезде в 1921 г. были награждены Губинская караульная рота и Лянкяранский конный дивизион [153, л. 1].

За личные боевые заслуги и отличия были награждены Орденом Красного Знамени АССР начдив 20 стрелковой М.Д.Великанов, инспектор пехоты XI армии Мельников и помощник начободора XI армии Друганов [253, 174]. В числе награждённых был также комбриг А.И.Тодорский [385, 142]. Начальник 28 стрелковой дивизии А.Д.Козицкий был награждён в 1921 году орденом Красного Знамени АССР [156, л. 1].

Азревком 18 января 1921 года наградил орденами Красного Знамени АССР наркомвнудел Гамида Султанова, замнаркомвоенмора Е.Кванталиани и бывшего военного комиссара штаба Азербайджанской Красной Армии, члена военно-полевого трибунала АССР М.Хутулашвили за прояв-

ленную личную храбрость и энергичную деятельность во время подавления восстания в Гяндже в 1920 году [381, 423]. Следует отметить, что Г.Султанов освободил из заключения солдат XI Армии, взятых в плен во второй части Гянджи в количестве 2 тыс. человек [258, 52-53.].

В конце февраля 1921 г. Азревком наградил Г.Орджоникидзе орденом Красного Знамени Азербайджанской ССР. Орджоникидзе, благодаря за награждение, заявил, что эту награду он всецело относит к Красной Армии, «которая ещё раз доказала своё могущество и непобедимость» [381, 443].

А 3 июля 1922 г. Президиум ЦК АКП(б) утвердил постановление специального заседания коллегии АЧК от 26 июня 1922 г. о награждении трёх сотрудников АЧК за выполненную работу по ликвидации Закавказской организации ПСР (партии эсеров) [106, л. 37].

Одних, стоявших в оппозиции к большевикам, наказывали, других, претворявших в жизнь эти жестокие казни, награждали.

23 февраля 1923 г. на торжественном заседании Бакинского Совета, посвящённом 5-летию Красной Армии, её представители в честь праздника получили ценные подарки. Первый подарок - меч, украшенный красивыми узорами, был подарен А.Караеву за заслуги перед Красной Армией [272, 65, 66].

В 1920 г. «жертвами» выставлялись солдаты XI Красной Армии и немногочисленные местные коммунисты. Военно-морской комиссар Чингиз Ильдрым ассигновал в Тертере 100 тысяч рублей на постройку памятника жертвам революции и 100 тысяч рублей для нужд раненых и больных воинов [356].

Политбюро ЦК 28 ноября 1920 г. постановил организовать через Азревком фонд помощи жертвам от контрреволюции при Наркомсобезе в размере на первое время 5 млн.

руб. для оказания помощи партийным работникам [7, л. 29]. Но это только «на первое время».

22 сентября 1920 г. гражданско-строительный и дорожный отдел Гянджинского совнархоза утвердил проект памятника павшим 31 мая красноармейцам 20-й дивизии. Однако проект остался на бумаге [258, 77].

Заседание Совнаркома АССР 19 июня 1923 г. обсудило вопрос об объявлении конкурса на проект памятника погибшим при подавлении Гянджинского восстания. Докладчиком был Таги Шахбази. Премии на лучшие проекты были установлены в следующем размере: I премия – 500 руб. золотом, II премия – 300 руб., III премия – 200 руб. [140, л. 220]. Так увековечивалась память тех, кто напрямую был причастен к факту оккупации азербайджанских земель.

Церемония награждений продолжалась и в последующие годы. Например, «за блестящий разгром партии «Мусават» и её шпионажа в АССР» Азербайджанский Центральный Исполнительный Комитет Советов рабочих, крестьянских, красноаскерских и матросских депутатов (председатель Агамали оглы) в декабре 1926 г. наградил отличившихся сотрудников контрразведывательного отдела ОГПУ золотыми часами с надписью [150, л. 2].

Бывший Чрезвычайный комиссар по ликвидации восстания в Нагорном Гарабахе Буниатзаде Д. в 1927 г. в обращении в АзЦИК отмечал, что командир 1-го Кавказского стрелкового полка Ковалёв И.С. «во время кампании по ликвидации мусаватской авантюры в Нагорном Гарабахе в 1920 г. ... проявлял исключительный пример самоотверженности и преданности по преследованию врагов рабоче-крестьянской власти и защите завоеваний Октябрьской революции». Буниатзаде ходатайствовал, чтобы Ковалёву выдали Орден Красного Знамени, причем просил приурочить это к торжеству празднования десятилетия Октябрьской революции [151, л. 2].

Г.Орджоникидзе 13 февраля 1928 г. просил Наркома обороны К.Е.Ворошилова, в связи с предстоящим награждением участников гражданской войны, представить к награде восемь участников борьбы на Кавказе. В числе других к награждению боевым орденом Красного Знамени за участие в вооружённой борьбе за советскую власть в Баку был представлен А.И.Микоян [374, 444, 445].

Таким образом, Северный Азербайджан потерял свою независимость. Азербайджан вступил в новый этап развития в рамках советской империи.

Азербайджанцы понесли жестокое наказание за свой патриотизм и служение любимой Родине, за то, чтобы эта Родина была суверенной, демократической и процветающей. Они были объявлены бандитами, контрреволюционерами, головорезами и негодяями. Их семьи пострадали только лишь за свою фамилию и родственные отношения. А те, кто устраивал незаконные репрессии и казни, не зная пощады по отношению к своим жертвам, в 1920-е годы награждались и, делая карьеру, продвигались по службе.

ГЛАВА II

ЛЮДИ И СУДЬБЫ

§1. Лидеры азербайджанской независимости, беки и интеллигенция – жертвы «красного террора»

С первых дней оккупации начались расправы над наиболее видными деятелями Азербайджанской Республики. Начальникам милиции в начале мая 1920 г. вменялось в обязанность найти, арестовать и доставить в Бакинский ревком всех бывших членов Азербайджанского правительства, министров, мусаватистов и всех заподозренных лиц [178, л. 64].

В первую очередь жертвами «красного террора» стали бывшие министры, чиновники, военные, беки – реальные и мнимые руководители антисоветских восстаний. Ниже показаны примеры трагической судьбы некоторых из них.

Жизнь премьер-министра Азербайджанской Республики (1919-1920 гг.) Насиб бека Усуббекова завершилась трагическим образом. Прибыв в Гянджу, он стал одним из организаторов антисоветского восстания. После подавления XI Армией мятежа Насиб бек уехал в Кюрдамир, где стал в конце мая 1920 г. жертвой преступников, засланных ЧК. В это время Насиб беку было всего 39 лет. Свидетелем злодеяния ЧК был русский шофёр Усуббекова, чудом уцелевший и эмигрировавший в Турцию. Впоследствии он расска-

зал об этом событии жене Усуббекова Шафиге Солтан ханым и указал место захоронения. Втайне от новой администрации гянджинские жители перезахоронили любимого премьера [275, 32]. Азербайджанский народ потерял одного из своих лучших сыновей.

Деятели независимой демократической Азербайджанской Республики знали, что станут жертвами «красного террора», если не успеют покинуть горячо любимую Родину. Поэтому первый премьер республики (1918-1919 гг.) Фатали хан Хойский со своей семьей перебрался в Тифлис. Однако враги искали возможность расправиться с ним физически. Такая возможность появилась, когда 19 июня 1920 г. Фатали хан Хойский, беседуя с Халил бекком Хасмамедовым, переходили Ереванскую площадь. Фатали хан погиб от пули в возрасте 45 лет. Тяжелораненый Халил бек преследовал и даже ранил одного из двух террористов, однако убийцам удалось скрыться в темноте. Это были наёмные армянские террористы, приехавшие из турецкого города Эрзерума [264, 18]. Азербайджанская община Тифлиса организовала похороны Фатали хана, перешедшие в демонстрацию [277]. От рук армянских террористов погиб в Тифлисе и Гасан бек Агаоглу (Агаев).

Трагически закончилась жизнь и другого деятеля Азербайджанской Республики Бехбуд хана Джаваншира. После большевистского переворота Бехбуд хан работал в качестве инженера в нефтяной промышленности. Н.Нариманов глубоко уважал этого высококвалифицированного специалиста. В конце 1920 года Бехбуд хан был послан им в Германию для закупки новейшего оборудования для нефтедобывающей отрасли. Бехбуд хан был убит армянским террористом в Стамбуле, перед гостиницей «Pere Palas» 17 июля 1921 г. в возрасте 44 лет. Он не смог уберечь себя, несмотря на то, что когда навестил в Мальте Ахмед бека Агаоглу, тот предупредил Бехбуд хана, что они оба – в «чёрном спи-

ске» дашнаков. Следует отметить, что Агаоглу об этом сообщил его искренний друг – армянский профессор [264, 22, 23].

Лизгар К.Н. – министр продовольствия Азербайджанской Республики, один из организаторов и председатель Русско-Славянского общества, был арестован Особым отделом и расстрелян 15 мая 1920 г. за контрреволюционную антисоветскую деятельность [249, 167].

Первый руководитель азербайджанской контрразведки Мамедбагир бек Шейхзаманлы был арестован и расстрелян в мае 1920 г. [296, 129].

Генерал-майор Азербайджанской армии Глехас Мурад Герай был обвинён в причастности к убийству Али Байрамова и расстрелян после апрельской оккупации в 1920 г. [249, 400].

Шихлинский Джавад бек, племянник Алиаги Шихлинского, бывший командир дивизии, генерал-майор, был одним из руководителей Гянджинского восстания, после подавления которого был вынужден эмигрировать [249, 377]. Другой племянник Шихлинский Рустам бек, тоже офицер Азербайджанской армии, в 1920 году был расстрелян [249, 380].

Усубов Ибрагимага, военный министр Азербайджанской Республики, был расстрелян на острове Наргин [249, 415].

17 июля 1920 г. Революционный Военно-полевой Трибунал АССР приговорил к расстрелу Генерал-губернатора Азербайджанской Железной Дороги Теймур бека Мелик-Асланова. Он был обвинён в аресте и высылке 14 коммунистов и отобрании у них вещей и денег в сумме 28.340 рублей в пользу организованного Комитета Обороны с врагами – большевиками [41, л. 122].

Бывший градоначальник г. Баку ротмистр Г.Гудиев был обвинён в контрреволюционных выступлениях, в преследовании рабочих и коммунистов, в высылке их из Азербай-

джана, как «вредных элементов для мусаватского правительства» [40, л. 7].

Шахсуваров Алекпер хан, сотрудник контрразведки, был арестован в день оккупации и решением Особого отдела XI Армии также был расстрелян [249, 361].

Генералы Мехмандаров и Шихлинский были обвинены в участии в Гянджинском восстании и арестованы 4 июня 1920 г. Только вмешательство Н.Нариманова спасло их от «красного террора» [249, 180].

В первый год хозяйничания большевиков в Азербайджане были расстреляны: 12 генералов, 27 полковников и подполковников, 46 капитанов и штабс-капитанов, поручиков и подпоручиков, 148 прапорщиков и подпрапорщиков, остального состава – 266, все мусульмане [399, 42].

В списке расстрелянных были Сулейман Сулькевич, И.Усубов, Гашымбеков, принцы Ианулла Мирза Каджар и Казым Мирза Каджар, Гамид бек Гайтабашы, Габиб бек Салимов, С.Гирей-Тлехас, Макаев, Рустам бек Шихлинский, Алиев, Искендер бек Сейфулин и другие видные военные начальники [306, 19]. За пределами Гянджи жертвами красного террора стали 6 генералов, 6 полковников, 3 майора, 7 капитанов. Большинство последних были в числе 79-ти человек, расстрелянных на острове Наргин на следующий после начала Гянджинского восстания день [400, 58, 59].

Репрессии коснулись также и иностранцев, находившихся в Азербайджане в это время. После апрельской оккупации находившиеся в Баку европейцы - французский консул, польская миссия и 53 англичанина (3 морских, 3 военных офицера, 37 моряков, 10 гражданских) были арестованы большевиками. Сразу же был расстрелян 21 офицер Добровольческой Армии. Британский вице-консул также был приговорён к расстрелу, но приговор был изменён [263, 139].

Следует отметить, что дипломаты были арестованы, не

успев выехать из Баку. Большевики хотели обменять их как заложников на революционеров, арестованных англичанами. Однако через некоторое время Г.Чичерин прислал телеграмму с требованием освободить их, и большевикам пришлось выполнить это требование [374, 572].

Были арестованы не только дипломаты, но и иностранные специалисты. Например, 28 июня 1920 г. был арестован английский инженер Джордж Ривс, работавший на канатной фабрике бывш. «Форбес» [44, л. 1]. Обманутые турецкие офицеры также были арестованы. Халил-паша, Баха Саиб, Бахадин, доктор Фуад были отправлены в Россию [260].

Между тем, к дашнакам применялись совсем другие меры. 12 июля 1920 г. Политбюро ЦК АКП заслушало заявление А.Микояна об освобождении некоторых «видных дашнаков». Панкратову было предложено сообщить, кто из дашнаков и по чьему распоряжению был освобождён. Политбюро постановило репрессий против дашнаков не усиливать [7, л. 1].

Люди бекского происхождения арестовывались в основном по подозрению в контрреволюционной деятельности. В Гарабахе после раскрытия «контрреволюционного заговора» в середине 1920 г. 7 человек бекского происхождения были арестованы и отправлены в Особый отдел [155, л. 3]. Беки эти Джамиль бек, Джахангир бек, Юсуф бек, Али бек, Агджа бек, Салим бек, Ибиш бек – все Бехбудовы, якобы, собирались на тайные встречи, заезжая на свои заседания в сел. Боят в дом Мирзы Али бека [72, л. 7].

Следует отметить, что в это время в агдамских деревнях участились грабежи скота. Беков обвиняли в том, что они, якобы, вели провокационную деятельность, подкупали крестьян, которые по их совету совершали кражи и не давали подвод XI Армии [72, л. 7]. По таким обвинениям 4 июля 1920 г. в селении Замурхан Джаванширского уезда были

арестованы Джангир бек, Зульфугар бек, Гусейн бек. В сел. Сарджалу были арестованы Шюкюр бек, Бахрам бек, Гадир бек, Адым бек, Джумшуд бек за антисоветскую агитацию, настраивание населения против Красной Армии и агитацию не отпускать красным частям фураж и продовольствие [54, л. 9].

Начальнику милиции Евлахского участка было дано распоряжение арестовать всех беков участка [16, л. 7].

В Кюрдамирском районе все беки и отчасти кулаки были арестованы Особым отделом XI Армии [2, л. 80].

В Агдашском уезде арестовали около 50 беков, помещиков, которые квалифицировались как «враги рабоче-крестьянской власти» [51, л. 37]. Среди них – Мухтар Эфендизаде (член Парламента), Черкез бек Набибеков, Сулейман бек Султанов [51, л. 49].

В Газахском уезде после Гянджинского восстания было арестовано 40 влиятельных лиц, из них 14 беков отправлено в Баку [57, л. 11]. Среди них было 25 членов партии Мусават [57, л. 6]. Новая власть боялась взрыва народного негодования и поэтому изолировала от общества активных граждан. «Стало сравнительно спокойно», – констатировалось в докладе, отправленном в ЦК АКП(б) председателем Газахского ревкома Али Искендеровым летом 1920 г. [57, л. 11].

Понесла потери и интеллигенция. Журналист (газ. «Азербайджан») Пири Мурсалзаде, известный учитель (г. Загатала) Ислам бек Кабулов, студент Гасым Гасымзаде; учитель Мусабеков и учительница Мусабекова Масума х., Гусейн Музафар были расстреляны в первые дни оккупации [286, 155; 291, 99].

Погиб профессор Зимин, известный востоковед, бывший деканом историко-филологического факультета Бакинского Университета. Хочется поподробнее остановиться на его деятельности в Азербайджане. 29 декабря 1919 г. в БГУ со-

стоялось Учредительное собрание Общества изучения мусульманского Востока. Председателем был избран профессор Зимин. Профессор Зимин составил программу для исследования Азербайджана в историко-археологическом, этнографическом и лингвистическом отношениях. Он составил ценную хрестоматию и словарь арабского языка, труд по истории Туркестана XVI столетия. Правление Университета ассигновало средства на издание этих трудов, которые вышли из печати весной 1920 г. Научные статьи Зимина вышли в первом выпуске «Известий Бакинского университета» весной 1920 г. Совет Университета, заботясь о развитии востоковедения, 29 марта 1920 г. постановил командировать Зимина во время летних каникул в Стамбул, Бейрут и Каир. Однако благородная исследовательская и организаторская деятельность профессора трагически прервалась после апрельской оккупации. Он был расстрелян в период оккупации как член партии эсеров [378, 164, 165, 168, 169].

Известный общественный деятель Наги бек Шейхзаманлы особо отмечал провокационную роль армян в этих событиях. Он назвал оккупацию Азербайджана большим бедствием. «Азербайджан горит в огне. Чтобы спастись, народ оставляет гореть в красном пламени Красной Армии свои дома и имущество и пускается в бегство. У этой Красной Армии нет ни законов, ни совести. А армяне зверски убивают тех, кого находят на улицах» [296, 128].

Армяне в любых вопросах пытались найти общий язык с XI Красной Армией. Предписание правительства Армении для генерала Дро «Не поддавайтесь провокации и держите крепче фронт, а с подходом советской Красной Армии мы найдём общие цели и общий язык» [343, 307] было актуальным для армян в течение всего оккупационного периода. Несмотря на противоречия и конфликты Армянской Республики и Советской России, армянское население Азербайджана хитро приспособлялось к XI Армии во всех си-

туациях, провоцируя её на преступления против коренного населения.

Каждый раз, во время массовых репрессий против азербайджанского народа, армяне в первую очередь старались уничтожить знаменитых азербайджанцев, в частности видных представителей интеллигенции. Перед восстанием против большевиков в Гяндже армяне обещали азербайджанцам помощь и союз. Однако в процессе восстания объявили «нейтралитет». Через семь дней после начала восстания и ожесточённых боёв большевистские войска вошли в город, и армяне, «забыв» о своём нейтралитете, примкнули к большевикам, превратившись в основных организаторов и активных участников злодеяний против азербайджанцев. Старейший педагог Мир Джавад вспоминал, что тюрьмы в Гяндже были переполнены, поэтому в качестве тюрем использовались любые чердаки и подвалы. В камере, рассчитанной на 15 человек, находилось около 50 арестантов. Постоянно прибывали новые арестованные, и одновременно вводили 2-3 человек на расстрел. При каждом красноармейце находился армянин, по указке которого вводили выдающихся азербайджанцев. Учитель Мир Джавад обратился к известному просветителю и общественному деятелю Фирудин беку Кочарли, которого глубоко уважал и любил, с просьбой не говорить, кто он и не называть свою известную всем фамилию, а назваться обычным именем. Кочарли с возмущением ответил: «Как тебе не стыдно? Что ты предлагаешь мне? Разве может человек говорить неправду?» Через несколько часов большевик с армянином зашли в камеру, спросили у нескольких человек фамилии, не отреагировали. Очередь дошла и до Фирудин бека. Грозным голосом большевик спросил: «Имя, фамилия?» «Фирудин бек Кочарлинский», – гордо прозвучал ответ. Русский вопросительно посмотрел на армянина, затем приказал: «Выходите!» Фирудин бек покинул камеру, а Азербайджан потерял ещё одно-

го выдающегося представителя интеллигенции [251, 60, 61]. Постановление о расстреле Ф.Кочарли было подписано начальником особого отдела №7 Либерманом и Чрезвычайным комиссаром Г.Султановым [280, 129, 140].

Прибывший в Гянджу Н.Нариманов был потрясён, увидев в списке незаконно расстрелянных фамилию Ф.б.Кочарли. Услышав много жалоб от арестованных, в огромном количестве набитых в городскую тюрьму людей, Н.Нариманов отстранил от своих должностей начальника особого отдела Либермана, его следователя – дашнака и коменданта – маузериста и дал поручение чрезвычайному комиссару Г.Султанову об их аресте и привлечении к ответственности. Все незаконно арестованные были срочно освобождены [395, 30]. Однако, несмотря на то, что было освобождено 8 тыс. заключённых, 4 тыс. человек было расстреляно [307, 259].

Дело дошло до того, что Гянджинское отделение партии «Иттихади-Ислам» вынесло смертный приговор Г.Султанову и А.Г.Караеву, азербайджанцам, особо отличившимся при подавлении Гянджинского восстания [370, 97].

Выдающийся педагог Мирза Аббас Аббасзаде, автор учебника «Birinci il» («Первый год») был зверски убит армянами в 1920 г. во время Гянджинского восстания, а его рукописи и архив были уничтожены [336; 248, 97].

По доносу армянских провокаторов был расстрелян также один из первых азербайджанских хирургов, первый министр здравоохранения Азербайджанской Республики, с мая 1919 г. до апреля 1920 г. работавший губернатором Гянджи Худадат бек Рафибейли (сын Алекпер бека Рафибейли) [243].

Таким образом, сразу после оккупации Азербайджана политические лидеры, беки, представители интеллигенции стали первыми жертвами большевистского террора. Сливки общества, концентрировавшие в себе национальное ядро и протестное начало, были уничтожены.

§2. Вынужденная эмиграция. Судьба студентов

Сразу после падения Азербайджанской Республики в апреле 1920 года началась эмиграция коренного населения. «Первыми невозвращенцами стали члены дипломатической миссии Азербайджана во Франции во главе с Алимарданбеком Топчибашевым, участвовавшие в работе Версальской мирной конференции». Их примеру последовали дипломаты, аккредитованные в других государствах, а также представители интеллигенции, предпринимателей и военных специалистов, пребывавших в то время за границей [300, 28]. Они создали в различных странах азербайджанские землячества. Во Франции, например, Ассоциацию азербайджанских эмигрантов возглавил А.б.Топчибашев. Азербайджанские эмигранты, несмотря на тяжёлые материальные условия, продолжали благородную миссию пропагандирования своей страны. Они «проводили активную пропагандистскую работу по осуждению оккупации Азербайджана войсками красной России» [300, 32, 33].

1 ноября 1920 года «А.б.Топчибашев направил официальную ноту в Женеву, Генеральному секретарю Лиги наций с просьбой рассмотреть вопрос принятия Азербайджана в ряды её членов. Лига наций отказала Азербайджану в приёме». В интервью парижской газете «Le Temps» (28.11.20; 10.12.20) также эмигрировавший во Францию известный публицист Джейхун бек Гаджибейли отмечал: «Негативное решение, принятое комиссией Лиги наций по отношению к моей стране, ставит нас в трудное положение. Наш народ очень надеялся на высокочтимую Ассамблею Лиги наций. Вновь образованные государства имеют одинаковые проблемы и без помощи союзных держав не смогут остановить большевистское наступление». «Таким образом,

если отказ Лиги Наций рассматривать с позиций международного права, то он явился признанием де-юре оккупации Азербайджана» [300, 53, 55].

Одному из основателей Азербайджанской Республики, лидеру партии Мусават М.Э.Расулзаде удалось избежать ареста Особым отделом и уехать в Москву. Это произошло благодаря приезду Сталина в Баку, что Расулзаде подробно описал в «Воспоминаниях о беседах со Сталиным». Однако через 2 года М.Э.Расулзаде эмигрировал и собрал за границей разрозненные силы Мусавата. Лидер Мусавата организовал «Заграничное бюро», а в сентябре 1923 г. основал журнал «Yeni Qafqasiyə». Этот первенец эмигрантских национальных изданий в новых условиях продолжил борьбу за независимость. В эмиграции Расулзаде написал своё коронное произведение «Азербайджанская Республика», в котором осветил общественно-политическую обстановку в 1918-1920 гг., а также судьбу родного народа до и после Азербайджанской Республики. Следует отметить, что на «Празднике книги», проведённом в г. Измир в Турции в 1923 г., «Азербайджанская Республика» была удостоена премии Ататюрка.

В эмиграции Мамедзаде Мирзабала также вёл активную публицистическую, писательскую, научно-исследовательскую работу [286, 245].

Руководитель контрразведки Азербайджанской Республики Наги бек Шейхзаманлы (Кейкурун), после падения республики эмигрировал в Турцию и в прессе освещал историю азербайджанской независимости. В 1963 году в Стамбуле вышла его книга «Dərdləşmə», а в 1964 г. «Azərbaycan istiqlal mücadiləsi xatirələri» («Воспоминания о борьбе за независимость Азербайджана»).

Халил бек Хасмамедов эмигрировал в Турцию и прожил там до конца своих дней. В возрасте 72 лет в 1947 г. он умер в Стамбуле [264, 60].

Сотрудники Особого Отдела XI Армии искали члена парламента, министра внутренних дел Азербайджанской Республики Мустафа бека Векилова. А он в течение 10 дней скрывался в доме своей дальней родственницы Хадиджы ханум Гаибовой, пианистки и руководителя Отделения восточной музыки при Наркомпросе. С помощью другого патриота, офицера Азербайджанской Армии Султана Гусейнзаде, он покинул Баку. Х.Гаибова была расстреляна в 1938 году, а на допросах в основном речь шла именно об этом её поступке [261, 73; 264, 59]. Мустафа бек умер в Анкаре в 1965 г. в возрасте 69 лет [264, 61].

В г. Львов есть улица Мухаммед Садых бека Агабекзаде – учёного, философа, востоковеда, полиглота, профессора Львовского Университета. Чтобы не разделить трагическую участь многих, он, бывший министр внутренних дел Азербайджанской Республики, в ноябре 1920 года эмигрировал сначала в Турцию и жил у своего двоюродного брата Алибека Гусейнзаде, выдающегося азербайджанского просветителя. Затем жил в Париже, Варшаве и Львове, преподавал в высших учебных заведениях, занимался плодотворной научной деятельностью. М.С.Агабекзаде подготовил целую плеяду выдающихся востоковедов, оставил после себя ценнейшие научные труды, но умер в одиночестве вдали от Родины во время Второй мировой войны [264, 26, 28].

Особую опасность представляли для советских чиновников истинные герои Зангезура, Гарабаха, Кельбаджара и Гёйчи братья Х. и С.Султановы, которых они называли не иначе как бандитами и разбойниками [282, 21].

Хосров бек Султанов, назначенный в 1919 г. генерал-губернатором Гарабаха, пытался предотвратить провокации дашнаков и сохранить целостность азербайджанских территорий. Однако армяне, как дашнаки, так и коммунисты, понимая какое значение имеет авторитет Х.Султанова для азербайджанского населения Гарабаха и, пытаясь отстра-

нить его от должности, всячески старались скомпрометировать губернатора, обвиняя его «в службе мусавату, а теперь большевикам». Армяне обращались и к Ленину, и к Нариманову. В результате решением Азревкома от 22 мая 1920 г. Х.Султанов был арестован и предан суду ревтрибунала [383, 61]. 19 января 1921 г. Политбюро и Оргбюро ЦК АКП постановил «в целях умиротворения жителей ... освободить Хосров бека Султанова, отправив его в Россию» [96, л. 21].

Вооружённое сопротивление Советской власти оказал и Султан бек Султанов, организовавший свой отряд. 26 августа 1920 г. Политбюро ЦК АКП заслушав вопрос «об отряде разбойника Султанова Султан бека», постановило «войти в сношения с Султановым для предупреждения его сношений с Арменией, использовать его отряд, амнистировать его, удалив как начальника отряда, взяв отряд под коммунистическое влияние, окончательно разрешить вопрос после более детального выяснения конкретной обстановки» [7, л. 2].

Через месяц, решением Политбюро и Оргбюро АКП(б) от 18 сентября 1920 года Реввоенсовету XI Армии было поручено «ликвидировать Султан бека Султанова и его банду». Немалую роль в принятии такого решения сыграли армянские большевики, понимавшие, что без ликвидации братьев Султановых невозможно будет присоединить Зангезур к Армении [383, 76]. Однако братьям удалось эмигрировать. Мустафа Камал Ататюрк проявлял огромное уважение и заботу о них [282, 298].

Так, оккупация Северного Азербайджана Красной Армией Советской России и ликвидация независимости положили начало азербайджанской политической эмиграции. Вдали от своей Родины в условиях тяжёлой и опасной жизни наши соотечественники не прекращали борьбы за её освобождение. Они создавали десятки общественно-политических организаций, издавали свыше 30 газет и журналов, обогащали национальную идеологию [275]. В Турции,

Франции, Германии издавались газеты и журналы «Azərbaycan», «İstiqlal», «Qafqaz», «Прометей» (совместно с другими народами), «Yeni Qafqasiyə», «Azəri Türkü», «Bildiriş», «Qurtuluş», «Odlu yurd», «Azərbaycan yurd bilgisi», «Müsavat bülteni» (на азербайджанском и турецком языках). В работе эмигрантской печати активное участие принимали М.Э.Расулзаде, М.Б.Мамедзаде, Мир Ягуб Мирмехтиев, М.Агаоглу, М.Векили (Векилов), Азери, Шафи и др. Они пропагандировали азербайджанскую национальную идею, разъясняли сущность большевистской политики и переворота [278, 13]. Покинув Родину, славные сыны азербайджанского народа до конца жизни прожили вдали от неё и умерли в эмиграции: Алимардан бек Топчибашев (Париж, 1934 г.), Мирза Асадуллаев (Париж, 1936 г.), Ахмед бек Агаоглу (Анкара, 1939 г.), Али бек Гусейнзаде (Стамбул, 1942 г.), Халил бек Хасмамедов (Стамбул, 1947 г.), Хосров бек Султанов (Турция, 1947 г.), Абдулалли бек Амирджанов (Стамбул, 1948 г.), Мир Ягуб Мирмехтиев (Турция, 1952 г.), Мамед Эмин Расулзаде (Анкара, 1955 г.), Султан бек Султанов (Турция, 1955), Мирза Бала Мамедзаде (Стамбул, 1959 г.), Шафи бек Рустамбейли (Турция, 1960 г.), Акперага Шейхулисламов (Париж, 1961 г.), Джейхун бек Гаджибейли (Париж, 1962 г.), Мустафа бек Векили (Анкара, 1965 г.), Наги бек Шейхзаманлы (Кейкурун) (Стамбул, 1967 г.), Абдулвахаб Мамедзаде Юрдсевер (Анкара, 1976 г.), Мамед Магеррамов (Париж, 1982 г.), Мамедали Расулзаде (Стамбул, 1982 г.).

Не только видным деятелям Азербайджанской Республики был заказан путь на Родину.

Как известно, правительство Азербайджанской Республики (1918-1920 гг.) послало за границу на учёбу в высших учебных заведениях за счёт государства 100 молодых людей в основном из необеспеченных слоёв общества. «Из писем студентов Теймура Асланова, Аждара Ахундова, Исмаила

Алиева, Абдулгусейна Дадашева, молодого поэта Али Юсифа, первого азербайджанского скульптора Зейнала Алиева и других, направленных Джейхун беку Гаджибейли, становится очевидно, что в течение первых шести месяцев стипендии студентам отправлялись регулярно, однако после советизации Азербайджана их положение осложнилось, а после отъезда Н.Нариманова в Москву ещё более усугубилось» [300, 111, 112].

12 студентов, обучавшихся за границей юриспруденции и общественным наукам, были отозваны в Азербайджанскую ССР [291, 76].

После 1925 г. часть азербайджанских студентов, обучавшихся в Западной Европе, не вернулась на Родину [300, 28].

Один из них, Мюншюзаде Хилал, закончивший Берлинский Университет, после апрельской оккупации вёл большую политическую работу среди азербайджанских эмигрантов, в 1930 г. в Берлине издал книгу «Азербайджанская Республика», редактировал журнал «Гуртулуш», вместе с Расулзаде М.А. создал «Национальный Азербайджанский Комитет» [248, 222].

Вернувшихся на Родину студентов не ждала безоблачная жизнь.

Молодой поэт Али Юсиф в 1922 г. окончил в Париже Институт политических наук и вернулся в Баку. Его тут же обвинили в связях с мусаватистами, живущими за границей. А.Юсиф был сослан в Сибирь, и там же убит в 1926 году [248, 339].

Многие вернувшиеся на Родину студенты были репрессированы и отправлены в ссылку уже в 30-40-х годах, во время сталинских репрессий. Среди них были: Агабабеков-Муганлинский Асилдар [248, 100], Агасибейли Юсиф [248, 102], Асланов Теймур [248, 126], Алиев Аббас [248, 341], Алиев Ашраф [248, 341], Гусейнзаде Бахрам [248, 437], Нариманбеков Ягуб [249, 258], Векилов Теймур бек [249, 427],

Мустафаев Мустафа [249, 213], Халафбеков Мамед [249, 79], Таирзаде Абдулла [249, 391].

И.Рзазаде получил образование в Германии. В 1925 г. вернулся в Баку, работал инженером-энергетиком. Одновременно преподавал в Политехническом Институте (с 1930 г. доцент), был завкафедрой, создавал научно-техническую терминологию на азербайджанском языке. В 1937 г. был расстрелян [249, 319].

Трагично сложилась и судьба Мамедзаки Дурсунзаде, уроженца села Азгур Ахалцихского района Грузии. Он окончил юридический факультет Учительского Института. Правительством Первой Азербайджанской Республики был послан учиться за государственный счёт в Стамбульский Университет на историко-филологический факультет. В дальнейшем он продолжил обучение в Германии за свой счёт. Завершив учёбу, вернулся в Баку, преподавал в женской учительской семинарии и землеустроительном техникуме. В 1937 г. вернулся в родное село. Там был арестован и расстрелян [248, 313].

Молодой человек Мустафа Векилов тоже был послан Азербайджанской Республикой за границу на учёбу. Вернувшись из Франции, работал в органах юстиции (1924-1927 гг.) и высших учебных заведениях (1927-1937 гг.). Одновременно занимался научно-исследовательской, переводческой и редакторской деятельностью. Составил «Русско-азербайджанский» словарь. В 1937 г. был сослан в Вологду, потом в Коми АССР. Умер в 1943 году [249, 426].

Таким образом, часть лидеров независимости и студентов эмигрировала.

Несмотря на то, что репрессивная машина набирала обороты, эмиграция продолжалась. Историк эмиграции Ибрагимли Х. пишет, что после оккупации 1920 г. вплоть до начала Второй мировой войны Азерб. ССР покинули не менее 50 тысяч человек [275, 99].

Однако, в Азербайджане были силы, которые не только приветствовали оккупацию, подавляли народные восстания, преследовали народных героев и национальные партии. Они также лили грязь на политических эмигрантов.

Азербайджанские коммунисты М.Д.Гусейнов, Р.Ахундов, А.Караев, Д.Буниатзаде, М.Кулиев после падения азербайджанского правительства с помощью пера продолжали травлю Мусавата. Мирза Давуд Гусейнов даже написал сфальсифицированную историю этой партии, а Мустафа Кулиев долгие годы на страницах коммунистической прессы «разоблачал» азербайджанскую эмиграцию.

В статье «Siyasi cibgirlər» («Политические карманщики») Алигейдар Караев с пеной у рта также «разоблачал» мусаватистов и другие «буржуазно-националистические партии», называя их «живыми трупами» и распространителями ложных слухов об Азербайджане [272, 78].

Эмиссары Москвы, фальсификаторы истории Ратгаузер, Сеф, Дубнер, Штейн, Раевский и др. приходили на помощь азербайджанским коммунистам и отрицали факт оккупации. Раевский спрашивал, обращаясь к мусаватистам, эмигрировавшим за границу: «Если 27 апреля не есть революция, почему вы находитесь за границей?» Эмиграция ему отвечала: «Если это не есть оккупация, почему от имени Азербайджана говорит русский Раевский?» [286, 190, 191].

Деятели эмиграции не давали покоя азербайджанским коммунистам. На IV съезде Советов Азербайджана (март 1925 года) председатель Совнаркома АССР Газанфар Мусабеков в трёхчасовом отчётном докладе правительства АССР наряду с обстоятельным освещением международного положения особое внимание уделил проживавшему в Турции лидеру Мусавата М.Э.Расулзаде: «Пусть лидер обанкротившейся мусаватской партии, политический ренегат утешает себя самообманом и надеждами нового господства над Азербайджанским трудовым элементом. Мы решительно

заявляем с этой трибуны тупоумным мусаватистам, иттихадистам и Ко, что азербайджанские рабочие и крестьяне навсегда сбросили с себя цепи рабства и не позволят никому осквернять свободную азербайджанскую землю» [337, 112-113].

Правдивые статьи о положении АССР, публикуемые в журнале «Yeni Qafqasiyu», не устраивали советскую власть. Закавказский Краевой Комитет РКП(б) 7 апреля 1925 г. в секретном письме обратил внимание ЦК АКП(б) на то, что провокационные действия «Yeni Qafqasiyu» остаются без ответа и опровержения со стороны партийно-советской печати АССР (особенно тюркской). Закрайком РКП(б) указал на необходимость открытия кампании в тюркской газете «Коммунист», помещая в ней выдержки из этого журнала, а также разоблачающие ответные заметки и статьи [107, л. 136]. И уже 18 апреля 1925 г. Президиум ЦК АКП(б), заслушав вопрос о критике мусаватского журнала «Yeni Qafqasiyu» (Письмо ЗКК РКП(б)), постановил усилить критику этого журнала в тюркской печати. Кроме того, Президиум ЦК обязал С.М.Эфендиева срочно завершить брошюру по поводу книги М.Э.Расулзаде об Азербайджане, а Г.Джабиева – о Мусавате [107, л. 119].

Мустафа Кулиев в брошюре «Враги Октября в Азербайджане», изданной в Баку в 1927 г., писал об эмигрантах, прибегая к издевательскому тону: «Выкинутые прочь за пределы страны мусаватисты, иттихадисты приютились в иностранных кабаках у своих европейских господ и ведут злостную травлю рабочих и крестьян. Им ничего не остается делать. В первый год Советской власти, когда только начинала оформляться государственная жизнь, мусаватисты пытались нанести удар в спину рабочих и крестьян. Контрреволюция получила должный отпор со стороны трудящихся. Подбитый бек принуждён удалиться за границу, ища в иностранных приютах успокоение оскорблённому двор-

янскому чувству. Им остается с «далёких берегов» изрыгать свою дворянскую злобу, ложь, ненависть, шамкая беззубым ртом. Свою жизнь на хлебах банкиров эти приживальщики оправдывают тем, что издают подлые журналы, где печатаются ложь, небылицы, погромные статьи. По иностранным биржевым конторам эти маклера предлагают оптом и в розницу добро азербайджанского народа, его богатства, добиваясь за любую цену интервенции на Советский Азербайджан» [393, 207]. Издевательства, ложь и клевета на эмиграцию продолжались долго. Но пройдет 10 лет, и писавшие о ней сами станут жертвами издевательства, лжи и клеветы.

Таким образом, после оккупации Азербайджана XI Красной Армией азербайджанский народ потерял ещё одну часть себя – политических лидеров и невозвращенцев – студентов. Вернувшихся на Родину студентов постигли сталинские репрессии. А эмигранты даже вдали от Родины боролись за её счастье, одновременно превратившись в мишень для азербайджанских коммунистов.

§3. Репрессии против всех, кто косвенно причастен к антисоветским восстаниям. Трагедия простых жителей

В контрреволюционной деятельности и участии в антисоветских восстаниях обвинялись не только бывшие руководители республики и представители бекского сословия, но и рядовые жители. Вот только некоторые факты из «деятельности» революционных трибуналов в Азербайджане в первые месяцы советской власти.

7 июня 1920 г. начальник Бакинского гарнизона в своем приказе потребовал сдать оружие, хранившееся у жителей бакинских сёл. Однако сельчане не торопились сдавать лич-

ное оружие и продолжали хранить его для самозащиты. В результате 10 сельчан были взяты в заложники и через несколько дней расстреляны. Это ещё больше усилило конфронтацию новой власти с местным населением [249, 347].

29 сентября 1920 г. революционный трибунал приговорил к расстрелу 10 жителей Дивичинского участка Губинского уезда за участие в вооружённом восстании против Советской власти и 4-х человек за измену рабочему делу. 6 человек были приговорены тюремному заключению за участие в вооружённом восстании с принудительными работами до окончания гражданской войны, остальных 17 человек решили оправдать и освободить [41, л. 118].

2–4 октября 1920 г. Трибунал рассмотрел дело по обвинению 17 жителей Рустовского участка в участии в вооружённом восстании против Советской власти. Постановили: 7 подсудимых подвергнуть расстрелу с конфискацией имущества, 1 подсудимого – подвергнуть тюремному заключению с принудительными работами до окончания гражданской войны, 1 подсудимого – к 15 годам тюрьмы, а 8 человек оправдать и освободить из-под стражи [41, л. 119].

На заседании политбюро ЦК АКП 31 октября 1920 г. Панкратов сообщил об операциях, производимых Особым отделом в ночь с 30 на 31 октября в Баку в связи с раскрытием антисоветского заговора. Речь шла о членах бывшей парламентской партии «Иттихад» и ее лидере докторе Карабекове. В эту ночь было арестовано 86 человек из предполагаемых 108 заговорщиков. [7, л. 12].

20 ноября 1920 г. на заседании политбюро ЦК АКП Панкратов доложил об арестах, произведённых Особым отделом в Загатальском округе. Было задержано около 70 человек, среди которых был руководитель антисоветского восстания Кардашев Ислам бек [7, л. 28].

Тюрьмы были переполнены огромным количеством арестованных. На объединённом заседании Политбюро и Орг-

бюро ЦК АКП 14 ноября 1920 г. были рассмотрены вопросы, связанные с Аз.ЧК и Особым отделом. Констатировалось, что порядок содержания заключенных был ужасен. Комендатура при ЧК была битком набита арестованными за мелкие преступления, а часто «напрасно», т.е. невиновными. Следствие шло неудовлетворительно. Санитарное состояние было скверным даже в больнице тюрьмы. Ни комиссар юстиции, ни заведующий карательным отделом не посещали тюрьму и ничего не делали по улучшению условий содержания арестованных [9, л. 32].

В таких ужасных условиях тысячи арестованных людей в неизвестности ожидали своей участи.

Хотя жертвой оккупации стал весь азербайджанский народ, особенно большие потери понесли борцы за независимость, бывшие члены правительства и парламента, среди которых особое место занимали мусаватисты. Приведённые ниже факты говорят о том, что жестокие репрессивные меры применялись не только к руководителям, но и к рядовым членам партии.

В конце мая 1920 г. на одной только станции Евлах было расстреляно 17 мусаватистов. [356]. Председатель Али-Байрамовского учревкома обратился в компартию Шамахинского уезда с просьбой дать приказ об аресте мусаватистов: Расула Рагимова, Агаали Надирали оглы, Алиаббас бека, Насрулла бека [171, л. 30].

Лидер шекинских мусаватистов Мамедали Халифазаде и дипломатический представитель Азербайджана при Деникине Джафар бек Шафибеков были арестованы в первые месяцы оккупации [349].

Балаев Ага Аслан Абит оглы 25 января 1921 г. был направлен Особым отделом в концлагерь г. Холмогоры сроком на 5 лет без права применения к нему последующих амнистий [168, л. 154]. Мустафа Табасаранский был отправлен в концентрационный лагерь в г. Рязск в сентябре 1920 г.

[165, л. 64].

В Агдаше был арестован Магеррам Лятиф оглы, который военно-полевым революционным трибуналом был приговорён к смертной казни. Кроме того, арестованы были ещё 12 патриотов, которые «составляли шайку мусаватского правительства», как говорилось в официальных документах. Были приговорены – Мухтар Абдул оглы (к 20-ти годам лишения свободы), Джебраил Мамед оглы, Мамед бек Гусейн бек оглы Набибеков, Лятиф Абдулазиз оглы, Гамид Азиз оглы – к расстрелу. С 1 мая по 7 августа в Агдаше было арестовано ещё 15 «контрреволюционеров» [51, л. 42; 41, л. 108].

Аресты по обвинению в участии в Гянджинском восстании продолжались и в 1921 г. В январе 1921 г. была арестована группа жителей Газахского уезда. После двухмесячного содержания в тюрьме они были освобождены в связи «с отсутствием состава преступления». Однако четверо из десяти невинно арестованных погибли от заразных болезней в тюрьме и не смогли вернуться на свободу к своим семьям [395, 31].

Арестам подвергались не только азербайджанцы, но и представители других национальностей, сотрудничавшие с антисоветскими силами. Так, например, были арестованы «подозреваемые в контрреволюции» следователь Гроппиус, секретарь воинского присутствия Маяк, офицер Деникинской армии Сергеенко [51, л. 49].

Как офицер белой армии, в Газахе был арестован и Карев Гамид и 21 августа 1920 г. передан в распоряжение Особого отдела Кавфронта [165, л. 32].

Жестоко расправлялись новые власти не только с деятелями Азербайджанской Республики, не щадили и их родственников. Трагически отозвались события первых лет советской власти на семье и родственниках эмигрировавшего за границу Шафи бека Рустамбекова. В Агдашском уезде

был арестован Мустафа бек Рустамбеков – отец Шафи бека. Мустафа бек был казнён после апрельских событий 1920 г. Известный азербайджанский драматург А.Ахвердов в пьесе «Ağac kölgəsi» («Тень дерева») описал это трагическое событие [244]. Многие арестованные в уездах в первый же месяц оккупации были препровождены в Баку для казни [177, л. 84].

Другая родственница Шафи бека Рустамбекова, жительница Агдашского уезда Уркер ханым Рустамбекова в октябре 1921г. жаловалась и просила помощи у Нариманова. Полтора года её сын Бахыш Рустамбеков, бывший офицер Азербайджанской армии, содержался под стражей – он был выслан Особым отделом XI Армии и находился на лечении в Москве в Брестском госпитале. Он был арестован в Губе с другими офицерами и с ними же выслан. Женщина писала: «Я знаю, что Ваш голос слышен не только на Востоке, но и в Москве. Я также знаю и верю, что Вы пожалуете старуху-мать и вернёте мне моего единственного кормильца больного истрадавшегося сына» [163, л. 85]. Так, некоторые арестованные и их родственники возлагали последнюю надежду на Н.Нариманова.

Были и случаи, достойные драматического повествования и вошедшие в легенды истории Баку. Два солдата XI Армии ворвались в дом известного инженера-изобретателя миллионера Муртузы Мухтарова. Красный офицер пытался оскорбить Мухтарова, но Мухтаров выстрелами из нагана убил красноармейцев, а третью пулю пустил себе в висок [296, 137]. Так трагически завершил свою жизнь один из известнейших меценатов Азербайджана начала XX века.

В период после оккупации по предписаниям ЧК арестовывались также заподозренные в антисоветской деятельности должностные лица. Так, например, в сентябре 1920 г. был арестован начальник Шамхорской уездной милиции Джаваншир Агаев [184, л. 388], в октябре – председатель

Караджалифлинского сельского ревкома Вели Мустафа оглы [184, л. 295], а также председатель Морульского ревкома [184, л. 317].

Граждане сел. Мургузали Гамид Аллахверан оглы и Чингизхан Ширванский обвинялись в том, что в результате их жёсткого давления все ответственные сотрудники местных военных, гражданских и административных органов находились в «их тисках». «Предревком, Начмилиция и Военком постоянно находятся под угрозой убийства и ареста, примером чему послужили незаслуженные приговоры к расстрелу 28 декабря 1920 г. Предревкома и начмилиции», – говорилось в сообщении в Особый отдел XI Армии. Следует отметить, что Чингизхан Ширванский являлся двоюродным братом Сарыхана Ширванского, а Гамид Аллахверан оглы – крупным помещиком [165, л. 93].

Очень часто Особый отдел XI Армии арестовывал людей по доносу. Архивные материалы свидетельствуют о сотнях таких случаев, когда в результате ложных доносов арестовывались ни в чём не повинные люди, торговцы, простые рабочие и крестьяне с обвинением в «контрреволюционной деятельности». Многие из них обращались за помощью к Н. Нариманову, который делал всё, что мог для их освобождения.

Вот только некоторые примеры. Как известно, 10 мая 1920 г. в Баку при большом стечении населения состоялся смотр (парад) войск XI Армии [343, 261]. Торговец зеленью Бабаев Кафар случайно оказался на смотре войск около Сальянской казармы. Во время парада между ним и стоявшим с ним рядом незнакомым человеком русской национальности возник спор из-за места. Русский, обозлившись на Бабаева, позвал красноармейца и заявил ему, что Бабаев – шпион и подсчитывает количество войск, вследствие чего он был арестован и отправлен по распоряжению Особого отдела на о. Нарген. В августе 1920 г. его родственники об-

ратились к Нариманову с просьбой помочь необоснованно арестованному Бабаеву, вследствие чего тот был освобождён. [45, л. 177].

Мухтар и Гярай Мурадовы в июне 1920 г. были арестованы по доносу в Карягине Особым отделом и ложно обвинялись в контрреволюционной деятельности. Несмотря на то, что старик и его сын не были причастны к восстанию, они больше 7 месяцев находились под арестом. Такая вопиющая несправедливость так подействовала на другого сына старика, что он от горя скончался. Только при содействии Н.Нариманова они были освобождены в январе 1921 г. [165, л. 26, 27, 29].

После апреля 1920 г. новые власти не упускали любой возможности, чтобы отомстить оппозиционным партиям, в частности, эсерам, за убийство 26 бакинских комиссаров. Большевики Закаспийской области в сентябре 1920 г. расстреляли 21 человек во главе с эсером Курьлевым, бывшим членом исполнительного комитета Закаспийской области, во время управления которого были убиты комиссары. Газета «Борьба» писала о том, что один из ответственных большевистских работников откровенно заявил, что оставшиеся 4 «вакансии» (пока всего расстреляно вместе с эсером проф. Зиминым 22 человека) будут заменены из среды закавказских эсеров [315]. Таким образом, большевики мстили своим оппонентам с большим цинизмом.

Выше уже было отмечено участие Н.Нариманова в освобождении и реабилитации невинных людей. Он продолжал заниматься этим делом все время, пока находился в Азербайджане, и подтверждается это многочисленными фактами, содержащимися в документах азербайджанских архивов.

В декабре 1920 г. Мамедага Кафаров, служивший агентом уголовно-розыскной милиции в г. Баку, военным трибуналом был приговорён к расстрелу. Наримановым рас-

стрел был заменён каторжными работами на 20 лет. Тем не менее, он был расстрелян без выжидания истечения 16 часового срока с момента вынесения приговора до его исполнения. Расстрелянный был зарыт в яму вместе с другим человеком. Отец Кафарова в январе 1921 г. просил Нариманова разрешить выдать ему труп единственного сына, чтобы он мог похоронить его по шариату. Отец был так беден, что просил передать ему вещи сына (пальто, костюм, шапку) [165, л. 56].

Житель г. Гянджи Ашраф Мамедали оглы в мае 1920 г. находился в Тифлисе. В это время в Гяндже произошло антисоветское восстание. После подавления восстания он возвращался в Гянджу, но на станции Пойлы был задержан, и 9 декабря 1920 г. был доставлен на ст. Акстафа в Особый отдел XI Армии. Он был отправлен в ссылку в г. Ставрополь. В результате семья из 9 душ осталась без кормильца [165, л. 61].

В конце февраля 1921 г. по распоряжению Особого отдела XI Армии из Закаспия был доставлен в Баку под конвоем учитель-инструктор, ранее проживавший в Баку, Гамбар Таиров. В марте 1921 г. он был освобождён [165, л. 75, 76].

Аресты продолжались и весной 1921 г. В марте 1921 г. в Барде Особый отдел XI Армии арестовал Бахрама Мелик-Еганова. Он обвинялся в аресте и избиении коммунистов, будучи помощником уездного начальника Лянкяранского уезда при национальном правительстве [165, л. 114, 116].

2 марта 1921 г. вместо скрывшегося красноармейца-азербайджанца Особым отделом XI Армии была арестована его молодая жена в качестве заложницы за бежавшего мужа. Выезжая из Гянджи в Газах, Особый отдел вывез с собою арестантку, на предложение Чрезвычайного Комитета передать арестантку в местные карательные отряды Особый отдел не согласился. Арестованная находилась под стражей в Газахе в течение 14 суток, когда явился и добровольно сел

под арест её муж, узнав про арест жены. Особый отдел не считался с мусульманскими обычаями, оскорбив ни в чём не повинную женщину, продержав её под арестом до 16 суток. Нариманов издал приказ арестовать виновного агента Особого отдела [165, л. 104].

Интересна следующая история. Житель сел. Байрамлы Товузского уезда Камал Кербелаи Искендер оглы был арестован и содержался в гянджинской тюрьме. Его дом был разграблен красноармейцами. Во время расхищения имущества он защищал свой дом, поэтому его обвинили в сопротивлении власти. За Камала заступились жители Азаплинского сельского общества, состоявшего из трёх селений: Чирдахан, Азаплы и Байрамлы. 8 августа 1920 г. они собрались на общий сход в присутствии сельского ревкома и, учитывая невинность арестованного, постановили ходатайствовать перед властями освободить из тюрьмы их односельчанина. Камалу было всего 12 лет [63, л. 54, 55].

Некоторые люди обращались к Н.Нариманову не только с жалобами, но и деловыми предложениями. Вдова Рази ханум Сеид Али кызы, 75 лет, проживавшая в Баку по Первой параллельной улице, в апреле 1921 г. жаловалась Нариманову на то, что принадлежавший ей постоянный двор был занят со дня переворота под постройкой войсковыми частями. Все деревянные части, как-то: рамы, двери, навесы и даже ворота колодца самовольно были взяты красноармейцами и употреблены на топку печей и даже продажу. В феврале 1921 г. по их вине произошёл пожар сарая с фуражем. Женщина просила Н.Нариманова выдворить дивизион 32 дивизии и отдать двор в распоряжение одной из частей создававшейся Азербайджанской армии. Кроме того, женщина просила учесть, что в её дворе можно разместить до 500 лошадей, а там находились всего 20-30 лошадей [165, л. 118]. Письмо пожилой женщины свидетельствовало об её патриотизме и желании служить не оккупационной русской,

а родной азербайджанской армии. Из письма видно, что её раздражало не только варварское поведение военных, но и сам факт присутствия русских солдат в её дворе.

Новая власть, зная о предыдущих событиях геноцида азербайджанцев 1918 г., создавала видимость наказания армян. Например, 4 июня 1920 г. вышел приказ по Гянджинскому уездному ревкому за подписью товарища (заместителя) председателя ревкома Тупикова. В параграфе 3-ем этого приказа указывалось, что во время Гянджинского восстания некоторые жители армянской части г. Гянджи «набрали себе много вещей, каковые ревком предлагает немедленно сдать». В приказе предупреждалось, что не исполнившие этот приказ будут привлечены к суровой революционной ответственности вплоть до расстрела [206, л. 48]. Таким образом, армяне Гянджи, вместо того, чтобы примкнуть к соотечественникам в борьбе за независимость страны, занимались мародёрством, грабежами и воровством.

Тем не менее, в этот сложный для азербайджанцев период армяне занимали «тёпленькие» места. При этом следует отметить, что среди них были работники, нечистые на руку. Например, Политбюро ЦК АКП(б) 27 сентября 1920 г. обсудил вопрос о Качарове, обвиняемом в утере большой суммы денег из кассы АзЧека [7, л. 7].

В этот период были арестованы и некоторые армянские провокаторы. В июле 1920 г., например, в селении Мадраса Шамахинского уезда был арестован Чрезвычайным Комиссаром уезда и препровождён в Чрезвычайную Комиссию Тавакалянц Маркар, обвинённый в убийствах и поджогах в тесном союзе со Степаном Лалаевым во время мартовских событий 1918 г. При Советской власти он занимался мародёрством и взяточничеством. Следует отметить, что арестованный был членом АКП(б) [171, л. 21].

В отсутствие чрезвычайного комиссара г. Шамахи по постановлению «какой-то» комиссии из-под стражи были вы-

пущены обвинявшиеся в убийстве мусульман 2 армянина. 12 августа 1920 г. Чрезвычайком в обращении в Шамахинскую следственную комиссию потребовал немедленно принять решительные меры к их задержанию. Если они не будут заключены под стражу, предупреждалось в обращении, то комиссия и другие принимавшие участие в их освобождении, будут преданы суду Революционного трибунала [171, л. 27].

Хотя, как видим, принимались некоторые меры для устраниения дашнакских главарей, в то же время архивные документы, до последнего времени хранящиеся в секретных фондах, доказывают стремление определённых структур оставить безнаказанными дашнакских бандитов.

Одновременно ответственные люди азербайджанской национальности, даже невиновные ни в чём, держались за семью замками. Например, бывший городской голова Шамахи был арестован в первые же месяцы оккупации [171, л. 22].

Шёл учёт всех работников ревкомов, госслужащих и т.д. Например, в докладе Караева о положении в Губинском уезде, сделанном на заседании политбюро и оргбюро 9 января 1921 г., особо подчёркивалось, что секретарь Губинского ревкома Галкин – бывший николаевский офицер, а 10 ответственных работников в милиции и других учреждениях – бывшие приставы [96, л. 7]. Понятно, что против таких «неблагонадёжных» работников применялись жёсткие санкции.

Армейское руководство наказывало даже советских чиновников, которые хоть в чём-то перечили ему. Так, Председатель Совнархоза АССР Соловьёв Николай Иванович (член партии с 1904 г., член Совдепа, образование высшее, возраст 50 лет) 27 июня 1920 г. был арестован РВС XI и РВТ [42, л. 5]. Он был обвинён в оскорблении военного учреждения – Особой продовольственной комиссии по снаб-

жению XI Армии, причём начать следствие по делу об оскорблении председателю Ревтрибунала XI Поспелову предписал Реввоенсовет XI Армии [42, л. 1]. Дело заключалось в следующем.

Заместитель председателя Опродкомарм XI в заявлении в Ревтрибунал XI Армии указал, что отношением своим от 26 июня 1920 г. с резолюцией т. Председателя Северо-Кавказского революционного Комитета т.В.Мдивани он просил Совнархоз и Наркомпрод снять с учёта ограниченное количество предметов стеклянного производства, необходимых Опродкомарму XI для товарообмена с Персией на предметы первой необходимости для нужд XI Армии. Азербайджанская власть, по его словам, ничего не сделав по существу, прислала отношение обратно со следующими резолюциями: председателя Совнархоза Соловьёва «послать к чёрту» и Наркомпрода Гольдмана «согласно моих переговоров с тов. Эристовым – отказываю». Заявитель, считая, что такое отношение Азербайджанской власти к XI Красной Армии преступно и недопустимо, а тем более резолюция Соловьёва, наложенная на официальное письмо, просил расследовать это дело и привлечь Соловьёва к ответственности и Суду Ревтрибунала [42, л. 4].

Об аресте Н.И.Соловьёва за оскорбление военного учреждения XI Красной Армии председатель трибунала Поспелов послал телефонограмму Н.Нариманову [42, л. 7]. 27 июня 1920 г. Военный следователь Реввоен трибунала XI Армии Кавфронта Никольский допросил обвиняемого Соловьёва, который показал, что дело идёт об установлении Опродкомармом самостоятельного товарообмена с Персией, что он считал незаконным вторжением в деятельность Совнархоза. Соловьёв согласно распоряжения РВС XI Армии содержался под стражей при коменданте РВТ [42, л. 14].

Заседание Реввоен трибунала XI Армии 28 июня 1920 г., заслушав дело следотдела №648 по обвинению Предсов-

нархоза АССР Соловьёва Н.И. в оскорблении учреждения Красной Армии, вынесло постановление: «Считать, что следствие закончено и дело подлежит передаче в Верхтрибунал АССР по подсудности, т.к. Соловьёв состоит на службе в учреждении АССР. По мнению Трибунала мерою пресечения для Соловьёва может быть подписка о невыезде» [42, л. 15].

Армейское руководство продолжало вмешиваться в государственные дела, отчего некоторым коммунистам приходилось несладко. Например, в ЦК АКП поступило заявление Опродкомарма XI по поводу доклада Тюхтенева, в котором говорилось о «беспереывном недоразумении с Опродкомармом XI». Такое заявление Опродкомарм XI принял за оскорбление, и докладчику было предложено в срочном порядке представить документальные данные, в противном случае он будет предан суду Революционного трибунала. В ответ 8 октября 1920 г. ЦК заявил Опродкомарму XI, что Тюхтенева является членом ЦК партии, и такое отношение к нему ЦК находит недопустимым. Что же касается факта этих «недоразумений», то в ЦК ежедневно поступали заявления от всех уездов. Подписанное секретарём ЦК письмо заканчивалось прямолинейно: «Сообщая об этом, ЦК находит нужным лучше обратить Вам внимание на устранение причин, дающих повод к судебному процессу» [32, л. 234]. Таким образом, секретарю ЦК приходилось защищать даже членов ЦК от нападков армейских работников.

Местные работники, неугодные военным, арестовывались и подвергались унижениям. Председатель Центрожилотдела при Бакгубисполкоме Семён Жгенти был арестован в июле 1920 г. Чрезвычайной Комиссией по расквартированию (Николаевым). Под конвоем его заставили маршировать по городу [33, л. 19; 79, л. 87].

Работники просвещения также арестовывались. Заведующий отделом народного просвещения Нухинского рев-

кома Махмудов только в начале июня 1920 г. освобожден из-под ареста и приступил к работе [61, л. 8].

Действительные и мнимые контрреволюционеры жестоко наказывались XI Армией, подавившей национально-освободительное движение азербайджанского народа. На втором заседании Бакинского Совдепа 20 июня 1920 г. Левандовский с гордостью доложил о ликвидации «контрреволюции» в Азербайджане. Совет депутатов вынес постановление, в котором приветствовалось «политическое сознание рабоче-крестьянской Красной армии и стойкость и отвага вождей XI Армии. Теперь главной задачей новой власти было: «закрепление и расширение завоеваний Красной Армии и утверждение силами бакинского пролетариата рабочекрестьянского строя в Азербайджане» [191, л. 1].

Это «закрепление и расширение» снова претворялось в жизнь благодаря воинским частям.

В начале 1921 г. борьба Советской власти против патриотов – повстанцев приняла более организованный характер. 10 января 1921 г. АКП(б) и Азербайджанское Советское правительство приняли специальный план по ликвидации бандитизма, исполнение которого было поручено Народному Комиссариату Внутренних дел, Чрезвычайной Комиссии (ЧК) и Особому отделу XI Армии [264, 68].

26 августа 1921 г. Политбюро ЦК АКП обсудило вопрос о борьбе с бандитизмом в Бакинском районе. Оно одобрило действия военного командования в лице начальника гарнизона, двинувшего воинские части на население. Борьба с бандитизмом в Бакинском районе была поручена комиссии из трёх лиц в составе заведующего отделом Управления Баксовета, представителя АзЧека и Начальника гарнизона под председательством начальника гарнизона [94, л. 84].

С первых же дней советизации началась кампания против оппозиционных партий. Весь ленинско-сталинский период истории СССР характеризуется жестокими репрессиями.

Был раскрыт заговор иттихадистов. Арестами в ночь на 2 июля 1921 г. в Баку, а на 3 июля в провинции были задержаны почти все руководители, в т.ч. и вдохновитель Халил Шакирзаде. Было арестовано 229 человек [408, 52].

После упрочения оккупационной власти репрессивный аппарат «рабоче-крестьянского правительства» не оставлял в покое и трудящийся класс. В ночь с 7 на 8 апреля 1922 г. АЧК произвёл аресты среди рабочих и специалистов по подозрению в участии в деятельности антиправительственных партий [105, л. 104]. Были арестованы все активные «главаря» эсеров, меньшевиков, дашнаков и пр. [408, 53]. Декларативные заявления большевиков о демократии на деле являлись только демагогией. В действительности, в обществе не было места для плюрализма мнений. Рядовые граждане – не члены некоммунистической партии, страдали в период всего сталинского режима. После Особого отдела XI Армии за них взялся ЧК, а впоследствии КГБ. Последствия оккупации проявлялись всегда и везде, в хозяйственной и культурной жизни.

Президиум ЦК АКП(б) 25 июня 1922 г. обсудил единственный стоявший на повестке дня вопрос: о суде над партией эсеров. Докладчиком был М.Д.Багиров. Была назначена комиссия для детального ознакомления с материалами и разработки плана проведения процесса [106, л. 35]. Таким образом, большевики начали работу по установлению монопартийной системы.

Судьба мусаватистов и иттихадистов была ещё трагичнее. Эти вопросы широко освещены в исторической литературе.

В Азревком поступали заявления родственников арестованных, которые хотели узнать причину ареста родных и близких. Например, мать арестованного Джафара Джафарова хотела узнать, за что арестовали три месяца тому назад её сына, который тяжело болел, просила отдать его на поруки,

чтобы ухаживать за ним. В ответ ей сообщили, что её сын обвиняется в принадлежности к контрреволюционной организации «Иттихад» [165, л. 17, 18].

Следует отметить, что преследование мусаватистов с точки зрения большевиков не было лишено оснований. Уже 28 апреля 1920 г. под руководством Расулзаде М.Э. в нагорной части Баку в доме Джафара Джаббарлы был создан подпольный Комитет Сопротивления. Председателем Комитета был назначен Мирза Бала Мамедзаде, а его заместителем – Абдулвахаб Мамедзаде, секретарём Джафар Джаббарлы. Комитет создал тайную типографию и стал выпускать газету «Истиглал». Комитет вёл идеологическую войну против местных коммунистов. В Комитете были объединены студенты, а также выпускники высших учебных заведений [286, 155]. Эта героическая молодёжь вела работу в Баку и уездах. В июле 1923 года типография была обнаружена органами местной власти, члены Комитета Сопротивления были арестованы. Мамедзаде М.Б. удалось скрыться, а в 1924 году эмигрировать [286, 242-245].

Мусават до конца остался в оппозиции к новой советской власти, в то время как некоторые другие партии стали с ней сотрудничать [286 147-148]. С 1923 года начались ожесточённые репрессии против мусаватистов. Никакие пытки, Соловки и другие лагеря, трижды объявленные мусаватистами голодовки и понесённые жертвы не сломили волю этих людей. В 1926-1927 годах тюрьмы в Баку, Гяндже, Гарабахе и Нахчыване были переполнены мусаватистами [286, 161].

Следует отметить, что с 1926 до 1931 года усиливается подпольная деятельность Мусавата: агитация среди молодёжи, распространяются декларации, мусаватисты выступают против коллективизации и русификации. Кроме того, используя обострение отношений СССР с Великобританией, Мусават обсуждает идею вооружённого восстания [298,

141].

В начале сентября 1928 года на расширенном заседании Бакинской организации АКП снова бурно обсуждался вопрос о борьбе с Мусаватом. Мирзоян в своём докладе обвинил тюркских работников в том, что они заболели национализмом. В государственных учреждениях Азербайджана, в комиссариатах, университете, рабфаке, партшколе, везде, по мнению Мирзояна, противопоставлялись два фронта: тюрки и нетюрки. Конечно, во всём виноват Мусават, который нужно было, по мнению армянского лидера бакинских коммунистов, просто уничтожить. Сотни мусаватистов были изгнаны из школ, госучреждений, армии, отправлены в тюрьмы и Соловки [286, 163].

С 1932 г. азербайджанские коммунисты стали вести борьбу против мусаватистов не только в пределах республики, но и за границей [289, 17].

Другие политические партии ожидала участь не менее трагическая.

Все оппозиционные партии, не принявшие советскую власть, были объявлены контрреволюционными. 10 сентября 1921 г. Политбюро ЦК АКП, заслушав доклад Багирова – заключение по делу подпольной организации партии «Азербайджанская партия национальной обороны Ислама», (Azərbaycan Milli Müdafiə İslam Firqəsi) постановило применить высшую меру наказания только к главарям организации и предложила пересмотреть дела по обвинению главарей [94, л. 93]. Через 20 дней, т.е. 30 сентября 1921 г. состоялось заседание коллегии АЧК, которая приговорила к расстрелу всех 26 «главарей партии», приняв во внимание, что их действия были направлены на свержение рабоче-крестьянского правительства и что эти люди продолжали свою контрреволюционную работу [94, л. 113]. Таким образом, АЧК, пересмотрев список приговорённых к расстрелу руководителей партии, ни одного из списка не признал не-

виновным.

По данным азербайджанских историков, только в первые два года большевистской власти Азербайджан потерял 80-90 тыс. населения. [297, 86].

Во второй половине двадцатых годов в Азербайджане были ликвидированы все политические партии, проводившие антисоветскую политику. Но о выживших членах упразднённых партий вспомнили в годы «великого и массового террора».

Конечно, репрессии советской власти проводились не только в Азербайджане, они коснулись всего населения Советского Союза. Но в национальных республиках они ощущались наиболее остро, поскольку количество руководящих деятелей и интеллигенции здесь было не так велико, как в России, поэтому можно утверждать, что фактически был уничтожен весь генофонд нации. По имеющимся в МВД данным, за период с 1921 года по 1954 год за контрреволюционные преступления в стране Советов было осуждено 3777 380 человек, в т.ч. к высшей мере наказания приговорено – 642 980 человек, к содержанию в лагерях и тюрьмах – 2 369 220 человек, отправлено в ссылку и высылку – 765 180 человек; 2 900 000 осуждено коллегией ОГПУ, «тройками» НКВД и Особым Совещанием и 877 000 человек – судами, военными трибуналами, Спецколлекцией и Военной коллегией [339, 153].

Несмотря на то, что патриоты Азербайджана сильно пострадали, их семьям и, в частности, малолетним детям никто материальную помощь не оказал. Наоборот, дети, повзрослев, в дальнейшем тоже пострадали в разной степени: кто-то был лишён права на высшее образование, кто-то освобождён от работы благодаря компромату на них, собиравшемся НКВД, кто-то даже был сослан на Север. Страшная история преследования неблагоденных с точки зрения коммунистов лиц продолжалась вплоть до смерти «отца на-

родов» Сталина.

В то же время отпрыски тех, кто подавлял антисоветские восстания, пользовались всеми благами, предоставленными новым общественно-политическим строем. Анкетные данные их автобиографий устраивали советскую власть.

§4. Ещё раз о Нариманове

Как известно, вслед за Красной Армией в Баку прибыл Н.Нариманов, искренне веривший в то, что коммунистические идеи должны получить воплощение в независимом Советском Азербайджане. Однако увиденная им картина оказалась далека от нарисованного им идеала. В первые же дни после приезда в Баку (16 мая 1920 г.) Нариманов пишет Ленину: «... отношение Центра, ставящее нас в ужасные условия: ежедневно из центра являются представители наркомов с аршинными мандатами, предписывающими нам в том или другом отношении подчиняться известному наркому. Дорогой Владимир Ильич, неужели слова «независимый Азербайджан» не из Ваших уст? [395, 13]. Это письмо свидетельствовало о том, что обещанные ему Лениным независимость и суверенитет Азербайджана оказались не более, чем мифом.

В создавшихся условиях Азревком во главе с Н.Наримановым предпринимал решительные меры, чтобы ограбить невинных людей от репрессий. Эта деятельность Нариманова не нравилась армянам, для которых он стал представлять реальную угрозу, поэтому его устранение стало для них делом первоочередной важности.

Так, 18 июля 1920 г. Революционный Военный Полевой Трибунал АССР в составе председателя Хаджилиаса М.З. и

членов Воскина и К.Эриванского заслушал дело №76 по обвинению сотрудников Чрезвычайной Комиссии Ашота Каспарова и Соломона Найделя в дискредитировании Советской власти и умышленном аресте парохода «Ислам», на котором находился Председатель Азревкома Н.Нариманов и народные комиссары АССР в продолжение двух часов. На вопрос признают ли они себя виновными в провокаторской выходке – аресте парохода, они ответили отрицательно. С.Найдель подтвердил, однако, что арест парохода был произведён Каспаровым после того, как тот узнал, что на пароходе находятся Нариманов и другие товарищи. Суд признал доказанным виновность подсудимых, а их действия заслуживающими наказания – Каспарова, как умышленно дискредитирующего Советскую власть и виновного в аресте ответственных работников, отчего в глазах масс теряется престиж представителей рабочих и крестьян АССР, Найделя – в том, что исполнял все авантюристические распоряжения Каспарова, отлично сознавая, что этим подрывается авторитет Советской власти. При обыске у Каспарова было обнаружено более 100 тысяч рублей денег и много вещей, отчего у Суда появилось определённое мнение, что эти деньги и вещи были приобретены нечестным путём, а именно на службе в Чрезвычайной Комиссии. Трибунал постановил: подвергнуть Каспарова расстрелу с конфискацией всех денег и вещей в доход Республики, а Найделя приговорить к 15-ти годам тюремного заключения с принудительными работами [41, л. 123].

Однако армяне не могли успокоиться. 14 августа 1920 года трибунал рассмотрел дело по обвинению Хачатура Хубгарянца в распространении ложных слухов провокационного характера о том, что Н.Нариманов якобы арестован Караевым и направлен в Москву за то, что он «днём работает с большевиками, а ночью с мусаватистами». Принимая во внимание темноту и несознательность обвиняемого, суд

приговорил Хубгарянца к тюремному заключению сроком на 5 лет, приговор должен был быть применён условно, а обвиняемый освобождён из-под стражи [41, л. 46].

Нариманов в докладе в ЦК РКП под названием «К истории нашей революции на окраинах» писал: «Азербайджан грабят всюю, расстреливают направо и налево». Вот слова, с которыми меня встретили некоторые товарищи (в числе их ни Караева, ни Гусейнова не было). Ознакомившись с делами, я назначил заседание президиума Ревкома ... и пригласил тов. Панкрата, который тогда фактически управлял всем. Я поставил вопрос, чтобы без санкции Ревкома никого не расстреливать. Гусейнов М.Д. и Караев высказались против. Таким образом, старое продолжалось...» [110, л. 9].

Тем временем развернувший свою деятельность карательный орган – ЧК – требовал все больших полномочий.

На заседании Бюро ЦК АКП(б) 24 мая 1920 г. Председатель Чрезвычайной Комиссии Панкратов просил предоставить ЧК определённые права, как в России по инструкции ВЧК. Бюро ЦК АКП(б) полностью приняло инструкцию ВЧК с добавлением, что все крупные расстрелы будут производиться с ведома ЦК, а мелкие расстрелы, которые не имели общеполитического значения, ЧК будут производиться самостоятельно [4, л. 2]. Таким образом, карательные органы в Азербайджанской ССР организовывались и действовали по российскому образцу. Необычные слова документа – «крупные» и «мелкие» расстрелы ярко характеризуют жестокий 1920 год, а ведь за этими терминами – судьбы тысяч граждан республики.

27 мая 1920 г. был опубликован Декрет об образовании особой комиссии для освобождения арестованных из мест заключения. Этой комиссии предоставлялось право освобождать из-под стражи всех лиц, задержанных без достаточных к тому оснований и вообще применять меру пресе-

чения незаконных арестов [332, 45, 46].

Но издание никаких указов не могло остановить аресты. Обстановка накалялась с каждым днём. Например, в Бакинском уездном комиссариате по военным делам были арестованы все незаменимые работники, руководившие отделами. Вследствие этого уездный военный комиссар 7 июля 1920 г. просил о сложении с него его обязанностей, нести которые было абсолютно невозможно [32, л. 83].

Особым отделом XI Армии были арестованы и некоторые председатели уездных ревкомов, например, председатель Кюрдамирского ревкома Сеид Султанов [32, л. 175].

Некоторые люди незаконно арестовывались за спекуляцию, несмотря на то, что в АССР была узаконена свободная торговля. ЦК АКП(б) обращался в Трибунал XI Армии с предложениями освободить их [32, л. 304].

12 июля 1920 г. на заседании Азревкома Н. Нариманов подписал декрет об амнистии. Согласно декрету, предписывалось широко применять досрочное освобождение к находящимся в местах заключения осуждённым судебными (революционными трибуналами и народными судами) или административными органами, ЧК, исполкомом и административными отделениями. Однако следует отметить, что в декрете было и такое, что в отрицательном смысле решало участь тысяч людей. Этот декрет не распространялся на обвиняемых или осуждённых за участие в заговорах против Советской власти или содействие партиям и группам, которые поставили себе целью вооружённую борьбу против Советской власти, за совершение преступлений, связанных с корыстной целью, за шпионаж, за службу в азербайджанской контрразведке, а также на видных деятелей контрреволюционных партий и организаций, в частности, на всех активистов партий «Мусават» и «Дашнакцутюн» [332, 128]. Эта оговорка послужила поводом для настоящих гонений на

мусаватистов, иттихадистов и других национальных партий Азербайджана, обвинённых в антисоветской деятельности. Декрет предписывалось применять в широких масштабах к находящимся в местах заключения рабочим, крестьянам и аскерам. Как видно, в этом списке нет интеллигенции, которая продолжала подвергаться репрессиям ещё много лет.

В ознаменование состоявшегося в сентябре 1920 г. в Баку Съезда народов Востока, сила декрета об амнистии распространялась на преступления, учинённые до 1 сентября. Проведение декрета возлагалось на Чрезвычайную Комиссию по применению амнистии [28, л. 104]. Чрезвычайной комиссией руководило практическое соображение о разгрузке тюрем от большого числа заключённых, учинивших небольшие проступки или совершивших преступления из-за сложившихся для них неблагоприятных обстоятельств, а также вовлечённых в преступления злонамеренными лицами. По указанию Чрезвычайной Комиссии все осужденные военнослужащие XI Армии были амнистированы, причём эта амнистия была отнесена ко всем преступлениям, учинённым до 1 сентября 1920 г. [28, л. 159].

Таким образом, амнистия коснулась всех преступников в красноармейской форме, совершивших преступления до 1 сентября 1920 г.

Декрет об амнистии, даже несмотря на вышеуказанные оговорки, не устраивал некоторых ответственных лиц. Например, заместитель Чрезвычайного Комиссара по Лянкяранскому уезду в конце ноября 1920 г. телеграфировал Н.Нариманову, Г.Каминскому, Э.Ханбудагову о том, что военнополитическое положение Лянкяранского и Джавадского уездов обязывает его настаивать на неприменении этого декрета к заключённым. Особо отмечалось, что местная мусаватская подпольная организация имеет связь с разбойничьими бандами и их необходимо держать в заключении [69, л. 140].

В исследуемый период были случаи, когда отдельные ведомства, органы ЧК арестовывали служащих учреждений за проступки служебного и неслужебного характера и за политические убеждения без извещения о том администрации даже после ареста. Н.Нариманов пытался остановить этот беспредел. 12 августа 1920 г. Н.Нариманов издал приказ о недопустимости арестов служащих без ведома администрации учреждений [332, 198].

Однако беззакония продолжались. Например, Президиум АСПС 1 ноября 1920 г. заслушал и обсудил вопрос об арестах телефонисток ЧК Особым отделом и другими лицами часто без всяких причин. Это негативно отражалось на работе телефонной станции. АСПС просил ЦК АКП(б) и Азревком издать приказ, чтобы без ведома Комитета служащих и заведующего телефонной станцией никто не имел права арестовывать телефонисток при исполнении служебных обязанностей [22, л. 112].

Н.Нариманов следил за тем, чтобы его указы и декреты применялись в реальной жизни, а не оставались на бумаге, как того хотелось бы руководству XI Красной Армии. 3 ноября 1920 г. Н.Нариманов подписал приказ об организации в Нухинском уезде комиссии по применению амнистии Азревкома от 14 июля того же года. Комиссия под председательством Н.Нариманова и по одному представителю от уездревкома и от уездкомпартии должна была немедленно приступить к рассмотрению дел всех арестантов нухинской тюрьмы и освободить лиц, подлежащих амнистии [332, 371]. Благодаря этому приказу большая часть арестантов вернулась к своей обычной жизни.

В ознаменование третьей годовщины Октябрьской революции и ввиду шестимесячного существования Советской власти в Азербайджане 6 ноября 1920 года Азревком нашёл возможным прекратить уголовное преследование всех лиц, совершивших преступления как общего, так и политическо-

го характера из-за своей несознательности и недостаточной политической зрелости. Исключение опять составляли обвиняемые в заговорах и восстаниях против Советской власти и в активном содействии партиям и группам, поставившим себе целью вооружённую борьбу против Советской власти, если такие лица являлись зачинщиками, организаторами или главарями движения [332, 373].

Как видно, основной целью вышеперечисленных мер была ликвидация патриотически настроенных людей, выступавших за восстановление независимости Азербайджана, которые по определению являлись заклятыми врагами советской власти и в отношении их открыто продолжались узаконенные аресты и расстрелы. Нариманов своими декретами старался лишь смягчить репрессии против обычных граждан, часто невиновных и незаконно осуждённых.

Следует отметить, что ряд приказов Нариманова вызывал негативную реакцию Панкратова. Так, например, 27 октября 1920 г. Н.Нариманов издал распоряжение о том, что председатель ЧК Гянджинской губернии (Чикарёв) подчиняется Чрезвычайному комиссару (Эфендиев) и потребовал беспрекословного подчинения всем требованиям последнего, иначе будет предан суду Военно-полевого трибунала республики [82, л. 1]. Через несколько дней, 3 ноября Панкратов написал в ЦК АКП, что это распоряжение издано вопреки постановления ЦК, т.к. «в практике ЧК ещё не видано и не слыхано, чтоб Губчека подчинялась Чрезвычайным Комиссарам». Панкратов просил предать суду партии Эфендиева за «кляузы и интриги», как выражался начальник Особого отдела XI Армии. По его словам, «отдать в его руки борьбу с контрреволюцией для разжигания национализма, этого ЦК допустить не должен». Панкратов предупредил, что ЧК работает по директивам ВЧК и в районе армии подчиняется Особым отделам. Об этом он сообщил в президиум ВЧК и Особотделу [82, л. 1, 19].

Другой пример: 1 ноября 1920 г. Нариманов обратился в Особый отдел XI Армии с предложением приостановить до особого распоряжения все дела о турецких подданных, как военных, так и не военных. 3 ноября Панкратов обратился в ЦК с просьбой обратить внимание на изобилие распоряжений, не входящих в компетенцию Нариманова [82, л. 20]. Так решения Н.Нариманова оспаривались и фактически дезавуировались начальником Особого отдела XI Армии.

С осени 1920 г. репрессии стали ужесточаться, невзирая на старания республиканской власти смягчить их и спасти невиновных.

29 октября 1920 г. Ленин направил телеграмму члену Революционного Военного Совета Республики Сталину о необходимости спешно принять меры к укреплению подступов к Баку с суши и моря [398, 451] для борьбы с якобы окружившими его «контрреволюционными» бандами. В телеграмме Сталину от 13 ноября 1920 г. Ленин интересовался, как идёт борьба с бандами? Как известно, у страха глаза велики, и Ленин с тревогой спрашивал, правда ли, что в них (т.е. бандах – А.Н.) свыше 20 тысяч штыков и сабель? Ленин также был уверен, что мировой империализм попытается вторгнуться в пределы Азербайджана и отнять нефтеносный Баку у русских. Поэтому его интересовало, достаточны ли назначенные на Кавкфронт подкрепления? И ведутся ли вполне серьёзно работы по укреплению подходов к Баку? [364, 272].

Как известно, в начале XX века Баку давал более половины мировой добычи нефти и 95% – России [402, 63]. Страх потери такого богатства был причиной беспокойства Ленина.

15 ноября Сталин в телеграмме из Баку сообщил Ленину об успешной борьбе с бандами на Кавказе и о необходимости усиления подкреплений Кавказскому фронту для обороны Баку [398, 451].

Этой ситуацией оперативно воспользовался Панкратов, поставивший перед собой цель до конца уничтожить офицерский состав национальной армии. 8 декабря 1920 г. Панкратов с подачи Особого отдела Кавфронта обратился в ЦК АКП с просьбой издать секретный приказ всем членам партии об изъятии из обращения ручательств партийных работников за бывших офицеров белых армий и впредь таких ручательств за указанных лиц не давать [82, л. 67].

Панкратов осуществлял преследования и членов компартии Азербайджана, несмотря на то, что ему пришлось согласиться с декретами Нариманова об арестах. В дело вмешалась Азербайджанская коммунистическая партия. По сути, она оказалась в этом вопросе на стороне Н.Нариманова.

В связи с происходившими в уездах бесконтрольными арестами членов партии Политотдел и Оргбюро ЦК АКП 13 декабря 1920 г. постановили, что ни один арест члена компартии не может быть произведён без согласия местного парткома. В случаях, когда местный партком не согласен с арестом того или иного коммуниста, а пребывание его на свободе не угрожает общей безопасности, арест не производится до получения согласия ЦК, куда немедленно посылаются главный обвинительный материал. В случаях арестов членов компартии, произведённых без достаточного основания, арестовывается лицо, производившее арест. Приказом по Морскому Особому Отделу Каспийского Побережья от 19 декабря 1920 г. всем начальникам отделений постов и пунктов было предписано это постановление неуклонно исполнять [82, л. 82].

20 декабря 1920 г. был издан приказ №207 по Особому отделу при Реввоенсовете XI Красной Армии. В приказе говорилось, что отделения особых отделов, ведя работу по шпионажу и контрреволюции, зачастую впадали в мелочи повседневной гражданской жизни и за отсутствием работы,

непосредственно относящейся к функциям Особого отдела, вмешивались в работу ЧК. Отделения натывались на всякого рода преступления по должности со стороны партработников и, не ведя расследования дел, сразу производили аресты их, чем парализовали как партийную, так и советскую работу на местах.

Вынужден был согласиться с этим и Панкратов. Подтверждая приказ по отделу от 16 ноября 1920 г., Панкратов приказал аресты партработников, не состоявших на военной службе и работавших в партийных организациях и советских учреждениях на местах, впредь без санкции местного парткома не производить, если пребывание указанного лица на свободе не представляло опасности. В приказе особо подчёркивалось, что от местной работы в гражданской области следовало отказаться, «дабы не навлекать на Особотдел и его сотрудников всякого рода небывлицы». На местах по борьбе с контрреволюцией и преступностью были организованы местные органы ЧК, и Панкратов согласился с тем, что этим органам и надлежит передать работу местного характера. Панкратов сокрушался, что «Особый Отдел в глазах непонимающих стоит как орган, только карающий и никого не признающий» [82, л. 83].

Жалобы крестьян на злоупотребления со стороны продавцов, закупочных комиссий, должностных лиц в связи с заготовкой скота и продуктов поступали со всех уездов в Азревком. В них особо отмечались массовые случаи изъятия домашних вещей, одежды и продуктов питания (куры, яйца, масло, сыр и т. д.). Рабочий и молочный скот отчуждался без всякой нормы.

Азревком усмотрел причину этого в полном бездействии местных органов власти и их преступном отношении к своим обязанностям.

Такая ситуация подрывала авторитет советской власти, поэтому было необходимо принять решительные меры [223,

л. 67].

Чтобы предотвратить негативные последствия, председатель Азревкома Н.Нариманов издал летом 1920 г. приказ, в котором запретил вывозить хлебные продукты, пшеницу, ячмень, чалтык и др. из пределов уездов за исключением Лянкяранского и Джавадского уездов. Рабочий, племенной и дойный скот, а также овцематки по этому приказу не подлежали отчуждению. Азербайджанский революционный комитет предупреждал, что виновники-нарушители этого положения, независимо от своей служебной должности, будут немедленно арестованы и подвергнуты строгому наказанию [223, л. 67].

Таким образом, Н.Нариманов предпринимал меры для предотвращения незаконных реквизиций и тем самым хотя бы отчасти защищал интересы населения.

Большой интерес представляет Сводка постановлений Особой Смешанной Комиссии при Предазревкоме Нариманове, вынесенных на заседаниях названной комиссии от 24 до 28 октября 1920 года на основании материала, собранного во время объезда Комиссией главных районов Республики в период 30 сентября – 14 октября 1920 года. Комиссия посетила Уджар, Гейчай, Гянджу, Газах, Пойлы, Товуз, Евлах, Агдам, Шушу, Ляки и Кюрдамир [10, л. 77, 78].

Именно эта комиссия предложила Опродкомарму XI издать приказ по подведомственным учреждениям о том, чтобы работники на местах считались с обычаями и нравами населения и прекратили бы злоупотребления, зафиксированные комиссией из жалоб населения, как-то: невероятно грубое обращение с населением, бесцельная стрельба, отчуждение положенной по инструкции нормы по несколько раз, предъявление дополнительных требований помимо указаний ревкомов. Именно эта комиссия постановила ходатайствовать перед Реввоенсоветом XI Армии издать приказ, который должен был окончательно прекратить недопусти-

мое изъятие закупочными комиссиями рабочего скота у крестьян во время обработки ими земли [10, л. 81].

Масса жалоб в Азревком на армейских работников продолжала поступать. При взятии хлеба или скота даже у бедных крестьян отбиралось всё, что попадалось на глаза работникам ревкомов, продагентам и опродкомдивам. Часто у крестьянина реквизировалась его последняя лошадь или другой рабочий скот. Н.Нариманов в октябре 1920 г. издал новый приказ, в котором обвинил в неосознанности и попустительстве преступлениям виновных продагентов и начальников войсковых частей. Н.Нариманов предложил ревкомам объявить всем крестьянам, что те агенты, которые отбирают хлеб и скот помимо ревкомов, есть разбойники, грабители, а потому им не только ничего не нужно выдавать, но каждый раз их необходимо задерживать и передавать властям для привлечения к ответственности и понесения должного наказания [221, л. 221]. Так, Н.Нариманов в очередной раз пытался оградить население Азербайджана от произвола военных.

Положение крестьян, несмотря на усилия Азревкома, было ужасным. В декабре 1920 года по решению Азревкома была создана специальная комиссия для помощи крестьянам-беднякам и в её распоряжение было отпущено 10 млн. рублей. На основании предложения Нариманова было принято постановление обеспечить крестьян тканями производства бывшей фабрики Тагиева, а также послать продукты питания в деревню [327, 26]. Однако реальная помощь, оказанная крестьянам, была неудовлетворительной.

Несмотря на тяжёлое положение крестьян, они отказывались из-за религиозных убеждений от земли, конфискованной у помещиков советской властью, что вытекало из строгого воспитания в рамках ислама [276, 433].

Чтобы облегчить положение крестьянства, Азревком постановил 11 января 1921 г. прекратить заготовку хлебных

продуктов (пшеница, рис, ячмень) для снабжения Красной Армии во всех уездах Азербайджана, за исключением Лянкяранского и Джавадского, где ещё имелись значительные хлебные запасы [332, 435]. Таким образом, оставшиеся у крестьян хлебные запасы могли пойти на удовлетворение семенных нужд и внутриуездных потребностей.

Однако реальное положение, несмотря на меры Азревкома, оставалось нетерпимым. Тяжелое положение с хлебом привело к тому, что 31 марта 1921 г. политбюро и оргбюро ЦК АКП постановило сократить норму хлебного пайка. Заседание поручило Конушкину и Серебровскому срочно переговорить с Орджоникидзе о выделении из резервов Армии 50 тыс. пудов хлеба для бакинских рабочих [96, л. 31].

Постановлением коллегии Наркомпрода от 17 апреля 1921 г. была отменена и апрельская развёрстка на мясо. Кроме того, был издан декрет об отмене на 1921 г. всех монополий, а также продналога [159, л. 170].

Как указывалось выше, подводная повинность была очень тяжёлой для крестьян, хотя армейские руководители не считались с этим фактом. Член РВС XI Лукин даже простодушно (или хитроумно) считал, что мобилизация подвод идёт на пользу местному населению, так как подводная повинность, дав возможность армии перебрасывать свои запасы в дивизии, освобождает последние от необходимости отнимать излишки у местного населения [32, л. 134].

В Народный Комиссариат Земледелия от многих сельских обществ и сельскохозяйственных объединений (коммун, артелей и товариществ) весной 1921 г. поступали ходатайства об отмене подводной повинности, принявшей такие большие размеры, что крестьяне лишились возможности нормально вести сельское хозяйство, в т. ч. выполнить весеннюю посевную кампанию. Подводы у населения требовались XI Армией не только для провоза в пределах АССР, но отправлялись и за пределы, например, в Грузию, что бы-

ло совершенно недопустимо. Поэтому Наркомзем просил Азревком принять срочные меры к урегулированию вопроса о подводной повинности [162, л. 105-106]. Проблема усугублялась ввиду того, что в некоторых уездах 50% рабочего скота погибло по дороге в Ираван и Тифлис, а оставшийся в живых скот был сильно истощён и погибал от голода. Уездные ревкомы по этой причине также ходатайствовали перед Азревкомом об освобождении населения от подводной повинности [162, л. 59].

Таким образом, Азревком предпринимал меры для улучшения положения азербайджанского народа.

Деятельность Нариманова по привлечению мусульман к просвещению также вызывала раздражение у служащих отделов народного образования. Президиум Баксовета 19 января 1921 г. на своём заседании заслушал сообщение Гутина о ненормальных отношениях, создавшихся между Наримановым и Бакинским отделом народного образования. Оказывается, Нариманов вызывает к себе заведующих подотделами этого отдела Палер и Тимофееву, обвиняет их в невнимательном отношении к детям-мусульманам, при этом угрожая им высылкой из Азербайджана. Если взять на веру, что Нариманов действительно угрожал высылкой из республики, то можно себе представить, в каких больших размерах было это «невнимательное отношение к детям-мусульманам». Принятое постановление в отношении председателя Азревкома отличалось бесцеремонностью: «Сообщение принять к сведению, считая это явление ненормальным, передать это заявление в ЦК АКП с просьбой принять меры к устранению этих ненормальностей». На обратной стороне архивного документа есть запись: «В ЦК АКП. Для сведения и исполнения. Управделами Баксовета С.Кравцов. 24 января 1921 г. №479» [100, л. 23]. Так, Нариманов не устраивал даже советских чиновников средней руки. Разбираться с ним будет ЦК! Причины понятны – любое послаб-

ление в сторону национальных сил было чревато отрицательными для Центра последствиями. Задушить в корне желание патриотов руководить самостоятельно и для пользы родного народа – вот цель новых властных структур.

Н. Нариманов пытался улучшить положение народа. Он отмечал, что «сложившееся положение является странным. Здесь запрашивали, почему деревня до сих пор ничего не получает. Совершенно верно, в подобных вопросах мы виноваты... Удивительное дело, здесь, в Азербайджане, море нефти, керосину и вдруг в деревнях Азербайджана сидят без освещения. Нет нефти не только в далёких уездах, но нет и здесь, вблизи железных дорог. В Азербайджане есть соль, а крестьяне сидят без соли в Азербайджане крестьянин не находит стакана» [381, 503, 504]. Наркомпрод в июне 1921 г. решил посылать соль и керосин в уезды для товарообмена и для беднейшего населения. На семью предполагалось выдавать: соли по 10 фунтов и керосина по 5 фунтов [159, л. 153].

Враждебное отношение советских чиновников, чинимые ими препятствия в работе по налаживанию в республике справедливого порядка довели Нариманова до того, что он решил самоустраниться и уйти из политики. 9 октября 1921 г. заседание Политбюро ЦК АКП(б), на котором присутствовали Киров (председатель), Нариманов, Гусейнов, заслушало заявление Нариманова с просьбой об освобождении его от работы, «ввиду усталости и желания посвятить себя литературной работе». Политбюро постановило просьбу отклонить, а в случае надобности предоставить отпуск [95, л. 7].

Разочарование, мягко названное Наримановым усталостью, углублялось с каждым днём, так как для этого находились новые, весьма веские, причины. 9 ноября 1921 г. на заседании Политбюро Нариманов заявил о том, что М.С.Кедров, представитель ВЧК, стоявший во главе Мор-

чека, своими действиями препятствует торговле с туркменскими купцами. Политбюро постановило поручить экономсовету созвать представителей заинтересованных сторон для разрешения вопроса о торговле с туркменскими и персидскими купцами [94, л. 121; 95, л. 12]. Так, Н.Нариманов доказывал, что некомпетентные люди вмешиваются в дела республики.

Хотя военные и препятствовали законной торговле с персидскими купцами, одновременно с этим сами пытались завязать с ними незаконные торговые отношения. В частности, военно-морское командование и моряки повсеместно сами нарушали советские законы. Все декреты, постановления и распоряжения Высшей власти РСФСР о борьбе с вывозом из пределов советских республик запрещённых к вывозу товаров и драгоценных металлов, а также с беспощинным ввозом и вывозом разрешённых товаров, не только не проводились в жизнь должностными лицами Каспвоенфлота, но систематически нарушались ими же. Военные моряки Каспвоенфлота, с 1920 года во время каждого похода в Энзели (Персия) отвозили контрабандным путём бумагу, муку, краски, бензин, швейные машины, телефонные аппараты и другие дефицитные товары и на вырученные деньги привозили из Энзели рис, кишмиш, табак и другие товары в таком количестве, что военные корабли даже теряли свой вид. Привозимые товары продавались военморами в Баку. С 1921 г. началась отправка золота и серебра. Военные моряки заводили знакомства с персидскими купцами, которые, видя их преступные наклонности, уговаривали их (причём без затруднений) стать агентами по отправке за определённое вознаграждение золота и серебра из Баку в Персию. Комиссары кораблей могли «по-хозяйски» так запрятать отправляемые ценности, что даже Особый отдел при обыске не мог их обнаружить. Однако, коммерческая деятельность военморов была раскрыта в 1922 году, и выездная

сессия Революционного Военного Трибунала Отдельной Кавказской Армии, под председательством Стасюлиса в открытом судебном заседании с 6 по 23 июня 1923 года рассмотрела это дело и установила меру наказания 18-и воен-
моров [109, л. 22, 23].

У Н.Нариманова возникли разногласия и с Чичериным. Н.Нариманов подписал декрет о возвращении конфискованных товаров персидских купцов. Декрет не был согласован с ЦК АКП(б) и СНК АССР. Товары не были возвращены [268, 116]. Таким образом, Н.Нариманов вызывал своей деятельностью раздражение и Панкратова, и других чиновников, в основном некоренной национальности.

Как известно, в следующем, т.е. 1922 году начались гонения на самого Н.Нариманова. Причина этого заключалась, прежде всего, в его нежелании поступаться национальными интересами во имя торжества идей коммунизма. В своей статье под названием «Ответ некоторым товарищам», напечатанной им в газете «Бакинский рабочий», Нариманов фактически ответил некоторым ответственным работникам, которые выступали в прессе по вопросу о сокращении числа уроков тюркского языка в школах, или о сокращении числа спектаклей в тюркском театре и пр. Нариманов, ссылаясь на то, что $\frac{2}{3}$ крестьян и рабочих составляли безграмотные тюрки, а $\frac{1}{3}$ – другие национальности, стоявшие в отношении грамотности выше, предлагал « $\frac{2}{3}$ расходов употребить на образование тюрков, $\frac{2}{3}$ внимания партии уделить на тюрков и $\frac{2}{3}$ всей энергии советских органов отдать работе среди тюрков». Он особо подчёркивал, что «тюркский язык объявлен государственным языком в Азербайджане, и он должен пользоваться всеми правами и преимуществами этого языка. Никто не в силе и не посмеет отменить это. Азербайджан может в силу известных политических и экономических соображений уступить территории, свои естественные богатства, но отказаться от своего род-

ного языка он не может и не позволит кому бы то ни было умалять значение этого языка в Азербайджане. Пусть знают твёрдо это те, которые под разными соусами выступают против тюркского языка в Азербайджане» [106, л. 18-21].

Такие мысли Нариманова, конечно, не могли вызвать сочувствие большевистского руководства. Президиум ЦК АКП(б) 19 июня 1922 г. заслушал вопрос о статье Нариманова. Постановили «считать недопустимым выступление ответственного работника с такими статьями, дезорганизующими партийную организацию, в центральном партийном органе» [106, л. 13]. Таким образом, как только началось «строительство социалистического общества», справедливые требования Нариманова в печати стали расцениваться как националистический уклон, в котором позже он был обвинён официально.

§5. Жертвы и проводники оккупации в годы «массового террора» тридцатых

Репрессии против инакомыслящих, как и против и верноподданных граждан продолжались в 20-е и 30-е годы по всему СССР. Не стал исключением и Азербайджан. Часто выжившие в тюрьмах и ссылках не могли выдержать оказываемого на них морального давления уже по возвращении домой.

Так, общественно-политический деятель, член парламента Азербайджанской Республики (1918-1920 гг.) Рагим бек Векилов, после апрельской оккупации активно участвовавший в подпольной организации Мусават, был сослан в 1927 году на Север. Р.Векилов и там продолжал свою работу, под его руководством была создана подпольная группа «Мусават». В 1934 году вернулся на родину, но, не выдер-

жав давления со стороны карательных органов, в том же году покончил с собой [249, 427].

По прошествии нескольких лет, в 1937-1938 гг., начался «великий террор». Вспомнили в первую очередь об оставшихся ещё в живых мусаватистах, лидерах независимой республики, и, конечно же, об их родственниках, ещё не угодивших за решётку.

Некоторым деятелям Азербайджанской Республики (1918-1920 гг.) в 20-х годах удалось уцелеть. Например, Гамид бек Шахтаhtинский (сначала заместитель министра просвещения, а затем – министр) после апрельского переворота преподавал в университете, став одним из первых преподавателей, читавшим лекции на азербайджанском языке. В 1930 г. он получил звание профессора. Однако в результате сталинских репрессий в 1941 г. он был сослан в Архангельскую область и в 1943 г. погиб в ссылке [266].

Худадат бек Меликасланов (бывший министр путей сообщения независимой республики) был известным учёным, просветителем и инженером-изобретателем. В советское время преподавал в высших учебных заведениях, стал одним из первых профессоров в области технических наук [247, 74.]. В Азербайджанском Политехническом Институте в 1922 г. среди 25 профессоров, был только один азербайджанец – Худадат бек Меликасланов [139, л. 140]. Был арестован в 1930-1933 гг., затем снова репрессирован в 1934 г. и умер в 1935 г. в сталинских застенках [247, 74].

Нурмамед бек Шахсуваров (бывший министр просвещения) после оккупации преподавал русский язык в высших и средних учебных заведениях, возглавлял кафедру русского языка в БГУ. В 1940-1943 гг. его отправили в ссылку в Краснодар, но и там он продолжал преподавательскую деятельность. К счастью, вернулся на Родину в 1943 г. [247, 78].

Члены национального правительства и парламента Ра-

шидхан Капланов (министр просвещения), Ахмед бек Пепинов, Нариман бек Нариманбейли погибли в 1937-1938 гг. в результате сталинских репрессий. [247, 65, 84].

Все члены семей эмигрировавших Мамедэмина и Мамедали Расулзаде были репрессированы в 1937 г. [399, 68].

Репрессиям в годы сталинизма подверглись все родственники Гарабахского губернатора Хосров бека Султанова, проживавшие в Лачине, многие из них были расстреляны [399, 140]. Жена Султан бека Султанова, его дочь и внук, которому ещё не исполнился год, были сосланы в Казахстан, в Чимкентскую область. Семья Мамедэмина Расулзаде определённое время жила с ними по соседству. В деревне Чулаккурбан жили также 400 семей гачагов, т.е. восставших против Советской власти. В 1941 г. семья Султан бека приехала в Баку, но М.Д.Багиров потребовал в течение 24 часов покинуть Азербайджан. Семья вернулась в Казахстан. В 1948 г. вторая попытка вернуться на Родину также закончилась неудачно. Только в 1956 г., когда шёл судебный процесс над Багировым, семье удалось вернуться в Азербайджан [282, 301-302].

Брат премьер-министра Насиб бека Усуббекова Эюб Усуббеков в тюрьмах и колониях сталинского режима провёл 30 лет [399, 217].

Бехбут Шахтахинский впоследствии покончил с собой [286, 151].

В 1928 году Хамдулла Эфенди был репрессирован, сослан в Сибирь, где и скончался [248, 325].

Враги азербайджанского народа пытались опорочить выдающегося азербайджанского писателя, члена парламента Неманзаде Омара Фаика. Ещё в 1922 году по доносу в Батуме был арестован его племянник (сын брата) Гусейн, студент Стамбульского Университета. Будущий врач был незаконно обвинён в шпионаже. На защиту Омара Фаика и его племянника встал Н.Нариманов, сыгравший решающую

роль в освобождении Гусейна в 1923 году. Однако в 1926 году он был снова обвинён и сослан. Умер в 1935 году. В 1935 г. был арестован и сослан другой племянник Омара Фаика (сын сестры) Ахмед бек Пепинов, который затем снова был арестован и расстрелян [284, 168].

Репрессии тридцатых годов не пощадили даже тех деятелей независимой Азербайджанской Республики, которые вели переговоры с командованием XI Армии и были даже согласны принять её услуги в апреле 1920 года. Так, бывший член партии Мусават Мамед Гасан Гаджинский, переметнувшийся к большевикам накануне оккупации, в двадцатых годах занимал ответственные должности в государственных, хозяйственных и торговых структурах Азербайджанской ССР. Однако и Гаджинский не избежал «меча революции». Обвинённый в том, что, работая в Закавказском Государственном Плановом Комитете, он организовал, якобы, «Контрреволюционный Азербайджанский Национальный Центр», наладил связи с мусаватской эмиграцией и совершил ряд преступлений против пролетарского государства, в конце 1930 года был арестован, и уже 7 февраля 1931 года при загадочных обстоятельствах умер в тюрьме и неизвестно где был похоронен. Известны его предсмертные письма Г.Орджоникидзе и Ш.Элиаве, в которых он отрицал свою вину [264, 48, 49].

В октябре 1937 г. было объявлено о раскрытии контрреволюционной, шпионско-террористической, диверсионно-вредительской, буржуазно-националистической организации (советская фразеология – А.Н.) Шамахинского района во главе с Гамидом Султановым. Эта организация, якобы, ставила задачу свержения Советской власти в Азербайджане, отторжения его от СССР и реставрации капиталистической собственности. Среди обвинённых «руководителей организации» были верные большевики-ленинцы Р.Ахундов, С.М.Эфендиев, Г.Мусабеков, Д.Буниатзаде, А.Г.Караев,

Ю.Касимов, Т.Шахбази [394, 122, 123]. Все они после апрельского переворота занимали видные государственные посты в Советском Азербайджане.

Гамид Султанов был арестован в июле 1937 г. и в январе 1938 г. был расстрелян. Расстреляна была также его жена – видный партийный и советский деятель Айна Султанова [264, 69, 70].

Колесо репрессий не пощадило Чрезвычайного комиссара Д.Буниатзаде, а также А.Г.Караева, который с июня 1920 – по январь 1923 г. занимал пост наркома по военным и морским делам Азерб. ССР., и С.М.Эфендиева, который в 1920 г. был назначен Чрезвычайным Уполномоченным ЦК АКП(б) и комиссаром Гянджинской губернии.

Принимавший активное участие в подавлении Гянджинского восстания в 1920 г. Габиб Джабиев погиб в результате репрессий в 1938 г. [248, 278].

В 1938 г. был оклеветан и расстрелян и А.П.Серебровский, первый председатель Азнефти, много сделавший в деле обеспечения советской империи азербайджанской нефтью [283].

Из-за предчувствия неизбежных репрессий в феврале 1937 г. покончил с собой Г.К.Орджоникидзе, сыгравший неприглядную роль в истории советизации Азербайджана, просивший Ленина не давать широких полномочий Н.Нариманову, руководивший оккупацией, а также внешней и внутренней политикой республики, поставивший вопрос о том, независимой ли должна оставаться Азербайджанская ССР или влиться в РСФСР, стоявший во главе репрессий против Азербайджана после оккупации. Орджоникидзе, которого Н.Нариманов звал не иначе, как «Наместником Кавказа», сыгравший подлую роль в отторжении исконных азербайджанских земель и передаче их Армении.

Человек, который в историческую ночь 27 апреля 1920 г. предложил вывести военный флот в море, чтобы предья-

вить азербайджанскому правительству ультиматум о сдаче власти и исполнил это, тоже был принесён в жертву молоху репрессий. Чингиз Ильдырым – революционер, нарком-военмор, член Реввоенсовета XI Армии, инженер, с чьим именем связано становление Магнитогорского металлургического комбината. После Магнитки работал заместителем начальника строящегося металлургического завода в Кривом Роге, где и был в 1937 году арестован. Ч.Ильдырым обвинялся в том, что он с одобрения Н.Нариманова, будучи нарком-военмором, привлёк на службу советской власти бывших царских генералов и военных министров независимой республики Шихлинского и Мехмандарова, в патриотизме которых был убеждён [394, 55, 56, 61, 62].

Кошунственной в 1920 году показалась бы мысль о том, что пламенные революционеры, стоявшие у истоков Советской власти и продолжающие верно ей служить, через несколько лет погибнут от рук этой самой власти, уничтожившей практически всех «детей революции».

После загадочной смерти в 1925 г. (есть версия об убийстве) имя Н.Нариманова ассоциировалось только с понятиями «национализм», «национал-уклонизм», «наримановщина». Усилиями советских идеологов это имя погрузилось в Лету и только после XX съезда компартии (февраль 1956 г.) вернулось к нам. Таким образом, репрессированными в сталинскую эпоху государственные деятели становились даже посмертно. Одни были приговорены к расстрелу, другие – к забвению.

Та же участь ждала и военных, которые верой и правдой служили Советской власти.

Левандовский М.К., в гражданскую войну командующий войсками на Северном Кавказе, в 1919-1921 гг. начдив и командующий XI Красной Армией, был репрессирован в 1938 году [381, 669].

В начале двадцатых Александр Тодорский руководил

частями и соединениями Красной Армии, подавляя антисоветские восстания в Закавказье, на Северном Кавказе и Средней Азии. Его заслуги были отмечены четырьмя орденами Красного Знамени (два – РСФСР, Аз.ССР и Арм.ССР) и орденом Красной Звезды. В Баку он был начальником 32-й стрелковой дивизии. В 1921 г. он стал «героем Зангезура»: в подавлении антисоветского восстания участвовали 1-й Кавказский корпус под командованием Тодорского А.И. и Эриванская группа Красной Армии под командованием Великанова М.Д. После оккупации Северного Азербайджана Тодорский стал членом президиума Бакинского Совета, членом Зак.ЦИК и делегатом I съезда Советов СССР, членом ЦК КП(б) Азербайджана, в 1922 г. – заместителем Наркома по военным и морским делам Азерб. ССР, начальником гарнизона г. Баку. В то время ему не было и 30 лет.

19 сентября 1938 г. Тодорский был арестован, а 19 марта 1955 г. при жизни реабилитирован и восстановлен в партии. Ему было присвоено звание «генерал-лейтенанта» [303, 34, 37, 41; 318, 13, 16]. Так, в годы массового террора репрессировались военачальники, принимавшие активное участие в подавлении антисоветских восстаний в Азербайджане и установившие здесь советскую власть.

В 1937-1938 гг. М.Д.Великанов (начальник 20-й дивизии XI Армии, подавивший Гянджинское восстание) в звании командарма Второго ранга командовал войсками Забайкальского военного округа. В 1938 г. он был репрессирован, в 1956 г. посмертно реабилитирован [385, 159].

В рядах XI Красной Армии был и 45-летний Баба Алиев, член КП с 1905 г. Первый председатель АзЧК, сотрудник по особым поручениям при председателе Азревкома, председатель Верховного революционного трибунала Аз.ССР Алиев Баба Али Ёлдаш оглы в 1938 году был репрессирован [381, 691; 408, 69, 71].

Как известно, в 1918 году был создан Революционный

Военный Совет Республики (России) для непосредственного централизованного руководства армией и флотом, а также всеми учреждениями военного и морского ведомства. Он был высшим военным органом страны в годы гражданской войны. Основной состав РВСР подвергся необоснованным репрессиям в период культа личности Сталина. Большинство членов РВСР были объявлены врагами народа: председатель РВСР Л.Д.Троцкий, командарм И.И.Вацетис, С.С.Каменев, члены РВСР – Ф.Ф.Раскольников, И.Н.Смирнов, В.А.Антонов-Овсеенко, А.И.Рыков, А.П.Розенгольц, К.К.Юренев, В.И.Невский, Л.П.Серебряков, К.А.Мехоношин, А.И.Окулов, К.Х.Данишевский, И.Т.Смилга. Их имена и фотографии исчезли со страниц книг. Репрессивная машина не «щадила» родных и близких «врагов народа», многие из них были расстреляны. В литературе 30-х годов РВС квалифицировался не иначе как «скопище троцкистов» [398, 1-8]

Одна из главных фигур в истории оккупации Ф.Раскольников в 1919-1920 гг. командовал Астрахано-Каспийской, затем Волжско-Каспийской военной флотилией. После захвата в апреле 1920 г. Красной Армией Баку командовал морскими силами Каспийского моря. В мае 1920 г. организовал, якобы, по собственной инициативе захват персидского порта Энзели, конечной целью которого было распространение революции на Персию [392, 504]. С военной службой Ф.Раскольников расстался в январе 1921 г., когда приказом РВСР был освобождён от должности командующего флотом. А с весны начался новый период его жизни: Ф.Раскольников занимал должности полпреда в Афганистане, Эстонии, Дании, Болгарии. В апреле 1938 г. он был освобождён от обязанностей полпреда, тогда же он и принял решение не возвращаться из Болгарии в Москву, где его ждала неминуемая расправа [398, 317]. Заочно был исключён из ВКП(б), в июле 1939 г. объявлен Верховным су-

дом СССР вне закона за «дезертирство», переход «в лагерь врагов народа» и отказ вернуться в СССР; лишён советского гражданства [392, 504].

В июле 1939 г. Раскольников опубликовал в парижской газете «Последние новости» открытое заявление «Как меня сделали «врагом народа»», а в августе 1939 г. в журнале «Новая Россия» – «Открытое письмо И.В.Сталину», в котором разоблачил режим сталинской диктатуры [392, 504]. Он обвинил Сталина в дискредитации социализма, преступном беззаконии [398, 317].

Хотелось бы подробнее остановиться на сталинской политике в отношении «героев гражданской войны». В «Открытом письме Сталину» (август 1939 г.) Ф.Раскольников обвинял отца народов: «Вы культивируете политику без этики, власть без честности, социализм без любви к человеку... Накануне войны вы разрушаете Красную Армию, любовь и гордость страны, оплот её мощи. Вы обезглавили Красную Армию и Красный флот. Вы убили самых талантливых полководцев, воспитанных на опыте мировой и гражданской войны, во главе с блестящим маршалом Тухачевским. Вы истребили героев гражданской войны... В момент величайшей военной опасности вы продолжаете истреблять руководителей армии, средний командный состав и младших командиров. Где маршал Блюхер? Где маршал Егоров?... Для успокоения взволнованных умов вы обманываете страну, заявляя, будто ослабленная арестами и казнями Красная Армия стала ещё сильнее» [384].

Умер Раскольников в сентябре 1939 г. в одной из клиник Ниццы и был похоронен в этом же городе [398, 317]. Так на чужбине завершилась жизнь готового стрелять в азербайджанский народ командующего Каспийской флотилией, под флагом которой 1 мая 1920 г. первым вошёл в Бакинскую гавань эсминец «Карл Либкнехт».

«Репрессии в сталинской державе проходили с регуляр-

ной периодичностью, и 1937 год отличается только тем, что под топор репрессий попала уже сама «красная номенклатура», взращённая и воспитанная тем же Сталиным». Многие историки считают одной из причин крайне неудачного течения первых месяцев войны (1941-1945 гг.) генеральную чистку командных кадров Красной Армии, устроенную Сталиным именно в 1937 г., и продолженную в более меньших масштабах, вплоть до нападения Гитлера. «Было репрессировано 80% высшего офицерского состава (от полковника и выше), многие из которых были расстреляны или погибли в лагерях» [411].

Из вышесказанного можно сделать следующие выводы. Несмотря на заявления Ленина о том, что экспорт революции не входит в планы Советского государства, на штыках солдат Красной Армии в Азербайджане была установлена власть Советов. Мощная военная сила стала гарантом того, что возврат к демократическим устоям стал невозможен. Начались кровавые расправы над патриотами.

Политотдел XI Армии без устали преследовал деятелей Азербайджанской Республики. При этом пострадали и родственники арестованных. Лучшие сыновья азербайджанского народа погибли также от рук дашнаков, которые для расправы с ними воспользовались тяжелой политической ситуацией.

Репрессиям подвергались и служащие среднего звена, и обычные граждане.

Началась первая волна азербайджанской политической эмиграции. Эмигрировали те, кто воспротивился оккупации и не принял новую власть.

В 1937-1938 гг. началась вторая волна репрессий против оставшихся на свободе родственников мусаватистов и лидеров Азербайджанской Республики. «Великий террор» унёс жизни десятков тысяч интеллигентных людей, высококвалифицированных специалистов, которые были обвинены

в мусаватизме, контрреволюционной деятельности и вражеском отношении к Советской власти.

Но самым зловещим итогом советской оккупации было то, что были уничтожены те большевики, которые стояли у истоков советизации Азербайджана. Уничтожению подверглись и военные – с точки зрения советской власти герои гражданской войны, те, кто положил конец независимости Азербайджана. Весь состав Реввоенсовета, т.е. верные ленинцы, маршалы, кадровые большевики, был расстрелян. Накануне войны 1941-1945 гг. Красная Армия была обезглавлена. С другой стороны, всё это было закономерным, поскольку они состояли на службе у исторически бесперспективной системы.

ГЛАВА III

ГОРОДСКОЙ ПРОИЗВОЛ. СНАБЖЕНИЕ АРМИИ

§1. Состояние XI Армии

Вернёмся к первым месяцам оккупации и посмотрим, в каком состоянии находилась Красная Армия к тому времени. К весне 1920 г. XI Красной Армия насчитывала в своих рядах свыше 72 тысяч бойцов. В её состав входили три стрелковые дивизии (20-я, 28-я, 32-я), Таманская стрелковая бригада, 2-й конный корпус, 1-я кавалерийская дивизия, 11 бронепоездов, одна авиаэскадрилья. Кроме того, она поддерживалась с моря Волжско-Каспийской флотилией, находящейся у неё в оперативном подчинении [367, 44].

В марте 1920 г. в XI Армии из 72472 воинов 18263 только были коммунистами [279, 63]. Как показывают эти цифры, большая часть воинов накануне оккупации были «несознательными беспартийными элементами». По-видимому, несознательностью и малокультурностью объясняется дальнейшее поведение солдат в Азербайджане.

Следует отметить, что находясь ещё в Астрахани, XI Армия была охвачена эпидемией, испытывала резкую нехватку продовольствия, медикаментов и боеприпасов [398, 314]. Об

эпидемии сыпного тифа и плохом обмундировании XI Армии Ленина извещал Чрезвычайный комиссар юга России Г.К.Орджоникидзе [324, 48]. Следует отметить, что русская армия в своём большинстве традиционно состояла из крестьян. Так, ещё при Временном правительстве из 15 млн. 800 тысяч солдат, мобилизованных в русскую армию к апрелю 1917 г., около 13 млн. было призвано из сельской местности. Это были по преимуществу безземельные и малоземельные крестьяне, «познавшие горе, нужду, непосильный труд» [322, 21]. Новобранцы в Красную Армию также поступали главным образом из деревни, поголовно охваченной к тому времени недовольством политикой «военного коммунизма» [398, 316].

Таким образом, основную часть Красной Армии составляли малообразованные беднейшие крестьянские массы, переодетые большевиками в солдатские шинели.

В рядах Красной Армии было огромное количество бессознательных и недисциплинированных элементов. В «Воззвании Совета Народных Комиссаров к трудящемуся населению всей России в связи с наступлением Германии» от 21 февраля 1918 г. указывалось, что нужно установить в рядах армии и во всей стране строжайшую дисциплину. Не случайно, в воззвании особо подчёркивалось, что «все развращённые элементы, хулиганы, мародёры, трусы должны быть беспощадно изгнаны из рядов армии, а при попытках сопротивления – должны быть стёрты с лица земли» [386, 398].

По некоторым данным, в Красной Армии РСФСР находилось до 100 тысяч преступников [387, 22].

«СССР исходно сложился как предельно милитаризованное государство. Уже в годы гражданской войны, 2 сентября 1918 г., ВЦИК издал постановление о превращении всей Советской России в военный лагерь. Вся страна начала работать на Красную Армию.

К концу 1920 г. численность Красной Армии достигала астрономической цифры в пять миллионов пятьсот тысяч человек, или 6% всего населения Советской республики. Из них 2400 тысяч – боевой состав.

Гигантская армия требовала от обищавшей страны львиной доли всего производства муки, зернофуража, мяса, тканей, обуви, усугубляя бедствия населения» [412].

В связи с эпидемиями, отсутствием в войсковых частях оборудования, дров, обмундирования и продовольствия массовым явлением стало дезертирство. Ежемесячно общее количество дезертиров исчислялось десятками тысяч человек. Дезертиры в России принимали активное участие в крестьянских восстаниях против политики советской власти в деревне. Следует отметить, что даже, несмотря на переход в дальнейшем к НЭПу, методы его проведения в РСФСР оставались насильственными. При сборе продналога использовались воинские части, продотряды, арестовывались крестьяне, брались заложники. Эффективным средством в сборе продналога были выездные сессии ревтрибуналов. Против повстанцев применялись броневики, бронепоезда, авиация. Есть сведения о применении даже химического оружия в соответствии с приказом М.Н.Тухачевского от 12 июня 1921 г. [401, 31, 40, 41, 228].

Если такое отношение советской власти к населению имело место в самой России, то, что говорить о политике по отношению к другим народам, которые запечатлелись в памяти русских, как «иностранцы», люди второго сорта.

В стране не было создано единого и цельного плана снабжения армии и защиты государства. Ощущался острый недостаток в снабжении Красной Армии всем необходимым. Попытки поправить положение не давали должных результатов. Причина заключалась в истощении народного хозяйства страны и отсутствии должной координации между органами военного производства и распределения

[398, 330, 331].

Ветеран XI Армии М.Лепёхин вспоминал: «Нет большей неприятности во время марша, чем стёртые и повреждённые ноги. Поэтому младшие командиры проверили состояние обуви (перед походом в Азербайджан – А.Н.). Полковые сапожники стучали молотками даже ночью, возились с дратвой ...» [367, 49]. Из мемуаров становится ясно, что армия испытывала сильную нужду в обуви, слово «дратва» о многом красноречиво говорит.

Другой ветеран И.Г.Дудин также охарактеризовал XI Армию, как голодную и разутую под ударами сыпного тифа [333, 11].

Книга другого военачальника и ветерана А.И.Тодорского «Красная Армия в горах. Действия в Дагестане» (1924 г.) вышла с предисловием главнокомандующего С.С.Каменева, в котором последний писал об уроках Дагестанской операции: «Здесь именно Красная Армия и попадает в какое-то хроническое противоречие с теорией. Теоретики с вытаращенными глазами должны теперь смотреть на Красную Армию, как на людей особой породы, испытывающих на своей собственной шкуре все прелести нецелесообразной организации вооружения и пр., проделывающих все опыты, которые давным-давно осуждены наукой. Чего ради эти чудачки лезут в горы с тяжёлыми пушками вместо горных орудий, которые только там и хороши. Неудивительно, что пришлось при стрельбе держать орудия на верёвках. Чего в горы загнали неповоротливую дивизионную организацию, да ещё босую, вместо того чтобы одеть её в специальную обувь...» [303, 13]. Цитата даёт полное представление о состоянии Красной Армии, её материальном обеспечении.

По данным политотдела на 1 мая 1920 г., во флотилии числилось 6835 матросов и старшин, 1121 человек командного состава. На флотилии в это время служили около 4300 вольнонаёмных, всего около 12300 человек. Причём это

число не включало моряков, рабочих, служащих морских предприятий, военных портов и других частей, подразделений и учреждений, принадлежавших военному флоту [308, 176].

После прихода советского флота в Баку в мае 1920 г. в его состав вошли военно-морской порт, отдельная портовая рота, сухой док, насчитывавшие 407 рабочих и служащих [321, 329].

Положение на флоте несколько отличалось от армии. Следует привести некоторые цифровые показатели, характеризовавшие состав матросов русского флота. Например, если среди солдат более 85% составляли выходцы из деревни, среди которых было огромное количество неграмотных и малограмотных, то на флоте положение было иным. Среди призванных на флот 81,3% было грамотных, 11,27% – малограмотных и только 7,42% – неграмотных. Фабрично-заводские рабочие составляли свыше 23%, полупролетарии – около 24% и выходцы из крестьян и городской мелкой буржуазии – около 53%. А во флотилии пролетарская и полупролетарская прослойка среди матросов составляла почти 36% [407, 12, 13].

Из политсводки Политотдела Волжско-Каспийской военной флотилии (не ранее 22 марта 1920 г.) становится очевидным, что в снабжении флотилии также наблюдался острый кризис: огромную нужду моряки ощущали в белье, обмундировании и деньгах. [321, 267]. Даже осенью 1920 г. положение с обмундированием оставляло желать лучшего.

Письмо члена Реввоенсовета С.М.Кирова Ш.Элиаве содержало сведения об XI Армии. В политическом отношении XI Красную Армию характеризовали, как сообщал Киров, следующие цифровые данные (на 1 сентября 1920 года):

- Добровольцев – 16%
- Коммунистов – 25%
- Политработников – 1 %

Безграмотных – 10%

Малограмотных – 25%

Грамотных – 65%

Киров сообщал о том, что основная часть красноармейцев прошла школу гражданской войны, была проникнута твёрдым классовым самосознанием и великолепно ориентировалась в той сложной обстановке социальных и национальных взаимоотношений, которая её окружала. Высокая боеспособность армии объяснялась как выше приведёнными цифрами её политического состояния, так и тем, по мнению Кирова, что нахождение среди чуждого мусульманского населения вызывало в них чувство полной оторванности от родных мест и безнадёжности в случае поражения найти спасение в бегстве [242, л. 1]. Таким образом, сводка Кирова ещё раз доказывает, что XI Красная Армия была оккупационной, вражеской, так как находилась среди чуждого населения и не могла спастись бегством в случае поражения.

Солдаты, таким образом, были вынуждены сражаться до победного конца, то есть «не на жизнь, а на смерть». Если учесть, что основная их миссия летом 1920 г. состояла в подавлении антибольшевистских восстаний, то можно представить себе, с какой жестокостью это осуществлялось.

Санитарное состояние армии в Азербайджане характеризовалось эпидемией малярии, процент заболеваемости составлял 35% общей численности армии. Ежемесячно выбывали из армии эвакуированными, умершими в среднем 5000 человек [242, л. 1].

Со снабжением было ещё хуже. В XI Армии не хватало по наличному составу людей шинелей 61%, верхнего обмундирования 17%, при условии, что летнее могло служить и на зиму. Суконного обмундирования недоставало 60%, обуви – 61%, белья, снаряжения – 30%, обоза – 35%, кухни – 20%. Была острая нужда в ковочном инструменте, что вызывало быструю изматываемость и порчу консостава [242,

л. 2].

Киров признавался Элиаве: «Надлежит принять во внимание и то, что полное обмундирование армии ... особенно важно в Азербайджане, где внешность играет большую роль в создании соответствующего впечатления на население и где каждый житель, зная, что на создание Армии Советская Россия даёт всё, поневоле ставит себе вопрос, раз Советская Россия не жалея ничем для армии всё же не смогла её одеть, то что может ожидать ... население Азербайджана от Советской России» [242, л. 2].

Ветеринарное состояние также желало оставлять лучшего. Например, конский состав частей 32 дивизии был в неудовлетворительном ветеринарно-санитарном состоянии. Во время стоянки в Баку помещений для размещения лошадей не доставало, сено выдавалось плохое – прелое и при холодной погоде всё это вело к общему истощению конского состава и убыли его. Чесоткой болело до 20%, а между тем лечебных средств, а также ветеринарных работников не доставало [406, 182].

Такое состояние армии во многом объясняет её поведение на оккупированных землях, характеризующееся насилием и грабежами. Местное население же воспринималось как источник снабжения армии всем необходимым.

§2. Обмундирование, табак, типографии, машины, продукты питания – всё на службу XI армии

XI Армия расквартировалась на территории Северного Азербайджана, народ которого обязан был взять на себя тяжелейшее бремя обеспечения её всем необходимым.

Ещё в период независимости министр промышленности и продовольствия Азербайджанской Республики Худадат

бек Меликасланов приобрел у итальянцев для Национальной армии 1 миллион метров ткани. Члены социал-демократической партии «Гуммет» во главе с А.Караевым препятствовали тому, чтобы ткань досталась азербайджанским аскерам (солдатам). После вступления в Баку XI Красной Армии эту ткань подарили солдатам оккупационной армии, так как они прибыли в Азербайджан раздетыми и босыми [295, 154].

Текстильная фабрика Г.З.Тагиева декретом Азревкома 21 июня 1920 года была национализирована. В конце июня она, якобы по инициативе рабочих, была переименована в «Красную фабрику им. В.И.Ленина» [276, 435].

Рабочие и профсоюзы Азербайджана вынуждены были снабжать Красную Армию не только нефтью, но и боевым снаряжением и обмундированием. Текстильная фабрика им. Ленина только за июль и октябрь месяцы 1920 года произвела для нужд Красной Армии 1.209.005 аршин мануфактуры [372, 127].

Правление профсоюза швейников через несколько дней после вступления Красной Армии в Баку решило взять на себя временно, до организации отдела швейной промышленности при Совнархозе, дело обмундирования Красной Армии. Так как работа эта была срочная, то правление целиком посвятило себя выполнению этой задачи. Несколько недель подряд пришлось работать непрерывно днями и ночами. В течение первых пяти дней работы для XI Красной Армии было приготовлено 100 тысяч комплектов белья. Всего для Красной Армии было пошито в 1920 г. 423.173 разных вещей [189, л. 20, 21; 372, 129].

В конце лета 1920 г. Чингиз Ильдырым был назначен чрезвычайным комиссаром текстильной фабрики им. Ленина. Назначение Ч.Ильдырыма на эту фабрику свидетельствовало о том, какое огромное значение имела ее продукция для раздетой Армии. Следует отметить, что в августе 1920 г. на фабрике было изготовлено всего 371482 аршина ткани. А в первый же месяц работы Ч.Ильдырыма на этой фабрике в сентябре 1920 г. уже было соткано 501 532 аршина ткани, т.е. на 130050 аршинов больше [279, 95].

В сентябре 1920 г. было пошито белья 32 тысячи, обмундирования 16 тысяч, фуражек 900 штук, гимнастёрки 3 тысячи пар, рукавиц – 2 тысячи. Всего за сентябрь было пошито 73500 комплектов различных наименований. В день – 2942, это было на 43% больше, чем в августе [2, л. 93]. Все сукно пошло на изготовление шинелей [2, л. 97].

Производительность труда на текстильной фабрике им. Ленина поднималась с каждым месяцем. Работа часо-станка давала в августе 1920 г. 3951 аршин ткани, в сентябре – уже 4427 аршин, т.е. на 12% больше. С одного станка в день было получено в августе 709 аршин ткани, а в сентябре 957 аршин, т.е. станки были использованы на 35% более производительно. На фабрике было выработано всего за август 371488 аршин, за сентябрь – 504532 аршина ткани. Таким образом, производительность фабрики увеличилась на 130064 аршина, или на 35% [351; 372, 190].

60% выработки получало Чрезвычайное управление отдела снабжения XI Армии, а 40% Народный комиссариат продовольствия Азерб. ССР [2, л. 96].

Следует привести данные из отчёта самого Ч.Ильдырыма.

Фабрика Ленина
Данные за август, сентябрь и октябрь 1920 г.

Месяцы	Среднее кол-во рабочих станков	Среднее кол-во рабочих часов в день	Производительность фабрики		Средняя производительность ткача на станке в 1 час		В среднем с 1 станка получено	
			в аршинах	увеличение в %%	в аршинах	увеличение в %%	в аршинах	увеличение в %%
август	524	7,8	371.488	-	3951	-	709	-
сентябрь	524	9	501.522	35%	4427	12%	957	35%
октябрь	601	7,5	600.188	62%	5128	30%	1000	41%

Как видно из приведённой таблицы:

- 1) Производительность ткача за первый месяц работы Ч.Ильдрыма возросла на 12%, а за второй месяц на 30%.
- 2) Ткацкие станки за первый месяц работы Ч.Ильдрыма использованы лучше на 35%, за второй на 41%.
- 3) Производительность фабрики в сентябре увеличилась на 35%, а в октябре на 62%, дав цифру 600.188 аршин.

Ч.Ильдырым в своём отчёте писал о негативных сторонах работы фабрики. Рабочие, получавшие лишний фунт хлеба (ещё до его вступления в должность), лишились его, и таким образом питание не улучшилось, а ухудшилось, что в ближайший месяц приведёт к значительному падению производительности фабрики. Комиссар предупреждал, что «до разрешения вопроса об улучшении питания, добиться даль-

нейшего роста производства не представляется возможным» [27, л. 117].

При таком росте производства население Азербайджана не всегда могло приобрести необходимые товары, особенно ткани. Бюро ЦК 7 июля 1920 г. поручило Нариманову переговорить с Реввоенсоветом XI Армии об отпуске Наркомпродом для нужд населения определённого количества бязи, вырабатываемой на фабрике Ленина [4, л. 4].

Таким образом, даже элементарные товары, выпускаемые лёгкой промышленностью, были недоступны местному населению. Чтобы обеспечить население хотя бы минимальным количеством бязи приходилось действовать компартии и Азревкому. Следует отметить, что мусульманское население очень нуждалось в бязи для исполнения погребального обряда.

Интересен следующий факт. В середине 1921 г. А.Г.Караев в разговоре с Г.К.Орджоникидзе по телеграфу сказал, что «сегодня Лебедев мне показал телеграмму Мельникова, в которой он, ссылаясь на тебя, отказывает в обещанной бязи Тагиевской фабрики», на что Орджоникидзе ответил, что «относительно бязи – если Мельников ссылается на меня, по крайней мере ничего не знаю» [96, л. 71]. Таким образом, офицеры XI Красной Армии, неправоммерно ссылаясь на центральные фигуры коммунистической власти и обманывая местных коммунистов, самочинно решали многие важные вопросы по обеспечению армии.

При этом порой проявлялось халатное отношение к своим обязанностям. Например, в декабре 1920 г. бывший Губвоенком Карелин был предан Трибуналу за халатное и преступное отношение к службе: он не распределял имеющееся на складах обмундирование, а высылаемое из Баку обмундирование не разгружалось по 6-7 дней. [36, л. 79]. Таким образом, часто сами военные тоже были виноваты в плохом снабжении красноармейцев. Однако Контрольная комиссия

7 января 1921 г., заслушав дело губвоенкома Гянджинской губернии Карелина по обвинению в халатном отношении к служебным обязанностям, не найдя фактов в обвинении, постановила прекратить дело [32, л. 279].

Профсоюз кожевников ещё до организации кожотдела при Совнархозе в связи с необходимостью организации шитья и починки обуви для Красной Армии взял на учёт 26 крупных кожевенных предприятий с количеством 1740 занятых на производстве рабочих и помог Совнархозу организовать починочные обувные мастерские с 1885 рабочими. При помощи командования XI Армии профсоюз организовал шитьё и починку обуви для Красной Армии [189, л. 20, 21].

Союз швейной промышленности и союз кожевников г. Гянджи также принимали все зависящие от них меры, чтобы Красная Армия в кратчайший срок была одета и обута. [31, л. 57].

На объединённом заседании Оргбюро и Политбюро 14 октября 1920 г. Орджоникидзе выступил с докладом об угрожающем положении с обувью в XI Армии и о необходимости провести в экстренном порядке принудительное обложение буржуазии. Заседание постановило обложить всю буржуазию – домовладельцев, квартиронанимателей, владельцев торговых предприятий. Ответственность за выполнение обложения была возложена как на самих облагаемых, так и на преддомкомов с наказанием не выполнивших до высшей меры включительно. Специальной пятёрке в составе Караева, Панкратова, Атарбекова, Касумова и Кавтарадзе было поручено реквизировать всю годную для армии обувь у всех магазинов и лиц, как явно, так и тайно торгующих обувью. Всем членам партии, имеющим более одной пары обуви, было предложено сдать всю лишнюю (оставить себе худшую) в БК АКП. Подчёркивалось, что это постановление следует считать боевым приказом и всех неисполни-

ших приказ исключить из партии [396; 9, л. 28].

Также из Батума прибыли дефицитные товары, представлявшие в тот период огромную ценность. Ими в основном обеспечивалась армия. Например, по распоряжению М.Д.Гусейнова и А.П.Серебровского от 30 ноября 1920 г. начальнику снабжения XI Армии было выдано 500 пуд. 08 фун. подошвенной кожи и 5 ящиков оконных стёкол. А 1 декабря Реввоенсовету XI Армии было выдано 100 пар ботинок [16, л. 74].

Уездные мастера вносили свой вклад в снабжение армии обувью. В Гейчае была открыта чувячная, где работали 5 мастеров. В результате их работы 2000 пар чувяк было отправлено в Чусоснабарм XI [51, л. 94].

Кроме того, усиленно расширилось производство обуви. Если в сентябре 1920 г. было произведено в день 96 пар обуви, то в октябре – уже 215 пар. Чтобы удовлетворить потребности армии и населения требовалось производить в день 600 пар сапог и ботинок. Осенью 1920 г. 80% обуви шло на армию и только 20% на население [2, л. 92].

20% для местного населения явно было недостаточно, что отражалось на работе не только рядовых людей, но и представителей власти. Например, в сообщении начальника школы милиционеров в управглавмилицию указывается, что милиционеры должны были проходить военный строй, однако за отсутствием обуви им приходилось заниматься босиком [39, л. 13].

Важнейшим стратегическим участком работы, как известно, является железная дорога, рабочие которой находились в бедственном положении. Президиум Азревкома на заседании 29 ноября 1920 г. обсудил вопрос о снабжении железнодорожных рабочих обувью. В виду того, что требовались срочные работы на железной дороге, а рабочие обувь не были снабжены, Президиум постановил предложить Наркомпроду отпустить в распоряжение Наркомпути 100

пар ботинок [10, л. 33].

Вопрос об обмундировании армии стал камнем преткновения на очередном съезде местных большевиков. Азербайджанские коммунисты, партийные работники на Втором съезде АКП(б) (16-23 октября 1920 г.) рассказывали о преступных действиях солдат XI Армии. Приехавшие из различных уездов партийные работники с горечью отмечали, что поведение армии отталкивало азербайджанских крестьян от Советской власти. Крестьяне «проклинали их и в некоторых местах было брожение и даже восстание», как выразился Загатальский ревком Балахлинский на четвёртом заседании съезда 18 октября 1920 г. Такие признания азербайджанских коммунистов не устраивали центр. Орджоникидзе, председательствовавший на этом заседании, не случайно несколько раз прерывал оратора и не давал возможности выступить. Особенно возмутил «кремлёвского наместника» прямолинейный вопрос Балахлинского, почему рабочий должен одевать войско, почему Красная армия должна быть обута и чем рабочие должны её обути? Алигейдар Караев, услышав недовольную речь Балахлинского об армии, а также об ответственных работниках, пытался дискутировать с ним, прерывал его речь, но Балахлинский упорно стоял на своём, пытаясь объяснить сущность своих взглядов коммунистам, не знавшим русский язык, и переходил с русского на тюркский (азербайджанский язык) [1, л. 154, 157, 158].

Наркомвоенмор А.Г.Караев приказал гражданам сдать имеющееся у них военное обмундирование. В связи с этим многие рабочие водного транспорта, сдав военное обмундирование и не имея своей штатской одежды, лишились возможности продолжать работу [35, л. 172].

Следует отметить, что изъятие обуви не распространялось на коммунистов и кандидатов в партию в войсковых частях и учреждениях [35, л. 167].

Однако обеспечение обувью не удовлетворяло XI Армию. Кроме того, огромное количество обуви требовалось для новой армии Азербайджанской ССР. Дело дошло до того, что военные власти снимали на нефтяных промыслах с рабочих сапоги военного образца. Председатель Азербайджанского Нефтяного Комитета Серебровский, учитывая, что рабочие, лишившись обуви, не выходили на работу и дело останавливалось, 20 ноября 1920 г. обратился в ЦК АКП(б) к Каминскому, в Народный Комиссариат по военноморским делам к А.Г.Караеву, в Исполком к Егорову с просьбой содействовать тому, чтобы у промысловых рабочих не отбирались сапоги [27, л. 130].

Таким образом, армия снабжалась обувью, а рабочие, железнодорожники, водники, милиционеры её не имели.

Азревком издал (декабрь 1920 г.) декрет о передаче в монопольное распоряжение Кожотдела всей кожи и сапожных инструментов. Совместное заседание Президиумов АСПС и АСНХ 23 декабря 1920 г. постановило принять меры к проведению в жизнь этого декрета. Все сапожные и мастерские в Баку поступили в ведение кожотдела.

Для изготовления обуви для оккупационной армии выделялось в городе и районах 50%, а в провинции 75% работников. Главкомтруда предлагалось ускорить мобилизацию сапожников и кожевников [21, л. 41].

Ещё одна важная проблема – табак для солдат. В трёх государственных табачных фабриках (они были национализированы в августе 1920 г.) выработка повысилась в декабре против сентября 1920 г. на 12500 фунтов табака и на полтора миллион папирос в месяц [372, 190]. Всё отправлялось в Армию. Например, в день празднования 3-х летия Октябрьского переворота для красноармейцев было отпущено 5 миллионов папирос и 1000 банок консервированного молока [17, л. 8].

На основании постановления ЦК (июль 1920 г.) все типо-

графии перешли в ведение Полиграфического отдела при Совнархозе. Все заказы от военных организаций должны были выполняться в первую очередь и в срочном порядке [218, л. 45].

Видя, что Реввоенсовет XI Армии и военные учреждения не желают подчиняться этому приказу и захватили все типографии, ЦК АКП(б) вновь вынес постановление о возвращении типографий Полиграфическому отделу. В ответ на это со стороны XI Армии последовали различные угрозы и нежелание выполнять постановление партии.

Полиграфический отдел просил президиум Совнархоза принять действенные меры и заставить военных передать все захваченные орудия производства отделу, который выполнял общегосударственные заказы [30, л. 47]. Однако из Гянджи 12 ноября 1920 г. Нариманову и Караеву пришла телеграмма, в которой сообщалось о том, что Гянджинский военкомрат не соглашается отдавать типографию [35, л. 202]. Следует отметить, что эта типография удовлетворяла нужды 11-ти уездов. Ввиду того, что в этой типографии печатались военные приказы для всей Гянджинской губернии секретного характера, Наркомвоенмор не согласился передать её какой-либо другой организации. [36, л. 5]. Вслед за этим начальник штаба XI Армии издал приказ о том, что военные, армейские типографии переходу в ведение Полиграфического отдела Совнархоза не подлежат. ЦК АКП(б) был поставлен перед этим фактом [32, л. 162].

Участились также случаи перехода работников из гражданских учреждений в военные без санкции Совпрофсоюза, что вызвало возмущение в ЦК АКП(б). Например, в типографию Политотдела XI Армии самовольно перешли 3 наборщика. Дефицит наборщиков и вообще типографских служащих сильно тормозил дело, поэтому 17 июля 1920 г. ЦК просил РВС и Политотдел XI Армии в дальнейшем не допускать подобных явлений [32, л. 98].

Следует сказать ещё об одной проблеме. Части XI Армии во время своего похода на Кавказ из-за отсутствия бумаги в Центральной России истощили свои запасы и стали изымать в огромном количестве бумагу из Полиграфического отдела. Если бы Полиграфотдел полностью удовлетворил требования армии, то пришлось бы отказать в бумаге всем советским учреждениям, в т. ч. Азерцентропечати, ЦК партии, комсомолу, профсоюзам и Наркомпросу [199, л. 28]. Например, в ноябре 1920 г. Реввоенсовет армии требовал отпустить ему 1000 пудов бумаги и две пишущие машинки «американки» [30, л. 44].

Достаточно ограниченное количество автомашин, которое имелось в республике, также перешло в ведение военных органов. Так, 9 июня 1920 г. Азревком постановил передать автогараж республики в ведение Чрезвычайной комиссии по снабжению армии. Машины могли отпускатся этой комиссией различным советским учреждениям исключительно по списку, утверждённому Азревкомом [154, л. 12].

23 июля 1920 г. автогараж АССР был реорганизован, а на следующий день назначена комиссия под председательством Военкома Штаба Войсмана, которая должна была выяснить наличие всех авто, мото и веломашин и всего имущества в складах и мастерских [35, л. 41].

Ни к чему не привели также переговоры Бакинского Отделения Народного Комиссариата Внешней Торговли РСФСР, не уступавшего по своей значимости военным организациям, с А.Караевым и руководством XI Армии по поводу получения автомобиля или «коляски». Поэтому комиссариат просил ЦК АКП(б) воздействовать на руководителей автогаража на предмет получения машины [25, л. 3].

Военно-морской комиссариат в августе 1920 г. потребовал сдать находившийся в распоряжении Д.Буниатзаде автомобиль в автогараж. Но Нарком просвещения отказался

сделать это, ссылаясь на приказ Председателя Азревкома Н. Нариманова [125, л. 54-55]. Так, военные посягали даже на автомобиль, предоставленный наркому просвещения и чрезвычайному комиссару для деловых поездок. (Вспомним, что в 1920 г. в Азербайджане было всего-навсего 11 автомобилей) [279, 99].

Многие наркомы Азербайджанской ССР остались без машин, необходимых для служебных поездок. Однако это не помешало Президиуму Азревкома 29 ноября 1920 г. предоставить в распоряжение ЦК Армянской КП легковую машину №1, а также 40 цистерн нефти [83, л. 87].

Автоуправление XI Армии производило также ревизию Бакинского Автотранспорта, в результате которой в июне 1920 г. оно даже рекомендовало отстранить от должности заведующего Автотранспортом. Самым интересным является то, что на это место оно рекомендовало назначить человека от Автоуправления XI Армии [32, л. 32]. Учётом и распределением машин занимался начальник гарнизона. Например, машина от Ч.Ильдрыма должна была быть передана в распоряжение Мдивани для регистрации. Несмотря на приказ Ч.Ильдрым противодействовал регистрации [32, л. 58]. Но с конца июня 1920 г. на основании приказа РВС XI все автомашины перешли в ведение Бакинского ревкома. На основании этого приказа администрация гаража должна была привлекаться к ответственности в случае захвата машин «контрреволюционерами» [32, л. 33]. Таким образом, ответственность за сохранность машин снималась с начальника гарнизона.

Одним из объектов стратегического значения, существующим в Азербайджане, являлись соляные озёра. Запасы соли не укрылись от взора красноармейцев, которые в огромном количестве нагрянули на озеро Бююк-Шор и начали безнаказанно расхищать соль. Принимая во внимание громадное значение соли для АССР, как для снабжения совет-

ских учреждений, так и для товарообмена, правительство стало предпринимать меры для конфискации похищенной соли и прекращения подобных безобразий массового характера [159, л. 132].

Красноармейцы брали соль часто вооружённой силой и не только в одиночку, а объединяясь в группы и с подводами, перед которыми караульщики были бессильны [159, л. 130].

Единственным средством товарообмена Нахчыванской республики являлись соляные залежи, разрабатывавшиеся местными силами. Соль безвозмездно предоставлялась всем республикам и армии. Но в 1921 г. приказ Реввоенсовета передал право на разработку соли находившимся в районе войсковым частям. Ревком Нахчывана считал этот приказ неправильным, так как приказом игнорировались республиканские права самостоятельно распоряжаться своим богатством для восстановления разрушенного хозяйства [337, 59]. Нахревком просил распорядиться об отмене приказа и оставлении права разработки соляных рудников за Нахчыванской республикой, которая при условии отпуска денег, достаточного количества довольствия для рабочих и нужных инструментов, рассчитывала удовлетворить нужду в соли всего Закавказья и Красной Армии. Но ответ от командования XI Армии и от Г.Орджоникидзе не пришёл. Повторная телеграмма также осталась безответной [337, 59].

Все эти действия можно охарактеризовать как экономическую диверсию против Республики, присущую оккупантам, т.к. соль являлась стратегически важным продуктом.

На XI Армию работали все производители продуктов, мукомольное, рыбное производство. Мельниц было 4. Самая большая мельница республики, бывшая Тагиевская, полностью работала на XI Армию [2, л. 94].

В мае 1920 г. в Баку в наличии имелся огромный запас рыбы, вследствие чего 15 мая Азревком даже открыл Нар-

компроду кредит в размере 30 млн. рублей на предмет вывоза части имеющегося количества рыбы в Советскую Россию [152, л. 11].

Летнее время, как известно, считается запретным на ловлю рыбы, но по требованию XI Армии рыбу ловили и летом 1920 г. Ежедневно должны были вывозить 500 пудов рыбы, но вывозили судами до 1000 пудов [37, л. 18]. Тем не менее работники Каспийского пароходства не получали жалованья за 4 месяца [37, л. 56].

Своими действиями XI Армия препятствовала снабжению населения Азербайджана рыбой. По этой причине Азревком 12 июля 1920 г., заслушав вопрос о взаимоотношениях Опродкомарма XI и АСНХ (Рыбкома), постановил просить Реввоенсовет XI Армии приказать Опродкомарму XI не вмешиваться в хозяйственную деятельность Рыбкома, отозвать своих представителей с рыбных промыслов, не препятствовать отправке двигателей и не захватывать судов, находившихся в распоряжении Рыбкома, необходимых для перевозки рыбы с промыслов в Баку для населения [4, л. 11]. Постановление свидетельствует о том, что действия Армии сильно мешали работе Рыбкома в деле обеспечения рыбой населения Азербайджанской ССР. Этому Азревком пытался положить конец.

Вмешательство военных властей в дела водного транспорта переходило все границы: выселение служащих из домов, принадлежавших водному транспорту, захват судов, предназначенных для пожарных целей в порту, а также вмешательство в технические распоряды и ряд других невыполнимых приказаний [37, л. 56].

На Междуведомственном совещании водного транспорта 22 августа 1920 г. обсуждались многие проблемы, связанные с армией. Представитель рыбного комитета в своём выступлении сказал, что морскому транспорту необходимо выделить что-нибудь, «чтобы мы сумели обеспечить снаб-

жение как городского населения, так и армии рыбными продуктами. В настоящее время мы не справляемся с теми заданиями, которые нам предъявляет XI Армия, так как некоторые суда у нас отняли, например «Отвод», которое раньше буксировало, а в настоящее время находится в распоряжении XI Армии. Кроме того, специальное судно «Ван» с холодильным приспособлением не выполняет прямые задания – на нём отправляют хлопок в Астрахань. Судно «Ван» могло бы выполнить задачу перевозки свежей рыбы в Баку, и нам не пришлось бы консервировать рыбу, от которой отказывается XI Армия [37, л. 6, 17].

На Коллегии Наркомпрода 22 сентября 1920 г. был выслушан доклад Тюхтенева о положении рыбной промышленности в АССР. Вследствие беспрерывных недоразумений с Опродкомарм XI в Рыбном управлении создано ненормальное положение. Коллегия постановила срочно обратиться в Азревком, урегулировать взаимоотношения с Опродкомарм XI, вносящим дезорганизацию в работу Рыбного управления в случае отрицательного разрешения вопроса телеграфировать в Москву [78, л. 48].

Армия снабжалась и другими продуктами питания.

Всем агентам Опродкомарма XI, работавшим в контакте с Наркомпродом, вменялось оказывать самое широкое содействие. Всякое промедление в деле снабжения Красной Армии рассматривалось, как акт противосоветский, и виновные должны были быть привлечены к уголовной ответственности по всей строгости законов, квалифицировавшееся как за противодействие Красной Армии в условиях военного времени [ф. 202, л. 26].

Опродкомарм XI просил в июне 1920 г. ЦК АКП(б) откомандировать в его распоряжение 20 энергичных азербайджанцев для заготовки продовольствия и проведения агитации в районах заготовки, мотивируя свою просьбу тем, что их отсутствие тяжело отражается на продовольственном

снабжении Армии [22, л. 5]. Так, армия осуществляла экспроприацию товаров и продовольствия у азербайджанского населения руками самих же азербайджанцев.

Невзирая на то, что XI Армия расстроила всю экономику республики, орган Политотдела XI Армии газета «Красный воин» летом 1920 г. демагогически заявляла: «Армия всегда есть зеркало того общественного строя, за интересы которого она борется. С первых же дней своего прихода наша армия незаметно для самой себя становится агитатором за советскую власть, организатором коммунистических форм труда и хозяйства» [363].

В действительности армия вела себя достаточно бесцеремонно, не считаясь с интересами населения республики.

Более достоверную информацию, в отличие от агитационных статей в коммунистической печати, содержат официальные документы (телеграммы, информационные сводки, рапорты, постановления, заявления и т.п.), пронизанные идеологическими установками, в которых сопротивляющиеся советской власти люди именовались «бандитами, кулаками, врагами народа и революции».

Ежедневно советские спецслужбы представляли узкому кругу лиц в высшем государственном и партийном руководстве страны Советов секретные информационные сводки, содержавшие сведения о положении и настроениях населения. Очень характерна следующая выдержка из доклада ЧК (с июня по 15 сентября 1920 г.): «Крестьянство представляет некоторую угрозу для Советской власти. Ими руководят ханы, беки, спекулянты и кулаки. Рабочий класс предан Советской власти, хотя замечается недовольство на почве тяжёлого продовольственного положения» [401, 343].

Причина, по мнению политических комиссаров, была в антисоветской агитации, а не в тяжёлой реальной жизни. Выписка из политсводки Военно-Каспийского сухого дока,

датированная 27 ноября 1920 г., гласила: «Отношение рабочих к Советской власти, коммунистам неудовлетворительное, есть противосоветская агитация... Политотделом со своей стороны приняты меры» [23, л. 25].

Хочется сравнить ситуацию в Азербайджане с положением в РСФСР.

Как известно, после октябрьского переворота в Советской России был голод. Хлеб для рабочих и красноармейцев добывала продармия, состоящая из рабочих и опирающаяся на вооружённую силу. Уже к 20-м числам октября 1918 года в 11 производящих хлеб губерниях находилось 304 отряда общей численностью свыше 23 тысяч человек, из которых более 13 тыс. было послано из Петроградской и Московской губерний [403, 54]. Крестьяне в России протестовали против такой политики в деревне, в результате которой все излишки продовольствия отбирались насильственным образом не только у помещиков и кулаков, но даже у беднейших крестьян. Следует привести цифры, свидетельствующие об остроте борьбы в деревне, которая интерпретировалась в советские времена, как классовая борьба и сопротивление классового врага. «К 1 ноября 1918 г. потери продармии убитыми, ранеными и больными составляли 7309, а на 7 декабря – 8468 человек» [403, 56]. В течение нескольких месяцев 1920 г. только на Кубани было зарегистрировано 150 нападений на продагентов, многие из которых погибли. По сообщениям председателя Тюменского губернского рабочего бюро от 1 апреля 1921 г., от посланных в деревни пяти продовольственных отрядов, насчитывавших по 25-30 бойцов, осталось от 1 до 5 человек в каждом [403, 90, 91].

По данным ВЧК в 22 губерниях РСФСР контрреволюционерами (терминология официальных документов) было совершено в 1918 г. террористических актов против советских работников: в июле – 414, в августе – 339, в сентябре – 6016 ... Число контрреволюционных восстаний составляло

в июле – 26, августе – 47, вооружённых столкновений за июль было 72, за август – 82. В ответ на белый террор Советское правительство объявило красный террор против контрреволюции. Основная задача борьбы против внутренней контрреволюции была возложена на Всероссийскую и местные Чрезвычайные комиссии. В сентябре 1918 г. были созданы губернские и уездные органы ВЧК [368, 218].

Такую же варварскую продовольственную политику советская власть начала проводить в Азербайджане, народ которого с первого дня оккупации должен был кормить огромную чужую армию.

Как уже отмечалось выше, в первую очередь продуктами снабжалась армия, а затем – население [90, л. 19]. При этом снабжение красноармейцев осуществлялось несравненно лучше, чем в Азербайджанских частях [34, л. 131].

Потребности Армии на 1 месяц составляли: муки – 135 000 пудов, крупы – 27 000 пудов, зернофуража – 178 000 пудов, сена – 184 000 пудов, овощей – 45 000 пудов, мяса или рыбы – 55 000 пудов [7, л. 21], т.е. армия потребляла продуктов питания столько же, сколько всё городское население республики.

1 июня 1920 г. Азревком заслушал доклад Наркомпрода Г.Мусабекова: «В настоящее время в городе имеется хлебных продуктов только на 3 дня, притом исключительно для распределения среди рабочих. С завтрашнего дня населению будет выдаваться рис, из расчета $\frac{1}{2}$ фунта на душу...

Касаясь вообще продовольственной политики, должен заметить, что представители Опродкомов армии на местах мешали нашим закупщикам производить заготовку хлеба и были случаи, когда закупленный нами хлеб реквизирувался армией» [253, 95].

На заседании Продовольственного совещания Азербайджанской ССР (29-30 октября 1920 г.) в своём докладе Опродкомарм XI Адно говорил, что дальнейшие заготовки

хлеба предполагаются вести в следующих районах: в Гяндже – 100 тыс. пуд., Мугани – 1 млн. пуд., Губе – до 100 тыс. пуд. В Гянджинском районе предполагалась усиленная заготовка мяса и овощей; заготовка овощей – также в Мугани, Лянкяране и Губе. Заготовка объёмистого фуража – на ст. Наваги, где можно будет получить 300 тыс. пудов сена. Адно подчеркнул, что для успешности заготовок необходимо проведение решительной продовольственной политики и устранение вмешательства местных властей. Заготовленные продукты в первую очередь должны были посылаться в XI Армию. Признавая правильным первоочередность снабжения армии, Мусабеков настаивал на выделении определённого процента из всего заготовленного для нужд населения Азербайджана.

В Докладе на объединённом заседании Первого Всеазербайджанского съезда комитетов бедноты совместно с пленумом Бакинского совета рабочих, крестьянских, красноармейских и матросских депутатов и районными советами 22 февраля 1921 г. Газанфар Мусабеков говорил о продовольственной политике, проводимой в Азербайджане. Перед Советской властью стоял вопрос об удовлетворении нужд 300-тысячной Красной Армии и 300-тысячного рабочего населения г. Баку. Здесь было два продовольственных центра. С одной стороны – Азербайджанский Народный Комиссариат Продовольствия, а с другой – армейский продовольственный аппарат в лице Опродкомарма. Эти два продовольственных центра проводили свою политику на одной и той же территории. «Одни, считаясь с местными условиями, придерживались более осторожной политики, принимали меры, более подходящие к азербайджанской действительности. С другой стороны, опыт Советской России, диктующий твёрдо проводить продовольственную политику, заставил представителей армейских аппаратов придерживаться незыблемой, твёрдой продовольственной по-

литики ... На этой почве возникали недоговорённости, мелкие трения, недовольство между этими двумя центрами. Чтобы ликвидировать существующую ненормальность, 2-й Всеазербайджанский партийный съезд (16 октября 1920 г.) постановил создать продсовещание, в задачи которого входило с одной стороны, в боевом порядке железной рукой проводить продовольственную политику, с другой стороны ликвидировать параллелизм и двойственность работы двух органов». Затем ЦК все полномочия передал наркомпроду [375, 14].

Ввиду того, что запас хлеба летом 1920 г. имелся в небольшом количестве на 3-4 дня, бюро ЦК АКП 7 июля 1920 г. решил хлебный паёк временно уменьшить до следующих размеров: 1 фунт (ф.) на рабочего, $\frac{1}{2}$ ф. на члена семьи, 1 ф. на советского работника, $\frac{1}{4}$ ф. на члена его семьи [4, л. 4]. Из этих цифр видно, как сильно население Азербайджанской ССР нуждалось в хлебе. Не обошло такое положение и фаворитов Советской власти: рабочих и советских работников.

Не улучшилось положение и осенью 1920 г. Рабочие и служащие Азерб. ССР сильно нуждались в продовольственных продуктах и предметах первой необходимости. В октябре 1920 г. были вдвое уменьшены нормы снабжения сахаром, уменьшился месячный процент снабжения мукой, крупой, рыбой, мясом, овощами. Жиры получали только столовые. Мыло, соль, масло не выдавалось совсем, мануфактура была выдана только по 8,5 аршин Нефтекому, Продвуду, Продпути в г. Баку. Обуви не выдавалось вообще [17, л. 8].

Таким образом, азербайджанский народ был вынужден снабжать оккупационную армию обмундированием. При этом местное население испытывало огромную нужду в тканях и обуви. Это отражалось на их профессиональной деятельности. Кроме того, к услугам оккупационной армии

были типографии, машины, соль, каспийская рыба. Местные организации и население испытывали большой дефицит в этих товарах. О других продуктах питания и говорить не приходится. Всё отправлялось в армию, а народ, естественно, голодал.

§3. «Чёрное золото» и продукты для России и армии

Негативные последствия оккупации для экономики Азербайджана проявились с первых же её дней. Сразу же началась грабительская экономическая политика Советской России в отношении бакинской нефти. В задачу новой местной власти, опиравшейся на XI Армию, входило бесперебойное снабжение Советской России «чёрным золотом».

Нефтяная промышленность Азербайджана имела общегосударственное значение для Советской России, так как прекращение вывоза нефти в 1918-1920 гг. тяжело отразилось на всём её хозяйстве. Россия испытывала острейший топливный голод. Из-за недостатка горючего в Советской России простаивали заводы и фабрики, останавливался транспорт [304, 70].

Член коллегии Главнефти РСФСР А.П.Серебровский, ещё 17 апреля 1920 г. получив мандат от Ленина, был направлен в Баку и назначен начальником управления «Азнефть». Этот мандат предоставил Серебровскому очень широкие полномочия. Фактически Серебровский вёл себя как нефтяной король, хозяин азербайджанской нефтяной промышленности, подчиняясь только Ленину. Даже Н.Нариманов, являясь председателем Совнаркома, фактически не имел допуска к контролю над нефтяной промышленностью [283].

С 30 апреля по 2 мая 1920 г. из Баку в Астрахань вышло

12 пароходов с 1,3 млн. пудов нефти. В мае Волжско-Каспийская флотилия доставила в Россию 15 млн. пудов, в июне – 21,2 млн. пудов нефти и нефтепродуктов. В конце октября в Советскую Россию было уже вывезено 145 млн. пудов нефти, что очень обрадовало Ленина, который требовал в 1921 г. вывезти уже 250 млн. пудов [395, 16-17].

С 30 апреля до 16 мая из Баку в Астрахань было послано 3.760.450 пудов мазута, 119.840 пудов нефти, 260.400 пудов керосина, 52.775 пудов машинного масла. В Петровск было послано 67.533 пуда мазута, 112.803 пуда нефти, 283.579 пудов керосина, 31.552 пуда машинного масла, 3.257 пудов цилиндрического масла – всего 5.301.122 пуда [317, 437].

Ежедневно из Баку вывозилось 700 тыс. пудов нефти и нефтепродуктов [346; 372, 175].

В целях увеличения производительности труда и лучшего обеспечения России нефтью среди рабочих нефтяной промышленности широкую агитационную работу проводили профсоюзы. Так, за восемь месяцев 1920 г. союзами было проведено около 1,5 тысяч рабочих собраний, на которых обсуждались вопросы восстановления нефтяной промышленности [188, л. 44, 45; 372, 175].

Азербайджан к концу 1920 г. предоставил России 160 миллионов пудов нефти, что было на 33% больше запланированного [276, 467].

Следует отметить, что такие результаты были достигнуты благодаря тому, что в вывозе нефти была задействована военная флотилия.

В результате Энзелийской операции (май 1920 г.) английское командование согласилось сдать суда и военное имущество советской власти. «Ликвидация вражеских сил на Каспийском море позволило разоружить большую часть кораблей, входивших в состав флотилии, и передать их торговому флоту для выполнения такой важной задачи, как вывоз нефти из Баку в Астрахань», – писали советские истори-

ки [343, 267].

21 мая 1920 г. состоялось пленарное заседание Совета Труда и Оборона, на котором председательствовал Ленин. Обсуждался вопрос о вывозе нефти из Баку в Астрахань силами Волжско-Каспийской военной флотилии. Раскольникову была послана телеграмма за подписью Ленина: «После того, как Вы блистательно справились с возложенной на Вас боевой задачей, Совет Труда и Оборона временно поручает Вам важнейшую для социалистической Республики задачу, именно: вывоз нефти из Баку на Астрахань... Передайте руководимым Вами славным красным морякам, что Республика ждёт от них такой же героической хозяйственной работы, как их работа боевая» [321, 298]. Таким образом, с помощью военных сил и средств Россия обеспечивалась необходимым и драгоценным топливом.

«С глубокой радостью» на заседании Профсоюзов, членов АКП(б), комиссаров частей 28 дивизии было получено известие об установлении в Армении Советской власти. За подписью председателя заседания Ширвани в Ираван, Ревкому Армении Сакиянцу была послана поздравительная телеграмма, в которой было обещано: «Чёрная кровь Азербайджана потечёт теперь по жилам промышленной Армении. Богатства России будут достоянием пролетариата Армении» [173, л. 18].

На историческом заседании Бакинского Совета по случаю объявления Советской власти в Армении 1 декабря 1920 года под бурные аплодисменты всего зала Н.Нариманов огласил Декларацию правительства Советского Азербайджана, в которой подчеркнул: «Советский Азербайджан широко раскрывает свои ворота перед Советской Арменией к неисчерпаемым богатствам: нефти, керосину, и прочим продуктам, которыми обладает Советский Азербайджан...» [337, 45].

Таким образом, после советизации Армении у оккупиро-

ванного Азербайджана появился ещё один субъект для выкачивания его чёрного золота. А Армянская ССР, как известно, жила на дотации вплоть до развала СССР.

Хищнически выкачивалась не только нефть, расхищалась и техника нефтяной промышленности. Военные самочинно увозили из нефтяных складов (их было 14) всё, что там имелось. Дело доходило до того, что они приходили с револьверами в руках и грозили работникам складов. В результате вся дорогостоящая техника была расхищена [29, л. 23].

Летом 1920 г. усилилось насильственное привлечение рабочих-нефтяников в ряды Красной Армии, что негативно отразилось на добыче нефти. Особенно дезорганизовывал производство уход квалифицированных рабочих. В связи с этим Управление Нефтяных промыслов Сабунчинского района обратилось в ЦК АКП с просьбой содействовать возвращению нужных рабочих из Красной Армии на места прежней службы [11, л. 22].

По отношению к 1820 бывшим нефтяникам были приняты следующие меры: возбуждено ходатайство перед Реввоенсоветом XI Армии о возврате всех поступивших в армию без разрешения Нефтекома и о неразрешении впредь принимать таких на службу. Кроме того, от Иранской Красной Армии было получено согласие о возврате 50% служащих и рабочих нефтяной промышленности – персидско-подданных [13, л. 8].

Более того, в ряды нефтяников в качестве рабочей силы стали привлекаться солдаты XI Армии. Работая бок о бок с нефтяниками Азербайджана, красноармейцы перенимали у них опыт и сами начинали непосредственно участвовать в добыче нефти в качестве подручных при квалифицированных рабочих. Многие красноармейцы, работая на промыслах, приобретали специальности бурильщиков, тартальщиков, готовя себя к работе на промыслах после демобилиза-

ции [304, 71, 72].

Так в Азербайджане готовились кадры нефтяников из красноармейцев, чтобы использовать их после демобилизации. Многие из солдат XI Армии после демобилизации, таким образом, обеспечивались работой, вытесняя из рядов нефтяников местные кадры.

В 1921 г. А.П.Серебровский поехал в Стамбул, чтобы, якобы, привезти для рабочих одежду и обувь, в которых они сильно нуждались. Однако рабочие так и не дождались дефицитных в тот период товаров. Вместо обещанного нефтяная промышленность получила остатки врангелевской армии, эмигрировавших в Турцию, – 1500 солдат с семьями [283]. Так, не только красноармейцы, но и белогвардейцы обеспечивались работой в нефтяной промышленности Азербайджана.

В результате оккупации Азербайджана XI Красной Армией началось расхищение и других природных богатств республики. В Москву по адресу «Москва, Ленину» шли бесконечно грузы из Азербайджана: вагоны, пароходы, цистерны, груженные нефтью, нефтепродуктами, рыбой, икрой, яблоками, овощами и т.д. 21 августа 1920 г. сын Степана Шаумяна повёз Ленину 50 азербайджанских ковров в качестве «подарка бакинского пролетариата... для распределения по его усмотрению» [399, 47]. В сентябре 1920 г. в Москву командировали и коммуниста С.Оглобина, повёзшего чёрную икру в распоряжение Предсовнаркома Ленина [399, 47]. Из Баку было выслано 6 вагонов чёрной икры, что составляло 6 тысяч пудов [263, 81].

В период оккупации Азербайджан дарил каспийскую рыбу и другим республикам. Например, в январе 1921 г. в подарок «красным» шахтёрам Донецкого бассейна от имени бакинских рабочих и крестьян из Баку было отправлено четыре вагона рыбы [108, л. 109].

В организованный по призыву профсоюза нефтяников

(или по заказу соответствующих органов) Фонд помощи московским рабочим было отчислено членами профсоюзов Азербайджана 6.663.565 руб. Из суммы однодневного отчисления из зарплаты было закуплено 125 вагонов продуктов питания и отправлено в Москву для московских рабочих и Красной Армии РСФСР [187, л. 5; 372, 130].

Крестьяне бакинских сёл, занятые производством соли, под натиском советской пропаганды регулярно проводили митинги, субботники, принимали различные резолюции. На одном из таких субботников крестьяне с. Бюль-Бюли постановили собрать соль из озера и отправить один вагон в Москву, где ощущалась в ней острая нужда [67, л. 42].

Таким образом, в трагический период оккупации азербайджанский народ кормил не только армию, но и российских рабочих. Рабочие и ремесленники самых востребованных профессий – швейники, кожевники, текстильщики и железнодорожники по этой причине работали по 10 часов в день [372, 129].

Гарантом же обеспечения России стратегически важными товарами выступала мощная военная сила, находившаяся в оккупированном Азербайджане.

Несмотря на то, что Москва извещалась о том, что пролетариат Баку горячо поддерживает советскую власть, на деле даже терпению пролетариата приходил конец. Рабочие также терпели лишения – нехватку продуктов питания, одежды, при этом рабочие нефтяной промышленности работали круглосуточно.

Тяжелое экономическое положение вызвало в начале 1921 г. на промыслах Балахано-Сабунчинского района забастовку рабочих [246, 20].

14 сентября 1921 г. Политбюро ЦК АКП обсудило вопрос об оплате рабочих нефтяной промышленности и постановило поручить Г.К.Орджоникидзе поднять в Москве вопрос о критическом положении нефтяной промышленно-

сти ввиду отсутствия предметов снабжения, и о необходимости срочно разрешить этот вопрос [94, л. 94].

Таким образом, богатства оккупированного Азербайджана шли в Россию, а его народ голодал.

§4. Расквартирование частей XI Армии

Одной из актуальных проблем было размещение красноармейцев на новом месте. Жилищный вопрос осложнялся тем, что в Азербайджан прибыла армия, которая по численности составляла $\frac{1}{4}$ всего населения Баку [197, л. 5].

Особое значение приобрело дело реквизиции, т.к. надо было решить важные задачи: расквартирование красноармейских частей, организация советских учреждений, уплотнение помещений и т.д.

Особенно тяжело с квартирным вопросом было в начальном периоде оккупации. Армейские учреждения выставляли рабочих на улицу и занимали рабочие дома под свои нужды, например, в Балаханы, на Баилове и т. д. Сотни рабочих остались без крова по вине армии.

Стенограммы заседаний Бакисполкома свидетельствовали о недееспособности местной власти. Работники жилищного отдела буквально плакали от беспомощности [194, л. 86]. Многие агенты жилотдела при отводе квартир для военных подвергались оскорблениям со стороны хозяев квартир, что было понятно и обоснованно [225, л. 83]. Таким образом, страдало местное население, лишившееся своих законных квартир. Страдали и работники, вынужденные претворять в жизнь жестокую политику выселения граждан из своих квартир.

22 мая 1920 г. НКВД обратился в ЦК АКП(б) с просьбой обратить внимание и принять меры по урегулированию ра-

боты Центральной Жилищной Комиссии, работа которой носила бессистемный и случайный характер. В распределении квартир наблюдался настоящий хаос; на одну квартиру часто давалось несколько ордеров. Происходили бесконечные переселения служащих. Центральная Жилищная Комиссия реквизировала и уплотняла не только квартиры крупной буржуазии в 15-20 комнат, но и квартиры мелкой буржуазии и даже трудящихся, не говоря уже о советских сотрудниках. Например, часто выселялись курьеры, железнодорожные рабочие и т.д. [30, л. 1].

Инструкция НКВД в то же время предписывала жилищным отделам по получении требования от коменданта вне очереди отводить помещения всем войсковым частям, штабам и учреждениям, прибывавшим в Баку, а в городах и селениях, где не была установлена комендатура, по требованию начальников воинских частей. Конным частям должны были отводиться помещения по возможности с конюшнями и близ водопоев и мест для купания лошадей на окраине города. Под арсеналы, пороховые погреба и артиллерийские склады также должны были отводиться помещения на окраине города [220, л. 125].

Жилищный беспредел достиг такого уровня, что в этот вопрос вынуждены были вмешаться местные революционные власти. Жилищная комиссия XI Армии намеревалась «выселить буржуазию на окраину города», а их квартиры заселить красноармейцами. Но Азревком 22 мая 1920 г. предложил жилищной комиссии разработать подробную инструкцию о производстве безболезненных реквизиций квартир. Все реквизиции должны были производиться Центральным жилищным отделом при Бакинском ревкоме и его подотделами [354].

По постановлению Бакинского ревкома от 27 мая 1920 г. за подписью заместителя предревкома Егорова жилищным отделом ведала коллегия в следующем составе: Измайлов,

Красавин, Первушин и Скворцов. В постановлении Бакревкома от 29 мая отмечалось, что эта коллегия в вопросах реквизиции помещений пользуется диктаторским правом, подчиняясь только Бакревкому. Всякого рода охранные листы, реквизиционные ордера, выданные на квартиры помимо Центрального жилищного отдела, считались недействительными, а распоряжения других учреждений не подлежали исполнению [176, л. 33].

Таким образом, все дела по реквизиции помещений были сосредоточены в жилищном отделе при Бакинском ревкоме. Чрезвычайная комиссия по расквартированию войск слилась с жилищным отделом Бакревкома [179, л. 4].

Жилищным отделам городских и уездных ревкомов была дана инструкция по реквизиции и уплотнению помещений. На жилищные отделы возлагалась забота об обеспечении соответствующими помещениями войсковых частей, а также квартирами служащих военного и морского ведомства [116, л. 12; 348].

4 июня 1920 г. Бакинский ревком в обращении «Ко всему населению г. Баку» признал, что для расквартирования Красной Армии ему пришлось принять экстренные меры: реквизировать помещения и всё то, что нужно было для их оборудования, а также прибегнуть к уплотнению квартир и даже к выселению жильцов. В условиях «спешной и лихорадочной» работы были не только ошибки, недочёты со стороны жилищного и реквизиционного отделов, но и злоупотребления «со стороны врагов Советской власти, примазавшихся к ней». Сейчас, говорилось в обращении, горячая пора прошла, и появилась возможность реорганизовать всё дело на новых справедливых началах. Поэтому временно всякие реквизиции вещей, уплотнений квартир и выселение жильцов впредь до выработки новых инструкций прекращались. Отменялись прежние инструкции, данные жилищному и реквизиционному отделам [176, л. 32]. Как видно из

Обращения, Бакинский ревком признал ошибки, допущенные им в первый месяц оккупации, хотя и свалил эти злоупотребления на врагов Советской власти. Всё же это был шаг вперёд, т.к. наметился перелом в жилищном вопросе.

Бюро ЦК АКП 16 июня 1920 г., обсудив жилищный вопрос, предложил РВС XI Армии не заселять частные квартиры красноармейцами ниже батальонных командиров, а заселённые ранее квартиры очистить в трёхдневный срок. Квартиры лиц, уехавших на дачу, подлежали реквизиции, а для хозяев оставляли только помещение для хранения имущества [32, л. 50].

В виду острой нужды в домах и квартирах для войсковых частей Бакинский Исполком в июне 1920 г. приказал всем домовым комитетам и хозяевам квартир произвести в недельный срок уплотнение как квартир, так и магазинов и всякого рода «растворов». Уплотнению подлежали жилища всего населения, как гражданского, так и военного. Только профессорам, педагогам и врачам дали право на лишнюю комнату [195, л. 21].

Однако армейские власти были недовольны решениями местных структур.

Несмотря на все усилия местной власти, справедливо разрешить жилищный вопрос не удавалось. Вот только несколько примеров. Бакинскому отделению Кавказского Краевого отделения Российского телеграфного Агентства («Баккаврост») был выдан ордер на занятие помещения Соединённого Банка. Другим ордером принадлежавшая Соединённому Банку мебель передавалась в распоряжение Кавроста и Центропечати. Однако помещение Банка в начале июня 1920 г. было освобождено председателем Опродкомарма XI Лавровым, который, игнорируя ордер Центрального Жилищного Отдела, стал вывозить оттуда предназначенную для Кавроста мебель. Орджоникидзе предписал Лаврову не вывозить мебель, но последний не подчи-

нился и этому указанию и приказал вывезти всю мебель во вновь предоставленное Опродкомарму XI помещение в дом Ашурбекова. Баккавроста просил Краевой Комитет РКП(б) сделать соответствующее распоряжение и восстановить его в правах на имущество.[77, л. 17]. Так, военные начальники могли позволить себе порой игнорировать даже указания Орджоникидзе – «коммунистического наместника Кавказа».

Несмотря на острый квартирный кризис, новые советские учреждения умудрились занять для себя огромные помещения сверх всякой нормы. Н.Нариманов пытался решить этот вопрос. Азревком 31 августа 1920 г. приказал всем советским учреждениям и организациям как гражданским, так и военным и военно-морским уплотнить в пятидневный срок занимавшиеся ими помещения, исходя из нормы в девять квадратных аршин на каждого сотрудника. Чрезвычайной жилищно-реквизиционной комиссии при Бакисполкоме предлагалось по истечении 5 дней приступить к проверке всех гражданских, военных и военно-морских учреждений и о начальниках, виновных в неисполнении приказа, сообщить высшей власти для предания их суду ревтрибунала по законам революционного времени. Причём особо отмечалось, что начальнику гарнизона и коменданту города предписывалось оказывать этой комиссии всяческое содействие при проверке военных и военно-морских учреждений [332, 244, 245].

Так, Азревком пытался разрешить один из самых сложных вопросов, связанных непосредственно с пребыванием оккупационных войск на территории Азербайджана.

Летом 1920 года началось строительство Военного городка из 60 бараков на 8 тысяч красноармейцев и Санитарного городка из 40 бараков под лазарет из расчёта на 4 тысячи красноармейцев. Этим надеялись разгрузить дома от воинских частей и лазаретов и таким образом разрешить квартирный кризис. Однако надежды не оправдались, так

как строительство шло медленно, стройматериалы были некачественными и т.д. [35, л. 73].

При расквартировании воинских частей в уездах использовались помещения больниц и даже тюрем (например, в Газахе). При этом больницы либо закрывались, либо переводились в другие помещения, лишённые элементарных удобств. Тюремные не досматривались и допускался побег опасных преступников [10, л. 90].

Гостиница «Европа» была занята сотрудниками отдела снабжения. Несмотря на неоднократные просьбы Центрального жилотдела и Бакинского ревкома освободить её, ввиду того, что она была необходима инструкторской школе НКВД, гостиница не освобождалась. ЦК АКП(б) пришлось обратиться в Реввоенсовет XI Армии с просьбой распорядиться об освобождении этой гостиницы [32, л. 18, 19].

Другая гостиница «Большая Московская» числилась за этапным комендантом, однако была занята сотрудниками XI Армии. Но гостиница была необходима для общежития ЦК и делегатов 2-го съезда АКП(б). Однако этапный комендант отказался освободить гостиницу. Тогда в дело вмешалась компартия. ЦК АКП(б) обратился в Реввоенсовет XI Армии с просьбой сделать распоряжение, чтобы в самом срочном порядке освободить гостиницу, а армейским сотрудникам предоставить общежитие ЦК [32, л. 230].

1 ноября 1920 г. Политбюро ЦК АКП слушало вопрос о выселении людей из квартир. Постановили не производить выселения врачей и лечебных заведений. При уплотнении врачей было решено оставлять им кабинеты для приёма больных. Кроме того, было решено не производить выселения дипломатических миссий без санкции Политбюро, а также не выселять партийные школы, общежития и рабочие организации [7, л. 27].

12 ноября 1920 г. приказом Азревкома о порядке занятия помещений войсковыми частями, учреждениями и органи-

зациями им воспрещалось занимать какие-либо помещения без особого на то распоряжения Чрезвычайной жилищной комиссии. Войсковые части должны были обращаться с требованиями на новые помещения исключительно через начальника гарнизона. Предупреждалось, что все охранные листы, не скреплённые подписью Чрезвычайной жилищной комиссии, будут отбираться, а руководители организаций, выдавшие их, будут привлекаться к суду ревтрибунала [332, 380, 381, 382]. Таким образом, при решении жилищного вопроса Н.Нариманов расставил по своим местам приоритеты. Обязательными для всех являлись распоряжения Чрезвычайной жилищной комиссии по расквартированию войсковых частей, учреждений, организаций и отдельных лиц военного и гражданского ведомства. Так, Бакисполкому, а не руководству XI Армии, была отведена главная роль в решении этого сложного вопроса.

На заседании Бакисполкома 23 декабря 1920 г. говорилось, что весь Баку загружён военнослужащими. 10-12 тысяч из них живут на частных квартирах [194, л. 201]. Военные заняли в Баку 600 тысяч комнат в квартирах [194, л. 150]. Нет необходимости комментировать эти цифры, чтобы понять в каком удручающем положении находилось население Баку.

Осенью 1920 г. в Азербайджане появилось 400 000 беженцев из Армении, спасавшихся от жестокости дашнаков. Беженцев также необходимо было обеспечить жильём. Это ещё больше осложнило решение жилищной проблемы [194, л. 55].

Таким образом, жилищный вопрос, который остро стоял по всей стране после советизации, в национальных республиках, в частности, в Азербайджане, приобрел ещё более уродливые и жестокие формы, поскольку сюда вторглась огромная армия, требующая расквартирования, снабжения и не считающаяся ни с какими цивилизованными законами.

§5. Экспроприации. Разоружение местного населения

Прибывшие в Азербайджан под флагом «освободителей» военные не только занимали квартиры, но и грабили их хозяев.

Целая неделя после 27 апреля зафиксировалась в памяти людей как «грабнеделя», когда солдаты врываются в дома граждан, уносили с собой понравившиеся вещи в качестве трофеев, срывали с женщин ювелирные изделия.

Слишком поздно (почти через месяц после вторжения) красноармейцы получили конкретные указания в отношении своего поведения и отношения к азербайджанскому населению.

В обращении начальника гарнизона г. Баку и его районов Нестеровского от 26 мая 1920 г. к красноармейцам и морякам говорилось об укреплении связи с азербайджанским народом и уважении его национальных обычаев. Красные бойцы предупреждались, что 1) женщин – мусульманок не только нельзя трогать, но постороннему человеку нельзя с ними даже разговаривать; 2) в квартиру, если не имеется особой мужской половины, квартирантов мужчин допускать нельзя; 3) при входе в мечеть полагается снимать обувь; 4) в помещениях мусульмане головных уборов не снимают; заставлять их при пении гимна и «Интернационала» снимать папахи ни в коем случае нельзя; 5) бани для женщин и мужчин полагаются особо, поэтому в женскую баню входить мужчинам нельзя; 6) днём отдыха у мусульман считается пятница. В этот день заставлять их выходить на работу против их желания нельзя, и т.д. [321, 305].

Несмотря на эти «благие намерения», на деле происходило прямо противоположное. Игнорируя распоряжения

местной власти в лице Н.Нариманова, направленные из центра коммунисты начали экспроприацию вещей у населения. В сентябре 1920 г., например, Н.Нариманов отдал распоряжение прекратить реквизиции и перейти к принципу добровольности, но вышестоящие органы отменили это постановление. Исполком Бакинского горсовета пошёл ещё дальше. Он принял решение «о беспощадной реквизиции домашних вещей до белья включительно» [307, 256].

На II съезде АКП(б) (16-23 октября 1920 года) Нариман Нариманов опять предлагал при экспроприации буржуазии учитывать местные условия и психологию мусульманского населения. Он говорил, что нужно экспроприировать заводы, фабрики, банки, театры, но не отнимать у мужчин их костюмы, а у женщин ювелирные украшения и даже нижнее бельё, как того требовали некоторые радикально настроенные товарищи [263, 88].

10 декабря 1920 г. Азревком обсудил вопрос об экспроприации буржуазии и повальных обысках, происходивших в городе. Заслушав доклад Саркиса (председатель комиссии по улучшению быта рабочих) о ходе экспроприации местной буржуазии, Азревком принципиально одобрил деятельность комиссии, но постановил прекратить повальные обыски по учёту, а изъятия закончить до 15 декабря. Ввиду того, что наблюдались случаи ненормального проведения в жизнь экспроприации, было решено мобилизовать всех наркомов и ответственных работников и для правильного проведения операции без дефектов и нарушений инструкций передать их в распоряжение комиссии [253, 161].

Ветеран большевистской партии вспоминал, что в Азербайджане составлялись списки для экспроприаций, которые производились весь декабрь 1920 г. 30 декабря Чрезвычайная комиссия по улучшению быта рабочих уже делала доклад на заседании Баксовета о результатах экспроприации. Предварительный подсчёт отобранного достигал внуши-

тельных цифр. Одних только ценностей было отобрано 225 пудов, из них около 10 пудов золота, остальное – серебро. Кроме того, у населения было отобрано много бриллиантов и других драгоценных камней. Также у населения было отобрано 4 тыс. великолепных ковров и солидное количество других предметов [334, 224].

Огромную ценность имели ковры, некоторая часть которых в июне 1920 г. поступила в распоряжение Наркомпроса для распределения между клубами и читальнями. [10, л. 93; 14, л. 17].

Политбюро и Оргбюро ЦК АКП(б) 20 декабря 1920 г. постановили выделить специальные фонды ЦК из реквизированных вещей для партийных работников. Проведение этого мероприятия поручалось Саркису [10а, л. 133].

А.Микоян в своих воспоминаниях писал, что при отъезде из Баку ему в ЦК партии Азербайджана были выданы одеяло, подушки и золотые женские часы, конфискованные у бакинской буржуазии [373, 98].

Секретарь Бакинского Комитета АКП(б) Саркис, выступая 21 декабря 1920 года на совместном заседании Политбюро и Оргбюро ЦК АКП(б), хвастливо сообщал, что они конфисковали около 200 пудов серебра, 10 пудов золота, около 800 золотых колец и т.д., 100 телефонов, динамо-машин, ремингтонов и др. [263, 96]. «С другой стороны, имеется много ошибок и недоразумений... Вчера прекратили общую экспроприацию. Сегодня ходили только по адресам-доносам, где действительно находили много вещей. Эти частичные обыски будут закончены к 26 декабря» [9, л. 63]. Таким образом, безжалостный грабёж мусульманского населения Саркис охарактеризовал как ошибки и недоразумения.

На заседании Чрезвычайной комиссии по экспроприации буржуазии 29 декабря 1920 г. была выработана норма оставления предметов у буржуазии для улучшения быта рабо-

чих и беднейших крестьян, причём сделано это было тогда, когда уже всё было отнято. Чтобы представить себе весь цинизм и издевательский характер этих норм и предписаний, достаточно просмотреть сами нормативные списки. Представителям «буржуазии» полагалось: мужского нательного белья: кальсон – 3, рубаш – 3, носков – 3, носовых платков – 2, полотенце – 3. Женского белья: сорочек – 3, панталон или юбок – 4, чулок – 3 пары, носовых платков – 3, чадры – 2, головных платка – 2 (из них один тёплый). Детского белья оставить по норме мужского и женского. Посуда на душу: стаканов – 2, блюдце – 2, тарелок – 1 глубокую и 1 маленькую, ложек – 1 столовую и 1 чайную. На семью оставить 1 самовар, 2 лампы. Мебель брали на учёт. Было постановлено: лишние ковры отобрать. Мануфактура, кожа, драгоценности и монеты, лошади, фургоны, фаэтоны, тачки и упряжи, шторы, кровати подлежали изъятию [11, л. 68].

Экспроприация в одночасье превратила имущие слои в неимущих. Об этом красноречиво писала, например, писательница Ум-эль-Бану (Банин). Она родилась в семье бакинского нефтепромышленника Мирзы Асадуллаева, ставшего в правительстве Азербайджанской Республики (1918-1920 гг.) министром торговли. Её дедушками были миллионеры Шамси Асадуллаев и Муса Нагиев. После оккупации её семья отправилась в Турцию, затем с 1924 г. обосновалась в Париже, где Банин прожила до конца своих дней [326, 59]. Во Франции Банин стала очень известной писательницей (11 романов), дружила с И.Буниним, Э.Юнгером [300, 85-86]. В 1945 г. был опубликован её роман «Кавказские дни», носивший автобиографический характер. Автор пишет о событиях, кардинально изменивших судьбу её семьи. С оккупацией Азербайджана Красной Армией наступил новый этап её жизни. По завещанию деда 4 дочери Мирзы Асадуллаева стали миллионершами. Однако через не-

сколько дней в связи с известными событиями они в одночасье потеряли богатство, титулы и вынуждены были покинуть Родину из-за бывших должностей их отца в прежнем правительстве [326, 60-61].

В Государственном Архиве Азербайджанской Республики находятся материалы об экспроприациях и конфискации имущества граждан, причём совершенно небогатых, иногда даже бедных. Конфисковывалось имущество даже вдов, сирот, безвозвратно отнималось собранное в течение многих лет по азербайджанским обычаям приданое для девочек (постельные принадлежности, полотенца, носовые платки, стаканы, блюда и т.д.). Думается, что нет необходимости приводить все слёзные жалобы пострадавших граждан. Тем не менее, хочется привести некоторые из них.

Дом сирот Зульфигаровых в г. Лянкяране заняли красноармейцы. Сирот поместили во флигель, находившийся в том же дворе. Затем комиссар жилотдела Макаров забрал имущество сирот, мотивируя это тем, что оно укрыто под полом не из-за тесноты, а с целью скрыть от власти. Взяты были кровати, вешалки, занавески, дорожка, шерсть, столы, умывальник, обеденный стол, стулья, этажерка, патефон, кресла, часы, серебряные ложки. «Криком души» можно назвать заявление – жалобу сирот на имя председателя уездного ревкома Чиркина, написанное 30 января 1921 г. [238, л. 165].

Житель Гянджи обратился к Н.Нариманову с жалобой на красноармейцев, которые заняли его дом с десятью комнатами и сожгли всё, что попадалось в руки: забор, будки, двери, косяки, окна, ставни, шкафы. Всё имущество было экспроприровано и расхищено [165, л. 186]. И это только единицы из тысяч написанных жалоб. Так страдали во время оккупации простые жители Азербайджана, во имя которых, якобы, и устанавливалась Советская власть.

На Первом Всеазербайджанском съезде Советов рабочих,

крестьянских, красноармейских и матросских депутатов (май 1921 г.) Н. Нариманов ответил на многие вопросы делегатов: «Спрашивают относительно экспроприации буржуазии. Это, безусловно, произвести нужно, но организованно. Если вы знаете, что где-нибудь имеется буржуй, то всё, что у него есть, нужно отобрать, оставить ему ложку, тарелку... Но в других городах, нам рассказывали, было ещё хуже. У нас хоть был надзор опытных товарищей, которые руководили этой экспроприацией буржуазии. Так, например, срывали серьги с ушей, и мы удивлялись терпению населения к тому, что с ними вытворяли. Это было нечто похожее на экспроприацию. Был издан приказ о том, чтобы украшения у женщин-мусульманок не отбирались, в чём руководствовались известной психологией мусульманских масс. Но наши товарищи – головоотяпы не только не оставляли, но прямо-таки срывали с ушей серьги» [381, 500-501].

В затруднительном положении находился Реквизиционный отдел, в который непрерывно поступали требования от воинских частей на реквизицию мебели, посуды и т.п., причём, иногда неприемлемые. В частности, требовались предметы роскоши, например, зеркальные шкафы, канделябры, мягкая мебель и т.д. Народный Военно-Морской Комиссариат приказом от 21 июня 1920 г. запретил обращаться с такими требованиями в Реквизиционный отдел [360].

Семьи военнотружущих освобождались как от уплотнения, так и от конфискации. Но, несмотря на это, у проживавшей в Баку семьи Упродарма XI Армии Никогосова Тиграна летучим карательным отрядом было конфисковано имущество домашнего обихода. После жалобы Т. Никогосова в Штаб Отдельной Кавказской Армии, по распоряжению последнего Ревкому Республики было приказано принять меры к возврату всего конфискованного имущества и ограждению этой семьи от подобных случаев, т.к. Н. Тигран служил добровольно с первых дней существования Красной

Армии [160, л. 20]. Так, в Азербайджане в Красной Армии служили лица армянской национальности, пользующиеся всеми преимуществами своего положения.

Основной опасностью для новых властей было наличие оружия у местного населения, поэтому военные власти ставили перед собой цель его обезоружить. Начальник гарнизона г. Баку и его районов в мае 1920 г. обратился к гражданам Баку с приказом сдать до 23 июня за вознаграждение имеющееся у них оружие. При этом указывались «благородные» причины, побудившие издать такой приказ: стремление обезопасить Красную Армию от нападений из-за угла, от выстрелов, направленных на воинов контрреволюционной буржуазией и её наймитам, желание покончить с национальными распрями между мусульманами и армянами, желание вооружить нуждающуюся в оружии Красную Армию, стремление не дать повториться гянджинским событиям в Баку [33, л. 4]. На самом деле главной целью разоружения было усмирить взбунтовавшийся народ Азербайджана.

Приказом Реввоенсовета XI Армии от 11 июня обязанность по обезоружению населения была возложена на Полевую комиссию по борьбе с дезертирством при Штабе XI Армии. Чтобы избежать всевозможных недоразумений и пререканий со стороны населения на Советскую власть, комиссия просила ЦК АКП(б) о командировании в её распоряжение 10 партийных работников-мусульман для работы по обезоружению населения [76, л. 20]. Так, руками коммунистов – азербайджанцев Советская власть пыталась провести свою линию и при этом не дискредитировать себя в глазах коренных жителей республики.

Последовавший за этим приказ от 24 июня 1920 г. отличался уже совершенно иной тональностью: «Месяц просьб, приглашений, увещаний дал слишком мало оружия. Увеличивающаяся с каждым днём Рабоче-крестьянская Красная

Армия всё сильнее ощущает недостаток в оружии, а потому приказываю: всем гражданам г. Баку сдать имеющееся у них огнестрельное оружие в Управление Начальника гарнизона ... до 12 час. 27 июня с.г. Приём оружия будет производиться без вознаграждения». Таким образом, условия изменились – было отменено вознаграждение. Новый приказ был намного суровее, о чем свидетельствует следующая выдержка из его текста: «Все не сдавшие огнестрельного оружия в вышеуказанный срок будут расстреливаться без всякого суда и следствия, как враги рабоче-крестьянской власти. Никакие удостоверения и оправдания в несдаче оружия в расчёт приниматься не будут». Приказ не распространялся только на коммунистов и ответственных советских работников, которые имели разрешение на ношение и хранение оружия от Управления коменданта города [33, л. 7]. Ещё один приказ последовал 28 июня 1920 г.: «Не желая прибегать к репрессивным мерам, я даю отсрочку до 1 июля. После этого срока каждый несдавший оружия за последствия пусть пеняет только на себя» [33, л. 8]. Категоричность приказа свидетельствует о неудовлетворительном снабжении XI Армии самым главным атрибутом воина – оружием. Так, вопреки логике и законам военного времени, оккупационная армия снабжала себя оружием за счёт местного населения оккупированной республики.

Особая комиссия при армии по обезоруживанию населения после этих приказов, несмотря на объявленные льготы для советских служащих, без разбирательства отбирала оружие у служащих сельских ревкомов и уездной милиции, даже у тех, кто имел удостоверения на ношение оружия [184, л. 483]. Например, шамхорская милиция в августе 1920 г. была разоружена по распоряжению особо уполномоченного 20 дивизии [39, л. 5]. В Лянкяране в сентябре 1920 г. I Кавалерийская дивизия отобрала безвозвратно оружие у 21 милиционера [39, л. 13]. В Агдаше в июне-

июле 1920 г. у населения было изъято около 3 тысячи оружия разного рода [51, л. 38].

Ситуацией тут же воспользовались армяне, которые под видом разоружения и выявления дезертиров занимались доносами на тех, кто занимал партийные и государственные посты. Так, в ЦК АКП(б) под грифом «совершенно секретно» доставлялись информационные сводки. В частности, в сводке за 22-26 октября 1920 г. говорилось, что посланный в Хизинский участок Бакинского уезда для разоружения населения и задержания дезертиров армии Петросянц сообщил о председателе райкома (он же помощник начальника милиции) Мамеде Гасане, о члене комячейки Ага Гусейнове и других сведения, характеризующие их как неблагонадежных для Советской власти людей [52, л. 35].

При производстве обыска в доме одного жителя села Агкёйнак (Газахский уезд) красноармеец Быков украл 1500 рублей и серебряный пояс. Он был арестован с вещественными доказательствами, но через неделю выпущен из тюрьмы. Он не только не был предан суду, но даже вернулся на прежнюю работу в охрану Чрезвычайного Комиссара Джабиева [57, л. 50].

Во время обысков квартир с целью обнаружения оружия бесчинствовали не только солдаты, но и их командиры и начальники. В редких случаях они подвергались наказанию. Например, 5 июня 1920 г. в Агдаше во время обыска квартиры Меликова начальник гарнизона Скугорин с тремя бывшими денкинскими солдатами присвоили золотые изделия и вещи. Чрезвычайный комиссар Агдашского и Гёйчайского уездов Зейнал Дадашев арестовал их, а после завершения следствия отправил в Баку [51, л. 33-34].

Местное население страдало не только от красноармейцев. Милиционер Агаджан Авакянц, призванный «защищать интересы рабоче-крестьянского правительства», был обвинён в присвоении вещей во время обыска при аресте

граждан. Принимая во внимание его политическую незрелость и темноту, как человека, взятого только что из-за станка, трибунал 30 июля 1920 года постановил приговорить Авакянца к трём годам тюремного заключения, но приговор применить условно и из-под стражи освободить [41, л. 128]. Впрочем, некоторые местные коммунисты порой бесчинствовали не меньше военных и милиционеров армян. Например, 4 августа 1920 г. Чрезвычайный комиссар Агабаба Юсуфзаде вместе с помощником начальника милиции Дадашем в бакинском селении Новханы под видом изъятия оружия отбирал у сельчан всё понравившееся ему имущество, в том числе и золотые украшения. Так, у одной мусульманки он забрал 15 тысяч рублей, 2 кольца, 2 браслета и цепочку с медальоном [40, л. 41].

В целях организации конной красной армии по всем уездам, в том числе Бакинском, проводилась экспроприация лошадей, седел, уздечек для доставки в армию продуктов питания [180, л. 50, 51, 57].

Кроме того, в Бакинском уезде 5 тысяч вьючных верблюдов были мобилизованы и отправлены в с. Хильмили Шамахинского уезда для переброски капусты, предназначенной для Армии [147, л. 18].

19 сентября 1920 г. декрет Азревкома о регистрации перевозочных средств вменял всем войсковым частям и военным учреждениям, расположенным в г.Баку и его пригородах, представить не позднее 27 сентября сведения о числе лошадей, экипажей и повозок. Оговаривалось, что в случае обнаружения после регистрации у кого-либо лошадей или повозок, не взятых на учёт, виновные будут привлечены к ответственности, а лошади и экипажи отобраны [332, 272]. Такая мера была предпринята из-за военных действий XI Армии в тот период. Уже 12 ноября 1920 г. Н.Нариманов подписывает приказ о мобилизации 1000 подвод. К месту мобилизации в течение 7 дней мерами милиции нужно было

выслать все имеющиеся в Баку и Бакинском уезде повозки, причём запряжены они могли быть не только лошадьми, но и волами, буйволами, верблюдами и мулами. Этот приказ был издан вследствие полученного наряда Реввоенсовета XI Армии [332, 382].

В сел. Кюрдаханы несколько раз мобилизовали у крестьян лошадей. В ноябре 1920 г. военные стали отнимать уже последних лошадей, без которых крестьянин не мог выполнять сельскохозяйственные работы. Председатель сельского комитета партии в заявлении ЦК АКП по этому поводу писал, что они, отнимая «последнюю опору беднейших крестьян своим отношением, настраивают своих же против Советской власти» [78, л. 111].

Сильно пострадали от бесчинств красноармейцев сельчане Бакинского уезда.

Ветеран армии Ефремов А.М. вспоминал, что в начале августа 1920 г. его назначили командиром кавалерийского полка, входившего в состав 32-й стрелковой дивизии. Полк стоял под Мардакяном. Район для размещения кавалерийской части был выбран неудачно, так как Апшерон с его известковой почвой лишён травянистого покрова. «Несмотря на строжайший запрет, бойцы по ночам совершали «набеги» на окрестные сады и виноградники и тайком подкармливали коней листвой и ветками фруктовых деревьев. Садам и виноградникам наносился непоправимый ущерб, а это уже было преступлением перед местными жителями: вырастить на Апшероне хотя бы одну лозу стоило большого труда и пота» [303, 57].

Начальник Калининского района донёс Бакначуездмилиции, что 19 сентября 1920 г. к нему явился житель сел. Бузовна Кербалаи Мухтар Мамед оглы и заявил, что ночью на его дачу в его отсутствие напали 5 красноармейцев и, напугав выстрелами семью, собрали 25 пудов винограда и ускакали, причинив ущерб владельцу дачи до 150 тысяч

рублей [39, л. 42].

Красноармейцы 8-го полка, расквартированного в сел. Балаханы, совершали бесчинства: ходили в ближайшие селения, забравшись в сады и огороды, рвали без разрешения хозяина фрукты и овощи. Приказом по гарнизону г. Баку и его районов от 7 октября 1920 г. начальнику гарнизона Балаханского района вменялось принять решительные меры к выяснению и задержанию производящих такой произвол красноармейцев [33, л. 63]. Приказ был издан, чтобы защитить «высокое звание воина Красной Армии».

Таким образом, красноармейцы проводили «свою экспроприацию», от которой сильно страдало население Апшерона. При этом они также использовали политику разоружения местного населения, извлекая из неё личную выгоду. Это явление не осталось незамеченным.

Тифлисская газета «Борьба» (Орган ЦК СДРП Грузии) описывала тяжёлое положение в Советском Азербайджане, заявляя, что красноармейцам живется легко, а «в войсках торгуют краденными товарами» [313]. Действительно, спекуляция среди красноармейцев приняла широкий размах, например, в июле 1920 г. солдаты Красной Армии уже меняли на вокзале за 1 пуд соли 25 фунтов муки [76, л. 123].

20 февраля 1921 г. Председатель Азревкома Н. Нариманов издал приказ о мерах пресечения самовольных массовых обысков и реквизиций у граждан домашнего имущества. Все мандаты, выданные до 20 февраля 1921 г. на право обысков и изъятия домашнего имущества, уже считались недействительными. В приказе Нариманова оговаривалось, что «самочинные реквизиции – дело рук преступного контрреволюционного элемента, который в целях личного обогащения и дискредитирования Советской власти под разными предлогами проникает в квартиры граждан и творит свое гнусное дело». В подобных случаях пострадавшим гражданам предлагалось обратиться в милицию

[160, л. 10]. Так, Н. Нариманов рытался разрешить один из самых сложных вопросов, связанных непосредственно с пребыванием оккупационной армии на территории Азербайджана.

Таким образом, оккупация привела к тому, что под видом «экспроприации буржуазии» новыми властными структурами и военной силой население было ограблено и обобра­но «до нитки». При этом пострадали даже бедные слои. О миллионах говорить не приходится – они стали просто нищими. У них изымались не только ювелирные изделия и роскошные предметы домашнего обихода, но даже последние кальсоны и носки.

Политика разоружения местного населения преследовала политическую цель усмирения восставшего азербайджанского народа и недопущения впредь новых предполагаемых восстаний. В то же время XI Армия обеспечивалась оружием за счёт местного населения. Во время обысков с целью обнаружения оружия красноармейские бесчинства проявились во всей своей красе.

§6. Пьянство красноармейцев на новом месте. Здравоохранение на службе оккупантов

Головной болью, как военного начальства, так и местного населения было повальное пьянство расквартированных в Азербайджане красноармейцев. Офицеры Красной Армии, к которым присоединялись сотрудники ЧК, устраивали попойки в дорогих ресторанах, задаривали своих жён награбленными драгоценностями и перевозили контрабандный товар в конфискованных автомобилях [307, 251].

Ответственность за пьянство офицеров и солдат XI Красной Армии военное начальство, однако, перекладывало на

продавцов спиртного. В приказе по гарнизону г. Баку от 23 июня 1920 г. отмечалось, что «многими негодьями ведётся тайная продажа спиртных напитков с целью или спекуляции, или спаивания бойцов». Начальник гарнизона приказал коменданту Баку при установлении факта продажи спиртных напитков виновных без всякого суда и следствия расстрелять, как врагов рабоче-крестьянской власти [33, л. 5].

Наркомат здравоохранения ежедневно осаждался десятками военнослужащих, часто в нетрезвом виде являвшихся за получением напитков. Начальник гарнизона г. Баку и его районов 28 июня 1920 г. объявил, что отдельным военнослужащим никакие спиртные напитки выдаваться не будут [33, л. 8].

Однако, несмотря на приказы, красноармейцы продолжали пьянствовать. Появление на улицах мусульманских городов и сёл военнослужащих в нетрезвом виде было обычным явлением. Начальник гарнизона считал, что по отношению «к преступникам, спаивающим нашу Красную Армию, принимаются очень гуманные меры», и 5 июля 1920 г. поставил это на вид коменданту города, начальнику милиции, приказав, не останавливаясь ни перед чем, в корне пресечь тайную продажу спиртных напитков и пьянство [33, л. 11].

Следует отметить, что приказ о расстреле продавцов спиртных напитков не всегда проводился в жизнь. Например, при осмотре комиссионного магазина армянина Оганова у него были обнаружены 2 бутылки английской водки и 2 бутылки вина, а также ремни казённого образца. За хранение вышеназванных предметов приказом по гарнизону 6 июля 1920 г. Оганов был оштрафован на 15 тысяч рублей [33, л. 12].

Красноармейцы продолжали злоупотреблять спиртными напитками. Особенно в этом отношении выделялись офицеры. В целях пресечения злоупотреблений Наркомздрав в

приказе от 1 декабря 1920 г. предложил всем врачам не прописывать военнотружущим и красноармейцам спиртных напитков, которые они могли получить в лечебных заведениях своего ведомства [19, л. 137].

Поведение красноармейцев вызывало ненависть местного населения. Несмотря на то, что орган Революционного Комитета Азербайджана, Центрального и Бакинского Комитета АКП (б) газета «Коммунист» писала, что отношение населения к Красной Армии «благожелательное и сочувственное» [353], на самом деле это было далеко не так. Что можно было ожидать от пьяных военных, выступавших на территории Азербайджана в роли оккупантов?!

Однако, азербайджанские коммунисты вопреки правде по долгу службы восхваляли поведение русских красноармейцев. Например, Чингиз Ильдрым в статье «Настроение на Гарабахском фронте», опубликованной в газете «Коммунист» (на рус. языке) 3 июня 1920 г., писал, что красноармейцы уважали религиозные воззрения, обычаи и традиции мусульман, благодаря чему между красноармейцами и местным населением возникли, якобы, братские взаимоотношения [279, 90].

В реальности же своё отношение к военным властям и солдатам жители г. Баку проявляли в разных формах. Например, часто прохожими срывались со стен приказы по гарнизону и газеты «Кавроста». Начальник по гарнизону 5 июля 1920 г. приказал начальнику милиции арестовывать таких нарушителей, выяснять их личность, а протоколы предоставить ему в распоряжение [33, л. 11].

Не меньшим бедствием было отсутствие нормального медицинского обслуживания. В XI Армии было большое количество больных красноармейцев, нуждавшихся в срочной медицинской помощи. Комиссариат Здравоохранения принял меры в первую очередь к расширению существующих лазаретов и открытию новых: были расширены на 300

коек 19-й лазарет, на 200 коек Народная больница №1, на 200 коек военный лазарет, на 100 коек клиника при Университете и 50 коек Михайловская больница. Приступили к открытию двух новых лазаретов: на 420 и 430 кроватей. Была организована медико-фармацевтическая Коллегия при фармацевтическом отделе, которая проводила национализацию аптек, винных магазинов и складов. Коллегия снабжала медикаментами и перевязочными материалами все лечебные учреждения и части XI Армии. В 13 пунктах Баку были открыты бесплатные зубоврачебные (стоматологические) кабинеты для оказания помощи в первую очередь красноармейцам, а после них уже рабочим города [30, л. 20].

Летом 1920 г. все больницы остались без врачей, которые были мобилизованы в армию. Черногородская больница, в которой работали лучшие терапевты и хирурги, тоже оказалась в их числе. От этого пострадали местные жители, оказавшиеся без врачебной помощи [26, л. 7].

Постановлением Совета Труда и Оборона (председатель СТО – Ленин) от 31 июля 1920 г. студенты – медики, в т.ч. студентки всех курсов медицинских факультетов всех университетов и военно-медицинских академий были мобилизованы в армию. Приказом от 10 августа 1920 г. войскам XI Армии вменялось руководствоваться и точно исполнять это постановление [133, л. 18]. В результате многие студенты и ординаторы были вынуждены бросить учёбу при нехватке кадров на местах. Наркомпрос вмешался в это дело. Коллегия НКП 30 июня 1920 г. просила военное ведомство освободить ординаторов Бакинского Университета М.Топчибашева и Гаджиева от воинской службы, мотивируя свою просьбу тем, что университетские клиники фактически обслуживали нужды XI Красной Армии, а уход ординаторов разрушит их функционирование [118, л. 224].

Бакинский уездный отдел здравоохранения осенью 1920 г. вынужден был бездействовать, так как все врачи были

мобилизованы в XI Армию. Та же удручающая картина наблюдалась в уездах Азербайджана, где больницы лишились врачей по той же причине. Тем самым населению не оказывалась медицинская помощь. Следует отметить, что именно в этот период население особенно остро нуждалось в медицинской помощи, так как имели место различные массовые заболевания, в том числе малярия [99, л. 64].

По этой причине власть искала новые формы медобслуживания населения.

Особенно хочется остановиться на деятельности Санитарного отряда, прикомандированного к Агитпоезду «Красный Азербайджан». Отряд из 11 человек с Агитпоездом выехал из Баку 26 октября. В купе поезда была организована амбулатория для оказания медицинской помощи нуждавшимся по линии железной дороги. А для помощи сельскому населению, жившему вдали от линии железной дороги, были организованы отряды в составе фельдшера, медсестры и санитаря, снабжавшиеся медикаментами. По пути следования поезд имел остановки на станциях Аджигабул, Кюрдамир, Уджар, Ляки, Евлах, Гянджа, Акстафа, Пойлы, и на всём этом пути по линии железной дороги была оказана медпомощь амбулаторией, а в сёла были посланы отряды. Отряды посетили много сёл, лежавших в стороне от линии железной дороги. Амбулатория приняла 120 больных, а отрядами была оказана помощь 265 больным, итого 385 больным была оказана медпомощь и выданы лекарства и перевязочные материалы. Были даны консультации 80 больным. Однако помощь была недостаточной, т.к. лекарств не хватало, а больных было чрезвычайно много. Пробыв в пути 22 дня, отряд прибыл в Баку [73, л. 2].

Больницы продолжали обслуживать только военных.

Служащие Михайловской больницы лишились даже возможности обедать в столовой этой больницы, так как ею пользовались больные красноармейцы. 24 ноября 1920 г.

коллегия Горздравотдела рекомендовала временно допустить служащих столоваться при больнице или открыть для них другую столовую [19, л. 158]. Вопрос об освобождении от красноармейцев Михайловской и Народной больниц стоял очень остро [19, л. 182].

Горздравотдел 10 декабря 1920 г. обсудил вопрос об обслуживании XI Красной Армии гражданскими лечебными заведениями. Было решено прекратить приём красноармейцев в Михайловскую больницу, а для находившихся там на тот момент больных красноармейцев назначить постоянную врачебную комиссию. В венерическом отделении временно до открытия военного госпиталя для венерических больных решено было оставить за эвакуационным пунктом XI Армии 50 коек, причём срок определялся в 2 недели [19, л. 141].

Уездные больницы были не в лучшем положении. Даже единственная детская больница в Гяндже была занята воинскими частями и инженерным батальоном. Учитывая высокий процент детской заболеваемости и смертности в Гяндже, подотдел охраны детства и материнства Гянджинского ревкома в феврале 1921 г. просил компартию содействовать её освобождению от воинских частей [214, л. 16].

Большинство больничных помещений железной дороги тоже было занято военным ведомством, например, на станции Баку было занято новое здание больницы на 100 коек, а на станции Акстафа помещение приёмного покоя [18, л. 86].

Местное население, несмотря на некоторые временные акции, сильно страдало от отсутствия медицинской помощи. При наличии четырёх больниц железной дороги на 250 коек ощущалась сильная нехватка свободных мест, поэтому многим нуждавшимся в больничном лечении местным жителям отказывали в приёме. Больницы были настолько переполнены, что больным приходилось лежать в проходах на полу [18, л. 86].

Целые регионы, уезды республики были лишены меди-

цинской помощи. На весь Газахский уезд, например, имелось два фельдшера, работавших в Газахской больнице, и не было ни одного врача. Во всем Гарабахском районе не было ни одного врача и ни одного легучего эпидемического отряда, несмотря на свирепствующие эпидемии, уносящие сотни жертв ежедневно. Особенно тяжёлым было положение в Шуше, где находилось до 100 тысяч беженцев, лишённых медицинской помощи. Аптеки пустовали, в них отсутствовали самые простые лекарства [10, л. 83]. Отдел здравоохранения Загатальского ревкома не имел достаточное количество хинина для лечения служащих, заболевших малярией. Больницы в Гахе и Балакяне не функционировали [38, л. 114]. В Сальянском уезде осенью 1920 г. свирепствовала малярия, а в аптеках отсутствовал хинин и другие медикаменты [62, л. 133]. На весь Джаванширский уезд с 200-тысячным населением имелся 1 врач с низким уровнем квалификации, 3 фельдшерских пункта и 1 больница [54, л. 39]. В Тертере больница находилась в таком антисанитарном состоянии, что, по словам документа «... вся зараза могла бы быть уничтожена, если бы сжечь эту больницу» [54, л. 22]. Несмотря на эпидемию малярии и лихорадки не имелось ни качественного хинина, ни шприцев для уколов [54, л. 39].

Таким образом, ответственность за повальное пьянство красноармейцев несло не военное начальство, а продавцы спиртного. Здравоохранение республики находилось на службе пьянствующей оккупационной армии. Местные врачи и даже студенты-медики были мобилизованы в XI Армию. По этой причине население сильно страдало от отсутствия медицинской помощи.

§7. Облик города. Разрушенный быт населения

Действия военных оставили неизгладимый след на облике города Баку. Верховая езда военнослужащих по тротуарам улиц Баку привела к тому, что копытами лошадей тротуары были изуродованы. И только 6 июля 1920 г., т.е. спустя 2 месяца после ввода войск, начальник по гарнизону запретил верховую езду по тротуарам [33, л. 12].

Войсковые части и отдельные команды, занимавшие помещения и дворы, содержали их в антисанитарном состоянии, что способствовало распространению заразных заболеваний. Обоз Опродкомдива 32, занимавший двор бывшей Городской Управы даже оставил в нём после ухода трупы павших животных, не предупредив об этом Коммухоз, чтобы вовремя произвести очистку двора. Об этом не узнала городская милиция и районный комендант, в чьи обязанности входило наблюдение за чистотой и порядком в данном районе. Кроме того, войсковые части сваливали навоз около пристаней, например, на Петровской площади у пристаней «Вулкан» и «Русь», также на других площадях, оставляли трупы павших лошадей на улицах. Между тем, о каждом случае падежа скота нужно было сообщать в Утилизационный завод, который немедленно убирал труп в надлежащее место. 28 июня 1920 г. Начальник гарнизона приказал, чтобы все красноармейские части ежедневно убирали дворы, улицы и площади, которые они занимали, а мусор вывозили на свалочные пункты [360].

13 июля 1920 г. новый приказ по гарнизону вменял следить за очисткой дворов, улиц и тротуаров, прилегающих к домам, занятым воинскими частями [361].

3 августа 1920 г. Начальник гарнизона предупредил, что виновные в неуборке площадей и трупов животных будут

привлекаться к суду Реввоентрибунала, как злостные саботажники [33, л. 28].

Командование армии пренебрегало даже санитарным состоянием помещений, занимаемых ведущими советскими органами власти. Например, в помещении Исполкома Бакинского Совета были водворены лошади члена Реввоенсовета XI Армии Мехоношина. На просьбы о выводе лошадей секретарь РВС сообщил, что сделать это невозможно. Пришлось даже обратиться в ЦК и Азревком с требованием ликвидировать такое недопустимое положение [26, л. 3].

Были многочисленные случаи, когда для приготовления пищи или для отопления помещения солдаты воинской части в отведённом им помещении снимали двери, рамы, балки и даже разбирали части построек. Этим наносился невосполнимый ущерб, так как таких стройматериалов в то время достать было невозможно. Кроме того, воинские части при переходе из одного помещения в другое, и даже из одного района в другой, считали себя вправе распоряжаться всем инвентарём и имуществом вплоть до ковров включительно, увозя с собою вещи, без которых не могла обойтись другая воинская часть, которая приходила на смену уходящей и занимала это же помещение [10, л. 91].

Военное начальство, учитывая недовольство местного населения и падение престижа Советской власти, пыталось смягчить ситуацию и прекратить нарушения. За подписью Командующего Армией Геккера и члена Реввоенсовета Элиава 3 января 1921 г. вышел приказ войскам XI Армии, в котором говорилось о том, что воинские части и учреждения Армии, «несмотря на неоднократные издаваемые приказы о бережном отношении к занимаемым ими помещениям, продолжали крайне преступное отношение к тем зданиям и помещениям, в которых они были расквартированы». Были установлены факты разрушения деревянных построек и употребления их на топку печей а, как известно, лесной и

вообще дефицитный строительный материал представлял в тот период большую ценность. В приказе предупреждалось, что за повторение таких безобразий виновные будут караться по всей строгости законов революционного времени [223, л. 25].

20 января 1921 г. Приказ по войскам XI Армии пресекал самовольные захваты, предупреждая, что виновные будут беспощадно караться судом Ревтрибунала [223, л. 41].

Следует сказать несколько слов и о том денежном голоде, который ощущался в АССР, достигая временами катастрофических размеров. Объяснялось это значительными расходами, вызванными новым государственным строительством и, в особенности, военным положением, при котором АССР приходилось содержать XI Армию [12, л. 11]. Кроме того, уже 3 мая 1920 г. Азревком предложил Народному комиссариату финансов срочно отправить в Москву всю имеющуюся в стране валюту на нужды международной пропаганды [253, 36].

Присутствие войск отрицательно отражалось на доходах населения. Достаточно указать, что в коллективном письме Н. Нариманову в 1922 г. мясоторговцы, например, сокрушались о том, что они более полутора лет вынуждены снабжать XI Армию мясом за бесценок, что им «кромe убытков ничего не принесло» [200, л. 29].

Воинские части препятствовали торговле, реквизировали товары. Начальник гарнизона г. Баку и его районов 11 июня 1920 г. приказал воинским частям, охранявшим входы и выходы города и несшим охрану в селениях Маштага, Бузовна, Пиршаги и Мардакян, не чинить никаких препятствий сельчанам, доставлявшим товары в Баку. Также он приказал принять к неуклонному руководству декрет Бакинского ревкома о свободе торговли и передвижении грузов и прекратить всякие реквизиции [33, л. 2].

Однако узаконенной и разрешённой властью свободы

торговли на местах фактически не существовало. Как только на рынках в Гяндже, Шуше, Газахе появлялись продукты (рис, кишмиш и др.), необходимые армии, они реквизировались. По этой причине торговцы боялись торговать на рынках открыто. Продажа производилась из-под полы по взвинченным ценам [10, л. 93].

Был расстроен и повседневный быт населения, его санитарное состояние. Гражданскому населению даже не удавалось попасть в бани, т. к. они были переполнены красноармейцами. Более того, две самые большие бани в Баку полностью были переданы прачечному пункту и эвакуационному пункту XI Армии [193, л. 67]. Войсковые части в банях помимо купания производили стирку белья, что способствовало распространению эпидемий и вредных насекомых (клещей, блох и т.д.) 17 сентября 1920 г. приказом по гарнизону категорически была запрещена стирка белья в банях [33, л. 43].

Гражданское население лишилось возможности пользоваться прачечными. В дело вынужден был вмешаться Бакинский Исполком. 10 декабря 1920 г. Горздравотдел установил порядок обслуживания механической прачечной военных и гражданских заведений: по 50% для каждого ведомства по отношению к её пропускной способности. Разработку подробного порядка пользования прачечной Горздравотдел поручил доктору Кауфману и Начальнику эвакуационного управления XI Армии. Однако армейский начальник отказался от участия в этой акции по той причине, что прачечная, по его мнению, должна быть полностью передана в ведение XI Армии. Горздравотделу пришлось заявить, что в случае задержки разрешения вопроса (3 дня) он прекратит обслуживание армии [19, л. 141].

В Гяндже в распоряжение красноармейцев были предоставлены две частные бани. Несмотря на договорённость о плате, хозяева не получили ни копейки [215, л. 19]. Такая же картина наблюдалась и с военным обмундированием.

Например, в июне 1920 г. у гражданки г. Гянджи воинская часть забрала 250 штук обмундирования, не уплатив ей за работу [210, л. 11]. Так, присутствие оккупационной армии негативно отразилось на облике городов и быте местного населения.

Таким образом, после советской оккупации азербайджанский народ обязан был нести тяжелейшее бремя по обеспечению и расквартированию Красной армии. Вторжение огромной армии, состоящей из малообразованных беднейших слоев российских рабочих и крестьян, повлекло за собой катастрофические последствия для экономической жизни Азербайджана. При этом пострадали богатые и бедные жители, городские и сельские труженики – одним словом, граждане Республики. Одевать, обувать и кормить солдат пришлось населению Азербайджана.

Сразу после оккупации началось хищение нефти и других природных богатств Азербайджана. Население пострадало от уплотнений квартир. Большой урон местному населению нанесла реквизиция, экспроприация и конфискация имущества. Быт населения был разрушен.

Облик Баку был изменён до неузнаваемости из-за варварского обращения военных с историческими зданиями и административными строениями. Местное население страдало от пьянства солдат. Используя политику разоружения населения, красноармейцы совершали обыски в домах и прибирали к рукам понравившиеся вещи. От них порой не отставали чекисты и милиционеры.

Из вышеизложенного можно сделать выводы, что XI Красная Армия пришла в Азербайджан не для обеспечения «светлого будущего» его народу, а с экспансионистскими планами Советской России, восстанавливающей в новом обличье бывшую империю.

ГЛАВА IV

«МУСУЛЬМАНСКОЕ НАСЕЛЕНИЕ ДОВЕДЕНО ДО ОТЧАЯНИЯ...» (ХРОНИКА БЕСЧИНСТВ)

§1. Положение в Гянджинском уезде

Особенно произвол новых властей проявился в г. Гяндже, которая после подавления восстания представляла из себя «разрушенную Помпею» [210, л. 21]. «Мсть победивших большевиков и их армянских союзников была ужасной. Солдаты грабили магазины мусульманских торговцев, отнимали у жителей или попросту выбрасывали на улицу мебель и домашнюю утварь». Армяне в отместку азербайджанцам указывали солдатам дома «мусульманских буржуев». Очевидец гянджинских событий руководитель турецких коммунистов Мустафа Субхи пытался образумить мародёров и остановить бесчинства. Однако ему это не удалось. «Каждый солдат имеет право собирать военные трофеи», – ответили ему красноармейцы [307, 258].

В мусульманской части г. Гянджи после подавления восстания происходили случаи насильственного изнасилования женщин, грабежи и аресты граждан красноармейцами. Гянджинский Окружной комитет компартии обратился в уездный ревком с тем, что «продолжающаяся анархия и безвластие окончательно подрывают престиж Советской власти в глазах мусульман-

ской массы. Все приказы, как военными властями, так и вновь организованным ревкомом, остаются только на бумаге». Компартия требовала в срочном порядке принять все зависящие от ревкома меры по прекращению анархии в городе [207, л. 7].

Грабежами и мародёрством в городе в основном занимались лица армянской национальности. Гянджинский ревком обратился за помощью к красноармейцам, чтобы они закончили с такими явлениями. Кроме того, Ревком приказал армянам немедленно вернуть награбленные вещи под угрозой привлечения к «суровой революционной ответственности вплоть до расстрела» [207, л. 39].

Гянджинский комитет Компартии на своём заседании обсудил вопрос о безвластии в городе, о продолжающихся грабежах, насилиях и арестах, пытался принять меры по прекращению анархии, а также устранить вмешательство военных властей в гражданское управление. Началась реорганизация милиции, которая была обезоружена военными властями [88, л. 5, 8, 9]. Актуальным был вопрос об освобождении арестованных местных коммунистов. На одном из заседаний комитета компартии Вели Хулуфлу (работал в Гянджинском уездном комитете АКП(б)) заявил, что Особый отдел не считается с компартией и ревкомом. В тюрьме было расстреляно 14 коммунистов, а виновник не был арестован [88, л. 10].

Уже 4 июня 1920 г. состоялось Чрезвычайное объединённое заседание Гянджинского уездного ревкома и комитета партии, на котором присутствовали чрезвычайные комиссары Мирза Давуд Гусейнов, Гамид Султанов, а также Кванталиани и Хутулашвили. Заслушали вопрос о сохранении народного имущества и возвращении награбленного и взятого военными властями. Постановили поручить созданной комиссии принять народное имущество от военных властей, отобранное ими у мародёров, выпустить воззвание

к участникам мародёрства с предложением вернуть награбленное имущество в трёхдневный срок с указанием, что после истечения срока будут произведены розыски и расстрелы тех, кто не вернёт награбленное [87, л. 4].

9 июня 1920 г. на заседании Гянджинского уездного ревкома был заслушан вопрос о взаимоотношениях ревкома с начальством 20-ой дивизии. Заведующие отделами уездного ревкома не могли работать, так как всё движимое и недвижимое имущество (автомобили, повозки, арбы и т.д.) приказом военных властей перешло к ведению военного ведомства. Жалобы граждан на насилие и бесчинства, чинимые XI Красной Армией, не могли рассматриваться ввиду того, что власть уездного ревкома свелась к нулю, так как игнорировалась военным ведомством, что вызывало особое недовольство местных жителей. Постановили срочно снести с начдивом 20 дивизии о возвращении реквизированного имущества ревкома. Было решено наладить мирную жизнь не на бумаге, а в реальной жизни – установить сотрудничество военной и гражданской власти [87, л. 7].

Меры по искоренению грабежей и мародёрства начали претворяться в жизнь. Мародёры арестовывались и направлялись в распоряжение Чрезвычайного комиссара или в Особый отдел, где было несколько случаев их расстрела [87, л. 10]. Приступили к принятию вещей, похищенных мародёрами и находящихся у военного начальства [88, л. 9]. В мародёрстве были уличены армяне – коммунисты Шахназаров, Мелик-Осипов. Они были исключены из партии и арестованы [88, л. 18].

Отдел народного хозяйства ревкома потребовал от начальника дивизии, чтобы войсковые части не реквизируют лесные склады, а требования на лесные материалы направляли в ревком [87, л. 14].

Даже у извозчиков были отобраны красноармейцами фатоны и лошади, которые, кстати, нашлись в армянской час-

ти города [210, л. 19]. Между прочим, при запасном полку XI Красной Армии состоял армянский батальон [327, 39]. В донесении одного из военных начальников Кущинского говорилось о том, что во время подавления Гянджинского восстания, из числа сражавшихся в рядах Красной Армии в отдельном армянском отряде было убито 4 и ранены трое [87, л. 27]. Армяне, как уже отмечалось, принимали активное участие в подавлении антисоветского восстания в Гяндже. Они провоцировали красноармейцев на грабежи и всякого рода насилия над мусульманами [327, 53].

Следователь особого отдела и уполномоченный Губернского Чрезвычайного комитета А.М.Мелконов (член партии «Дашнакцутюн») в ночь с 6 на 7 июня 1920 г. вырезал во дворе тюрьмы 23 человека без суда и следствия. «Он на допросе путём избияния крестьян до крови заставлял малограмотных людей подписывать какие-то протоколы и на этом основании расстреливал массу людей» [370, 96].

Однако армяне просчитались, думая, что все их действия останутся безнаказанными. Провокационные действия армян стали темой обсуждения объединённого заседания актива работников Гянджинского ревкома и ЧК (1920 г., июнь). В частности, было отмечено, что в целях изоляции красноармейцев от армян на мосту, отделяющем армянскую часть города от мусульманской части, был поставлен заградительный отряд, но «отчаянные армяне делали своё дело». Они переплывали на другой берег и вели усиленную агитацию среди красноармейских частей. На этом заседании военные руководители признавались, что армяне «указывали нам жилища якобы буржуазии, вообще подливали масло в огонь, и понятно, что страдала не только буржуазия, но и беднейший класс». Все трупы были найдены в основном в садах, внутри домов и в подвалах – это объяснялось тем, что население после входа красноармейцев убегало в сады, пряталось внутри домов, в подвалах. «Провокация армян-

наушников разжигала страсти наших частей. Это создавало озлобленность даже на мирное население в среде красноармейцев», – признавались военные на заседании [53, л. 12]. Признания красноармейцев показывают, что в жестокости военных в большей степени были виноваты армяне.

Выездная сессия Революционного военно-полевого Трибунала АССР на заседании 28 июля 1920 г. в составе председателя Хаджилиаса, членов Клокова и К.Эриванского заслушала и рассмотрела дело №5 по обвинению начальника милиции 4-го участка г. Гянджи Анатолия Шах-Паронянца в злоупотреблениях по должности, выразившиеся в том, что, будучи комиссаром милиции, он ходил по домам граждан и без всяких распоряжений свыше производил реквизиции вещей. Суд признал доказанным следствием виновность Шах-Паронянца в мародёрстве, сопровождавшимся насилием и грабежами граждан. Арестованный на суде заявил, что никаких распоряжений относительно обысков он не имел и оставлял отобранные предметы в собственном пользовании. РВПТ АССР нашёл, что мародёр тыла использовал восстание и грабил беднейшее население, чем дискредитировал Советскую власть. Таких «преданных» советских служащих «нужно вымести колючей проволокой из советских учреждений». Трибунал постановил подвергнуть его высшей мере наказания – расстрелу [41, л. 110]. На том же заседании трибунал постановил подвергнуть Егише Саркисянца расстрелу за разбои, грабежи, мародёрство [41, л. 111]. Маркар Саркисянец был приговорён к расстрелу за массовые грабежи, покушение на убийство Ханбалы Бабаева и дискредитацию звания красноармейца [41, л. 15].

Следует отметить, что армяне в период оккупации не только помогали новому режиму, но даже в обычной жизни и быту вели себя очень раскованно, нагло, безнаказанно совершали преступления. Например, 8 июля 1920 года командированный компартией на работу в Гянджинский ревком

сотрудник Мнацакян без надобности взял винтовку из дежурной комнаты и произвёл из неё выстрел, разбив большое стенное зеркало и чуть не убив курьера Вердиева. Ревком просто уволил этого «шалуна» и не привлёк к уголовной ответственности [211, л. 11].

Развязное и безнаказанное поведение красноармейцев в Азербайджане приобрело столь широкий размах, что на него в открытой форме вынуждено было обратить внимание руководство XI-ой армии. В приказе командующего армией Левандовского №269 от 8 июня 1920 г. отмечалось в связи с этим: «Тяжёлая обстановка партизанских действий повстанцев начинает сказываться на наших частях пагубно. Все чаще устанавливаются случаи участия красноармейцев в мародёрстве и грабежах. Нередко производятся разгромы мечетей и мусульманских святынь». В приказе можно найти и свидетельства активной роли армянского населения в армейских операциях против мирного азербайджанского населения: «Красноармейцы, командиры и комиссары поддались чувству злобы против повстанческих частей мусульман и начинают придавать борьбе характер религиозный или национальный. Так, например, охотно используются услуги армян, содействующих разгрому татар, несмотря на то, что армяне руководствуются только чувствами национальной розни, а не великими задачами революции трудящихся. Установлены даже отдельные случаи непринятия мер против армян, грабивших покинутые татарами аулы. Такое поведение красных частей даёт почву провоцирования мусульман-бедняков на борьбу с нами, ибо беки и ханы уверяют их, что русские войска не признают законов ... Агитация беков и ханов будет иметь успех ... война против нас приобретёт национальный и религиозный характер, если части решительно не изменят своего поведения». В связи с данными фактами Реввоенсовет армии потребовал от «красных бойцов» величайшей выдержки, уважения к рели-

гии и святыням мусульман и величайшего политического и классового сознания, чтобы «не уронить в глазах бедняков Востока высоты наших революционных лозунгов». В предстоящей ещё борьбе каждый боец должен руководствоваться в каждом своём действии классовым признаком, подавляя и уничтожая богачей Красный боец должен остерегаться от излишней жестокости или покровительства одной из наций» [377, 150].

Так же, как и во всём Азербайджане, в Гянджинской губернии заготовка всех продовольственных товаров велась Опродкомармом XI, который был обязан снабжать продуктами всё население, как гражданское, так и военное [15, л. 179].

Небезынтересно отметить, забегаая вперёд, что осенью 1920 г. особо провинившиеся в беззакониях агенты и сотрудники арестовывались чрезвычайным комиссаром Гянджинского района [211, л. 19]. Однако можно с уверенностью сказать, что причина этих арестов была не защита коренного населения, а попытка предотвратить упадок престижа Советской власти вследствие поведения этих агентов. Посредством этих репрессивных мер ЧК пытался реабилитироваться перед местным населением.

18 июня 1920 г. состоялось чрезвычайное заседание по реализации урожая в Гянджинском уезде. Чрезвычайный комиссар Гянджинской губернии Гамид Султанов заявил, открывая заседание, что всё внимание должно быть сосредоточено на реализации урожая, а первейшая обязанность наша – кормить Красную Армию. Он предупредил, что проявившие недостаточную энергию в этом будут отвечать по всей строгости революционных законов [208, л. 9].

Уполномоченный особой продовольственной комиссии по снабжению XI Армии считал, что главной причиной слабой заготовки скота в Гянджинском уезде являлся отказ местных ревкомов содействовать агентам в их работе по изъяс-

тию излишков, а в некоторых случаях ревкомы, якобы, проявляли даже саботаж, поддерживая крестьянство в уклонении всеми способами вплоть до активной борьбы с агентами. Поэтому для усиления заготовки в Нагорный район (Болчалинское, Баянское, Загликское и Дашкесанское общества) был выслан в конце октября 1920 г. чрезвычайный Уполномоченный с конной командой в количестве 30 человек. Этой команде поручили изъять излишки скота из вышеуказанных обществ [211, л. 20].

В результате в воинских частях в Гяндже накопилось много излишков, особенно буйволов. Между тем без них бедные крестьяне не могли собирать урожай хлеба [210, л. 13]. 48 жителей с. Гарагоюнлы жаловались на то, что у них угнали 450 баранов [219, л. 3].

В Гяндже (сентябрь 1920 г.) наблюдалось падение лошадей по вине сотрудников Губчека, которые небрежно относились к лошадям, взятым у милиционеров, якобы, на временное пользование. За падших лошадей, являвшихся собственностью милиционеров, им ничего не платили. Подобные явления даже отпугивали от службы в милиции [39, л. 20].

Красноармейцы в Гянджинском уезде увозили не только скот, но и отбирали масло, пшеницу, ячмень. Жители сел. Шадили жаловались в январе 1921 г. на действия военных, между тем их семьи и дети голодали [212, л. 3-4].

В армию поставлялась баранина, яйца, масло, кукуруза, пшеница, ячмень, капуста, картофель. Например, Ново-Ивановский революционный комитет обратился к населению с воззванием, после чего было собрано пожертвованной муки 12 пудов, из которой 6 пудов 17 фунтов было послано в Гедабек для красноармейцев [180, л. 64].

В июне 1920 г. в Мингечевире имели место безобразия красноармейцев и агентов, находящихся в сёлах, а именно: насилия над крестьянами при получении подвод, что выра-

жалось в арестах крестьян. Военные даже говорили, что не подчиняются власти АССР и подчиняются только РСФСР [219, л. 192]. Показателем этого может быть следующий факт. Под артиллерийский склад было переведено здание Гянджинского ревкома. Военком требовал 3 января 1921 г. очистить помещение в течение одного дня, иначе грозился, что «всё имущество будет вынесено на двор» [217, л. 77]. Этот факт еще раз подчеркивает, что Красная Армия не считалась даже с местной революционной властью.

16 августа 1920 г. вышел приказ Командующего войсками Гянджинского района, который регулировал более планомерное и централизованное производство заготовок продовольствия и фуража для войск в пределах этого уезда. Председатели сельских ревкомов оповещались о беспрепятственной заготовке и развёрстке продовольствия, и как всегда, все лица, виновные в промедлении дела заготовок и развёрстки и в антисоветской пропаганде, будут немедленно подвергнуты аресту и преданы суду Реввоен трибунала [221, л. 96].

Большой ущерб был нанесён лесной продукции, в ноябре 1920 г. на лесных складах Совнархоза красноармейцами расхищался и сжигался лесной строительный материал, предназначенный для ремонта военных и гражданских советских учреждений. Как известно, этот материал представлял собой большую ценность в небогатом лесами Азербайджане [218, л. 45].

Азербайджанская лесная охрана была обезоружена XI Армией, поэтому этим воспользовались армяне. Большая часть леса по северному склону гор Малого Кавказа использовалась Араратской Республикой. Не встречая никаких препятствий, дашнаками истреблялся лесной массив Азербайджана. [10, л. 95].

Бюро ЦК АКП(б) 13 июля 1920 г. предложило Реввоенсовету XI Армии ликвидировать безобразия, творимые 20-й

дивизией в Гянджинском уезде [4, л. 12; 5, л. 5]. Таким образом, тяжёлую ситуацию пыталась урегулировать компартия. Но это не удалось даже ей.

В результате подавления антисоветского восстания и бесчинств армии Гянджа пришла в полный упадок. Город Гянджа подробно был описан в рапорте, представленном Совету народных комиссаров и датированном 17 июля 1922 г. В нём говорилось о том, что когда-то цветущая Гянджа представляла собой полуразрушенный город, что какого-нибудь подходящего дома под лазареты, больницы, учебные заведения и учреждения не имелось; в одних не было окон, дверей, в других – пола, крыши, остались голые стены, тротуары, как например, здание больницы, уже разваливалось и т. д. Шоссе на вокзал находилось в ужасном состоянии, здесь часто ломались экипажи, а животные ломали ноги. Поэтому движение по вокзальной дороге стало невозможным. Кроме этого, перечислялись огромные нужды города: отсутствие передвижных средств и конки, водоснабжения, товаров [167, л. 121]. Вот в каком удручающем положении находился второй город республики после оккупации.

§2. Шамхорский уезд

Разрушения и бесчинства, производимые красноармейцами, не обошли и Шамхорский уезд, где с XIX века находились немецкие колонии Анненфельд и Еленендорф (Аннино и Еленино).

В привычной к чистоте колонии Анненфельд 11 июля 1920 г. состоялся коммунистический воскресник, на котором приняли участие около 300 человек. Они произвели очистку двух площадей Анненфельда и Моруля, заваленных

мусором проходящих частей XI Красной Армии [71, л. 26].

Шамхорский ревком 15 июля 1920 г. постановил направить следственную комиссию и поставить в известность начальника 20-й стрелковой дивизии, чтобы он принял меры о прекращении бесчинств войсковых частей, проходящих через Шамхорский уезд [181, л. 7].

Продагенты войсковых частей в Шамхорском уезде не позволяли производить заготовку картофеля и капусты ревкомам, заготавливая всё сами. Кроме того, уполномоченный управления по снабжению XI Армии продовольствием Кузькин незаконными действиями тормозил работу ревкома: то печать отбирал, то сотрудников выгонял и угрожал даже расстрелять [55, л. 18]. Кузькин не считался даже с партийными и советскими организациями. Уездком компартии настоятельно требовал отзыва его из уезда [16, л. 48].

Председатель Шамхорского уездревкома Эфендиев 14 октября 1920 г. в Докладе, посланном в ЦК АКП, Азревком и НКВД, писал, что «когда уездный ревком обращается к военным властям, те заявляют, что они распоряжения уездного ревкома не признают. Таким образом, создаётся положение, что в глазах населения такие выступления подрывают авторитет Советской власти... Особыми отделами при 18 Кавдивизии часто арестовываются партийные товарищи без ведома компартии и уездного ревкома» [64, л. 88-90].

Так же, как и в других местах, солдаты вели разгульный образ жизни, пьянствовали. На улицах Шамхора гуляла масса пьяных красноармейцев, совершавших нелицеприятные поступки [184, л. 158]. Пьянство было распространено и среди офицеров. Часто можно было наблюдать такую картину: «Пьяные офицеры со своими женами сидели за богато накрытыми столами и без перерыва слушали музыку, танцевали, а солдаты, не имеющие возможности получить свой хлебный паёк, довольствовались тем, что засматривались на

них» [263, 55; 273, 31]. Такая картина была характерной для того времени и свидетельствовала о социальной дифференциации в рядах «рабоче-крестьянской Красной Армии».

С прибытием войсковых частей 18 Кавдивизии в колонию Аннино все учреждения были изгнаны из занимаемых помещений, в результате чего все служащие оказались без работы [184, л. 399]. Председатель Шамхорского Уездревкома Ультанов 12 сентября 1920 г. в телеграмме в ЦК, НКВД и Командарму XI сообщил об этих действиях 18 кавдивизии, не считающейся с мнением ревкома. Объединённое заседание уездной компартии и заводделов ревкома постановило обратиться в ЦК АКП(б) с просьбой выслать комиссию из Особого отдела и партбюро XI Армии для расследования этой ситуации [182, л. 96; 32, л. 171]. Однако на основании телеграммы начальника 18 кавдивизии Начадинарму XI, нагло заявившему, что эти случаи просто не имели места, дело было завершено, о чём и известили ЦК АКП(б) [32, л. 209, 210].

Следует отметить, что при расквартировании военных пострадали не только советские учреждения, но и больницы, и частные дома. 9 сентября 1920 г. Чардахлинскую сельскую больницу (в Шамхорском уезде) занял 105 полк 18 Кавдивизии. При этом военные не уступили ни одну палату местным больным [184, л. 394].

В г. Аннино квартиры были заняты воинскими частями, поэтому жителям приходилось часто ночевать на балконах [64, л. 89].

Председатель Шамхорского уездного ревкома сообщил всем районным ревкомам о том, что согласно решения объединённого заседания членов ревкома, уездкомпартии, заводделов и чрезвычайного комиссара, прошедшего 16 сентября 1920 г., нельзя производить никакой реквизиции и конфискации без ведома уездного жилищно-реквизиционного подотдела. Одному из членов районного

ревкома вменялось в обязанность вести учёт реквизиции и распределения [184, л. 394]. Таким образом, в Шамхоре местная власть пыталась урегулировать эту насущную проблему.

Местное население подвергалось постоянной агитации в деле помощи больным и раненым красноармейцам. Например, 24 сентября 1920 г. на площади в г. Аннино немецкое и азербайджанское население вынуждено было собраться на митинг, организованный Военным комиссаром на тему «Помогите больным и раненым воинам» [184, л. 364]. При этом вопреки призывам о добровольной помощи, в Шамхоре, как и по всей республике, в период проведения недели раненого и больного красноармейца у населения насильно отбирались вещи и продукты: молоко, яйца, масло, сало, хлеб, мука, бекмез и т. д. [184, л. 231, 248].

В ноябре 1920 г. Военком обратился в Анненфельдский ревком Шамхорского уезда с требованием отпустить для нужд караульного батальона и конной сотни 100 штук ковров, причём особо оговаривалось, что «если таких в вашем распоряжении не имеется, то предоставьте право уездвоенкомрату таковые найти самим у населения» [184, л. 241]. Поистине, наглость оккупантов не имела границ! Даже конная сотня должна была обеспечиваться местным населением.

Военные не давали покоя даже беженцам из Армении, которые спаслись от дашнакских банд и нашли приют в Азербайджане. В Шамхорском уезде, например, военные требовали от беженцев предоставить войскам те несколько голов скота, которые были их единственной собственностью. В ЧК Шамхорского уезда отправлялись многочисленные жалобы беженцев на действия военных [184, л. 422, 423]. Фактический грабёж беженцев производился даже, несмотря на то, что их имущество по закону не подлежало реквизиции и конфискации [184, л. 242]. К примеру, на

станции Дзегам 10 сентября 1920 г. был назначен сборный пункт для предоставления всего имеющегося у населения лошадей и рабочего скота. За неисполнение этого приказа и укрывательство их ожидало предание военно-революционному трибуналу [182, л. 89].

На Втором съезде АКП(б) 20/X-1920 г. делегат от Шамхорского Комитета партии Землянский в своём выступлении сказал, что воинские части мешают партийной работе. «... Не успел я приехать в Чардах, там сейчас же заявили, что красноармейцы приглашали девушек, куда не следует». Приезжаю в другое селение, приходит старуха, избитая красноармейцем за то, что она сказала: «идите в Ревком, он взял сено, а это осталось нам... Другие товарищи из селений приезжают и застают такую картину: приходит красноармеец и заявляет мусульманину: «Дайте яиц». Яиц не оказалось. Красноармеец говорит: «раз нет яиц я тебя убью», вынимает винтовку и убивает насмерть. Этого красноармейца продержали два дня, а потом освободили... Забирают продовольствие и совершенно не дают никакой бумажки, а если дают с такими подписями, или совершенно нет подписей, просто дают бумажку. Даже такая была подпись, за которую, я не знаю, вероятно, следовало бы расстрелять, нашли, что подпись была очень похабная. Отобрали лошадь и дали бумажку с такой подписью, что даже читать стыдно. Этого товарища нашли и, по-моему, его должны были расстрелять. На моих глазах были случаи, когда взяли сто пудов картошки и не хотели дать деньги, но всё-таки пришлось с ним связаться и силой заставить дать. Вот такие выходки, такие люди очень портят наше дело и совершенно отбивают крестьянство от нашей партии» [1, л. 406].

Некоторые сельские ревкомы требовали от агентов-красноармейцев при изъятии продовольствия и скота представить мандаты, на что красноармейцы отвечали, что они не хотят знать никакого ревкома [184, л. 116].

Между тем, население Азербайджана голодало и страдало от холода. В Шамхорском уезде в ноябре 1920 г. фунт хлеба стоил 250 руб., фунт коровьего мяса – 200 руб. Не было топлива и керосина [184, л.121, 122].

Несмотря на тяжёлое положение комендант гарнизона Ново-Георгиевской колонии Шамхорского уезда 15 ноября 1920 г. требовал доставить подводы, а также произвести переборы Сейфалинского ревкома, которого, по его мнению, следует отдать под суд ревтрибунала за саботаж [184, л. 139].

Особенно сильно страдали крестьяне из-за реквизиции подвод, которых не возвращали владельцам вовремя, в результате чего, оставшись без рабочего скота, они не могли заниматься сельскохозяйственными работами, в частности произвести распашку земли и посев [184, л. 76, 182].

Телеграмма председателя комитета бедноты, направленная в Шамхорский уездный ревком, напоминает фрагмент из фильма о действиях фашистов во второй мировой войне: «Вчера, 22 декабря прибыли войска в Ковляр. Ночью разъехались по селению. Убивали собак, из домов вытаскивали вещи, берут лошадей, арбы и другие вещи, которых не возвращают и уезжают» [182, л. 180]. Население многих сёл было так напугано действиями бесчинствующих солдат, что при виде русского человека все жители деревень разбежались и прятались [263, 53; 273, 29].

Самовольно, т. е. без ведома ревкомов, заготовлялся фураж [184, л. 30]. Часто у крестьян под лозунгом заготовок для Красной Армии отбиралось всё их имущество [184, л. 237]. В Шамхорском уезде красноармейцы отбирали у населения все продукты, включая соль, овощи с огородов и даже одежду и бельё [183, л. 224]. Житель селения Моруль, например, жаловался, что они принесли ему убытки на 10 тыс. рублей [183, л. 230, 244].

Следует отметить, что часто продовольствием распоря-

жались армяне. Например, в первых числах августа 1920 г. в колонию Анненфельд прибыл штат служащих (25 чел.) для продовольственного отдела. Прибывшие из Гянджи были исключительно армяне, «что весьма бросалось в глаза» [183, л. 244].

«Как известно, после провозглашения Азербайджанской Советской Социалистической Республики одними из первых декретов советской власти были Декрет о земле от 5 мая 1920 года, Декрет о национализации промышленных предприятий от 12 июня 1920 года. Согласно этим декретам ликвидировалась частная собственность, земля переходила к «трудовому народу на началах уравнительного землепользования», а вся промышленность национализировалась. По постановлению Азревкома от 1 июня 1920 года на местах создавались Временные земельные комиссии, которые занимались изъятием земель, инвентаря, скота и уравнительным распределением их между крестьянами по установленной норме. В результате, только в одной колонии Еленендорф земельной комиссией было насчитано 6695 дес. 600 саж. обрабатываемой колонистами земли, которая была изъята и распределена в уравнительном порядке» [335, 89]. Также у колонистов реквизировалось большое количество рабочего, вьючного скота, повозки, фургоны, инвентарь, которые передавались отрядам Красной Армии. «По официальному Акту передачи в октябре 1920 г. только одной колонией Еленендорф было сдано более 100 голов скота. Все обращения немцев в штаб Красной Армии не принесли результатов» [335, 90].

Согласно Декрету Азревкома от 9 июля 1920 года все находящиеся на территории Азерб. ССР винодельческие предприятия переходили в ведение Совета Народного Хозяйства Азерб. ССР. Виноградники также распределялись в уравнительном порядке. В виноградных хозяйствах урожаи сильно понизились, а в 1920-1921 годах уход за садами едва

ли не совсем сошёл на нет [335, 91]. Землёй немцев наделялись временно проживавшие в колониях жители – айсоры, армяне, русские. [335, 92]. Так оккупационная власть нанесла вред целой отрасли сельского хозяйства.

Столкновения между местной советской властью и военными имели место и в Шамхорском районе. В Гедабеке 5 июля 1920 г. были реквизированы лошади, за которых ничего не заплатили. Хозяева просили заплатить за лошадей, а часть из них вернуть, т.к. наступила молотьба, и требовались лошади [184, л. 468]. Председатель Шамхорского уездного ревкома 10 июля 1920 г. даже послал командиру 175 полка и Военкому дело (на 24 листах) об ограблении крестьян Гедабекского района красноармейцами этого полка [186, л. 89].

В результате 8 сентября 1920 г. председатель закупочной комиссии предложил председателю Шамхорского уездного ревкома немедленно собрать на сборный пункт всех имеющих в уезде лошадей, буйволов, ослов, мулов и рабочий скот для покупки по вольной цене. Предупреждалось, что в противном случае всё перечисленное будет покупаться принудительно. В случае же неисполнения оперативного приказа к утру 10 сентября ревком будет привлечён к Ревтрибуналу [184, л. 448].

В ответ на это председатель Шамхорского ревкома 25 сентября 1920 г. послал срочную телеграмму в НКВД, Азревком и ЦК. В этой обширной телеграмме он описал отчаянное положение крестьян в результате действий расположенных в уезде войсковых частей Красной Армии. «Красноармейцы 18 Кавдивизии, не считаясь с тем, что в период распашки земли для крестьянина-земледельца дорог каждый час, заставляют их дежурить с сотнями арб и рабочим скотом, в ожидании могущих быть распоряжений. Иной раз гонят их из Шамхорского уезда далеко вглубь Гарабаха для доставления тяжестей, объясняя это тем, что на месте нет

подвод. Кроме того, войсковые части сами установили твёрдые цены на продовольствие, которые были слишком заниженными. Фактически они отбирали у трудового населения по низкой расценке последнее достояние!» Шамхорский уездный ревком просил сделать распоряжение об отмене этой нормировки цен, как не соответствующей действительности, и установления более подходящих твёрдых цен на все продукты в соответствии с условиями жизни в уезде [182, л. 99, 100]. Таким образом, не будучи в состоянии сами управиться с военными, местные ревкомы обращались с жалобами в вышестоящие инстанции.

Военные руководители не церемонились с местными ревкомом. Их обращения к ревкомом были категоричны и полны угроз. 31 января 1921 г. на имя Председателя Анненфельдского ревкома поступила телефонограмма от командира 2-й сапёрной роты инженерного батальона 18 стрелковой дивизии, производителя работ по укреплению Шамхорского моста командира артиллерии Самойлова. Он требовал в целях усиления обороны дать распоряжение сельским ревкомом, чтобы они безоговорочно ежедневно поставляли 20-30 рабочих командиру взвода Смирнову с целью заготовки лесного материала и подвод для перевозки на реку Шамхор. Предупреждалось, что за неисполнение требований командира взвода и удовлетворения потребностей рабочей силой ревком будет отвечать по закону военного времени [185, л. 76].

Бесцеремонность проявилась и в том, например, что военком насильно занял канцелярию Дзегамского районного ревкома, выбросив на улицу канцелярские принадлежности [184, л. 22].

Бесчинства и непомерные требования воинских частей вынуждали некоторых председателей ревкомом подавать заявления с просьбой освободить их от должности. Например, председатель Даллярского ревкома Д.Мамедьяров в

октябре 1920 г. писал в Шамхорский уездный ревком о том, что продагенты требуют все больше и больше излишков, которые давно исчерпаны, а он, как председатель, не имеет права задерживать требования, в то же время не может бесовестно отбирать последнее у крестьян. Поэтому он просил назначить на его должность другого человека [184, л. 289].

Таким образом, даже представительства советской власти, которую на местах осуществляли революционные комитеты, страдали от произвола военных, пытаясь искать защиты от них в вышестоящих инстанциях, а иногда и в центре.

§3. Ситуация в Гарабахе и Нахчыване

Как известно, июньское восстание 1920 г. против большевиков в Гарабахе (руководители: турецкий генерал Нурупаша и полковник азербайджанской армии Зейналов) было жесточайшим образом подавлено в результате военной операции XI Армии, осуществлённой с 10 до 14 июня 1920 года [383, 62]. После подавления антибольшевистского восстания в Шуше сосредоточились все областные учреждения: и чрезвычайного комиссариата, и областного ревкома. Однако, население Шуши стонало от притеснений ревкома, а чрезвычайный комиссар не пользовался доверием населения и не обладал особой властью. Дело доходило до того, что выезжая из Агдама в Шушу, казалось, что едешь в другое государство, поскольку в Аскеране была установлена пограничная полоса, останавливающая проезжающих и проверяющая их. Особенно нервировало мусульманское население то обстоятельство, что эту проверку производили люди армянской национальности, здесь даже специально работала женщина-армянка, которая при обыске мусульманок отбирала у них золотые изделия и ценные предметы

[383, сс. 64, 65].

В Гарабахе царили беззаконие и произвол, арестовывали ни в чём неповинных крестьян. Население было терроризировано войсковыми частями, в которых находилась масса армян-дашнаков, преследующих свои националистические цели. Подобные действия дашнаков во многом являлись причиной недоверия населения к Красной Армии [48, л. 61].

В своём докладе Ю.Меликов описал действия частей Красной Армии, дислоцированных в Гарабахе: «Особенно много произвола азербайджанское население терпело от находившегося в Гарабахе особого отдела №8 32-й дивизии, который, «набрав себе агентов из подонков местного общества», творил всевозможные бесчинства: реквизиции, аресты людей, производил обыски в домах. Такие реквизиции производились и сменившей 32-ю 28-ой дивизией, и эти реквизиции довели население до крайности. Жалобы населения сводились главным образом к тому, что против них восстанавливали войсковые части армян-дашнаков, тем или иным путём попавшим на разные должности и преследовавшие свои чисто националистические и шовинистические цели. «Одно только и слышалось от населения, что такой-то убит армянами, расстрелян без всякого разбора по провокации. Безобразные действия присосавшихся к Красной Армии дашнаков, творивших без всякого зазрения совести свою гнусную работу во многом являлись причиной того недоверия, которое питало население к Красной Армии» [383, 67, 68].

Большой интерес представляет секретная телеграмма Г.Орджоникидзе в Реввоенсовет XI Армии от 6 июня 1920 года, в которой он отмечал недопустимость пребывания армян в частях Красной Армии и предлагал в течение 24 часов вывести их из действующих частей. На следующий день 7 июня 1920 года командование XI Армии приказало начдивам 20-й и 28-й стрелковых дивизий, дислоцированных в

Гарабахе, вывести армян красноармейцев из строевых частей дивизий и корпуса и отправить их в Баку в Армянский запасной полк. Но ввиду антибольшевистского восстания в Гарабахе, командование пересмотрело это решение, и армянские части были направлены на подавление восстания [383, 68, 69].

В Шуше местное азербайджанское население разоружалось, а собранное оружие сдавалось коменданту [58, л. 31].

На Втором съезде АКП(б) делегат от Шушинского комитета партии Адигёзалов коснулся темы бесчинствующей Красной армии, солдаты которой, пользуясь тем, что в деревнях не понимали по-русски, позволяли себе хулиганские поступки, тем самым вызывая недовольство крестьян. Страх местных жителей перед военными дошёл до того, что в некоторых случаях, например, в Шушинском уезде, на сказанное красноармейцем крестьянину после покупки коровы слово «пойдём» последний бросился бежать, думая, что его хотят убить. В то же время сами красноармейцы не понимали и не уважали язык, нравы, обычаи, быт местного населения, хотя часто и называли возникающие на этой почве казусы «недоразумениями» [1, л. 417].

Однако сами военные иногда констатировали и признавали сложившееся тяжёлое положение. Например, из доклада Опродкомдива 28 «Об условиях работ в районах» выясняется, что в Шушинском и Зангезурском уездах «без обстрелов не обходится, берёшь всё силой» [32, л. 269].

Действительно, силой у губатлинских крестьян было отнято около 6 тыс. голов скота, свыше 25 тыс. пудов зерна и т.п. [369а, 258].

В октябре 1920 г. председатель Шушинского уездного ревкома в ответ на непомерные требования военных писал в штаб дивизии, что фуража и лишнего продовольствия в распоряжении его нет, продовольствия не хватает даже на паёк для своих служащих. [174, л. 117]. Таким образом, ме-

стное население, в том числе служащие ревкомов, сильно нуждались, а продукты шли в Красную Армию.

Большой интерес представляет «Доклад о работе по Шушинскому и Джаванширскому уездам», посланный народному комиссару внутренних дел Г.Султанову от уполномоченного НКВД Атаева. Атаев утверждал, что в Тертере денежные средства и продукты в громадном количестве отправлялись только в нагорные армянские сёла, тогда как разрушенной и разорённой низменности, где проживали мусульмане, не поставлялось ничего. Когда председателем ревкома Эглитом было арестовано несколько дашнаков-агитаторов, компартия выразила бурный протест, мотивируя его тем, что из-за этих арестов остальные дашнаки «не будут спускаться с гор». Атаев возмущался, что в случаях, когда арестовываются дезорганизаторы-армяне или же на них налагается дисциплинарное или административное взыскание, компартия тотчас же вмешивается в административные дела [66, л. 26].

Злоупотребления в Шушинском уезде достигли такой степени, что по этому вопросу была создана специальная комиссия. Представитель РВС XI Армии Хансуваров был командирован туда для расследования недоразумений между населением и частями XI Армии и был кооптирован в указанную выше комиссию в виду предположений о соучастии в злоупотреблениях отдельных работников XI Армии [66, л. 24].

Самовольство и злоупотребления происходили и в Агдаме, где военное руководство категорически отказалось выделить муку даже местному приюту, который находился на грани роспуска. И это несмотря на то, что здесь было собрано достаточное количество продовольствия для красноармейцев [175, л. 1, 2].

Красноармейцы в Агдаме даже разрушали дома, поэтому Чрезвычайному Комиссару Гарабаха и Зангезура пришлось

в ноябре 1920 г. обратиться к начальнику 28 дивизии с просьбой принять меры для прекращения подобных действий [174, л. 116].

В Агдаме в садах были вырублены виноградники, над которыми десятки лет трудились крестьяне, и которые составляли единственный источник их существования. Особенно много произвола население перенесло, как указывалось выше, от находившегося здесь Особого отдела №8 32-й дивизии, который творил всевозможные бесчинства. Без всякого повода арестовывались люди, производились незаконные обыски в домах и забиралась даже всякая мелочь вплоть до нескольких пачек папирос, не говоря о рисе и масле. Всё это не возвращалось хозяевам и не сдавалось продовольственным органам. Чрезвычайный уполномоченный Наркомпрода в Гарабахе Меликов в докладной записке в ЦК АКП(б) писал, что он предъявил Особому отделу требование – все реквизированные предметы сдавать в продотдел, но не получил даже ответа. «Несмотря на то, что в Агдаме не было военных действий ... все дома пусты, частью подверглись расхищению во время повального бегства при приходе частей Красной Армии, а главное путём реквизиции. Нет дома, у которого не были бы реквизированы ... без всякого платежа ковры, постельные принадлежности, посуда, мебель и пр., большинство которых увезено частями 32 дивизии, которая вывезла с собою и все запасы продовольствия, на что не имела права и должна была оставить для частей, их сменивших» [58, л. 39, 40]. Непонятно было, по какой системе ежедневно производились реквизиции. Были дома, в которых из 20 ковров целому семейству не оставили ни одного. Население не могло понять, по какому принципу производятся реквизиции, поскольку отбиралось всё и у бедных, и у богатых [58, л. 42].

Реквизициями дело не закончилось, имели место и настоящие грабежи. В мае 1921 г., например, красноармейцы

нападали на железнодорожные эшелоны и грабили реквизи-
рованное продовольствие [307, 253].

В телеграммах из Шуши, направленных в мае 1921 г. в ЦК АКП(б), Азревкому, говорилось, что Шушинский военком Найденов не признает местную власть, самовольничает и роняет престиж советской власти в глазах граждан Шуши [165, л. 176].

Даже осенью 1921 г. продолжались некоторые беззакония. Например, в телеграмме из Шуши, адресованной АзЦИКу, Совнаркому и Наркомвоенмору в октябре 1921 г., сообщалось, что красноармейцы по командировке своих начальников, не считаясь с местной властью, разъезжая по селениям, забрали все подводы, арбы, фургоны и фаэтоны, поэтому при уходе 82 бригады массовые требования на подводы не успевали удовлетворить [165, л. 253]. А без средств передвижения, как известно, сельскохозяйственные работы производить невозможно. В связи с этим в ЦК АКП(б) с мест приходили бесконечные жалобы.

Делегаты II съезда АКП(б) А.Агабеков и Мамедханов, обратившись в ЦК с докладом о партийной работе в Джабраильском уезде (доклад поступил в ЦК 26 октября 1920 г.), рассказали о плачевном экономическом положении уезда, насчитывавшего 220 тысяч жителей. Крестьяне, отмечалось в докладе, были босы и раздеты, уже одно то обстоятельство, что крестьяне начали шить себе одежду из паласов, а многие со стыда не могли показаться на улице, подтверждало сказанное. К большому неурожаю прибавились бесчинства красноармейцев, реквизировавших скот и продукты для Красной Армии. Коммунисты предупреждали ЦК, «что в скором времени, если извне не будет снабжение уезда продовольствием, предстоит голод и не исключена возможность объявления голодных бунтов». За всё время существования советской власти в уезде крестьяне ничего не получили, даже керосин. Все сёла уезда по вечерам погружались

во мрак [55, л. 14].

В Джабраильском уезде председатель ревкома и половина состава ревкома состояли из дашнаков. Меликов писал в ЦК, что «снабжение всей стоящей там 18 дивизии производится в мусульманских районах, да ещё хлеб из мусульманских районов выкачивается в армянские селения, почему я установил в этом отношении некоторые ограничения... В какое селение не едешь, то и дело крестьяне представляют записки от ревкомов или непосредственно войсковых частей о том, чтобы к утру или к вечеру доставить 100-300-500 и более подвод с угрозами в случае не представления ... расстрелами и другими видами наказания ... Подводы, которые берутся с одного какого-либо района, посылаются с грузами в другие районы, уезды и целыми месяцами скитаются на чужбине, оставляя у себя дома голодную семью и необрушенный хлеб ... Например, в Кягризлинском районе Шушинского уезда мне заявили, что у них забрано 600 подвод, кои отсутствуют уже почти месяц». Многие хозяева подвод работали подводчиками по несколько месяцев, и им не только не платили за работу, но даже не кормили их самих и скот. Буйволы погибали, подводы ломались, но никто не восполнял огромный для того времени ущерб крестьянину [58, л. 41].

На I съезде начальников милиции АССР, состоявшемся 1-3 ноября 1920 г., говорилось о том, что взаимоотношения милиции с воинскими частями были крайне ненормальны. Воинские части, расположенные в уездах, вели себя враждебно по отношению к милиции, задерживали, обезоруживали милиционеров, отбирали у них лошадей. В Джабраильском уезде был случай беспричинного убийства милиционеров красноармейцами [121, л. 15, 16;].

Сводка в ЦК из Аджикабула от 10 июня 1920 г. гласила, что мусульманское население «чрезвычайно злобно» относится к Красной Армии потому, что в отрядах много армян

[47, л. 15]. И действительно, подавление народного восстания и столкновения Красной Армии с местным населением явилось удобным моментом для дашнаков, которые стали подталкивать армянских крестьян на грабёж мусульманских сёл в Бардинском и Евлахском районах. При этом гарнизон, находившийся там, не предпринимал мер для прекращения грабежа. Начальник Полевого штаба XI Армии Воронков 8 июня 1920 г. послал телеграмму Микояну, в которой известил его об этих бесчинствах армян. В ответном сообщении Микояна указывалось, что эти данные приняты к сведению. «... Необходимые меры будут приняты ... Командарму XI армии необходимо срочно устранить нежелательно – вредное впечатление, выставляющее Красную Армию в союзе с армянами-дашнаками-врагами мусульманства» [47, л. 13; 48, л. 5]. Так, даже партийные руководители армянской национальности признавали соучастие армян в бесчинствах XI Красной Армии.

Агитатор ЦК Багиров, командированный в Джаванширский уезд, описал в своём докладе печальное положение г. Барды. 1 июня 1920 г. отряд из 32-й дивизии захватил Барду, вытеснив патриотов из города. Дома были сожжены красноармейцами. На улицах валялись голые трупы. Вещи из домов и у трупов были растасканы. На всех арбах красноармейцев были видны ковры, паласы, постели, домашние вещи, а также товары из лавок. «Что вчера не успели взять, сегодня тащут, а оставшиеся дома и лавки предают огню. Скот разогнан, посевами кормят лошадей, так что уничтожена жизнь местных жителей» [54, л. 19].

В Барде и её окрестностях с 7 августа 1921 г. располагалась и бесчинствовала ударно-огневая бригада 370, 371 полков. Ею были потравлены огромные плантации под чалтыком, хлопком, просом, кунжутом и табаком, разорены огороды и сады, расхищено имущество населения [165, л. 249].

Так, летом 1921 г. продолжались варварские действия красноармейцев, свидетельствующие о том, что, укрепив свою власть в республике, они чувствовали себя совершенно безнаказанными.

В Джаванширский уезд входили 7 участков, из которых 4 было мусульманских, 2 армянских и 1 смешанный. Несмотря на численное превосходство азербайджанского населения, между его положением и положением армянской части наблюдалась огромная разница. Во всех отделах ревкома при председателе ревкома Ашимове на ответственных должностях сидели армяне. Были расстреляны беки, а их имущество конфисковано. В результате были собраны колоссальные народные богатства – целые мастерские всевозможных инструментов, машины, ковры, крупный скот, лошади. Много не бралось на учёт и стало «уплывать» в руки армян. Уездная компартия состояла исключительно из армян и проводила дашнакскую политику. У армян большие богатства и «сытые лица, а кричат, голодаем. А спросите, была ли развёрстка в армянской части, были ли закупки скота для армии, дало ли население хотя сколько-нибудь хлеба и продуктов для местных нужд, есть ли в нагорной части, хотя одно разрушенное событиями селение – нет. Падает ли на армянскую часть транспортная повинность – нет. Каким-то образом получается так, что всё это обходит два армянских участка и всей своей тяжестью ложится на мусульман», – сообщалось в Докладной записке и сводке о деятельности Джаванширского ревкома его председателем Эглитом 17 октября 1920 г. [54, л. 25]. В каждом армянском селении были комячейки, а партийная работа не велась. Армянское население ничего не хотело давать для Советской власти и Красной Армии. «Как можно насаждать коммунизм и строить Советскую власть, если у этих коммунистов – у одного – табун лошадей, у другого – тутовая плантация, третий – кулак, а у четвёртого – полно награбленных

вещей?» – говорилось в докладной записке Джаванширского ревкома [54, л. 25]. Письмо свидетельствует о негодовании мусульман в связи со сложившейся ситуацией и недоумении по поводу сущности нового строя.

В некоторых наиболее вопиющих случаях преступники подвергались аресту. В Тертере, например, был арестован Гайк Григорян – расхититель народного имущества и оружия [50, л. 162].

В армянской части не было ни одного дома, где не было украденных у населения вещей. Почти все армянские крестьяне имели ворованные бекские лошади, скот, но компартия и ревком об этом умышленно молчали. «Мусульманская часть уезда прямо-таки стонет от тех поборов и повинностей, которыми обременена». Здесь прошла развёрстка и закупка по твёрдым ценам, брался скот и транспорт для Красной Армии. «Население ... даёт всё, умоляя только об одном – о справедливости» [54, л. 26]. Таким образом, большая часть армян смогла избежать участия в деле снабжения XI Красной Армии.

Жители Джаванширского уезда написали в газету «Коммунист» (на азерб. языке) о положении на культурном фронте, в котором главенствующую роль играли армяне. Следует отметить, что армяне в этом уезде вообще играли большую роль, т. к. они, как писали в письме-жалобе азербайджанцы, «всунулись в общественные и политические учреждения. Всё бремя революции лежит на мусульманском населении, а армяне ничем не пострадали». Кроме этого, в жалобе просили, чтобы обратили внимание на бестактные и грубые действия красноармейских частей, которые самовольно реквизируют продовольствие и скот, не обращая внимания на уездные и продовольственные комитеты [135, л. 23].

На Первом съезде комбедов Джаванширского уезда 21 ноября 1920 г. представитель Евлахского участка Керимов

доложил, что воинскими частями за пределы уезда угонялись арбы и неизвестно куда исчезали, например, в течение 1,5 месяца о 90 арбах не было никаких известий. С небольшого Евлахского участка было затребовано 500 лошадей и под страхом смерти население вынуждено было выполнить это требование. Отбирали даже у тех, у кого была одна лошадь. Военные даже уводили лошадей самовольно с поля. Представитель Ширванлинского участка Мамедов обратил внимание съезда на то, что части участка, прилегающие к шоссе по линии Шуша – Евлах, разграблялись воинскими частями. Красноармейцы грабили селения, угрожали оружием, следствием чего явилось то, что население в панике стало разбегаться. Посланные для предотвращения бесчинств красноармейцев начальник милиции и рядовые милиционеры были военными арестованы, но потом отпущены [54, л. 58].

Инструкторы отдела по работе среди женщин Божек и Бабкова доложили в Поарм XI о жалобах крестьян Джаванширского уезда на бесчинства красноармейцев: они задерживали подводы по нескольку недель, посылали в дальние уезды, по дороге не кормили скотину, в результате чего она погибала. Солдаты производили самовольные обыски, забирали не только необходимое для армии, но даже женские и детские вещи [49, л. 23].

В Джаванширском уезде красноармейские части самовольно реквизируют продовольствие у населения, не считаясь с уездными продовольственными комитетами [120, л. 1], в результате чего ощущалась сильная нужда в продовольствии [15, л. 56].

Выписка из мусульманской газеты «Азербайджанская беднота» от 11 января 1921 г. даёт яркую характеристику положения в уездах. В статье под названием «В Красном Азербайджане» говорилось о бедственном состоянии Джабраильского уезда. «...Прибытие 18 и 20 дивизий оставило

население без хлеба и баранты... Скот и средства перевозки не были взяты на учёт и реквизированы войсковыми частями и хозяевам не возвращены. В Тертере зерна нет для засеивания. Распределение государственных заготовок совершается принудительно. Перевозочная повинность способствует недовольству населения... Агенты Опродкома на местах останавливают кочевников, отбирают известный процент скота. В Таузском уезде... у населения нет платья. Жители не в состоянии исполнять предъявляемые требования подводной и продовольственной повинности. Непосильные требования ставят население в крайность... Несмотря на усиление болезней, врачей нет. Детских приютов нет... В Евлахском районе земли не распаханы, так как население занято перевозкой. Население крайне недовольно агентами Комиссии заготовления продуктов. В Джаванширском уезде на первом митинге Комбеда было пожелание употребить посильное старание на распашку земли, но население и арбы их заняты перевозкой войск... Хотя было обещано бедноте многое, но она ничего не получила... В Ширванском районе в полосе, близкой передвижения войск, земли истоптаны, фрукты в садах уничтожены... Помощи медицины и предметов первой необходимости нет...» [161, л. 356].

Персидско-подданные рабочие жаловались на притеснения представителей Опродкомарма в Евлахе, которые отбирали у них вещи и продовольствие и выгоняли их из своих бедных жилищ. В ноябре 1920 г. персидский консул просил Шушинского Чрезвычайного комиссара оградить персидских граждан от подобных действий [172, л. 135]. Между тем, по декрету АССР, так же, как и согласно международному праву, иностранные подданные были свободны от государственной повинности того государства, где проживали, а имущество их не должно было подлежать ни реквизиции, ни конфискации [162, л. 100]. Таким образом, от оккупантов страдало не только местное население, но и ино-

странные граждане, работавшие в Северном Азербайджане.

В этом уезде также было распространено пьянство среди военных. Был и курьезный случай, когда зло обернулось против самих обидчиков. Заведующий Рабоче-крестьянской инспекцией Джаванширского уезда доложил центральным властям о том, что ночью были расстреляны 4 человека, но вместе с «контрреволюционерами» по пьянке и оплошности расстреливающих был убит и коммунист Трусов. «Пусть Центральная власть сама посудит, в чём беда», – говорилось в докладе [49, л. 22].

Не лучше была ситуация и в Нахчыванском крае. Предревком Нахреспублики Кадымов в телеграмме от 23 марта 1921 г. командующему Геккеру и члену Реввоенсовета Орджоникидзе сообщал о том, что Нахчыванский край представлял из себя «груды развалин». «В хлебной полосе края, в Шаруре хлебные злаки унесены дашнаками, а Нахчыванский уезд все свои запасы отпустил наводнившим его беженцам и красноармейцам. Скот и даже многие домашние вещи в 1920 году отобраны от населения на нужды армии. Таким образом, красный Нахчыванский край ко времени признания его самостоятельной единицей экономически очутился в крайне безвыходном и критическом положении». В телеграмме говорилось, что не было ни одного уголка республики, где не были бы слышны душераздирающие стоны умирающего от голода крестьянина. Между тем, через территорию Нахчыванского края перебрасывали из Персии для Армении десятки тысяч пудов пшеницы, из которых на нужды Нахчывана не выделялось ничего [337, 58].

Тяжёлое положение Нахчывана после оккупации достигло критической точки. Политические события 1920 г. сказывались на судьбах людей в Нахчыване и через много лет.

При посещении Закавказья в марте 1925 г. председатель СНК СССР А.И.Рыков был поражён разрухой и нищетой

Нахчыванской АССР, назвал её состояние «советским беспорядком» и призвал власти Азербайджана срочно принять меры, чтобы эта автономная республика служила идеям мировой революции, стала образцом Советской республики, а для стран Ближнего Востока – наглядной агитацией за Советскую власть. Вместо оказания должной помощи бедствующей республике руководство Азербайджана, уходя от ответственности, истолковало причины «советского беспорядка» захватом в Нахчыванской АССР государственной власти «ханско-бекским элементом». В конце марта 1925 г. туда была направлена Особая комиссия с неограниченными полномочиями под председательством наркома внутренних дел Азерб.ССР М.Дж.Багирова. Секретарь Заккрайкома Г.К.Орджоникидзе предоставил комиссии право «действовать со всей решительностью». Из «чёрного списка» в составе 50 ответственных работников были репрессированы 48. Своим решением Комиссия исключила из партии 13 руководителей, 40 человек были арестованы и в специальном вагоне препровождены в Баку. Аресты были произведены в ночь с 5-го на 6-е апреля 1925 года, дабы привести семьи в ужас, напоминая «Варфоломеевскую ночь». Насильственное приобщение разорённого и обнищавшего советского Нахчывана к пролетарскому образу жизни успеха не имело. «Нашествие» Особой комиссии на мирный Нахчыван лишь ещё больше опорочило советскую власть [337, 2].

В исследуемый период Азербайджанскую ССР наводнило огромное количество беженцев, в основном разорённых крестьян, пострадавших от армянской агрессии. Беженский отдел комиссариата труда возглавлял Ахмед бек Пепинов, который приложил немало усилий для улучшения их положения. Бежотдел дал инструкции закупать зерно и раздавать беженцам. Однако продовольственные органы на местах не разрешали уполномоченным бежотдела закупать зерно. По инициативе Пепинова в начале августа 1920 г. было создано

совещание под председательством зам. председателя Азревкома М.Д.Гусейнова, Опродкомарма XI и Наркомпрода по вопросу о снабжении беженцев продуктами. На совещании выяснилось, что заготовку зерна Опродкомарм XI разрешить не может, так как вся республика снабжала XI Армию. Пепинов выступил с докладом на коллегии комиссариата и Малом Совете Азревкома, где привёл доводы о необходимости уделить хотя бы минимальное количество зерна для снабжения беженцев и выдачи на засевание. Он просил военное ведомство отвести бежотделу определённый район для заготовок или выдать из своих складов некоторое количество продуктов. Однако и на этот раз Опродкомарм XI ответил категорическим отказом. Бежотдел вынужден был с согласия Коллегии и санкции Азревкома перейти к денежной помощи (1000 руб. взрослым и 500 руб. детям) [20, л. 35].

К несчастью, денежная помощь не оказалась эффективной. В условиях дефицита, дороговизны, голода, болезней азербайджанский народ потерял десятки тысяч своих соотечественников-беженцев из Зангезура, Шамахи, Гарабаха, Мугани, Ираванской губернии, Карской области, спасшихся от агрессии армян, но погибших из-за тяжёлых условий жизни. К этому приложила руку, без сомнения, и бесчинствующая XI Красная Армия, не подавшая беженцам руку помощи.

Беженцы Зангибасара, Ведибасара, Аралаха, Шарурского, Сурмалинского и отчасти Нахчыванского уездов, Карской области численностью до 1 млн. людей, убежали в Персию, где от голода и болезней ежедневно умирало до 300 человек. С 1 по 7 августа 1920 г. на берегу Аракса было обнаружено до 6000 трупов умерших от голода, укусов змей и насекомых. В сентябре 1920 г. ЦК АКП послал своего представителя в г. Нахчыван, снабдив его 10 млн. рублей для оказания помощи беженцам, а наркомат здравоохранения –

своего представителя с необходимыми медикаментами [83, л. 30, 31, 34]. Так, видя эти последствия, компартия приняла хоть какие-то запоздалые меры.

Однако виновными выставили работников Бежотдела. «За халатное, преступное отношение к народному достоянию» постановлением КРКИ Верховному Ревтрибуналу были преданы работники Беженского отдела Пепинов, Брон и Плавинский. Обвинением было установлено 23 случая безотчётного распоряжения мануфактурой и одеждой, которые выдавали эти сотрудники беженцам даже по устным требованиям [46, л. 17].

Таким образом, оккупация умножила несчастья гарабахского и нахчыванского населения. «Интернациональная помощь и освободительная миссия» XI Красной Армии привела к нищете и разрухе.

§4. Беззакония в Нухинском и Загатальском уездах

Беззакония в уездах Азербайджана начинались с той самой минуты, когда XI Армия овладевала каким-либо городом или селом. Особый отдел этой армии тут же составлял списки членов бывшего правительства, беков, богатых людей и решал судьбу этих мирных граждан, одновременно преподнося урок остальным.

Например, в Нухе сразу после установления советской власти были арестованы бывший городской голова, пристав, несколько предпринимателей и даже некоторые члены их семей, в том числе женщины [273, 28].

Как и во многих местах, в Нухинском уезде бесчинства происходили часто с подачи армян. На заседании Нухинского уездного комитета партии 14 августа 1920 г. Музаффар Нариманов сделал доклад о положении в Нидже беженцев армян и мусульман. Он отметил, что армяне не пускали

мусульманских беженцев в свою среду. А местные мусульмане даже, по словам армян, охотно давали армянам сельскохозяйственные орудия для пользования. Несмотря на всё это, армяне с ложными доносами обращались к красным частям, которые, не разобравшись, терроризировали местное население. С каждым днём количество ложных доносов увеличивалось, так же, как и число арестованных мусульман. Музаффар Нариманов констатировал, что сам являлся очевидцем таких случаев. Заседание предложило ЧК и Особому отделу при аресте людей держать под надзором доносчиков [93, л. 3, 4].

Продовольственные агенты бесчинствовали и в этом уезде.

В Нухинском уезде особенно отличился Литиков, который не руководствовался инструкциями, без ведома ревкома мобилизовал транспортные средства, реквизировал продукты без выдачи расписок. М.Нариманов в телеграмме, отправленной в Баку, просил отозвать этого агента [16, л. 59]. Азревком возбудил ходатайство перед Реввоенсоветом XI Армии о привлечении к ответственности также уполномоченного Опродкомарма Тупальского [83, л. 45].

Чрезвычайный комиссар М.Нариманов из Нухинского уезда 1 октября 1920 г. отчаянно телеграфировал сразу в Азревком, ЦК АКП(б), НКВД, НК финансов о том, что в уезде нет продовольствия, советские служащие, рабочие получают полфунта хлеба, члены их семей вообще ничего не получают, мизерные оклады их не обеспечивают, от недоеданий среди служащих распространяются заболевания. Он просил о дополнительной выдаче содержания [15, л. 159].

В сентябре 1920 г. Азревком дал боевой приказ Наркомпути, СНХ и Наркомпроду о переброске соли и керосина для нужд г. Нухи [83, л. 45]. В октябре 1920 г. продовольственный вопрос в Нухе стоял очень остро. Даже представи-

тели власти – милиционеры были переведены на паёк типового красноармейца только на бумаге, фактически не пользуясь никакими видами довольствия и получая мизерную зарплату. Не одетые, разутые и голодные милиционеры массами заболели [39, л. 34].

Крестьяне Нухинского уезда, в котором и без армии производимое зерно не удовлетворяло потребностей населения, несли воинскую повинность и обеспечивали войсковые части хлебом. Кроме того, воинские части, уезжая из уезда, увезли с собой большое количество зерна. В складах осталось меньше 100 пудов пшеницы. Следует отметить, что армия в этом уезде требовала ежедневно 500 пудов пшеницы, 5 тысяч яиц и 200 пудов масла, а также орехи. Между тем, нухинские рабочие и служащие осенью 1920 г. получали всего по полфунта хлеба и то не каждый день [2, л. 53].

Осенью 1920 г. дома нухинцев и загатальцев остались без топлива, так как реквизиционные отряды забрали и увезли все дрова. Базары Нухи были пусты, так как у крестьян конфисковали последние повозки, и они не могли привезти свои товары в город. С началом холодов в Нухе люди стали умирать от холода и голода, в городе распространялись эпидемии. Красноармейцы, проходившие через сёла, забрали у крестьян бички, угнали скот и отняли запасы зерна. Им не оставили даже каштанов и яблок. В декабре 1920 г. крестьяне Нухинского уезда обратились к Н.Нариманову с просьбой освободить их от продразверстки и гужевой повинности, так как «их дети голодают, и если правительство не пришлёт необходимое, то все умрут» [307, 253-254].

Некоторые красноармейцы считали себя настоящими «царьками, господами положения». Иногда это были случайно затесавшиеся в армейские ряды люди. Один из таких дельцов, добровольно поступивший в армию и занявший там высокий пост, объявился в Загатальском уезде, где реквизировал 8 аршин бязи, освящённой в Мекке, и отобрал

револьвер у местного коммуниста. Председатель местного ревкома арестовал этого человека, однако руководство армии в ответ распорядилось арестовать самого председателя, после чего дело разбиралось уже в судебном порядке. [2, л. 6, 7].

Другой коммунист Чхеидзе, присланный для организации советской работы, «расколотил головы» нескольким крестьянам бутылками и убежал в Грузию, прихватив с собой 200 тысяч рублей государственных денег [2; л. 7; 9а, л. 114]. Ещё один работник Авестров с «полуаршинным мандатом», поработал две недели, собрал сведения и тоже удрал [9а, л. 114].

Тех представителей местной власти, которые решались вступить за население, военные тут же объявляли контрреволюционерами. Так, военный комиссар 2-го конного корпуса А.Ткачёв 28 июля 1920 г. доносил члену РВС XI Армии Лукину о том, что с уходом 7-ой Кавдивизии из Загатальского Округа в этом округе активизировались контрреволюционеры. 1, 24 июля на общем собрании жителей с. Балакян некоторые лица в отдельных группах говорили о необходимости напасть на Красную Армию, так как она отняла у жителей продовольствие. Согласно донесению, местные ревкомы оказались далеко не коммунистами. По этой причине 25 июля был арестован весь ревком с. Алмало [32, л. 130].

Следует отметить, что в Загатальском округе с мая 1920 г. стояла 7-я дивизия, потом 59-я бригада. Зимой 1920/1921 года здесь находились 25000 солдат. Особоуполномоченный армии реквизирует в конце 1920 г. у местного населения 1700 тысяч пудов пшеницы, 100 тысяч пудов ячменя и 200 тысяч пудов сена. По всему округу слышался «плач и стон» населения. Военные части отнимали даже то, что не полагалось по инструкции. «Буйволы без подков, крестьяне плачут» – констатировалось на Первом съезде секретарей

Комитетов АКП(б) (17-19/ХП-1920 г.) [9а, л. 114].

Все эти действия армии переполнили чашу терпения народа. Загатальский Округ, как и другие регионы республики, был охвачен народным восстанием. Однако силы были неравны. Чрезвычайный Комиссар Загатальского Округа и Нухинского уезда Асадулла Алиев сообщал в ЦК, что 20 июня 1920 г. восстание по всему Округу было подавлено, и началась организация новой власти на местах. Население убежало в горы. Обратное заселение продолжалось 15 дней. Войсковые части требовали себе пропитание. Чтобы удовлетворить войсковые части крестьянам необходимо было бросить уборку хлеба и косить траву, но доставлять продукты и пр. Если принять во внимание, что Округу, насчитывавшему не более 90 тысяч жителей, надлежало прокормить весь конский состав одной конной дивизии и громадный обоз Первой бригады, то ясно, что почти все рабочие руки были заняты этой тяжёлой повинностью, особенно тяжёлой после восстания, когда десятки тысяч крестьян потеряли почти всё своё имущество. А.Алиев писал, что ежедневно требовалось более 300 арб, и каждая арба задерживалась не менее трёх дней, таким образом, каждый день до тысячи арб и столько же рабочих рук отрывалось от работы. Между тем, запасы хлеба иссякали, а новый урожай гнил, и некому было его убирать. Дожди окончательно испортили его [56, л. 11, 12]. В уезде пропадало огромное количество фруктов и орехов, их невозможно было перевезти в другие места, так как подводы забирала армия. Не было специалиста, который мог бы устроить сушилку для фруктов [2, л. 7]. В таком тяжёлом положении находился Загатальский Округ летом 1920 г.

О поведении 58 бригады красноречиво свидетельствует тревожная телеграмма из Загатальского уезда от председателя ревкома и члена ЦК Балахлинского. По приказу начальника особого поста при 58 бригаде Яковлева 5 октября

1920 г. в селении Кювахегели сотрудники поста напали на перерегистрационную комиссию с целью её арестовать. В ход пошли револьверы, бомбы. Арестованные сотрудники особым постом были переданы военкому 58 бригады Мельникову для направления их в Реввоен трибунал 20 дивизии [32, л. 240]. Перерегистрационная комиссия состояла из председателя ревкома и члена ЦК Балахлинского, уездного военкома Рацека, ответственного секретаря компартии Иноземцева. Яковлев заявил, что компартия не соответствует своему назначению, и он имеет право её разогнать. Балахлинский в телеграмме сложил с себя ответственность за последствия инцидента, отказался от должности и выехал в Баку [32, л. 242]. Так, от бесчинств XI Армии страдали даже члены ревкомов и коммунисты.

Настойчивость Балахлинского проявилась на шестом заседании II съезда АКП(б) 19 октября 1920 г., когда он заявил, что чрезвычайкомы не могут работать из-за преступных действий войсковых частей. Например, Особый отдел 20-й дивизии отнял автомобиль у чрезвычайного комиссара. Был случай в Загатальском округе – нападение на перерегистрационную комиссию, о чём было донесено ЦК, но никаких мер не было принято [1, л. 277, 278, 284]. Наоборот, в ноябре 1920 г. в г. Загатале и уезде были произведены массовые аресты коммунистов [69, л. 113].

Военные командиры и работники Особого отдела грубо вмешивались в дела ревкомов и приводили управление уездами к параличу. Например, в ноябре 1920 года были арестованы почти все служащие Загатальского ревкома. Временно этот уезд стал управляться военно-революционным комитетом, состоящим из русских (Шевяков, Мишин и др.) и армян (Айрапетов, Варгазаров, Эльчибеков, Атамянц) во главе с бывшим поручиком Серебрянниковым.

Председатель ревкома Халил Агамиров в марте 1921 года в докладе, адресованном Н. Нариманову, писал о том, что

служащих ревкома обвинили в контрреволюционной деятельности и поместили в карцер [290, 180].

Член Загатальского комитета АКП(б) Х.Агамиров сообщил также в ЦК АКП(б), что в ночь на 11 ноября 1920 г. в Загатале особым постом были арестованы почти весь уездный комитет партии и ответственные работники (28 человек). Их посадили в карцер, заставили очистить сортир и вывезти из города. Причина ареста никому не была ясна. Азербайджанских работников мучили 19 суток. «Я сидел при Николае, тогда так не мучили, как нас мучили в загатальской тюрьме», – писал Агамиров. Это, сообщал Агамиров, произошло вследствие провокаторской деятельности армян-членов дашнакской партии. В письме перечисляются фамилии этих дашнаков [56, л. 55].

Следует отметить, что Х.Агамиров был активным участником советизации Средней Азии. Он воевал против Колчака и в боях получил тяжёлое ранение. На вопрос такого убеждённого большевика Агамирова: «Товарищи, здесь существует Советская власть или нет?» ему ответили «С каких пор ты стал нашим товарищем?» Арестованных освободили только через 19 дней после особого распоряжения, поступившего из Баку [290, 181].

Таким образом, в ночь на 11 ноября 1920 г. в Загатальском уезде произошло ещё одно крупное бесчинство Особого отдела XI Армии – были произведены незаконные массовые аресты советских и партийных работников.

Когда же Загатальский уездный комитет партии 11 декабря 1920 г. обсуждал вопрос об арестах, произведённых в ночь на 11 ноября, Шевяков – представитель 59 бригады в своём выступлении нагло объявил, что во время арестов была соблюдена партийная этика. Он отметил, что 59 бригада, принадлежавшая 20 дивизии, – одна из армий, стоявшая на защите мировой революции, что было доказано подавлением контрреволюционного восстания в Азербайджане.

не [84, л. 22, 23]. Так, бесчинства и насилия, чинимые военными, часто оправдывались их начальниками. Более того, военные начальники с гордостью говорили о преступных действиях XI Армии.

Заседание чрезвычайной следственной Комиссии от АКП(б) в составе Буниатзаде, Думбадзе, Ашукина и с правом совещательного голоса Абилова рассмотрело обвинительный материал по делу арестованных и признало, что эти массовые аресты не вызывались крайней необходимостью, так как факты не доказывают, что в ночь на 11 ноября должно было произойти контрреволюционное выступление. Многие арестованные были освобождены. Некоторые дела передали в Особый отдел XI Армии или Верховный Трибунал. Комиссия предложила через ЦК АКП Реввоенсовету XI Армии сменить весь командный, комиссарский и административный состав 59 бригады от комбрига до комполка и от военкома бригады до военкома полка включительно и усилить политическую работу в частях бригады. Комиссия решила лиц, вынесших постановление об аресте, вызвать в Баку и арестовать, а Шевякова (военком гарнизона г. Загатала), Серебрянникова и Мишина арестовать в г. Загатала [56, л. 38, 39]. Так, компартия доказала необоснованность массовых арестов и наказала виновных в бесчинстве.

Председатель Гахского участкового военно-революционного комитета Сулейманов докладывал в ЦК АКП(б) и Народному комиссару юстиции Караеву (28 мая 1920 г.) о том, что Особая Кавалерийская дивизия под командованием Куришко с Особым отделом ВЧК в Загатале «вызвала недоумения». Преступные действия красноармейцев этой дивизии в глазах населения подтвердили слова дашнаков, которые распространяли слухи о том, что Красная Армия идёт, чтобы мучить и истребить мусульман. Красноармейцы при переходе через Гахский участок нанесли населению убыток до трёх миллионов рублей, украли из домов и отби-

рали у встретившихся людей разные вещи. В Загатале они даже насильно увезли с собой девушек. По доносам добровольно примкнувших к Особому отделу членов дашнакской партии, без ведома ревкома этот отдел начал производить массовые аресты, причём среди арестованных были ни в чём не повинные люди. Загатальский ревком постановил задержать некоторых особо «отличившихся» дашнаков, но сотрудники Особого отдела этого не допустили и назначили этих дашнаков военными следователями отдела.

Особая Кавалерийская дивизия 19 мая 1920 г. прибыла обратно в Нуху. При возвращении красноармейцы разграбили сёла, расположенные по шоссе [56, л. 3].

В Гахе без ведома ревкома произвели обыск в доме Абдуллы Эфенди Кабулова, забрали ценные вещи, разбросали священные книги и арестовали его сына Бабу Кабулова, которого увезли в Евлах и там пытали.

Арестованным, сидевшим в тюрьме, целыми неделями не объявлялось, за что они были задержаны. Сулейманов в докладе особо отмечал, что «эти поступки Особого Отдела и красноармейцев Особой Кавдивизии крайне возмутили население, которое верит, что этого правительство не знает и как узнает то оно примет немедленно ... меры к устранению подобных дефектов». Гахский ревком предупреждал, что насилия Особого Отдела изо дня в день обостряли положение и что если правительством не будут приняты срочные меры к устранению творимых с подачи дашнаков безобразий, то никакие усилия не усмирят местное население [56, л. 2].

Бесчинства продолжались. В марте 1921 г. член Загатальского уездного комитета партии Х.Агамиров и председатель участкового комитета бедноты Гахского участка Загатальского округа Раджай Махмуд оглы представили Н.Нариманову доклад, в котором описали плачевное по вине армянских служащих положение населения Загатальско-

го округа. Крестьяне остались без соли и керосина. Из-за отсутствия соли крестьяне болели. Комиссар Гахского участка по продовольствию оставил мусульманских крестьян без зерна, отобрав даже пшеницу для посева, благодаря чему крестьяне не могли сеять хлеб. Начальник Загатальской Окружной милиции и его помощник арестовали в Балакянском участке 17 мусульманок с маленькими детьми и 80-летнего старика, отправив их в неизвестном направлении. Кроме этого, начальник окружной милиции арестовывал крестьян и держал их по 2-3 месяца в тюрьме за жалобу на какого-нибудь дашнака. Н.Нариманову также было доложено, что в Загатальском округе было много армян-дашнаков, которые подстрекали военных на антиазербайджанские действия. Х.Агамиров и Раджай Махмуд оглы настойчиво просили Н.Нариманова отозвать армянских служащих из Загатальского округа. При этом авторы доклада представили обширный список этих дашнаков [101, л. 25].

Таким образом, как и в других регионах, в Нухинском и Загатальском уездах произошли массовые бесчинства и преступления со стороны оккупантов. К этому, конечно, приложили руку и армяне.

§5. Газахский и Товузский уезды

Весной 1920 года с продовольствием в Газахском уезде проблем не было, так как с прошлого урожая ещё оставалось 60 тыс. пудов пшеницы. Но весь хлеб был передан Красной Армии. С новым урожаем случилась беда в связи с тем, что два с половиной месяца в уезде непрерывно шли дожди и хлеб сгнил. Нагорная часть Газахского уезда, кроме того, подвергалась нападениям и ограблениям хлебных запасов со стороны армянских экстремистов. После сдачи хлеба Красной Армии на одного человека приходилось яч-

меня и пшеницы всего 5 пудов в год, нечем было засеять землю [1, л. 419, 420].

Много преступлений было совершено в этом уезде со стороны солдат 59-й бригады, самочинно, без разрешения ревкома разъезжавших по улицам в отобранных у населения арбах, отбиравших у сельчан продукты питания, совершавших изнасилования, грабежи и убийства. Только на счету 3-го кавалерийского полка было изнасилование семи женщин в селении Татлы и кража у жителей 63 лошадей [1, л. 421-423].

В одном селении Газахского уезда крестьянин Мешади Аллахсеван вместе с сыном и братом были расстреляны после необоснованных обвинений по поводу невыполнения подразвёрстки на глазах у всех сельчан [273, 28].

Местные коммунисты делали попытки противостоять бесчинствам военных.

Заседание Газахской партийной организации под председательством Ш.Эюбова 29 августа 1920 г. постановило делегировать одного представителя в центр для доклада о состоянии уезда и просить ЦК АКП срочно назначить комиссию для выяснения положения дела на месте и урегулирования взаимоотношений между красноармейцами и крестьянами. Докладчиком назначили М.А.Поладова [89, л. 25]. А 1 октября того же года на общем собрании коммунистов Газахского уезда под председательством Биландарова Поладов сообщил о своём докладе в ЦК, в котором он рассказал о разорении крестьян частями Красной Армии, использующими для этого оружие и угрозы, о бессилии уезда удовлетворить требования армии, так как уезд раздроблен на несколько частей: часть уезда отошла к Армении и Грузии, часть – в Товузский уезд. ЦК партии обещал в корне прекратить бесчинства Красной Армии [89, л. 38].

Из уездов в Баку, в частности, в Центральный Комитет партии, Азревком и Военный Комиссариат поступали тре-

возможные телеграммы. Например, в сентябре 1920 г. из Газах местные коммунисты телеграфировали о том, что агенты XI Армии закупают фураж, пшеницу и скот, а крестьяне разорены и у них нет запасов, поэтому они просили запретить закупки и отозвать агентов [158, л. 300]. Председатель Азревкома просил Революционный военный Совет XI Армии урегулировать этот вопрос [158, л. 299].

Уездные комитеты компартии в докладах в ЦК АКП жаловались на действия солдат в отношении местного населения. Например, Газахский уездный Комитет АКП 25 декабря 1920 г. доложил в ЦК о том, что население уезда терпит весьма много невзгод: красноармейцы, невзирая ни на какие приказы, самовольно отбирают у крестьян всё необходимое для их обычной жизни – хлеб, муку, сыр, масло, постели и пр., разрушают жилые помещения, превращают их в топливо, причём это происходит даже в самом центре уезда в г. Газах. Красноармейцы с крестьянами обращаются очень грубо, всякие их требования сопровождаются «площадными» ругательствами. ... Самочинные действия солдат ставят крестьян в тяжёлое положение [32, л. 289]. При этом газахские коммунисты сообщали в ЦК о том, что продовольственный вопрос в уезде в плачевном состоянии: советские служащие неделями не получают установленного пайка хлеба, не говоря уже о других предметах и продуктах первой необходимости. Со дня переворота до конца декабря 1920 г. советскими работниками Газахского уезда продукты были получены только один раз. Поэтому Газахский уездный комитет просил ЦК сделать соответствующее распоряжение о прекращении незаконных требований красноармейцев и правильном ежемесячном снабжении партийных и советских работников продуктами [32, л. 290].

В период оккупации тяжёлым было и положение милиционеров Газахского уезда. Из-за плохого снабжения здесь самовольно оставили службу 3 конных и 21 пеших мили-

ционерера. Начальник сообщил в НКВД о плачевном положении милиции и ходатайствовал о выдаче им пайка и обмундирования [39, л. 2]. Так, представители власти не могли нормально работать из-за плохого снабжения.

Из-за скопления большого количества войск население было стеснено до такой степени, что многим крестьянам с семьями пришлось перебраться в конюшни [49, л. 6]. Уездный комитет партии «Гуммет» (члены новоиспечённой коммунистической партии в провинции продолжали себя называть гумметистами и писали свои доклады на официальных бланках, в которых в левом углу были напечатаны слова «Азербайджанская Коммунистическая Партия «Гуммет»») 9 июля 1920 г. докладывал в ЦК АКП, что Газахский уездный ревком целыми неделями был занят отводом квартир военным частям. Не довольствуясь тем, что местная власть предоставляла в их распоряжение всё возможное, военные сами обходили город, заходили в квартиры, занимали их, выселяли самих жильцов, кто бы они ни были, отнимали обстановку, требовали ковры, постели, самовары, лампы. Кроме того, травили покосы, жатвы, косили траву для своих лошадей, не спрашивая никого. Все это самовольство военных сопровождалось самыми грубыми ругательствами, что вызывало резкое недовольство населения. Уездком просил ЦК содействовать тому, чтобы начальники воинских частей не приводили свои требования в исполнение грубой силой и бранью и тем самым не раздражали бы народ [57, л. 19].

Красноречивые факты бесчинств красноармейцев содержатся в докладе Эюбова в ЦК (13.08.1920). Он отмечал, что после прибытия в Газахский уезд закупочной комиссии 32-й и 20-й дивизий было установлено процентное отчисление по соглашению у всего населения уезда: 10% с крупного рогатого скота, 20% с мелкого скота, так же излишков хлеба, сена и других продуктов. Однако члены названной ко-

миссии самовольно отнимали 50% как скота, так и хлебных продуктов и фуража. Ключевыми словами этого доклада были следующие: «... даже крестьяне говорят, что мы не думали, что Красная Армия будет обирать нас, мы думали, что Красная Армия является защитницей крестьян» [57, л. 30].

Председатель Гаймахлинского участкового ревкома (Газахский уезд) Ф.Мустафаев 22 августа 1920 г. жаловался уполномоченному от ЦК на красноармейцев – опродкомдивов, которые, приезжая по своим служебным делам во вверенный им участок, «обижают население, ругая и издеваясь над ним, своевольничают и проезжаются на счёт авторитета участкового ревкома, издеваясь над его членами, выражая как полное непочтение, так и недоверие. Всё вышеизложенное мы члены ревкома ... могли бы более документально ... выразить, но, опасаясь ареста со стороны обвиняемых, как они со многими уже сделали, отправив в г. Гянджу, умалчиваем» [57, л. 32]. Так, члены участкового ревкома, даже выражая протест действиям красноармейцев, не могли привести документальных доказательств их вины и настоять на их наказании из боязни репрессий со стороны военных.

Следует отметить, что эти страхи были небезпочвенны. За несколько дней до этой жалобы и просьбы о помощи секретарь Гаймахлинского ревкома Мустафа Чопуров и председатель земкома Молла Касум Мамед оглы были отправлены в Гянджу для дальнейшего следствия. Секретарь Мамед Ягубов и Шамиль Мамед оглы были освобождены от должностей и взяты под строгий контроль военными властями. Первые двое обвинялись в саботаже и настраивании населения против красноармейцев [57, л. 33].

Но это не остановило председателя Газахского уездного ревкома Эюбова. В другом своём докладе в ЦК (31.08.1920 г.) он снова описал бесчинства военных, отметив, что Газахский уезд, территория которого после дашнакских напа-

дений уменьшилась от 59 до 48 селений, должен был прокормить себя, около 16 тысяч беженцев и удовлетворить все требования Красной Армии. Как писал Эюбов, «дело дошло до того, что комсостав Красной Армии теперь действует уже открыто и совершенно не признавая местную революционную власть, в официальных бумагах заявляют, что никакой власти местной здесь нет и не было и предписывают давать продовольствие в указанных ими количествах «без отговорок», указывая час сдачи и угрожая всеми мерами наказания вплоть до расстрела ... Подобные ... явления будут гибелью Советского строя на всём мусульманском Востоке, т.к. безусловно, АССР сейчас в глазах всех мусульман всего мира является пробным камнем применимости мусульманским странам Советского строя». К этому можно добавить, что Эюбов неоднократно обращался к начальнику гарнизона Газахского уезда с предложением собирать продовольствие применительно выработанным центром указаниям. Однако начальник гарнизона ответил ему, что «ему нет дела до населения, ему нужна Красная Армия, а население пусть живёт, чем хочет, но он упускает из вида, что Красная Армия для населения, а не наоборот» [57, л. 40].

Дело дошло до того, что Газахский уездный ревком в телеграмме на имя Азревкома и НКВД просил разъяснить: кто от кого зависит, военный комиссариат от уездного революционного комитета или наоборот, имеет ли право военный комиссариат без ведома и согласия уездного революционного комитета переходить из занимаемого дома в другой, превратив в негодность ранее занимаемый дом, имеет ли право военный комиссариат выселять ответственных советских работников под открытое небо и какое имеет право Губвоенкомрат выдавать ордер на выселение советских работников и занятие их квартир, не считаясь с местной властью. В телеграмме говорилось о военных комиссарах, которые во всех отношениях держат себя вызывающе и не

считаются с уездным ревкомом, под разными предлогами тормозят работу советских учреждений, занимаясь исключительно бумажной волокитой [165, л. 158]. Как видно, телеграмма отражала большие вопросы взаимоотношений военных и местной власти, делая упор на негативное поведение военкомов и свидетельствуя о сильном раздражении ревкомов поведением военных.

Уездная компартия 24 ноября 1920 г. констатировала, что, несмотря на исключение Газахского уезда из района зерновых заготовок, продорганы Красной Армии продолжали собирать муку с населения, и это при полном недостатке муки у крестьян [49, л. 6]. Отдел продовольствия Газахского ревкома в ущерб даже советским учреждениям смог предоставить в распоряжение войск до 150 тысяч пудов одних хлебных продуктов, не считая мяса, овощей и др. В результате этого отдел остался без запасов продовольствия [46, л. 97].

Из Газахского уезда в ЦК АКП(б) сообщали и о бесчинствах Особого отдела. ЦК АКП обращался в РВС XI по поводу бесчинств сотрудников Особого отдела XI Армии. Секретарь ЦК ставил в известность Реввоенсовет о том, что начальник Особого отдела ст. Акстафа чинит препятствия в выполнении своих обязанностей ревизоров от Народного Комиссариата Рабоче-крестьянской Инспекции [32, л. 213]. Последняя пыталась сделать что-то для устранения вопиющих безобразий, наблюдаемых ею на местах. Так, в информации Рабоче-крестьянской Инспекции, переданной в ЦК АКП, говорилось, что положение Газахского уезда на 1 января 1921 г. в продовольственном отношении весьма тяжёлое. Причина: нахождение в пределах уезда большого количества войск – от 20 тысяч, количество это временами доходило до 150 тысяч. Снабжение частей XI Армии в полтора раза превысило положенную для этого на уезд норму и весьма тяжело сказывалось на скудных запасах местного

населения. Даже служащие советских учреждений неделями не получали продовольственного пайка, т.к. весь заготовляемый запас разбирался воинскими частями [46, л. 95].

Со дня прихода частей Красной Армии всё население изо дня в день жило под вечной угрозой реквизиций, обысков и арестов, 90% которых, по мнению инспекторов, были совершенно безосновательными и вызывались чисто эгоистическими и хищническими целями совершавших их людей, а вовсе не целями государственной необходимости и безопасности. Реквизированное имущество шло сплошь и рядом на пользу отобравших лиц, ещё чаще пропадало без следа.

Инспекция, упомянув о деятельности Военного ведомства в лице начальника гарнизона г. Газаха и руководства расположенными в уезде частями XI Армии, пришла к выводу, что она отнюдь не направлена на то, чтобы несколько ослабить в дисциплинарном порядке чрезвычайно тяжёлый гнёт пребывания в пределах уезда частей армии. Рабоче-крестьянская инспекция считала, что с точки зрения интересов страны, являющейся не завоёванной добычей, а союзной, участвующей в общем деле на равноправных началах страной, Военное ведомство далеко не оправдывало возложенных на него задач. «Отсюда вытекают, – говорится в докладе, – и те отрицательные и нежелательные последствия, которые в высшей степени характеризуют поведение воинских масс, явно не чувствующих над собою сдерживающие узды власти и дисциплины и, очевидно, ещё не знакомых, как следует, с теми обязанностями, которые возлагает на них звание Красного Советского воина, в отличие от хищников империализма и капитализма... О развитии всякого рода хищений, воровства и самоуправного отнятия вещей, посуды и мебели говорить не приходится – все сжились с этим, как с чем-то неотвратимым и стоящим в порядке вещей. Само собой разумеется, что при таких условиях,

не чувствуя над собою сдерживающей руки своих собственных учреждений и властей, воинские части и отдельные красноармейцы тем менее не склонны подчиняться или считаться с распоряжениями местных гражданских властей – ревкома, милиции и пр. и обычно последние бессильны сделать что-либо...» [46, л. 96].

В результате бесчинств военных Газахский уезд, по словам председателя уездной компартии Биландарова из доклада в ЦК АКП(б), очутился «в положении оккупированной страны, занятой как бы после отчаянного сопротивления» [57, л. 42].

Следует отметить, что в результате бесчинств и беззаконий военных экономическое состояние ряда уездов было на грани катастрофы. Правительство АССР в декабре 1921 г. признало Джаванширский, Губатлинский, Гянджинский, Шамхорский, Газахский, Товузский и Шушинский уезды на положении голода [157, л. 1].

В тяжелейшем экономическом положении находился Газахский уезд и в последующие годы. Как известно, много мусульманских сёл (13) было разрушено и разорено дашнаками в 1920 году. Обнищавшие жители, изнурённые тяжелой жизнью, доживали свой век в полутёмных, сырых землянках, 16000 человек голодали и не имели одежды [169, л. 27]. В Аксебаринском ущелье женщины днём стеснялись показаться на улице, поскольку им нечем было прикрыть себя. На заседании Пленума Газахского Укома АКП весной 1924 г. говорилось о том, что нужна широкая помощь жителям разорённых сёл [169, л. 44]. Таким образом, последствия политических событий 1920 г. сказывались на жизни людей ещё долгие годы.

Не лучшим образом складывалось положение и в Товузском районе. Председатель Товузского уездного ревкома 12 июля 1920 г. послал в ЦК, РВС, Азревком и НКВД доклад, в котором указал, что несколько дней тому назад в Товузский

уезд прибыл 3-й кавалерийский полк 20-ой дивизии с целью разоружить местное население. Полк разместился в разных сёлах и стал самочинно их разоружать, в то время как местному ревкому об этом ничего не было известно, хотя по инструкции во время этой операции требовалось присутствие представителей местного ревкома. Разоружение сопровождалось эксцессами, грабежами и другими неприличными действиями красноармейцев, дававших «повод гражданам смотреть на них, как на грабителей, а не на защитников». Явившихся представителей от ревкома красноармейцы не признали. Отобранное оружие вместо того, чтобы сдавать в местный Военный комиссариат, отсылали в другой район, предварительно забрав себе лучшие, заменив их своим негодным. Словом, каждый красноармеец в селении чувствовал себя хозяином положения, врываясь в дома и забирая всё, что им понравилось, отбирая лошадей, совершая потраву кукурузы, пшеницы и пр. От населения поступала масса жалоб на незаконные действия красноармейцев [63, л. 42].

В докладе предлагалось не обезоруживать пограничные мусульманские сёла, так как эти сёла в случае нападения дашнаков могли защитить долину и свои сёла от вторжения последних, которые используя тяжёлый для азербайджанцев момент, готовились к нападению. «...Разоружение пограничных мусульман повлечёт за собою нежелательные и печальные последствия для мусульман», – предупреждалось в докладе [63, л. 42].

Председатель Опродкомиссии при 244 стрелковом полку А.Николаев послал в Алексеевский сельский ревком «Требование», в котором просил отпустить для удовлетворения частей войск 100 пудов ячменя и 100 пудов картофеля. Вторую часть документа следует процитировать, чтобы понять тон и дух требования: «Настоящее требование должно быть выполнено не позднее шести часов вечера сего 17 августа. Никакие отговорки и ссылки на мирские приговоры во вни-

мание приниматься не будут, ибо власть на местах в пределах Азербайджанской Республики не существовала и не существует и всякая ответственность за недоставку указанных продуктов ляжет на Вас и в случае отказа выполнить требование будет доведено до сведения начальника Особого отдела XI Армии при ст. Акстафа, где будет расследоваться дело, как злостный саботаж и неподчинение Центральной власти. Приёмщик за продуктами будет выслан завтра к 12 часам дня» [32, л. 169].

ЦК АКП(б) препроводил копию требования председателя Опродкомиссии в РВС XI армии. Секретарь ЦК, указывая на подобный факт произвола, просил принять срочно самые строгие меры к обузданию подобных агентов, в корне подрывающих авторитет Советской власти [32, л. 174].

На общем собрании товузских коммунистов 10 декабря 1920 г. был заслушан доклад товузского Упродкомиссара Николаева о мобилизации арб, быков, фургонов и лошадей для отправки в Армению хлеба, предназначенного для Красной Армии. В обязанность каждого члена партии вменялось вести «сильную» агитацию среди населения по мобилизации, а также принять меры к доставлению арб, повозок и т.д. на станцию Товуз [63, л. 14]. Таким образом, при советизации Армении Красная Армия опять снабжалась азербайджанским хлебом и средствами передвижения.

Произвол представителей армии в уездах наглядно проявился на примере уполномоченного комиссара по продовольствию Николаева. В Товузском уезде упродкомиссаром Николаевым был арестован председатель комитета бедноты немецкой колонии Траубенфельдт на общем собрании колонистов, причём арест сопровождался «грубой площадной бранью». Когда председатель комбеда потребовал у Николаева отправиться к заведующему отделом управления Нейштадту, он взвёл курок «Нагана» и пригрозил пристрелить его на месте, если он двинется в сторону Ревкома. То-

гда же был арестован и помощник председателя комбеда. После объяснений с Нейштадтом, заведующим Рабочей Инспекции Тагиевым и председателем ревкома Башировым, он освободил арестованных, обещав в будущем аресты производить только через Отдел управления и с согласия уездного ревкома. Но не прошло и десять дней после случившегося, как начались повальные аресты председателей комитетов бедноты, сопровождавшиеся самыми грубыми действиями агентов. Николаев арестовал председателей комитетов бедноты аулов Азаплы, Нижние Кущи, Нижние Оксюзлы, Верхние Оксюзлы, вследствие чего не состоялась Конференция комбедов 2-го участка для выбора Учкомбедов. Николаев игнорировал категорические требования ревкома освободить их. 18 декабря 1920 г. он выехал с пулемётами в Оксюзлы, где имел столкновение с возмутившимися его грубостью Политотделом 12-й дивизии (!). Начальник Политотдела даже составил протокол! [16, л. 67]. Николаев неоднократно заявлял о том, что он не подчиняется Революционному Уездному Комитету и что о своих действиях он не обязан докладывать ревкому [16, л. 69].

Ежедневно в ревком поступали сотни жалоб на агентов Николаева. В селе Алимарданлы агент Шитов, например, пытался изнасиловать жену крестьянина [16, л. 68]. К заведующему Рабинспекции Тагиеву явился крестьянин, который заявил, что на основании приказа Уездревкома он пригнал две арбы в Упродком для отправления с продовольствием в Армению. Комиссия Упродкома забраковала одну арбу. Он просил, чтобы Тагиев ходатайствовал о возврате ему негодной арбы. Когда Тагиев пришёл с просьбой к Николаеву в Упродком с крестьянином, Николаев отдал в грубой форме распоряжение об аресте этого крестьянина. На слова Тагиева «подождите, товарищ, давайте разберёмся, в чём дело. Я к Вам явился, как член президиума уездкома и заврабинспекции, он ответил: «нечего мне разбираться, если

понадобится мне, то я арестую и уездную компартию» [16, л. 69, 70].

19 декабря 1920 г. на общем собрании Товузской Уездной организации АКП(б) в присутствии 26 членов и 10 кандидатов в партию был заслушан вопрос о поступках агентов упродкомиссара. Было отмечено, что продовольственная политика проводилась хаотически. Развёрстка проводилась только в близлежащих сёлах, что вызывало «ропот всего беднейшего населения этих сёл. Незаконные аресты вносили в крестьянскую среду панику, Николаев и его агенты приобрели дурную репутацию. Их действия квалифицировались как не только преступные, но и контрреволюционные». Постановили для пресечения преступной деятельности Николаева и его агентов обратиться в Азревком, ЦК АКП(б), Наркомпрод о его смещении, назначении следственной комиссии и предании Революционному трибуналу, а для восстановления престижа компартии перед крестьянством исключить его из партии [16, л. 67-70, 90-91]. В результате в декабре 1920 г. Упродкомиссар Николаев был отозван из Товуза. [63, л. 82].

Таким образом, в Газахском и Товузском уездах проявились бесчинства XI Красной Армии, которая не считалась ни с местными коммунистами, ни с ЦК АКП(б), ни Азревкомом.

§6. Шамахинский, Гёйчайский и Губинский уезды

Население Шамахинского уезда составляло 100 тыс. человек, в уезде имелось 130 селений, из них 7 молоканских [65, л. 15, 42]. В результате учинённого армянами мартовского 1918 г. геноцида азербайджанцев 70 селений были разорены дотла, 25 тыс. жителей уезда голодало [65, л. 12].

Из доклада в ЦК Чрезвычайного Комиссара Шамахин-

ского уезда А.Ширвани (17 июля 1920 г.) видно, что уезд находился в исключительных условиях, вызванных кровавыми событиями 1918 года. Город Шамахи представлял собой одни развалины разрушенных домов. По одной улице в нижней части города кое-как было восстановлено несколько десятков полуразрушенных домиков, в которых жили около 2 тыс. человек, и несколько лавочек и чайных. В верхней части города в нескольких уцелевших домах, испытывая крайнюю тесноту, разместились правительственные учреждения. В большинстве селений дома были разрушены и сожжены. Беженцы возвращались на свои «родные пепелища» и были вынуждены жить под открытым небом. Со дня оккупации население уезда подвергалось всевозможным притеснениям как со стороны различных закупочных комиссий XI Армии, агентов воинских частей, так и лиц, занимавших ответственные посты в уезде. Это ясно доказывали около 500 письменных жалоб, поданных Ширвани населением уезда [65, л. 100].

Присутствие воинских частей в составе трёх полков, поглощавших большое количество хлеба, забиравших подводы в страдное время уборки хлеба, сильно отражалось на положении сельчан, которым по вине военных грозил голод. При этом в уезд дополнительно были присланы ещё 4 тысячи красноармейцев Атаманской Бригады. Немало было случаев, когда воинские части самовольно отбирали хлеб, скот, расплачиваясь с крестьянами расписками, производили обыски и аресты, командовали и распоряжались всем, не считаясь даже с ревкомом. Военный Комиссариат, командир Грузинского полка и другие лица, прибывшие из центра, чувствовали себя полными властителями и творили безобразия. Только приезд А.Ширвани и его энергичные меры положили конец этим явлениям. Чрезвычайный комиссар под угрозой ареста заставил их считаться с ревкомом, как с высшей местной властью. Деньги и ценности,

отобранные начальником гарнизона у населения, были возвращены владельцам [65, л. 101].

В июне 1920 г. Первый Красный Рабоче-крестьянский Грузинский стрелковый полк выступил в поход для подавления предполагаемых контрреволюционных восстаний в Шамахинском уезде. В 5 часов утра 11 июня полк выступил в поход из Кюрдамира к г. Шамахи [43, л. 32]. По пути следования из Кюрдамира в Шамахи некоторыми красноармейцами этого стрелкового полка, армянами по национальности, совершались многочисленные бесчинства. Были случаи, когда несколько красноармейцев-армян, собравшись в группу, отставали во время больших привалов от своих частей, заходили в знакомые им селения, напивались и под видом обыска занимались грабежами, мародёрством, а также совершали другие преступления [43, л. 2]. Красноармейцы Караоглянц и Караханянц 13 июня 1920 г. в сел. Сагиан совершили покушение с целью убийства на милиционера Теймура Мешади Али Мамед оглы, нанеся ему тяжёлое ранение в голову. Григорьев, Арзуманов, Багдасаров и Арушамов заходили в деревни и пугали мирных жителей мусульман, распространяя слухи о том, что в Шамахи идёт не Грузинский Красный полк, а армянский. Самозванец армянин Саркисов, именуя себя красноармейцем Грузинского полка, собирал деньги и драгоценности, якобы, для этого полка [43, л. 32]. Эти красноармейцы – армяне были арестованы (18-22 июня 1920 г.) и отправлены в Ревтрибунал 28 дивизии [43, л. 2].

Ревизор НКВД 23/VI-1920 г. Бочаров в своём рапорте отметил, что бесчинства были совершены на национальной почве. Кроме того, он выяснил, что командир полка ежедневно выписывал по пять вёдер вина. В телеграмме начальству он писал, что население уезда просило отозвать указанный полк [43, л. 9].

Комендант Штаба Милорава арестовал врача и крас-

ноармейцев 2-й батареи, переливавших в больнице вино из бочки в вёдра. Но арестованные были освобождены по ходатайству командира 2-й батареи, который утверждал, что никто не имеет права вмешиваться в работу медперсонала [43, л. 32].

Так же, как и в других уездах, военные игнорировали местную советскую власть. Председатель Шамахинского ревкома Эглит в «Докладной записке об отношении Первого Грузинского Красного полка к Шамахинскому уездному Ревкому» от 28 июня 1920 г. перечислил все известные ему бесчинства этого полка и отметил, что выселения, обыски, изъятия вещей, аресты делались без ведома ревкома. «Ревком игнорируется командиром полка в полном смысле этого слова ... Вообще командир держался по отношению к Ревкому вызывающе и с презрением. Подобное отношение к Советской власти я считаю недопустимым и вредным для советского строительства. Должен дополнить, что на митинге командир полка заявил, чтобы все граждане с просьбами и жалобами обращались прямо к нему» [43, л. 22, 23].

Дело Следственной Комиссии по расследованию событий, происшедших в Первом Грузинском стрелковом полку до 23 июня 1920 г. (председатель – П.Сергеев), составляло целых 54 листа.

Однако представители Реввоенсовета Армии, Реввоен трибунала и Особого Отдела после формально произведённого следствия пришли к выводу, что показания Бочарова не нашли подтверждения. 9 июля 1920 г. Командарм просил ЦК АКП(б) обратить внимание на подобное выступление против Красной Армии и предупредить всех ответственных работников Азерб. ССР, что впредь при возведении подобного рода клеветы Реввоенсовет XI Армии будет бороться с подобными лицами самым беспощадным образом, как с лицами, желающими подорвать престиж Российской Рабоче-крестьянской Красной Армии [43, л. 55]. Таким образом,

констатация фактов бесчинств красноармейцев в Шамахинском уезде военным руководством классифицировалась как клевета на Красную Армию РСФСР.

Как и в других уездах, например, Газахском и Шамхорском, советские служащие в г. Шамахи остались без помещений. Грузинский Рабоче-крестьянский полк без ведома Шамахинского ревкома выселил из своих помещений совнархоз, земельный отдел со складом сельскохозяйственных машин и орудиями. Работникам ревкома был дан только один час для выселения, служащие с канцелярией остались под открытым небом [43, л. 20, 30].

С арестованными обращались очень жестоко. Был арестован, например, бывший городской голова г. Шамахи Агаларбек Гусейнбеков. На момент ареста он работал бухгалтером Отдела финансов Шамахинского ревкома и, якобы, агитировал против Советской власти. Начальник гарнизона г. Шамахи прибегнул при допросе свидетелей к вымогательству, угрожая им расстрелом. Красноармейцы Первого Грузинского полка, конвоировавшие арестованного, в присутствии командира полка Барамидзе Г.А. жестоко избили его, нанеся ему тяжелейшие увечья [43, л. 57].

В Шамахинском уезде красноармейцы производили часто незаконные обыски в домах с целью обычного ограбления. Например, 18 мая 1920 г. у жителя сел. Пирсаат Абаскули Агаали оглы под предлогом обыска они похитили 10 тыс. рублей, револьвер, бинокль, 3-х лошадей, казачьи сёдла, хурджун, пальто, пиджак, брюки и т.д. – вещи на сумму 35 тыс. руб. [65, л. 4, 6]. Такие факты, естественно, вызывали негативное отношение азербайджанцев к Красной Армии.

Похищение одежды не могло исправить общее положение. Положение с обмундированием армии оставалось тяжёлым. Достаточно сказать, что большая часть красноармейцев Первого Грузинского полка, например, летом 1920 г.

в Шамахе ходила почти в одном белье, вследствие чего их невозможно было даже расположить в лагере [43, л. 56].

В то же время армянское население Шамахи было весьма дружелюбно настроено к Красной Армии, с которой связывало большие надежды. Об этом свидетельствует письмо Председателя и членов Мадрасинского участкового ревкома начальнику отряда Баскову, датированное 19 июня 1920 г. В нём говорилось, что до прихода отряда некоторые «тёмные элементы» распространяли небылицы о Красной Армии. Отряд был встречен торжественно и радушно. В письме от имени населения сел. Мадраса и учревкома выражалась искренняя благодарность Баскову и его отряду. Выражалась также твёрдая уверенность, что при наличии такой дисциплины дело «трудового люда с Вашей помощью будет выиграно» [43, л. 4]. Таким образом, это письмо доказывает, что в сложившейся трагической для Азербайджана ситуации, армяне видели в Красной Армии своих соучастников и опору и пытались любыми способами найти с ней общий язык.

Реквизиции и закупки рабочего скота у населения производились в такой же незаконной форме, как и повсюду по стране. Шамахинский городской ревком 21 июня 1920 г. предписывал всем участковым и сельским ревкомам этого уезда строго следить за закупочными комиссиями при закупке скота и не производить продажу скота, продуктов и фуража без ведома и учёта уполномоченного Опродкомарма XI, находившегося в г. Шамахи [144, л. 14]. Однако, несмотря на такие распоряжения, права жителей ежедневно нарушались в результате незаконных действий красноармейцев.

XI Армия наносила урон животноводам, продолжая по своему усмотрению определять размеры незаконных реквизиций. Например, «в конце июня 1920 г. она реквизировала у общества Падар-Гаджи-Алим Шамахинского уезда на Губинских яйлагах, угрожая оружием, сначала 8 тыс. овец и

200 голов крупнорогатого скота, а затем 20 тыс. овец и весь крупнорогатый скот» [369а, 259]. Общество кочевников Падар в июле 1920 г. жаловалось на совершённые насилия со стороны агентов Опродкомарм XI [65, л. 95]. А РВС XI Армии ограничился лишь отпиской, сообщив, что «лишён возможности точно указать какими именно частями производятся незаконные действия» [369а, 259].

Любой азербайджанец вне зависимости от общественного положения и возраста мог стать мишенью для издевательств и неправомερных действий по отношению к нему. Например, в Шамахинском уезде в июле 1920 г. красноармейцы отняли у милиционера лошадь [145, л. 154]. В июле 1920 г. у жителей села Халфали Опродкомармом отбирался крупный и мелкий рогатый скот [145, л. 169].

Некоторые люди, естественно, пытались сопротивляться преступным действиям продагентов. Например, в октябре 1920 г. в селе Удули этого уезда произошла драка в то время, когда агент закупочной комиссии прибыл в село и стал насильно отнимать у жителей овец. Во время драки несколько человек получили тяжёлые увечья и даже разбили друг другу головы [146, л. 30].

Зимой политика реквизиций и конфискации ещё больше ужесточилась. Агентам были предоставлены руководством армии широкие полномочия. Например, 3 января 1921 г. в ряд селений Шамахинского уезда был направлен агент, который должен был собирать подводы. Ему предоставлялось право в случае отказа выдачи подвод конфисковать их, а хозяев арестовать и препроводить в соответствующее учреждение [148, л. 19].

В ряде случаев страдали даже коммунисты. Например, Чрезвычайная Комиссия Шамахинского уезда арестовала самых активных коммунистов, а некоторые коммунисты были отстранены от должности и вынужденно покинули город Шамахи [273, 30].

В феврале 1921 г. у крестьян села Маразали Шамахинского уезда была отнята мука в количестве 77 пудов, которую они взяли с мельницы для своих голодающих в период оккупации односельчан. Чрезвычайная комиссия по улучшению быта крестьян пыталась выявить виновных, чтобы привлечь их к ответственности [143, л. 151].

Интерес представляет телеграмма от 6 апреля 1921 г. от замуправделами Азревкома Ирзабекова Шамахинскому Начполитбюро Султанову. В ней говорится о том, что боевой приказ Азревкома о немедленном возвращении владельцам лошадей, насильственным образом отнятых у крестьян сел. Арабшахверди Шамахинского уезда, не был исполнен. Султанову предлагалось немедленно выехать на место и расследовать это дело. В случае подтверждения этого факта требовалось арестовать виновников, а лошадей вернуть владельцам и об исполнении донести в Азревком [162, л. 92].

Таких примеров можно привести много, из чего можно сделать вывод о серьёзном желании новой власти вернуть людям награбленное у них военными добро. С весны 1921 г. стали предприниматься меры для восстановления нормальных условий труда и быта граждан.

В Гёйчайском уезде агенты также вели себя нагло и незаконно [121, л. 17]. Некоторые председатели ревкомов имели смелость арестовывать агентов за противозаконные действия. Например, председателем Баргушадского участкового ревкома Х.Халиловым был арестован агент Петросов и препровождён в Гёйчайский уездревком [86, л. 19].

Чрезвычайный комиссар Агдашского и Гёйчайского уездов З.Дадашев информировал ЦК о том, что в продовольственном отношении дела в уездах обстоят плохо в связи с приездом в Агдаш 18-й кавдивизии и в Гёйчай Упродкомдива 32-й дивизии, которые выкачали у крестьян всё продовольствие, в результате чего у них даже не осталось пшеницы и ячменя для засеивания [51, л. 134]. Дело обострилось

настолько, что у себя в кабинете в присутствии начальника милиции и секретаря компартии З.Дадашев оскорбил Упродкомиссара Терещенко, угрожая расстрелять его. Чрезвычайный комиссар был арестован и даже избит конвоиром публично. Председатель Агдашского уездного комитета АКП(б) Б.Мустафаев 9 августа 1920 г. в телеграмме в ЦК характеризовал З.Дадашева как неутомимого борца за освобождение пролетариата и крестьянской бедноты и просил принять срочные меры к его освобождению [51, л. 54]. Таким образом, местные коммунисты также страдали от бесчинств, происходивших в результате оккупации республики, и среди них встречались люди, не боявшиеся вступать в борьбу с оккупационной армией, откровенно пренебрегающей интересами их народа.

Член коллегии Наркомзема АССР Джамалбеков послал в ноябре 1920 года очень обширную телеграмму из Кюрдамира на пять адресов, в том числе ЦК АКП(б) и Азревком. В ней он подробно описывал удручающее положение крестьян, которые из-за непрерывных дождей были оторваны от полевых работ и не смогли произвести посевы. В то же время река Кура затопила прибрежные сёла, и все посевы погибли. У крестьян Куринского района Гёйчайского уезда по местным климатическим условиям оставались всего две недели для посевных работ. Автор телеграммы писал: «прошу и умоляю сделать ... распоряжение ... войсковым частям XI Армии обойтись собственными силами и не брать у крестьян подвод рабочим скотом» в течение двух недель. Иначе, писал автор, крестьяне обречены на голод [16, л. 30-33].

Однако Продовольственное совещание Азерб. ССР сообщило в ЦК, что подводы в районе Кюрдамира мобилизовались для военных перевозок, поэтому невозможно было что-либо сделать для облегчения положения крестьян [16, л. 38].

1 июня 1921 г. представители заготовительной комиссии для Армии уполномоченные Костин и комбат Орлов отняли лошадь у начальника уездной милиции и лидера местных коммунистов Гаджиева, выругали его непристойными словами и угрожали арестом, расстрелом и «размножением впрах», как говорилось в телеграмме правительству, посланной из ст. Ляки. Подобное поведение работников Армии сильно раздражало не только население, но и власти Азербайджана. Правительство Азерб. ССР требовало, чтобы Азчека принял решительные меры и привлёк к ответственности виновных [165, л. 195].

С произволом военных в Губинском уезде пыталось бороться само военное руководство. В приказе начальника гарнизона г. Губы и его окрестностей и Военкома Губинского уезда от 25 июня 1920 г. указывалось, что дисциплина в воинских частях поставлена не на должную высоту, красноармейцы держатся не как бойцы Красной Армии, творят бесчинства и произвол. Приказ вменял комчастям ввести в своих частях строгий порядок и должную дисциплину [203, л. 3].

В другом приказе Военкома от 1 июля 1920 г. говорилось о том, что к нему неоднократно поступали жалобы губинцев по поводу самочинных реквизиций квартир и личных вещей красноармейцами, которые являлись во дворы без разрешения домовладельцев, бесчинствовали, ломали деревья и заборы [203, л. 12]. В Дивичинском и Рустовском участке пребывавшие там 245 и 246 полки, как и в Шамхорском уезде, взамен денег давали крестьянам фиктивные расписки [205, л. 110]. Так, имел место и беззастенчивый откровенный обман местного населения со стороны оккупантов.

9 июля 1920 г. в приказе начальник гарнизона г. Губы озвучил жалобу граждан по поводу того, что воинские части пасли лошадей в садах, причиняя вред фруктовым деревьям, а также без разрешения владельцев косили траву. Приказом

военного начальства солдатам было запрещено пасти лошадей и косить траву [203, л. 22].

Как и по всей республике, воинские части производили в Гусарском участке и Губинском уезде самовольные реквизиции и конфискации [205, л. 96]. Местная власть пыталась принимать меры против таких действий военных. Гусарский участковый ревком 13 июня 1920 г., обсудив продовольственный вопрос, постановил изъятие хлеба у жителей совершать вместе с особой комиссией XI Армии и сдавать в базу этой армии [202, л. 2].

Крестьяне открыто выражали недовольство по поводу того, что военные постоянно требовали от них подвод и не давали им возможности запахать землю. Например, в селении Нюгеды Губинского уезда, где насчитывалось тысяча с небольшим домов, у крестьян за 2,5 месяца было взято 4150 подвод [205, л. 110].

Председатель Азревкома Н.Нариманов, учитывая многочисленные жалобы крестьян, поступавшие со всех уездов республики, в первые же дни после оккупации (точная дата неизвестна) издал приказ о пресечении злоупотреблений и незаконных действий в связи с заготовкой скота и других сельскохозяйственных продуктов [332, 14, 15].

1 июля 1920 г. вышел декрет Азревкома об объявлении Губинского уезда районом государственных заготовок. Это означало, что в данном уезде единственным органом, имеющим право заготавливать продовольствие, являлся Народный комиссариат по продовольствию и его органы. Предупреждалось, что все организации, как военные, так и гражданские, а также и отдельные лица, являвшиеся на территорию Губинского уезда для производства заготовок, будут привлекаться к суду революционного трибунала [332, 98, 99]. Изданием этого декрета Азревком (Н.Нариманов) откровенно продемонстрировал намерение защитить богатый Губинский уезд от незаконных действий военных, ради чего

был издан этот приказ.

Н.Нариманов пошёл дальше в своих действиях по ограждению уездов от грабежей. Лянкяранский и Джавадский уезды были объявлены территориями государственных заготовок. 7 июля 1920 г. такими же территориями были объявлены Гёйчайский, Гянджинский и Джаванширский уезды [332, 119].

Ввиду предстоящей уборки урожая в Азербайджанской ССР и вследствие недостаточного количества доставочных и перевозочных средств Н.Нариманов 17 июля 1920 г. приказал всем воинским частям и заготовительным агентствам, находящимся на территории Азерб. ССР, бережно относиться к пользованию указанными средствами, чтобы не нарушать спешную работу по уборке урожая. Азревком предупредил, что реквизиции, конфискации подвод, арб и скота у крестьян без ведома и разрешения местного ревкома недопустимы [332, 136]. Таким образом, главное событие в сельской местности – уборку урожая – республиканская власть старалась удержать в центре своего внимания, предпринимая шаги по обеспечению материальной стороны этого мероприятия.

Однако, несмотря на изданные декреты и приказы, примеров того, что воинские части не платили за использование подвод, было очень много. Военком требовал реквизиций домов для своих нужд [204, л. 23]. Крестьяне просили вознаграждения у ревкомов, а у них не было средств на подобные расходы [205, л. 110]. Кроме того, они протестовали против неправильной развёрстки хлеба и скота [204, л. 55].

Недовольство крестьян вызывали действия отдельных продагентов. В Дивичинском участке был случай злоупотреблений и незаконных действий агентов, по которому производилось расследование. В Мюшкюрском участке, в селении Саят была открыта стрельба по мирным жителям с целью запугать их и принудить дать большое количество

сена. Отличившийся агент, вызвавший озлобление сельчан, был арестован, и по его делу шло следствие [204, л. 55]. Другой агент Ткаченко был арестован в Губе за оскорбление мусульман [47, л. 17].

Несмотря на распоряжения вышестоящих органов, продагенты продолжали действовать незаконно, беря бесплатно у крестьян подводы, верховых лошадей и вовремя не возвращая их обратно [205, л. 110].

Иногда красноармейцам не удавалось претворить в жизнь задуманное. Например, в сёла Мюшкюрского участка Губинского уезда являлись различные воинские части, стреляли и требовали бесплатно яйца, молоко, сыр и пр. В сел. Гара-Гурд в середине октября 1920 г. пришли два красноармейца, убили собаку, произвели несколько выстрелов, пытались угнать двух баранов, но крестьяне и мельник отняли их. В сел. Саяд агент Опродкомарма XI Ибрагимов вёл себя как жандарм, с двумя красноармейцами терроризировал население. Этот агент стрелял, вмешивался в гражданские дела, называл себя коммунистом, ругал крестьян «беспощадной бранью», наводил страх на весь участок. Завотделом по работе в деревне, видя такие бесчинства военных во время своего объезда участка, со станции «Хачмас» по прямому проводу сообщил о них в ЦК АКП(б). Кроме этого потребовал от Уполномоченного Опродкомарм XI Парахина арестовать Ибрагимова и его красноармейцев. Было проведено дознание с потерпевших. На созванном заседании комитета партии, где присутствовал Предуездревкома, начгарнизона г. Губа и другие ответственные военные, завотделом по работе в деревне был сделан особый доклад о бесчинствах разных красноармейцев и агентов. На этом заседании постановили принять самые энергичные меры к искоренению подобных явлений, Ибрагимова взяли под надзор, а его красноармейцев освободили [59, л. 91]. Вскоре агент уполномоченного Опродкомарма XI Абдулла Ибра-

гимов был снят с работы [81, л. 34].

В октябре 1920 г. ЦК АКП(б) возбудил ходатайство перед РВС XI Армии о привлечении к ответственности уполномоченного Опродкомарма XI Тупальского [77, л. 221]. В то же время летом 1920 г. за присвоение вещей во время обыска милиционеры-азербайджанцы – члены Особого отряда при Чрезкоме в Губинском уезде (среди них были коммунисты) были немедленно расстреляны [59, л. 37]. В Дивичинском ревкоме от сотен реквизированных ковров остались жалкие остатки – 10 штук. Всё остальное очутилось у «коммунистов». Чрезвычайный партийный суд приговорил членов ревкома к расстрелу [59, л. 51]. Таким образом, и некоторые местные ревкомы злоупотребляли своим служебным положением, присваивая народное добро.

Часто происходили столкновения на почве мелкого товарообмена. Например, в одном селе Губинского уезда все жители занимались выделыванием глиняной посуды и с давних лет привыкли менять горшки на зерно и другие продукты питания. Это сельское общество в октябре 1920 г. обратилось в Губинский ревком за содействием, т.к. продагенты запрещали им провозить зерно. Таких случаев было немало [205, л. 110].

В Губинском уезде наблюдалась схожая с другими уездами картина, когда военная и гражданская власти не могли поделить полномочий, что в конечном счёте сказывалось на положении населения, которое от этого только ухудшалось. Из доклада Помгубвоенкома Бакгубвоенкому от 23 августа 1920 г. видно, что «везде ведётся спор из-за власти, каждый считает себя старшим, затевая на этой почве личные счёты, что наносит сильный ущерб делу. Так, например, Губинский Начальник гарнизона приказывает Губинскому предревкому и Уездвоенкому представить перевозочные средства, угрожая им арестом за неисполнение требования» [90, л. 26].

На первом съезде секретарей комитетов АКП(б) (17-19 декабря 1920 г.) в выступлениях многих делегатов говорилось о бесчинствах агентов Опродкомарма XI. В частности, констатировалось, что некоторые бронепоезда на разъездах расстреливали буйволов, коров и забирали туши себе. Это очень сильно влияло на психологию крестьян. Отдел ЦК по работе в деревне не принимал никаких мер на сигналы из уездов. С другой стороны, с этими отделами военные попросту не считались. В Губинском уезде, например, Опродкомарм возглавляли беспартийные люди, которые называли себя «красными генералами» и не считались ни с кем, даже с комитетом партии [9а, л. 298].

Таким образом, в Шамахинском, Гейчайском и Губинском уездах бесчинств XI Армии было не меньше, чем в других уездах. И здесь военные не считались с местной властью.

§7. Лянкяранский и Джавадский уезды

Сложным было положение и в самом южном, Лянкяранском уезде Азербайджана.

В первые дни оккупации у жителей Пришиба были реквизированы для нужд армии 3 лошади [226, л. 200]. В Лянкяранском уезде у частных лиц реквизировались также фазтоны с лошадьми для нужд командиров [235, л. 2].

Заседание Лянкяранского уездного ревкома, состоявшееся 1 июня 1920 г., отклонило просьбу 6 человек об уплате им за реквизированные у них военными лошадей [233, л. 175]. Так, люди за помощью обращались к местным властям, которые не всегда были в состоянии удовлетворить их просьбу.

13 июля 1920 г. состоялось пленарное заседание Лянкяранского уездного комитета компартии и уездного ревко-

ма, на котором также присутствовали начальник I Кавалерийской дивизии Орлов и политический комиссар дивизии Рохи. Постановили по месту функционирования закупочной комиссии определить в её состав одного местного коммуниста на предмет связи с местным населением и указания количества лошадей [92, л. 16]. Так, военные начальники использовали местных большевиков в деле снабжения дивизий всем необходимым.

Ревком г. Лянкярана и его уезда 26 июля 1920 г. обсудил вопрос о военном положении. Считая, что сосредоточение крупной контрреволюционной силы в уезде является неопровержимым фактом и грозит серьёзным осложнением для дела организации Советской власти в уезде, ревком постановил не дожидаться открытия активных военных действий с их стороны, а принять все меры к очищению всей нагорной части уезда от засевших там банд (советская терминология), не останавливаясь ни перед какими средствами. Для успешной ликвидации контрреволюции в распоряжение Политотдела I-й Кавдивизии были посланы все агитаторы и организаторы из числа мусульман-коммунистов. Ревком постановил немедленно начать агитацию среди населения за вступление в ряды добровольцев I-й Кавдивизии. Кроме того, было разрешено беспрепятственное поступление милиционеров в ряды Красной Армии [7, л. 34]. Таким образом, потери Красной Армии в живой силе должны были восполняться местными жителями.

На этом же заседании Лянкяранский ревком заслушал вопрос о взаимоотношениях между военной и гражданской властью. Высшей властью в уезде являлся начальник I-й Кавдивизии, а в городе в оперативном отношении – начальник гарнизона. Высшей гражданской властью являлся Уезд-ревком [7, л. 34].

Сводки информационного подотдела управглавмилиции при НКВД насыщены сообщениями не только о происшеств-

виях, но и плачевном материальном положении милиционеров. Например, начальник Лянкяранской уездной милиции в августе 1920 г. сообщил о том, что несмотря на распоряжение наркомпрода об отпуске по военной раскладке фуража милиции отказано, милиционеры в количестве 400 человек продовольствия не получают, их лошади голодают [39, л. 2]. Таким образом, как и во многих других уездах, в Лянкяранском уезде даже властные структуры испытывали нужду в продовольствии.

Положение простого населения было намного хуже. В обнищавших сёлах Лянкяранского уезда у крестьянок не было одежды, чтобы выйти днём на улицу [3, л. 235], между тем, во всем уезде у граждан была собрана обувь, которая осенью 1920 г. была передана в XI Армию [32, л. 278], а 60 пар распределены между местными коммунистами [60, л. 59].

Животноводы терпели огромные убытки. Летом 1920 г. в этом уезде красноармейцы реквизировали скот, а владельцев – крестьян арестовали [369а, 260]. Солдаты XI Армии в декабре 1920 г. в Лянкяранском уезде реквизировали весь скот у девяти крестьян в количестве 3 голов крупного и 16 мелкорогатого скота, а поиски незаконных сборщиков не увенчались успехом. На жалобы населения армейское командование сообщило: «В данное время не представляется возможным установить личность сборщиков и где именно оно произошло» [369а, 258].

Население Лянкяранского уезда осаждало уездный ревком жалобами на происходившие беспорядки, чинимые со стороны красноармейцев. Например, в селении Сефидар воинские части разрушали жилые помещения, увозили снопы чалтыка, рис, забирали всё, что попадалось на глаза: утварь, продукты, части построек и т.п. Красноармейцами оскорблялись члены комитетов бедноты при защите последними интересов населения. Им даже угрожали убийством, о чём

ревком сообщал начальнику 28 дивизии [229, л. 5].

Более того, за неисполнение нарядов на подводы Особый отдел XI Армии пугал арестом весь состав Билясуварского учревкома! [231, л. 88].

В Лянкяране военные забрали для своей канцелярии мебель из коммунального отдела. А заведующего Кизил-Агачской пристанью военные хотели арестовать за то, что он отказался сдать им пароходы, необходимые для перевозки хлеба. За это на него составили протокол, и дело передали в Особый отдел. При таких условиях невозможно было работать не только местным учреждениям, но и ревкомам, многие из которых отказывались работать. [60, л. 46].

Рядовые жители этого уезда терпели огромные убытки. В 1920 г. во время восстания в Лянкяранском уезде и преследования красноармейцами восставших, всё крестьянское имущество подверглось уничтожению: дом, конюшня, домашнее имущество и пр. В результате многие крестьяне остались на улице без средств к существованию [165, л. 229].

Житель одного селения Лянкяранского уезда жаловался в ревком на офицеров Красной Армии, которые заняли осенью 1920 г. его дом под постой и буквально за полтора месяца расхитили всё его имущество; зарезали 4 головы крупного рогатого скота, поломали полы, двери и сожгли их. [228, л. 263]. Другие жители жаловались на угон красноармейцами лошадей [237, л. 65].

Произвол доходил до убийства простых жителей уезда. Жители с. Кергаланы Лянкяранского уезда, например, жаловались в РКИ на красноармейцев, которые 10 ноября 1920 г. убили одного из сельчан выстрелом в спину. Сельчане просили власти принять меры к ограждению мирных жителей от подобного произвола [230, л. 209].

В Астаринском участке произошёл инцидент, нашедший отражение в протоколе беспартийного съезда крестьян Лянкяранского уезда: «Красноармейцы сожгли у нас часть де-

ревянной мечети, мы через председателя ревкома сообщили начальнику гарнизона и, в конце концов, за это нас наказали» [32, л. 299]. ЦК АКП(б) в декабре 1920 г. предложил Поарму XI принять срочные меры для расследования данного вопроса [32, л. 298]. Таким образом, за предъявление законных претензий к военным наказывали местное население.

После оккупации у крестьян появились новые обязанности. Красноармейцы правительством обеспечивались землями. За подписью Чрезвычайного комиссара по Лянкяранскому уезду Черкезова и Председателя уездного ревкома Кулиева был издан приказ всем участковым и сельским ревкомам Лянкяранского уезда. Сельским обществам предписывалось при пахоте в первую очередь обрабатывать земли всех красноармейцев, как имеющих сельскохозяйственный инвентарь, так и не имеющих его. Земли красноармейцев, не имеющих сельскохозяйственного инвентаря, должны были обрабатываться инвентарём крупного крестьянского хозяйства. Для этого ревкомам вменялось в обязанность отчуждать во временное пользование его для обработки полей красноармейцев. Также участковым и сельским ревкомам вменялось в обязанность приступить немедленно к доставке дров в достаточном количестве на зиму семьям красноармейцев. Предупреждалось, что неисполнение этого приказа повлечёт предание суду Ревтрибунала членов участковых и сельских ревкомов [227, л. 91]. Таким образом, у крестьян появилась ещё одна обязанность: обрабатывать не только свои земли, но и земли красноармейцев и обеспечивать их дровами.

Председатели ревкомов предупреждали командиров о беззакониях, чинимых солдатами. Например, в июле 1920 г. начальник гарнизона был осведомлён о том, что в Лянкяране военными самочинно реквизировались мебель и другие предметы, при этом они самовольно занимали помещения.

В документе было гневное осуждение: «Ответственность за творимые воинскими чинами безобразия лежит на Вас, как на начальнике гарнизона!» [235, л. 13].

Однако безобразия продолжались. 27 сентября 1920 г. войсками на теплоход «Экватор» была погружена мебель, однако она была задержана и при содействии милиции отправлена в жилотдел агентами Лянкяранского отделения Морской районной транспортной чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и должностными преступлениями [235, л. 48].

Начальник I-й Кавалерийской дивизии 2 ноября 1920 г. сообщил председателю Лянкяранского уездного ревкома о том, что, так как жители в районе военных действий покинули свои сёла и ушли в горы вместе с разбойниками (так в документе – А.Н.), то весь фураж, продовольствие и дрова считаются военными трофеями и поэтому принадлежат дивизии. Начальник дивизии сделал распоряжение вывезти всё добро крестьян, примкнувших к повстанцам [235, л. 61]. Так, появилась ещё одна выгодная статья для обирания сельчан.

От имени коменданта г. Лянкярана военные лица, врываясь в квартиры, требовали немедленного их освобождения. Всё это происходило без разрешения партийного комитета, по мнению которого подобные факты дискредитировали советскую власть [235, л. 79].

В Лянкяране в январе 1921 г. агентами незаконно реквизировались у граждан даже ковры [229, л. 9; 235, л. 14].

В феврале 1921 г. законом были отменены реквизиции и обыски. Однако жалобы в Азревком и местные органы продолжали поступать. Весной 1921 г. жители Пришиба жаловались, что для нужд красноармейцев у них угнали баранов [166, л. 33]. Кроме того, жители Азербайджана жаловались на то, что продолжались принудительные закупки. Поэтому в марте 1921 г. Н.Нариманов приказал прекратить всякие

принудительные закупки, а виновных привлечь к ответственности [162, л. 19]. Однако, бесчинства продолжались. Например, жители Аркеванского участка в мае 1921 г. жаловались на то, что у них угнали скот и лошадей, которые ими были найдены в табуне управляющего 28 дивизией, и просили вернуть хозяевам их законное имущество [160, л. 111].

Летом 1921 г. красноармейцы вели себя так же нагло, как и в 1920 г. В июне 1921 г. крестьяне села Сиябур Лянкяранского уезда жаловались председателю уездного исполкома, а тот, в свою очередь, начальнику 28 дивизии на красноармейцев, которые самовольно изымали овощи из огородов. Следует отметить, что крестьяне до оккупации отправляли излишки для товарообмена в Баку. Крестьяне жаловались теперь на то, что комендант г. Лянкярана запретил товарообмен, что очень бедственно отражалось на положении крестьян, овощи портились. Председатель исполкома просил принять меры [232, л. 78]. Кроме того, в июне 1921 г. в Лянкяранском уезде военные вывозили из леса дрова без ведома лесничества [232, л. 80].

Некоторые военные, совершившие бесчинства, понесли наказание. Во время перехода боевым порядком через Мильский и Билясуварский участки в период с 20 по 25 января 1921 г. начальник отряда Куринской военной флотилии Доловосеров произвёл массовые бесчинства и издевательства над мирными жителями. Насильственным образом он отбирал у населения скот, лошадей, седла, масло, кур, хлеб и т. п., расплачиваясь только «плетью и побоями». Некоторых непослушных привязывал к лошадям и тащил за собой. В телеграмме Азревкому, НКВД и ЦК АКП(б) председатель уездного ревкома просил распоряжения о прекращении подобных явлений со стороны отряда курвоенфлотилии и его начальника. В результате начальник отряда Куринской военной флотилии Доловосеров был арестован и отправлен в

Баку в Особый отдел [165, л. 77, 79].

В другой тревожной телеграмме сообщали, что четверо вооружённых бомбами и винтовками русских красноармейцев из находившихся в Билясуварском участке воинских частей в ночь с 23 на 24 июня 1921 г. появились в сёлах Агакенд и Агаликенд, ворвались в дома, в т. ч. и председателя сельского исполкома, и произвели грабёж. Препятствовавшим их злодеянию они угрожали расстрелом. Но крестьяне, несмотря на угрозы, подняли тревогу, на которую прибежали сельчане из ближних сёл. Злоумышленники убежали, оставив на месте одну бомбу [165, л. 209]. Таким образом, и летом 1921 г. оставшиеся в республике части красноармейцев совершали преступления против её населения.

В Джавадском уезде положение было не лучше.

На съезде коммунистов Джавадского уезда, состоявшемся в г. Сальян 25 июня 1920 г., также обсуждались насилия и бесчинства XI Армии, рассматривались и жалобы на действия красноармейцев, поступившие от населения Аджикабула. В выступлении жителя Кербалаи Ибрагима ключевой фразой были слова: «население готово давать армии, но только чтобы грубо не брали». Председатель съезда Бахрамов огласил требование агента XI Армии, бывшего в Билясуварском участке, о немедленном представлении трёх лошадей с угрозой ареста. Кириенко дополнил эту мысль, сказав, что «таких требований иногда в день бывает 10-15 и все угрожают судом». Алхутов в своей речи коснулся политических аспектов, сказав, что «мало ушли от старого строя, добиваемся свободы слова, а говорить боимся». Несмотря на выступления, в которых отражалась правда о бесчинствах Красной Армии, представитель Особой продовольственной комиссии по снабжению 28-ой дивизии Ларношкин в своём выступлении пристыдил местных коммунистов, сказав, что Красная Армия освободила Азербайджан, «а вы кричите долой красную армию, потому, что нужно потрясти

карманы». Другой представитель Красной Армии Сурженко сказал, что сам видел мародёрство и преследовал мародёров, но мусульманам нужно организовать при ревкомах продовольственный орган, а не подрывать советскую власть. Факты бесчинств подтвердились присутствовавшим на съезде Начальником гарнизона Аджикабульского участка. Участнику съезда Кагарлицкому было предложено составить резолюцию о бесчинствах, учинённых продагентами и красноармейцами. Постановили резолюцию принять. Съезд предложил президиуму копию постановления отправить в Баку с просьбой к Центральной власти принять меры для пресечения в корне подобных явлений [62, л. 87-91].

Вследствие постигших летом 1920 года крестьян сел. Калагайны Джавадского уезда бедствий, они не имели возможности убрать свой хлеб, поэтому по распоряжению Азревкома им была разрешена определённая ссуда. Однако, согласно распоряжения Опродкомарма XI Армии, крестьянам было предъявлено требование приготовить и сдать в двухдневный срок пшеницу, ячмень, солому, скот, кур, яиц и проч. Азревком обратил внимание Реввоенсовета на незаконность предъявления этих требований. Сделав распоряжение о составлении акта и привлечении к ответственности лиц, виновных в предъявлении незаконных требований, Азревком просил Реввоенсовет XI Армии со своей стороны принять самые срочные меры к ликвидации подобных бесчинств и привлечении виновных к ответственности [165, л. 52]. Таким образом, местная республиканская власть в лице Азревкома и его председателя Н.Нариманова отстаивала интересы крестьян, находившихся в бедственном положении и нуждавшихся в помощи и поддержке.

Мобилизация подвод допускалась только на территории своего участка, причём подводы могли быть в отлучке не более двух суток. Однако это правило не соблюдалось [223, л. 66].

Из протокола заседания представителей от Уездной комиссии по проведению недели крестьянина и предвыборной кампании от 11 ноября 1920 г. становится ясно, что в своём докладе Петропавловский участковый председатель Керимбюлюм заявил, что возложенная на него работа невыполнима ввиду отсутствия гражданской власти, партийной работы и партработников. Анархия, производимая находившимися воинскими частями в участке Петропавловка и Карадонлы, в корне подрывали работу, в особенности авторитет Советской власти, так как военные не считались ни с чем, ни с гражданской властью, ни с работой комиссии на местах [74, л. 1].

Как и повсюду в республике, не могла нормально функционировать и милиция. Ввиду отсутствия обмундирования большинство милиционеров не могли даже выходить на посты. Сальянская милиция разбежалась из-за неполучения продовольствия [39, л. 5].

В феврале 1921 г. в различные хозяйственные органы, а также в Азревком была отправлена телеграмма из Сальян. Председатель земельного комитета телеграфировал о том, что 37-ая закупочная комиссия в Сальянском уезде производила закупку и мобилизовала лошадей, совершенно не считаясь с местными уездными властями. У крестьян забирались последние лошади, из уезда поступала масса жалоб, но с ними не считался Сальянский уездкомрат. При таком положении дела от весенних посевов придётся совершенно отказаться, говорилось в телеграмме. В Азревкоме на телеграмме вынесли резолюцию: «Кто не считается с местными властями немедленно арестуйте и с материалом пришлите в Центр, иначе ответственность падает на Вас. А. Ширвани» [165, л. 69].

Таким образом, из-за отсутствия рабочего скота крестьяне весной 1921 г. не могли ни пахать, ни сеять. Председатель Сальянского уездного земельного комитета категори-

чески предупредил, что задания на весенний посев хлопка и других злаков вследствие принудительной закупки лошадей не будут крестьянами выполнены [162, л. 136].

Республиканская власть, как могла, боролась с бесчинствами и беспределом, направленным против азербайджанского народа. Председатель Сальянского уездного ревкома Мамедов телеграфировал в ЦК АКП, Азревком и Особый отдел Панкратову о том, что Особый отдел Каспийского побережья вмешивался в функции местных властей и без ведома последних производил обыски у населения, а также угрожал Хиллинскому комитету бедноты расстрелом [165, л. 111]. Телеграмма свидетельствует о том, что Особый отдел возомнил себя высшей властью в Республике и считал своим долгом устанавливать свои порядки, не гнушаясь угрозами.

Отдел по работе в деревне (завотделом Ахундов) докладывал ЦК АКП о том, что одним из главных препятствий для партийной работы в деревне являлись неправильные действия, а часто бесчинства представителей продагентов армии, которые вели себя как личности совершенно неприкосновенные и не считающиеся ни с местными властями, ни с партийными организациями. Отдел в докладе отметил, что партийные организации не в силах вести борьбу с этим злом не только в общем масштабе, но даже в отдельных случаях. В докладе также было подчеркнуто, что, к сожалению, ЦК не вовремя, а то и вовсе не реагирует на эти факты, поэтому отдел просил принять меры [71, л. 62].

Таким образом, в большинстве уездов Азербайджана наблюдалась одинаковая картина: произвол красноармейцев, выражающийся в бесцеремонном обращении с местными жителями, незаконной конфискации их имущества, а иногда и физическая расправа с ними, игнорирование постановлений как национальных, так и центральных партийно-советских органов.

§8. Комиссии разбирают жалобы

Согласно декрету ВЦИК от 9 апреля 1919 г. о государственном контроле при Рабоче-крестьянской инспекции было организовано Бюро жалоб и заявлений [358]. Достаточно отметить, что только с 9 по 30 июня 1920 г. Бюро приняло 234 жалобы на неправильные действия должностных лиц и учреждений, в том числе и военных [359]. В рабоче-крестьянскую инспекцию поступали жалобы населения по поводу даже убийств некоторых жителей со стороны красноармейцев [230, л. 209].

Согласно приказу по XI Армии (№186) для удовлетворения претензий граждан АССР, возникших к войскам XI Армии, в мае 1920 г. была сформирована ликвидационная комиссия XI Армии. В июне было предписано широко опубликовать во всех органах АССР сведения о функционировании комиссии. Комиссия работала целый год, однако о существовании её было мало кому известно. Правда, первое время появилось объявление в газ. «Коммунист» о том, что ликвидационная комиссия XI Армии рассматривает претензии владельцев груза реквизированных на ст. Баку – товарная для нужд XI Армии. Но это объявление относилось только к владельцам груза, а не ко всем гражданам республики, которые пострадали от реквизиции живого и мёртвого инвентаря, фуража, продовольствия, а также предметов первой необходимости [164, л. 247].

Тем не менее, в ликвидационную комиссию поступало много заявлений местных жителей, пострадавших от грабежей, бандитизма и распущенности частей XI Армии [192, л. 4]. Однако комиссия под председательством Чурилова редко удовлетворяла требования граждан, так как заводила канцелярскую волокиту и сдавала дела в архив. Иногда потерпевшим гражданам даже не сообщали об отказе в пре-

тензии. При дивизиях были сформированы ликвидационные подкомиссии, но в октябре 1920 г. они были расформированы, хотя и в период их работы не очень-то собирали претензии граждан. Ревкомы, узнав о существовании комиссии, начали присылать претензии, но и они после декабря прекратили это дело, так как на претензиях, возвращённых комиссией обратно ревкомам, было приписано, что комиссия будет функционировать до 15 декабря 1920 года. Примером может служить Дивичинский ревком, которому после 15 декабря председателем Комиссии не было объявлено в прессе о продолжении существования комиссии, вследствие чего дело замерло, если не считать красноармейских претензий. В феврале, марте и апреле комиссия бездействовала. Не раз комиссия поднимала перед председателем вопрос, предлагая напечатать объявления на русском и азербайджанском языках и послать их в уездные ревкомы для оповещения населения, но председатель уверял комиссию, что штаб Армии не разрешает это сделать. Также предлагалось, чтобы Комиссия периодически выезжала в районы расположения Армии, но председатель на это отвечал, что крестьяне сами не жалуются, а нам «нечего лезть не в своё дело» [164, л. 247].

Представитель от Народного Комиссариата по военным и морским делам АССР назвал председателя комиссии «врагом народа и чиновником царского времени», после чего благодаря стараниям Военкома Комиссии и предписанию Караева в газете «Коммунист» (в апреле 1921 г.) было объявлено о функционировании комиссии. Возобновилось поступление претензий, которые стали поступать даже из Лянкярана. Во время поездки в сел. Верхний Кархун для выяснения убытков, понесённых гражданами от частей XI Армии, жалобы которых поступили на имя Председателя Азревкома и попали в Ликвидкомиссию через Реввоенсовет XI Армии, комиссия выяснила, что пострадало не только

село Верхний Кархун, но и многие граждане других сёл. Участковый Предревкома Халданского участка заявил, что у него имеется много документов и просил председателя приехать к ним и расследовать дело, но председатель не обратил на это никакого внимания. Аналогичные заявления поступали также от других лиц Гянджинской губернии [164, л. 248]. Некоторые граждане подавали жалобу в различные учреждения, хотя обязанность Ликвидкомиссии состояла в том, чтобы прийти на помощь населению и показать, что Советская власть не забывает их, и если и производит реквизицию, то платит за это. Необходимо было оказать не только материальную, но и моральную помощь: ведь крестьянина интересовала не столько уплата денег за реквизируемые предметы, сколько внимательное отношение от представителей рабоче-крестьянской Красной Армии [164, л. 248].

Следует отметить, что уже в 1920 г. военные чиновники так зазнались, что не считались не только с местным населением, но и со своими сотрудниками. Например, фэзтон, который находился в комиссии для разъездов по служебным делам, обслуживал председателя Чурилова для перевозки домашних вещей, он отказывал членам комиссии во время непогоды для поездки по служебным делам [164, л. 248].

В феврале 1921 г. представитель от Бакисполкома член Ликвидкомиссии Джафаров выехал вместе с конфликтной комиссией в Шушинский уезд, где производили уплату за реквизируемые предметы первой необходимости для нужд Армии. Все дела и претензии относились только рассмотрению и удовлетворению Ликвидкомиссии. По приезде из Шушинского уезда он заявил обо всем председателю комиссии и сообщил, что во многих уездах имеется масса претензий и что необходимо расследовать и удовлетворить потерпевших, но Чурилов оставил это без внимания. Джа-

фаров был уверен, что если бы ликвидкомиссия удовлетворила претензии граждан своевременно, «то хулиганы и противники Советской власти не смогли бы играть на массу, и ропот среди них уменьшился бы во много раз». Поэтому 15 мая 1921 г. он просил Н.Нариманова снестись с Реввоенсоветом XI Армии и ходатайствовать о смещении Чурилова от занимаемой должности и о назначении другого, более способного и годного к работе, могущего принести пользу Советской власти [164, л. 248].

Согласно постановления Армейской Ликвидационной комиссии в село Верхний Кархун Арешского уезда около ст. Евлах в апреле 1921 г. была отправлена комиссия, целью и задачей которой были – расследовать на месте жалобу сельчан, поданную Н.Нариманову и препровождённую Азревкомом в Реввоенсовет XI Армии для расследования и выяснения количества убытков, нанесённых гражданам от частей XI Армии. Во время Гянджинского восстания ст. Евлах и сел. Верхний Кархун были передовой базой войск, откуда посылались и перебрасывались части для подавления восстания. Транспорт был расстроен, местные власти не успевали исполнять боевые приказы, и сами части, не считаясь ни с кем, забирали у граждан всё необходимое: продукты, фураж, продовольствие, перевозочные средства и живой скот, как для транспорта, так и на убой. Бывали случаи, когда арбы не возвращались целыми месяцами, а также терялись. Иногда арбы ломались на дороге, а скот от изнурения погибал.

В мае 1920 г. на р. Куре случилось наводнение, принесшее много неприятностей населению. Кроме этого, к этим бедам прибавились провокационные действия армянина Нерсеса (он был в дальнейшем расстрелян), который намеренно распускал слухи о том, что красноармейцы убивают мирное население. К этому надо прибавить и бесчинства,

творимые Армянским отрядом, расквартированным в сел. Верхний Кархун для охраны моста. Члены этого отряда, воспользовавшись удобным моментом, расстреляли и зарубили нескольких азербайджанцев из числа мирного населения. Сельчане из-за этих зверств были вынуждены в панике покинуть село и убежать. Армейское командование вынуждено было снять с моста Армянский отряд. Охрану моста поручили русским частям, и бежавшие сельчане вернулись обратно в селение. За время отсутствия сельчан разными частями XI Армии были забраны бараны (77 голов), матрасы, подушки и одеяла (487 комплектов), ковры (468 штук), медная посуда (202 шт.), пшеница и ячмень (6034 пуда), мука (1066 п.), рис и чалтык (190 п.), весы (6 штук), швейные машины (2 шт.), самовары (124 шт.), лампы (109 шт.), зеркала (33 шт.), стулья (16 пар), куры (4113 шт.), мужские и женские костюмы (171 комплект). В 1920-1922 гг. были забраны войсковыми частями и не возвращены лошади (41 гол.), быки и коровы (373 гол.), буйволы (206 гол.), телята (61 гол.), сёдла (35 шт.), сено (6725 пуд.), дрова (14503 пуд.), арбы (48 шт.), доски (1414 шт.), табак, шерсть. Всего на сумму 346 943 350 руб. [164, л. 249, 250]. Кроме того, имело место расхищение из мечети ковров, циновок и ламп на сумму 2647000 руб. Мечеть была ограблена кавалерийской частью 32 дивизии во время устройства ими в мечети спектакля в июне 1920 г. [164, л. 251]. Комиссия произвела осмотр и опрос на месте согласно поданным жалобам о разрушении 18-ти домов и повреждении 30-ти домов, а также уничтожения пчёл и расхищении масла весом 12 пуд. Армейская комиссия подтвердила, что дома разрушались и по-

вреждались частями войск и употреблялись на топливо. В 1920 г. у сельчан красноармейцы забрали 70 ульев с пчёлами, их сбросили в воду, в результате чего пчёлы погибли, а мёд съели. Пчеловодству был нанесён большой ущерб [164, л. 253].

Таким образом, на примере одного села видно, что население Азербайджана понесло огромнейший и невосполнимый убыток от фактического грабежа, учинённого «армией-освободительницей».

В свою очередь, Реввоенсовет XI Армии обвинял ревкомы в неправильных действиях, так как местные власти недостаточно, якобы, уясняли себе роль и задачи Красной Армии, в результате чего не с должным вниманием относились к её потребностям и удовлетворяли её насущные требования не с той готовностью, охотой и в той полной мере, как это должно было быть. Учитывая, что участились случаи жалоб местных ревкомов и других представителей АССР на поведение, как отдельных красноармейцев, так и целых частей, Азревком и Реввоенсовет для разборов всех конфликтов, возникающих на местах между воинскими частями с одной стороны, местными властями и населением с другой, создал особую конфликтную комиссию, в которую вошли представители от Ревкома, Реввоенсовета, Верховного ревтрибунала АССР и Реввоентрибунала XI Армии. Комиссия приступила к работе с 15 сентября 1920 г. [224, л. 62; 222, л. 104].

§9. Докладные записки Н.Соловьёва и Б.Шахтахтинского. Бесчинства по отношению к азербайджанскому населению Грузии в рапортах Омара Фаиға Неманзаде

Социально-экономическое и политическое положение в Азербайджане исследуемого периода нашло отражение во многих документах того времени, среди которых особо выделяется докладная записка Н.Соловьёва «Наша политика в Азербайджане за два месяца (май-июнь) после переворота». Автор этой записки в 1919 году работал председателем Главного нефтяного комитета, а в 1920 году возглавил Совнархоз Азербайджанской ССР. Записка в 1920 году была направлена Ленину. Небезынтересно отметить, что Сталин, ознакомившись с докладом Н.Соловьёва и возвращая его Ленину, писал, что характеристика «в общем (по-моему) правильна» [328].

В своей докладной записке Н.Соловьёв писал, что «ЦК Аз. КП» (в большинстве своём состоящий из немусульман) совершенно правильно полагал, что происшедший в Азербайджане переворот ещё не революция, но его основной ошибкой было то, что он полагал возможным «сделать революцию» или «уничтожить контрреволюцию», опираясь только на армию... Ничего не сделав для того, чтобы вызвать крестьянское революционное движение, ЦК решил обезглавить контрреволюцию при посредстве ЧК. Начались массовые аресты и расстрелы в качестве предохранительной против контрреволюции меры, авансом. В результате не «революция была развязана», а наоборот, усилилось контрреволюционное националистическое настроение. Интеллигенция и буржуазия арестовывалась и расстреливалась почти исключительно мусульманская, другой ... взять было негде... Проводимые по улицам толпы мусульман вызывали

явное злорадность армян ... начинает оправдываться предсказание ... мусаватистов, предупреждавших, что торжество Советской власти значит торжество врагов мусульманства, общенациональное бедствие», – писал Соловьёв [328].

Один мусульманин – пароходовладелец отнёсся совершенно спокойно к потере своих судов при национализации флота («Для государства ... для общей пользы»), но когда у него в доме реквизировали умывальник, он заплакал ... [328.].

«Председатель Ревкома Н. Нариманов, – писал Соловьёв, – ежедневно осаждался толпами плачущих мусульманских женщин, но его попытка изменить взятый ЦК курс привела к тому, что его стали третировать как националиста и слишком правого революционера» [328].

По словам Соловьёва, у азербайджанцев была определённая надежда на Москву. Но мирные договоры с Грузией и Арменией, передавшие этим республикам часть азербайджанской территории с мусульманским населением, колебали, если не совсем убили эту надежду: по заключению мусульманской массы, Москва не только завладела Азербайджаном, но за его счёт наделяет Грузию и Армению. Казалось издевательством, что в составе делегаций со стороны Азербайджана при переговорах с Грузией принимают участие грузины, с Арменией – армяне. Мусульмане недоумевают: почему же со стороны Грузии были только грузины, со стороны Армении только армяне, без участия мусульман? [328].

Летом 1920 года полномочный представитель Азербайджанского советского правительства Б. Шахтахтинский, прибыв в Москву, привёз обширный и объективный материал о положении дел в Азербайджане. В докладной записке от 4 августа 1920 года, направленной в Политбюро ЦК РКП (б), Наркоминделу РСФСР Г. Чичерин на основе этого материала писал: «Местные командиры наших красноар-

мейских частей совершенно не считаются с азербайджанским правительством, действуют самовольно и произвольно, и под их покровительством ведётся чисто колонизаторская политика. Предлагаю политбюро выделить специальную комиссию для изучения этого вопроса и принятия немедленно... мер с целью обуздания колонизаторов...». Не удовлетворившись предоставлением информации Чичерину, Б.Шахтахинский 20 сентября 1920 г. обратился с докладной запиской на имя председателя СНК РСФСР Ленина: «Красная Армия всеми средствами добивается обезоруживания мусульманского населения даже в пограничных с Арменией областях. Между тем нетрудно видеть, что в продолжающихся злодеяниях дашнаков физическому существованию мусульманского населения грозит безусловная опасность. Мусульманское население обезоруживается, а вооружённые отряды дашнаков беспощадно вырезают и уничтожают мусульманские деревни. Крестьяне бегут в горы, бросая сады, посевы и пожитки...

«Мусульманское население доведено до отчаяния бесконечными реквизициями, конфискациями и особенно уплотнением квартир, что совершенно противоречит бытовому укладу народа и шариату и рассматривается как ...оскорбление религии и вековых обычаев... Дело доходит до открытого изнасилования девушек и женщин... Азербайджанское крестьянство просит и умоляет об одном: берите всё, что есть, сразу, в один приём и избавьте от ежедневных неорганизованных и оскверняющих семейный очаг врываний в дома... Положение крестьян необычайно тяжёлое. Они не могут получить даже керосину, так как все арбы, на которых они везут керосин к себе в деревни, реквизируются в дороге Красной Армией... Азербайджан, живший своим хлебом, теперь сидит без хлеба ... Еще более удручающее впечатление произвело на мусульман то обстоятельство, что Россия обсуждала с Арменией вопросы, ка-

сающиеся исключительно Азербайджана, но Азербайджанское правительство об этих переговорах ничего не знало». Далее в документе давались рекомендации для устранения вышеуказанных недостатков [396].

27 ноября 1920 г. Политбюро ЦК РКП(б), учитывая результаты командировки Сталина на Кавказ (Сталин проинформировал политбюро о тяжком бремени для населения дальнейшего пребывания частей XI Армии на территории Азербайджана), решило смягчить продовольственную политику в Азербайджане. Однако одновременно было решено как можно быстрее перебросить в Азербайджан еще не менее семи дивизий. В записке на имя Ленина Сталин настаивал на пяти или шести новых дивизиях.

В январе 1921 г. Орджоникидзе в телеграмме на имя Ленина, Троцкого и Сталина информировал: «Скопление больших войсковых частей в Азербайджане совершенно разрушает крестьянское хозяйство и вызывает эксцессы» [396].

Если учесть ещё и то, что крестьяне Азербайджана несли на своих плечах тяжелейшее бремя - прокормить огромную армию, которая употребляла продуктов питания больше, чем всё население республики, то масштабы бедствия станут ясны.

В феврале 1921 г. некоторые части XI Красной Армии были передислоцированы из Азербайджана в Грузию. Однако, через короткое время планировалось вернуть армию в нашу республику. Узнав об этом, Н.Нариманов, Д.Буниатзаде и А.Серебровский отправили срочную телеграмму Ленину, в которой указывали, что азербайджанские крестьяне и рабочие в течение 10 месяцев несли на себе все тяжести расквартирования XI Армии, их положение было отчаянное, они плохо питались, плохо были одеты и обуты, так как продовольствие и одежда отдавались весьма многочисленной для маленького Азербайджана армии. Указыва-

лось на трудное положение в нефтяной промышленности из-за ухудшения положения рабочих, что отражалось на добыче нефти и вывозе её из республики. Видимо, последний аргумент стал для руководства России наиболее убедительным [396], и XI Красная Армия в Азербайджан не вернулась, хотя некоторые части продолжали оставаться в Азербайджане, совершая бесчинства и преступления.

Начался мучительный этап советизации Грузии. В связи с этим был создан Грузинский ревком, в состав которого вошёл единственный мусульманин, известный азербайджанский писатель Омар Фаик Неманзаде. Известны его доклады и письма председателю Ревкома Махарадзе, из которых ясно, что в Ахалцихском и Ахалкалакском уездах было создано Политическое Бюро, деятельность которого вызывала недовольство крестьян. Подавляющее большинство сотрудников этого Политбюро от милиции до более ответственных лиц составляли армяне. Омар Фаик сообщал председателю о том, что крестьяне задавали ему правомерный вопрос: «Позвольте узнать, у нас в Ахалцихском уезде в настоящее время большевистское правительство или правительство армянское?» Сенокосные участки крестьян на яйлагах целиком эксплуатировались для нужд Красной Армии, что крайне тяжело отражалось на хозяйстве крестьян, так как эти участки являлись единственными кормильцами их скота [287, 503].

Ахалцихским Политическим Бюро были арестованы и переданы в распоряжение Грузинского ЧК трое жителей этого уезда. Они без оснований обвинялись в контрреволюции. Омар Фаик поручился за их благонадёжность и просил Махарадзе предпринять шаги для освобождения Рустама Сулейман оглы, Наджиба Ломан оглы и Джафара Али оглы из под ареста [287, 504, 505]. Так О.Фаик защищал мусульман от бесчинств советской грузинской власти.

Омар Фаик обследовал пограничные мусульманские сёла

и докладывал летом 1921 года Махарадзе, что поведение прибывших в Ахалцихский и Ахалкалакский уезды войсковых частей с точки зрения охраны интересов крестьян и укрепления престижа новой власти нельзя признать стоящим на высоте положения. В пограничных и близких к границе мусульманских сёлах красноармейцы вели себя во многих отношениях крайне нетактично. По этому поводу Омар Фаик обратился с письмом протеста к командиру 96 бригады [287, 501, 502].

Красноармейцы, получавшие правительственный хлебный паёк, все остальные съестные продукты в огромном количестве брали у местных крестьян. Выдача крестьянами продуктов в большинстве случаев носила характер обязательной повинности, причём, красноармейцы ничего крестьянам не платили. Неоднократно были случаи, когда командиры и рядовые солдаты швыряли подаваемые им бесплатно кушанья, не понравившиеся им, и требовали подачи новых блюд, лучше изготовленных. Помимо своего хлебного пайка красноармейцы в немалом количестве получали хлеб и от крестьян даром [287, 505].

Во многих сёлах квартировавшие там красноармейцы всех родов службы пускали своих лошадей пастись на покосные участки, в сады и на хлебные нивы, которые изо дня в день безжалостно уничтожались. Такое поведение красноармейцев было возмутительно особенно в отношении хлебных посевов, так как разорённые и разграбленные во время событий последних лет крестьяне, вследствие недостатка в рабочем скоте и посевном материале, сумели вспахать и засеять крайне незначительную площадь находившихся в их распоряжении земель. На факты уничтожения лошадьми красноармейцев садов и хлебных посевов крестьяне жаловались в селениях Марель, Хыртвис, Аспинза, Дарза Уравел и др. В с. Аспинза Омар Фаик сам был очевидцем того факта, как лошади красноармейцев паслись на ниве крестьяни-

на. Он выяснил, что эти лошади принадлежали красноармейцам Мартирасу Чобаяну и Шалико Канделаки. На замечание члена Грузинского ревкома Омара Фаика о том, что они поступают незаконно и подобным поведением вызывают справедливое недовольство крестьян, красноармеец Чобаян (красноармеец контрразведки 286-го стрелкового полка) отвечал только грубостями и при Омаре Фаике и его сотрудниках обругал непристойными словами находившихся рядом крестьян. Другой красноармеец Канделаки отказался показать своё удостоверение, заявив, что такого у него нет [287, 505, 506].

Кроме того, во всех сёлах, где были размещены красноармейцы, они отказывались жить в отдельных, специально для них отведённых помещениях, и поселялись в семьях мусульман, среди женщин и детей, совершенно не считаясь с тем, что это было крайне стеснительно для мусульман и являлось оскорблением их обычаев и традиций. Стремление жить и ночевать непременно в семейной обстановке мусульман наблюдалось среди красноармейцев и даже курсантов, перемещавшихся из одного пункта в другой или временно командированных в сёла по делам службы [287, 506].

Ещё на одно нежелательное явление указал Омар Фаик Неманзаде: среди красноармейцев, расположенных в районе расселения мусульман, нередко попадались армяне, небеспристрастно относившиеся к азербайджанцам и косвенно или непосредственно мешавшие спокойному течению жизни и окончательному устранению проявлений национальной розни. Красноармейцы-армяне творили среди мусульман бесчинства и насилия и грабя и избивая тех несчастных жителей, которые забрав свой скот, убежали в Турцию, но по совету Омара Фаика возвратились к родным очагам. Такое поведение армян создавало серьёзные препятствия для водворения беженцев-мусульман на месте, и, внося смуту в жизнь уезда, тормозило возвращение на родину интелли-

генции из крестьянской среды, деятельность которой так необходима была в уезде при дефиците образованной прослойки. Население многих мусульманских сёл намеревалось, если так будет продолжаться, навсегда переселиться из Ахалкалакского уезда в Турцию [287, 509].

Омар Фаик просил командира 96-ой бригады употребить все имевшиеся в его распоряжении средства для искоренения описанных безобразий. Единственным средством устранения последнего явления Омар Фаик считал немедленное удаление армян из среды красноармейцев, расквартированных в мусульманских сёлах, и обязать администрацию и войска содействовать возвращению беженцев на места [287, 506, 507, 509].

Произвол агентов продовольственных комитетов продолжался и в Борчалинском уезде, и здесь применялись недопустимые способы отбирания у крестьян скота. Например, в Воронцовском районе старший агент по заготовке Липинский явился на яйлаги в сопровождении целого эскадрона красноармейцев с пулемётами и без ведома ревкома и самих кочевников отобрал у пастухов около 200 овец [287, 516].

В Борчалинском уезде красноармейцы вели себя как во вражеской стране. Красноармейцы проявляли явно злобное отношение к крестьянам и не только не думали это скрывать, а наоборот, говорили об этом открыто и нередко подтверждали слова своим поведением. Например, в с. Верхний Орзуман красноармеец застрелил крестьянина только за то, что тот не дал ему молока во второй раз. В с. Ильмазло красноармеец 4-го эскадрона 104-го кавалерийского полка Иван Астанков оскорбил действием жену крестьянина, у которого он жил, за то, что на требование дать молока она ответила отказом, так как его у неё не было [287, 517].

Во время священного для мусульман месяца Рамазан красноармейцы в сёлах Джуджакент, Ильмазло и др. броса-

ли в муэдзинов на минаретах мечетей камни, ругали их и не давали возможности призывать мусульман на молитву. Живя в единственной сакле крестьян по 5-6 человек вместе с мусульманскими женщинами, красноармейцы не стеснялись задевать женщин и творить безобразия [287, 517].

Охраняющие покосы караулы жили в сёлах за счёт крестьян, требуя себе несколько раз в день продовольствия. В Джуджакенте красноармейцы местного караула говорили Омару Фаику, что они жили на полном иждивении крестьян по приказу своего командира, т.к. не получали пайка. Во всех сёлах караулы мучили крестьян, пася на их покосах и пахотных участках своих лошадей и задерживая на собственной земле крестьян их скот и лошадей для получения затем выкупа в виде продуктов питания. Крестьяне не могли получить деньги за забранные у них 20-й дивизией сено, скот и другие товары [287, 517].

На посту Марнеул, около ст. Сандар, солдаты напали ночью на арбу персиянина, ограбили его, унеся товар на огромную сумму, а когда на другой день были уличены и опознаны потерпевшим, избили его и убили бы, если бы не начальник милиции, которому всё же не удалось произвести у них обыск и арестовать их. Таким было поведение красноармейцев и таким было отношение их к тому крестьянству, жизнь и имущество которого они были призваны защищать [287, 517].

Таким образом, и в Грузии солдаты XI Армии совершали бесчинства, расправы, грабежи и другие преступления по отношению к местному тюркскому (азербайджанскому) населению.

На основании доклада члена Ревкома Грузии Омара Фаика было принято решение ревкома предложить председателю Грузинской Чрезвычайной Комиссии вывести из состава Ахалцихского Политического Бюро армян и в дальнейшем не допускать их работать в этом Бюро. Кроме этого, во

внимание был принят весь доклад Неманзаде и было поручено всем соответствующим организациям выполнить предложенные им меры для устранения нежелательных явлений [284, 165].

20 июня 1921 г. политбюро и оргбюро ЦК АКП обсудило телеграмму О.Фаика. Орджоникидзе предложил в связи с запросом О.Фаика обсудить вопрос о посылке работников-мусульман в Аджарию и Ахалцыхский уезд. Было постановлено послать Гулиева Гусейна и Черкезова [96, л. 90]. Таким образом, в Азербайджане беспокоились о своих соотечественниках, проживавших в соседней Грузии, и принимали меры.

Анализируя все вышеизложенные документы, можно прийти к выводу, что дело снабжения Красной Армии, призванной освободить азербайджанское крестьянство от помещичьего гнёта, целиком легло на плечи этого самого крестьянства. Размещённые в уездах воинские части нужно было не только кормить, одевать, но и снабжать арбами (подводами), лошадьми. Хозяйство крестьян оказалось в плачевном состоянии, т.к. солдатами изымалось всё, что попадалось на глаза. Военкомы действовали, якобы, по инструкции, выносили справедливые постановления, а на деле оставляли азербайджанских крестьян без средств к существованию. При этом военными игнорировалась местная советская власть. Население уездов не только обнищало, но и подвергалось физическим и моральным издевательствам, а также преступным действиям со стороны солдат. Республиканская и местная власти пытались защитить интересы азербайджанского народа, но предпринимаемые в этом направлении попытки не всегда имели успех, т.к. колесо советизации в жестоком ритме набирало скорость. Моральные и материальные убытки населения были огромны, но, несмотря на это азербайджанцы в силу своей законопослушности не посягали на жизнь продагентов, как это происходило в Рос-

сии.

Следует отметить, что и в Грузии от бесчинств XI Армии пострадали в основном азербайджанцы. Во многом это объясняется тем, что активное участие в них принимали армяне.

ГЛАВА V

СОСТОЯНИЕ ПРОСВЕЩЕНИЯ В АЗЕРБАЙДЖАНЕ ПОСЛЕ АПРЕЛЬСКОЙ ОККУПАЦИИ

§1. Разрушение материально-технической базы бакинских учебных заведений

Апрельская оккупация 1920 г. тяжело отразилась не только на политической и экономической, но и на культурной жизни азербайджанского народа, неотъемлемой частью которой является просвещение.

Советская оккупация негативно сказалась, в частности, на состоянии материально-технической базы учебных заведений. В процессе расквартирования армии были уничтожены оборудование мастерских, лабораторий и кабинетов, средства передвижения, электрические приборы, мебель, музыкальные инструменты, учебные пособия, театральное имущество школ, посуда, скульптура.

Уже 29 апреля 1920 г. Азербайджанский Временный Революционный Комитет под председательством М.Д.Гусейнова обсудил вопрос о помещениях для Красной Армии. Азревком постановил для размещения красноармейских частей реквизировать здания учебных заведений, распустив учащихся на ближайшее время по домам [316, 476, 477]. По

этой причине 1919-1920 учебный год закончился преждевременно.

Прибывшие части Красной Армии заняли учебные заведения, что вызвало порчу инвентаря. На состоявшемся 14 мая 1920 г. совместном заседании членов коллегии по народному просвещению с заведующими городских школ было решено ходатайствовать об освобождении помещений народных школ, или отвести в каждой школе по 1 комнате для хранения школьного имущества [347].

С установлением большевистской власти в Азербайджане стали создаваться новые административные органы, которые начали проводить советскую политику во всех сферах, в том числе сфере просвещения. В области народного образования стал копироваться российский опыт. Народный Комиссариат просвещения во главе с Дадашем Буниатзаде обязан был проводить новую школьную политику, заключающуюся в создании в АССР, также как и в Советской России, единой трудовой школы.

Новая школа требовала не только светлых и чистых комнат, но в ней также должны были быть созданы условия для приобретения учащимися политехнических знаний, например, открыты мастерские, поставлены станки и различные приспособления для изучения ремёсел. Между тем, при создавшихся условиях не только невозможно было приступить к новым делам, но существовала большая опасность потерять и то, что досталось в наследство от старого строя. Это ставило секцию единой трудовой школы, созданной при Наркомпросе, перед вопросом: где сможет начать работу полутысячный отряд бакинских учителей, когда пройдёт лето и закончится их профессиональная подготовка на летних учительских курсах. Поэтому секция обратилась в Бакинский исполком совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов с ходатайством о том, чтобы он, как высший орган власти, вплотную занялся делом народного

образования и немедленно, т.е. летом 1920 г. разрешил бы вопрос об освобождении школьных зданий от войсковых частей [124, л. 1].

16 июня 1920 г. собрался съезд народных учителей и учительниц Бакинского уезда под председательством Махмуда Махмудбекова. Выступивший здесь Нариман Нариманов говорил о будущей роли труда в новой жизни, о значении и постановке дела в единой трудовой школе. Съезд постановил открыть временные педагогические курсы для учителей в сел. Мардакян, а для учительниц – в г. Баку.

17 июня съезд вынес очень важное постановление: поручить отделу просвещения при Бакуездревкоме мобилизовать всех учителей уезда, из которых нуждающихся в расширении своих познаний на педагогическом поприще командировать на временные курсы, а имеющих ценный опыт учителей – на места для организации школ грамотности, детских садов и др. Съезд постановил с начала нового учебного года ввести в жизнь принципы единой трудовой школы на коммунистических началах [381, 300, 301]. Так, в экстремальной ситуации (вооружённая оккупация, подавление антисоветского мятежа, аресты и расстрелы видных деятелей плюс давление новой местной власти) учителя приняли решение исполнять свои обязанности сообразно требованию новой социалистической единой трудовой школы.

Авторитарные методы советского управления дали о себе знать и в области образования. На коллегии наркомпроса 5 июля 1920 г. выяснилось, что отдел просвещения при Бакинском уездном ревкоме организовался только 17 июня, а до этого времени функционировала старая инспекция. При этом также выяснилось, что весь состав коллегии при отделе был избран не самим ревкомом, а учительским собранием, созванным председателем ревкома. На коллегии было подчёркнуто, что это совершенно неприемлемо с точки зре-

ния Советской власти при диктатуре пролетариата [68, л. 46]. Так, с первых дней стали проявляться тоталитарные черты нового строя.

8 июля 1920 г. школьный сектор Баксовета обратился с ходатайством в Центральный жилищный отдел о срочном освобождении Высшего железнодорожного училища от постоя войск, т.к. в его здании предполагалось открыть летние школы [124, л. 131].

XI Армия нарушала все договорённости, распоряжения и приказы. Согласно ходатайству наркома просвещения 9 мая 1920 г. по приказу военно-морского комиссара Чрезвычайная Комиссия по реквизиции квартир распорядилась при реквизициях школьных помещений для военных надобностей оставлять в каждом из них библиотеку и одну комнату под канцелярию. Нарушая распоряжение, начальник армейского депо штаба XI Армии требовал у заведующего Политехническим училищем предоставить в его ведение комнату, занимаемую канцелярией [125, л. 6, 36].

Приказ по гарнизону г. Баку и его районов от 5 июня 1920 г. предписывал отводить в каждом учебном заведении, занятом воинскими частями, одну комнату под склад для школьного инвентаря. Этот приказ также часто нарушался военными. Например, третья городская школа была занята под госпиталь, и главный врач требовал освободить комнату, где хранилось имущество школы [124, л. 63, 64].

Армейскими госпиталями были заняты Бакинская Маринская женская гимназия [125, л. 66], бывшая гимназия Зотиковой [137, л. 20], третья мужская гимназия [125, л. 37]. Михайловское высшее начальное училище также было реквизировано [128, л. 28].

Военком республики и представители XI Армии постоянно требовали у наркома просвещения выделить школьное имущество для нужд армии. Например, начальник штаба воздушного флота XI Армии решил, что механические и

столярные мастерские Бакинского политехнического училища очень подходят для авиации. Поэтому 20 мая 1920 г. он обратился в Бакинский ревком с требованием реквизиции этих мастерских для нужд авиации [125, л. 14]. А 21 мая 1920 г. телеграфно-телефоно-радио школе XI Армии понадобилось 50 парт и 5 классных досок [130, л. 2].

Первая аудитория Бакинского Университета была занята под партийную школу Политотдела флотилии. Между тем, в июне 1920 г. школьный сектор открыл курсы учителей трудовой школы и очень нуждался в этой аудитории, как самой подходящей для этих курсов [124, л. 25]. 18 июня 1920 г. здесь открылись курсы учителей (124, л. 48), для которых школьный сектор добился у Политотдела XI Армии возможности пользоваться химической лабораторией в Бакинском первом реальном училище, помещение которого также было занято Политотделом [124, л. 49, 73].

В начале июня 1920 г. армейская газета «Красный воин» (орган Политотдела) напечатала статью одного военного, в которой говорилось, что «...ни для кого не секрет, что мы... занимаем самые лучшие дома и школы, и хочется напомнить, что эти дома и школы мы отвоевали вовсе не для того, чтобы их засорять и держать в антисанитарном положении». В статье звучал призыв к красноармейцам бережно относиться к достоянию народа и уделять серьёзное внимание санитарному состоянию помещений [357, 1920, 4 июня].

Однако эти факты продолжали иметь место. Например, здание Бакинского политехнического училища было в таком антисанитарном состоянии, что уже 15 июня 1920 г. коллегия Наркомпроса обсудила этот вопрос и решила привести здание в нормальное состояние в течение пяти дней. Расход по ремонту канализации и очистке училища за счёт Наркомпроса выразился в сумме 27600 рублей [118, л. 159]. Но это было необходимо, потому что после ремонта в этом

здании помимо дневных занятий стали функционировать вечерние технические курсы для взрослых рабочих-мусульман [125, л. 2].

Некоторые учебные заведения переходили из рук в руки. Например, 11 июня 1920 г. из шестой черногородской школы выехала 28 стрелковая дивизия, а 14 июня её занял гидротехнический отряд XI Армии [130, л. 9].

Как известно, социально-политическое положение в Азербайджане усугублялось с каждым днём. Во многих уездах вспыхивали антисоветские восстания, которые жестоко подавлялись. В начале июня 1920 г. Бакинская первая гимназия была предоставлена университетской клинике в связи с поступлением раненых красноармейцев, подавлявших эти восстания [124, л. 43].

Для культпросветительной работы в XI Армии был реквизирован в июле 1920 г. зрительный зал Бакинского коммерческого училища с мебелью, декорациями, костюмами, гримом и другим театральным имуществом [126, л. 105, 106]. Пострадали и музыкальные инструменты, которые представляли огромную ценность. 27 августа 1920 г. Политуправление требовало закрепления за этим управлением всех граммофонов и пианино, данных Наркомпросом ему во временное пользование на агитационно вербовочную неделю [133, л. 36].

Из Бакинской учительской семинарии были реквизированы рояль для госпиталя и пианино для 141 отдела стрелкового батальона [115, л. 12]. Военкомы и военморы испортили много инструментов: на них ставили горячие чайники, на них обедали. При занятии помещения Бакинской третьей мужской гимназии капельмейстером 249 полка у учеников были изъяты музыкальные инструменты, пюпитры и ноты в количестве 29 экземпляров [124, л. 125]. При отъезде XI Армии из Азербайджана красноармейцы часто оставляли инструменты у себя и не возвращали их учащимся [112, л.

13].

4 октября 1920 г. Н. Нариманов подписал декрет о национализации музыкальных инструментов. Все рояли, пианино, струнные, духовые и другие инструменты, кому бы они ни принадлежали, были объявлены государственной собственностью и перешли в ведение Наркомпроса. Инструменты никем не могли быть реквизированы без разрешения подотдела искусств Наркомпроса. Виновные в нарушении этого декрета должны были привлекаться к ответственности перед судом революционного трибунала [332, 317, 318]. Декрет был очень своевременным и актуальным, т.к. спасённые и очень ценные музыкальные инструменты были необходимы для широкого распространения музыкального образования в Азербайджанской ССР.

Расквартированные в помещения учебных заведений войсковые части XI Армии варварски обращались со школьным имуществом, которое в результате приходило в негодность. Так, например, после занятия Бакинского второго высшего женского начального училища войсками, большая часть парт была свалена на крышу, где от дождя и солнца пришла в негодность [124, л. 33].

В Бакинской второй женской гимназии солдаты устраивали нары из классных парт, для чего 2-4 парты ставили вместе и на них клали сорванную с петель дверь или вырванную из рамы классную доску [240, л. 39]. Были поломаны шкафы, сеточную дверцу шкафа армейский повар использовал вместо дуршлака. Двор гимназии, в котором стояло несколько войсковых частей, был страшно загрязнён, а все деревья солдаты поломали, чтобы сделать, якобы, веники [125, л. 82]. Во дворе гимназии был разбросан гниющий мусор. Шахта, в которой находился водопроводный счётчик, была разбита и наполнена грязной водой. Деревья и деревянный забор, гимнастические приспособления для учащихся были изгрызаны лошадьми, даже ворота были

сломаны. Кирровая крыша здания, размягчённая солнечными лучами, была испорчена сапогами солдат. Директор, председатель родительского кружка и заведующий зданием гимназии указывали войсковым частям на безобразное и недопустимое обращение с народным достоянием, но эти требования не имели положительных результатов. Часть гимназического имущества без разрешения администрации была увезена военными [240, л. 39], после чего в ней требовался капитальный ремонт [241, л. 36].

Заведующий секцией единой трудовой школы НКП подал докладную записку в Бакинский ревком по вопросу о необходимости принятия соответствующих мер для охраны школьных зданий и инвентаря, сильно пострадавших от постоа войск [136, л. 49].

Летом 1920 г. Бакинский исполком издал постановление об освобождении школьных помещений, чтобы к началу нового учебного года произвести их дезинфекцию и ремонт [240, л. 27]. Во многих учебных заведениях обнаруживалась пропажа учебных пособий и хозяйственного оборудования. Чтобы этому положить конец, Наркомпрос 26 июня 1920 г. сделал распоряжение заведующим учебными заведениями о строжайшем наблюдении за целостностью и сохранностью школьного имущества, обязав их доносить в Наркомпрос о каждом случае пропажи с изложением обстоятельств, при которых пропажа имела место. Следовало отправить в Наркомпрос акт об исчезновении предметов [239, л. 19].

Это распоряжение стало претворяться в жизнь. 11 августа 1920 г. всем учреждениям Наркомпроса был послан циркуляр наркома просвещения Д.Буниатзаде и заместителя заведующего финансово-хозяйственным отделом Г.Н.Тетеревятникова. В девятом пункте этого циркуляра подчёркивалось, что вся ответственность за целостность имущества падает на заведующего, а также на других служащих, если они уклонялись от содействия заведующему. В циркуляре

отмечалось, что некоторые заведующие, сообщив в Наркомпрос о расхищении имущества, думали, что этим они снимают с себя всю ответственность. В циркуляре предупреждалось, что для проверки школьного имущества назначена особая комиссия с представителем Рабоче-крестьянской инспекции, и если выяснится халатность того или иного заведующего, то он будет привлечён к строгой ответственности [239, л. 26]. Таким образом, Наркомпрос принимал меры для предотвращения пропажи имущества учебных заведений.

Однако безобразия, чинимые воинскими частями, продолжались, несмотря на распоряжения местной власти и Наркомпроса. Часто имущество учебных заведений реквизировалось без ордера и мандата и не возвращалось владельцам. Так, например, 17 сентября 1920 г. солдатами в актовом зале Бакинского первого реального училища была разобрана сцена и вывезены два дивана, экран, картины, вся декорация и т.д. Заведующий Денфер сообщил в Наркомпрос, что всё это «разрешил» забрать заведующий Политотделом XI Армии для клуба школы пехотных курсов [125, л. 83, 84].

Заведующий Бакинской пятой тюркской школой Бабабек Сафаралибеков в сентябре 1920 г. также сообщил, что без разрешения Наркомпроса «революционным путём» военком одного полка трижды увозил имущество школы, не оставив даже расписку. «Караулы-товарищи меня не пускают в школьное помещение, и я остаюсь в неведении, что там осталось и какая участь постигла училищные вещи», – жаловался заведующий [125, л. 76].

Следует отметить, что по установленному правилу имущество учебных заведений забиралось войсковыми частями только во временное пользование и должно было быть возвращено не позже 15 августа 1920 г. Забирались парты, скамейки, столы и стулья, шкафы, классные доски, глобусы,

карты для культпросветительной работы, проводимой в XI Армии. Описи имущества, забранного военными, занимали огромное количество страниц [126, л. 5-103]. Большая часть этого имущества не вернулась в учебные заведения. Например, комендант 244 стрелкового полка забрал мебель из Бакинского второго реального училища ещё в июле 1920 г. и не возвратил к началу нового учебного года [125, л. 81].

Об аналогичных незаконных действиях красноармейцев в октябре 1920 г. сообщала заведующая четвёртой женской тюркской школой Г.Субханкулова [125, л. 88], заведующая второй тюркской женской школой Н.Х.Велибекова [125, л. 90], заведующий Тургеневской школой [125, л. 91] и другие. Заведующий девятой мужской тюркской школой Расул Таиров также сообщал в Наркомпрос о творимых беззакониях [125, л. 85].

В Бакинской второй мужской гимназии в октябре 1920 г. оказались похищенными патроны и полуваттные стосвечевые лампы, представлявшие ценность в несколько сот тысяч рублей [125, л. 89].

Заявления о порчах имущества, а также требования заведующих учебными заведениями о необходимости бережного отношения к имуществу не достигали положительных результатов [125, л. 82]. Нарком просвещения 20 сентября 1920 г. решительно требовал у Военно-морского Комиссариата «обратить серьёзное внимание на подобные недопустимые явления и пресечь в корне эти безобразия» [125, л. 77]. В октябре 1920 г. нарком просвещения послал в Реввоенсовет XI Армии опись мебели, испорченной войсковыми частями [125, л. 87].

Народный комиссариат просвещения решительным образом выступал в защиту интересов народного образования в АССР, для чего ему часто приходилось напрямую противодействовать руководству армии. Так, например, Бакинскому ревкому и Политотделу XI Армии ещё 15 мая 1920 г. Нар-

компрос смело заявил о том, что реквизицию Бакинской первой тюркской школы он считает преступлением. В этой школе размещались вечерние педагогические курсы для мусульманок, а в учителях-мусульманках была крайняя нужда [125, л. 10]. Наркомпрос также отстоял перед ревкомом помещение учительских курсов [125, л. 11].

Управление снабжения XI Армии требовало предоставить обстановку и посуду, принадлежавшую Азербайджанской первой женской гимназии, и тем самым обеспечить 200 своих сотрудников. Наркомпрос 13 и 18 мая 1920 г. ответил начальнику снабжения, что ценное имущество необходимо самому Наркомпросу и не может быть предоставлено Армии. [125, л. 12-15].

Наркомпрос препятствовал выселению служителей, которые жили в подвалах гимназий со своими семьями и охраняли учебное имущество. В качестве примера можно привести Бакинскую Мариинскую женскую гимназию [125, л. 66].

Большие усилия прилагал Наркомпрос для спасения от реквизиции помещения бухгалтерских курсов, национальной женской гимназии, курсов восточной музыки [125, л. 8, 9, 98]. Кроме того, Наркомпрос отказался освободить и передать военному ведомству помещение, занятое скульптурной мастерской Наркомпроса, т.к. переноска скульптур могла повлечь за собой их поломку и даже уничтожение [125, л. 27, 29].

Отстаивал Наркомпрос и интересы национальных меньшинств, требуя от начальника Гарнизона г. Баку и его районов не занимать больше уже освобожденное от войск помещение высшего начального училища Бакинского лютеранского прихода, в котором предполагалось разместить школу I ступени для немецких детей [134, л. 7].

В июне 1920 г. (уже вторично!) Управление начальника снабжения XI Армии потребовало у Наркомпроса механи-

ческие мастерские Бакинского политехнического училища для производства ремонта оружия, прибывающего в Арт-мастерскую. Комиссариат снова отказался передать мастерские армии, т.к. в них производились практические работы рабочими, которые посещали вечерние технические курсы. Следует отметить, что в этом училище в результате невероятных усилий Наркомпрос открыл 16 технических курсов [125, л. 18, 31, 32].

Коллегия Наркомпроса 14 июня 1920 г. предложила отделить народного образования при содействии Исполкома совместно с представителем военного ведомства обсудить вопрос о приостановлении дальнейших реквизиций школьных зданий, особенно в рабочих районах [118, л. 150]. В июле 1920 г. отдел просвещения при Бакинском Исполкоме известил учебные заведения, что по постановлению Бакинского Исполкома их помещения в ближайшее время будут освобождены от войсковых частей [124, л. 124]. Однако надежды Исполкома на благополучное разрешение вопроса не оправдались, ни летом 1920 г., ни к началу 1920-1921 учебного года помещения учебных заведений не были освобождены от постоя войск.

В августе 1920 г. Наркомпрос ходатайствовал перед военным комиссаром и комендантом города об освобождении Бакинской третьей мужской гимназии, которая переходила от одного полка к другому. Между тем, в этой просторной гимназии могли бы функционировать Первое женское высшее начальное училище и четыре школы первой и второй ступени [130, л. 31].

С августа-сентября 1920 г. Наркомпрос снова вынужден был обратиться в различные инстанции с требованием освободить учебные заведения от войсковых частей. Например, 2 сентября 1920 г. нарком требовал у командующего XI Армией принять меры к освобождению помещения Бакинской второй женской гимназии, т.к. оно могло вместить не-

сколько школ, могущих обслужить не одну тысячу детей [125, л. 72]. 21 сентября 1920 г. Д.Буниатзаде просил начальника гарнизона оказать содействие в освобождении второй советской школы, т.к. в этом здании помещались три школы: первая и вторая советские, а также тюркская [125, л. 74].

28 сентября 1920 г. нарком просвещения в очередной раз обратился в Азербайджанский Ревком с описанием удручающего положения школьного дела в республике. «Вот уже проходит целый месяц нового учебного года и в г.Баку почти ни одна школа не может быть открыта из-за отсутствия школьных помещений; между тем родители учащихся осаждают комиссариат просьбами об открытии занятий в школах», – писал Д.Буниатзаде. Кроме того, нарком сообщил, что много детей приехали учиться из провинции, 30 из них являлись учениками-пансионерами Бакинской учительской семинарии. Эти ученики ввиду занятия семинарии под лазарет остались без крова и вынуждены были ютиться во дворе Наркомпроса. Нарком снова просил принять меры к освобождению школьных помещений от постоя в них войск. Но если это невозможно осуществить во всем Азербайджане повсеместно, то нарком предложил в первую очередь освободить помещения учительских семинарий в Баку, Гяндже и Газахе, и этим немного облегчить как положение учащихся, приехавших из провинции, так и задачи Наркомпроса по подготовке учителей для предстоящей ликвидации безграмотности [125, л. 64].

Итак, практически все школы в Баку осенью 1920 г. были заняты военными. На бурном и многочасовом заседании Бакинского Исполкома 26 октября 1920 г. его участники говорили о том, что реальное училище недавно освободилось от штаба армии, а теперь там развёртывается лазарет на 1500 коек [194, л. 143]. Выступая на этом заседании Д.Буниатзаде с горечью отмечал, что «мы имели в г. Баку

до 50 школ, а теперь просим всего 7-8 и жилищный отдел не хочет дать, это будет позорно для Советской власти, если не открыть 7-8 школ, куда мы будем принимать исключительно детей пролетариев, коммунистов и пострадавших, даже не будем принимать детей середняков» [194, л. 86]. Н. Колесникова (замнаркома просвещения) описала ужасную картину и с негодованием подытожила: «Народный комиссариат просвещения не исполняет тех функций, которые на него возложены. Он должен снять с себя ответственность, потому что никакого плана не может провести» [194, л. 165]. М. Эфендиев отмечал, что «у Наркомпроса отняли всё, а без школ нужно ликвидировать и весь Комиссариат, ибо к чему тогда существование Наркомпроса» [194, л. 167].

Интересы народного образования были в центре внимания и Бакинского Совета. Как известно, в реальном училище имелся очень ценный физический кабинет, единственный в своём роде, богатый уникальными приборами. Главный врач госпиталя, размещённого здесь, требовал перевезти этот кабинет в другое здание, причём делал это очень настойчиво и беспардонно, не считаясь с тем, что дорогостоящие приборы могли погибнуть. Президиум Исполкома Баксовета 15 ноября 1920 г. постановил оставить физический кабинет в помещении реального училища. Главврачу в категорической форме предлагалось прекратить переписку по этому поводу [196, л. 210]. А 17 ноября 1920 г. президиум Бакисполкома запретил переноску и физиологического кабинета. Помещение кабинета закрыли и изолировали [196, л. 215].

Учитывая кризис народного образования, Бакисполком 26 октября 1920 г. под председательством А. Караева поручил Президиуму Исполкома вместе с представителями Наркомпроса установить минимум помещений, необходимых для школ и освобождения из под воинских частей [133, л. 91]. Таким образом, в лучшем случае предполагалось осво-

бодить только минимум учебных заведений.

Совет охраны детства и материнства при Наркомздраве 5 декабря 1920 г. обратился в ЦК АКП(б) с просьбой отвести для школ лучшие помещения, так как несоблюдение требований гигиены и санитарии повлечёт неминуемое увеличение заболеваемости школьников и понижение их успеваемости [19, л. 140].

Однако, несмотря на противодействие местных органов власти, реквизиции продолжались всю зиму. Даже в феврале 1921 г. Наркомпрос обращался в Реввоенсовет XI Армии, а также Наркомвоенмору А.Караеву с требованием прекратить реквизиции [125, л. 104-105].

В конце февраля 1921 г. XI Красная Армия покинула Азербайджан, отправившись в Грузию, после чего учебные заведения ещё долго искали своё утерянное имущество. В этом смысле интерес представляет протокол заседания комиссии по приёму имущества и здания Бакинского бывшего заведения Св. Нины от начальника Высшей военной школы командного состава XI Армии. Протокол датируется 23 марта 1921 г. Председателем комиссии являлся учитель Агабаба бек Исрафилбеков, а членами комиссии были: Габиб бек Махмудбеков, Салима ханум Ягубова, Медина ханум Киясбекова. Заведующая С.х.Ягубова разъяснила ситуацию: особоуполномоченный Загатайским Округом вывез в Нуху детские принадлежности; 273-й Кронштадский госпиталь забрал мебель, а одеяла и постельное бельё было распределено между курсантами Военной школы командного состава XI Армии и т.д. Часть имущества была вывезена без ордера (3 рояля, 2 комода, 10 кроватей, 3 дюжины венских стульев, 5 канцелярских столов, 100 табуреток, 6 диванов, 15 обеденных столов и многое другое, перечислить которое нет возможности) [138, л. 5]. В ГААР таких списков – несколько десятков.

В начале июля 1921 года Совнарком издал Декрет об ос-

вобождении школьных помещений от военных и гражданских ведомств. Принимая во внимание крайнюю переполненность совершенно неприспособленных к школьной работе помещений, где занятия происходят в 3 и даже 4 смены, могущих губительно отразиться на здоровье детей, Совнарком во исполнение постановления I Всеазербайджанского съезда Советов, постановил, чтобы все здания и помещения, служившие для указанных целей и занятые каким-либо ведомством или организацией, должны быть очищены занимающими не позднее 1 августа 1921 года [381, 527].

В сентябре 1921 г. помещение Еврейской школы во дворе синагоги было ещё занято войсковой частью, и дети не могли приступить к занятиям [163, л. 48]. Несмотря на жалобы населения, ЦК АКП оставил здание этой школы в распоряжении Политуправления военно-морского комиссариата [163, л. 68]. Здесь размещались военно-политические курсы, которые посещали 300 курсантов [163, л. 94]. До конца октября 1921 г. и Будаговская школа была занята военными. Н.Нариманов 31 октября 1921 г. приказал Наркомвоенмору А.Караеву освободить бывшую Будаговскую школу [163, л. 130]. Так, оставшиеся части XI Армии продолжали ещё долго препятствовать школьному делу в республике.

Даже в июле 1924 г. Исполком Баксовета писал в Совнарком АССР, что всё ещё много школьных зданий занято военными учреждениями. «Крайняя нужда БОНО в школьных помещениях угрожает полным закрытием приёма новых школьников в наступающем учебном году», – констатировалось в письме [170, л. 166].

Таким образом, в Баку создалась чрезвычайная ситуация: школы были заняты красноармейскими частями, госпиталями. Не было возможности начать учебный год. Имуществу учебных заведений был нанесён непоправимый ущерб. Местные власти боролись с таким положением, иногда даже успешно отстаивали некоторые помещения и оборудование

учебных заведений у XI Армии. Однако основная часть учебных заведений разрушалась и уничтожалась.

§2. Разрушения в уездах

Не лучше обстояло дело в уездах Азербайджана. Уже с мая – июня 1920 г. воинские части начали занимать школьные здания в уездах. Например, в г. Лянкяране были заняты помещения первой тюркской мужской и первой русской начальных школ, в сел. Новоголовке были заняты две школы [223, л. 109].

Летом 1920 г. Наркомпрос выделил деньги на ремонт уездных школ, чтобы в начале нового учебного года дети могли заниматься в чистых классах. Поэтому Наркомпрос просил уездные ревкомы содействовать тому, чтобы школы не занимались войсками, в противном случае он снимал с себя ответственность за несвоевременную подготовку школьных помещений к началу учебного года [235, л. 23].

Армейское руководство выдвигало непомерные требования перед уездными ревкомом. Например, 5 мая 1920 г. от Лянкяранского ревкома требовалось снабдить канцелярскими принадлежностями (в исследуемый период очень дефицитные товары – А.Н.) и мебелью канцелярию второго десантного отряда [226, л. 18]. При этом в докладе – отчёте инструктора-информатора говорилось, что «город Астара представлял собой развалины». Летом 1920 г. здесь не было «ни школ, ни читален, ни клубов» [230, л. 122].

В августе 1920 г. заведующий отделом просвещения просил Лянкяранский ревком содействовать освобождению мужской гимназии от воинских частей. Однако помещение гимназии не было освобождено [226, л. 471].

Председатель Товузской комиссии по проведению неде-

ли крестьянина Лаврентьев телеграфировал 26 октября 1920 г. Саркису о том, что учителя и учащиеся сидят без дела, а керосин и соль не получены [75, л. 2].

В докладе заведующего отделом просвещения Лянкяранского ревкома, характеризующем дух того времени и настроение работников просвещения, с досадой отмечалось, что воинские части занимают школы, и никакие ходатайства об освобождении школ не помогают. «Как будто Отдел просвещения не Советское учреждение, как будто просвещение отделено от государства, как церковь, или же оно находится вне закона и как будто тормозить дело просвещения святая обязанность всякого гражданина Советского Правительства. Нет, этого мало, что школы разорены и что их продолжают разорять, вдобавок к этому у служащих Отдела просвещения реквизируют квартиру, при этом в грубой форме. Да что же это, разве служащие отдела просвещения не те же граждане Советского Правительства, разве они служат не в Советском учреждении, а между тем, нас всюду призывают к работе и просвещению темных народных масс: говорят, что мы первая армия строительства света... Бедный народный учитель, тебя поставили в такое положение: заставляют ликвидировать срочно безграмотность и в то же время отняли у тебя школы и не дают возможности работать спокойно на пользу своего народа». [222, л. 10]. Эта выдержка из архивного документа свидетельствует о негативном отношении работников просвещения к происходящим событиям из-за невозможности работать в сфере просвещения и образования в 1920 г. Таким образом, оккупация и установление новой власти совершенно погубили сеть учебных заведений в азербайджанских уездах.

У Наркомпроса, так же как и у учителей не было возможности широко проводить в жизнь политику ликвидации неграмотности, о которой так много говорилось в декретах

советской власти. Председатель чрезвычайной тройки по ликвидации безграмотности Вацек сообщил в Баку, в ЦК АКП(б), что в Лянкяранском уезде школы, детские дома разрушены, занятия производить негде. [228, л. 321]. И зимой 1920-1921 гг. в Лянкяранском уезде дети не имели возможности приобщаться к знаниям. По данным на декабрь 1920 г. в Аркеванском участке, например, кроме двух сельских обществ нигде школьные занятия не проводились [228, л. 243].

В Шамхорском уезде также школы были заняты войсками. Например, в ноябре 1920 г. пограничный батальон занял Юхари-Айблинскую школу. Учащиеся остались без учёбы, а учителя – без работы [184, л. 151]. В Моруле учителя скитались по дворам, ища приют, тепло и пищу [184, л. 152]. Учителя просили оградить школы от незаконных поползновений военных. Например, в Шамхорском уезде учитель Даллярской школы Аббасов 20 сентября 1920 г. явился в отдел народного образования Шамхорского ревкома и заявил, что военные пытаются занять школу, в которой уже начались занятия [184, л. 267].

В ревкомы одна за другой направлялись жалобы. Например, заведующий отделом народного образования написал в Шамхорский уездный ревком жалобу на красноармейцев 18 дивизии, которые заняли в женской школе под предлогом ночлега сначала одну комнату, затем балкон, кухню, коридор, вторую комнату. В результате этого две учительские семьи в составе 11 членов – беженцы из Иравана – теснились в одной маленькой комнатке, но и там невозможно было спать, т.к. всю ночь красноармейцы пьянствовали, пели, шумели, стучали, требовали разные вещи. «Нет квартиры, отопления, освещения, хлеба, нет и спокойствия!» – жаловался учитель [184, л. 385].

Несмотря на декреты республиканской администрации, реквизиции продолжались. Например, в январе 1921 г. 12

дивизия в Шамхорском уезде заняла Ковлярскую школу. Без ордера и расписки полностью был разобран инвентарь школы [186, л. 7]. Зимой в I-ом Шамхорском районе школа имелась только в селении Гараджамерых, но и она не стояла на должной высоте [184, л. 26].

Тяжёлым было положение в Гяндже, т.к. XI Армия безжалостно подавила здесь антисоветский мятеж. Летом 1920 г. в Гяндже воинскими частями были заняты здания мужской гимназии, женской гимназии, ремесленного училища, мусульманской женской гимназии, высшего начального училища, армянской гимназии, школы св. Григория, а также I-ой, 2, 3, 4, 6, 7, 12, 18, 19, 20 и 21-й начальных школ [213, л. 34].

Учебные заведения и здесь не могли приступить к работе в начале 1920-1921 учебного года. В октябре 1920 г. Д.Буниатзаде просил Гянджинский ревком помочь освободить хотя бы Гянджинскую мужскую гимназию [213, л. 48].

Гянджинская учительская семинария тоже пережила тяжёлые дни. Главный врач эпидемического лазарета, получив ордер жилищного подотдела Гянджинского ревкома от 12 февраля 1921 г., распорядился занять классные комнаты семинарии явочным порядком с помощью красноармейцев и выбросить ученические парты на двор и на балкон, несмотря на то, что ордер, выданный по ошибке, был 13 февраля 1921 г. аннулирован. Семинария с 12 февраля не функционировала, учащиеся-мусульмане в количестве 200 человек оказались на улице. Столовая на 120 человек закрылась. С потерей помещения учащиеся семинарии могли лишиться почти на целый год и учения, и обмундирования, и продовольствия, на что Наркомпросом было ассигновано несколько миллионов рублей. Заведующий семинарией Гасан Багиров обращался во все инстанции (Наркомпрос, Военком, жилищный подотдел ревкома) с просьбой не реквизировать учительскую семинарию. Только вмешательство

Гянджинского ревкома и уездного комитета компартии, а также наркома просвещения Д.Буниатзаде дало положительный результат. В марте 1921 г. семинария была освобождена, а лазарет перешёл в частный дом [209, л. 8; 214, л. 12-15, 26, 27; 216, л. 28, 53].

Что касается Газахской Учительской семинарии, то все старания отдела образования по восстановлению занятий в последней не достигли цели, из-за отсутствия учителей, лиц хозяйственного надзора и занятия большей части помещения семинарии и школьной мебели воинскими частями [46, л. 98].

Общее собрание газахских коммунистов 1 октября 1920 г. заслушало доклад Али Гусейнова, в котором говорилось о деятельности учебных заведений и наборе в семинарию 120 курсантов, об уничтожении частями Красной армии семинарского имущества, о необходимости снабжения учащихся помещением, обстановкой, коврами и пр. Собрание предложило уездному ревкому и продотделу удовлетворить все требования семинарии [89, л. 38].

Зимой 1921 г. Гянджинский комитет компартии просили помочь освободить от воинских частей Саровскую школу, читальню и даже единственную в Гяндже детскую больницу [214, л. 2, 16].

В Загатале также были заняты начальные школы, Маринское училище, ремесленная школа [131, л. 29].

В Гейчайском уезде в 300 сёлах функционировали всего 3 школы, остальные были заняты военными [350].

Заведующая отделом просвещения Шамахинского ревкома Аржанова в докладной записке описала отношение Первого Грузинского полка к ревкому. Без ведома ревкома была занята школа, парты были свалены на солнце в беспорядке. Аржанова еле-еле уговорила начальника гарнизона не выкидывать на улицу учебные пособия, находившиеся в одном из классов. Ей был дан срок только до следующего

утра. Также был выселен отдел просвещения Ревкома в комнату служителей, а они – под открытое небо. Часть парт и классная доска были порублены и использованы на дрова под котёл.

Грузинский полк также занял помещение приюта на 95 детей. Деревья в саду приюта были поломаны, а фрукты уничтожены. Приютский двор был приведён в ужасное состояние. Хотя дети подметали его каждый день, но красноармейцы готовили пищу и загрязняли двор. На замечание заведующего приютом отвечали, что они никакой власти не признают. Несмотря на протесты воспитателей, красноармейцы выселили девочек и заняли их помещение под канцелярию. Дети спали на полу, уплотнившись до крайности. Аржанова отметила полное отсутствие сознательной дисциплины в полку. «Куда же идти дальше, если красноармеец... председателя ревкома ... обзывает сволочью в присутствии большого количества слушателей, а на моё заявление о том, что подобный образ действий роняет достоинство солдата – красноармейца, он возражает, «знаем мы Вас, все вы таковы» [43, л. 20, 21].

Школьное здание при ст. Гарасу в Абдульянском районе Шамахинского уезда в январе 1921 г. было занято зерноскладом Особой продовольственной комиссией. Инструктор по школьному образованию неоднократно предлагал освободить эту школу, для того, чтобы открыть школу, клуб и читальню, Наркомпрос также делал телеграфные распоряжения. Но школа не освобождалась [143, л. 32]. Все имущество этой школы было растаскано различными учреждениями и частными лицами [143, л. 93]. В Арешском и Джаванширском уездах по вине военного ведомства во многих пунктах вместо школ остались одни развалины. О постройке новых школьных зданий в этот трагический период не приходилось и думать [129, л. 256].

Отдел народного образования Губинского ревкома 19

июня 1920 г. просил компартию содействовать тому, чтобы все школьные здания освободились от постоя войск, а если в силу необходимости будут реквизироваться, то обязать стоящие в них части смотреть за чистотой и исправностью зданий и мебели [119, л. 12, 13].

1-7 августа 1920 г. собрался Первый съезд работников просвещения и социалистической культуры пяти уездов Азербайджана, принявший резолюцию о школьных помещениях в уездах. В частности, выслушав доклады о состоянии школ в Гянджинском, Шамхорском, Товузском, Газахском и Джаванширском уездах, и выяснив, что почти все школы полностью разрушены или нуждаются в основательном ремонте, съезд постановил принять срочные меры и при содействии ревкомов и их отделов народного образования приступить к восстановлению разрушенных школ, ремонту повреждённых зданий, освобождению их от воинских частей и их снабжению. Съезд, кроме этого, обратился к воинским частям с призывом освободить помещения учебных заведений от постоя. Хотя съезд и обратился к местным ревкомам с просьбой предоставить лучшие здания для школ [122, л. 3], эти просьбы являлись «гласом вопиющего в пустыне».

Тем самым, начать учебные занятия, как в уездах, так и в Баку, было невозможно, поскольку уездные школы продолжали оставаться местом для постоя войск. Более того, даже немногочисленные свободные помещения стали реквизироваться, несмотря на решительные протесты со стороны местной администрации. Однако Наркомпрос успешно отстаивал некоторые учебные заведения, в первую очередь учительские семинарии.

Таким образом, разрушения в уездах отрицательно отразились на деятельности школ.

После ухода XI Армии во многих уездах школы не были открыты ещё длительное время, еще несколько лет давали о

себе знать негативные последствия оккупации. Например, в сел. Моруль не было отведено помещения под школу, не было также возвращено её имущество: остались только скамейки и разбитое фортепиано [184, л. 313].

Заведующий отделом народного образования Лянкяранского уезда А.Мамедов в октябре 1921 г. сообщал в Наркомпрос, что воинскими частями заняты школьные помещения, и просьбы об освобождении зданий остаются не удовлетворёнными. Несмотря на то, что из Центра последовало распоряжение о немедленном начале занятий в школах, некоторые школы были не в состоянии к ним приступить [170, л. 166].

Последствия оккупации давали о себе знать и в следующем учебном году. В телеграмме заведующего Гёйчайским отделом народного образования, адресованной Наркомпросу и датированной 14 августа 1921 г., говорилось о том, что все попытки освободить школьные помещения от войсковых частей оставались тщетными. Из-за отсутствия свободных школьных помещений не представлялось возможным своевременно начать 1921/22 учебный год в Гёйчае [163, л. 43].

Новая советская власть, пытаясь решить школьные проблемы, тоже доставляла много неприятностей населению. Были конфискованы все здания, отведённые под школы и другие социально-культурные учреждения. Приказом №70 от 23 июня 1920 г. Бакинский ревком отменил наёмную плату за помещения школ, приютов, садов и других организаций, подведомственных Отделу просвещения [127, л. 25]. Таким образом, граждане, сдававшие дома в аренду, были сильно ущемлены в материальном отношении.

Комиссариат просвещения и ревкомы подыскивали по-

мещения под школы. При этом использовались дома местного населения. Например, осенью 1920 г. в Шамахе под школы отводились частные дома, в случае сопротивления или несогласия хозяев, их предписывалось задержать и направить в Шамахинский уездный ревком [149, л. 9].

Военкомом Шамхорского уезда Фролкиным было сделано распоряжение реквизировать помещение жителя с. Далляр Гаджи Самеда и Мешади Мамеда Велиевых для нужд красноармейцев. Но помещение было взято под школу. Поэтому 20 сентября 1920 г. предревком Даллярского общества Д.Мамедьяров обратился к председателю Шамхорского уездревкома с просьбой об оставлении этого помещения для просвещения, т.к. в противном случае дети останутся без учёбы [184, л. 283]. В Шамхоре сельчане жаловались на то, что в феврале 1921 г. комитеты бедноты не давали помещений для школ и учителей [185, л. 85]. С другой стороны, хозяева реквизированных домов тоже были недовольны. Например, житель села Гергер (Гедабек) Шамхорского уезда в конце марта 1921 года жаловался в Шамхорский уездный ревком на сельский комитет бедноты. Его дом реквизиrowали под школу, выгнав его с семьей на улицу. Семья была вынуждена жить в подвале без всяких нормальных условий, между тем в селении было здание, которое пустовало. Сельчанин просил освободить его дом [185, л. 131]. Таким образом, частные дома реквизиrowались для школ.

Как указывалось выше, основные части оккупационной XI Красной Армии в феврале 1921 г. уехали в Грузию, тем не менее, многие школьные помещения в продолжение ещё нескольких лет продолжали оставаться в ведении военного ведомства, т.к. в них ещё находились госпитали, склады, просветительские курсы для красноармейцев.

§3. Просветительная работа в условиях оккупации

События 1920-1921 г. привели существующие в АССР школьные здания в совершенную негодность, из-за чего вся деятельность Наркомпроса и его органов на местах свелась к нулю [201, л. 26]. Из-за того, что в результате разрушительных действий XI Красной Армии школьное дело в 1920-1921 учебном году охватил буквально паралич, Наркомпрос все свои силы направил на организацию внешкольной работы: ликвидацию безграмотности среди взрослого населения, на развитие клубной, музейной и библиотечной работы, а самое главное – подготовке педагогических кадров.

Основное внимание в период оккупации НКП уделял подготовке педагогических кадров и образованию взрослых. Во многих уездах, несмотря на тяжёлое положение, были организованы педагогические курсы, на которых обучались не только мужчины, но и женщины-азербайджанки (тогда были зарегистрированы как «тюрчанки»). В Загатале, например, были организованы полуторамесячные педагогические курсы, на которых готовились к преподаванию 50 курсантов [131, л. 29]. В октябре 1920 г. в Нухинском уезде около 150 учителей готовились на краткосрочных курсах. В этом уезде открылись 36 курсов для безграмотных, из них 5 для женщин. Кроме того, открылись 3 курса для малограмотных, из них 1 для женщин [131, л. 28], в Товузском уезде было выпущено 15 курсантов [132, л. 1]. При Бакинской мечети «Газапир» обучались 84 азербайджанки, при мечети «Хаджи Пирверди» обучались 132 курсанта, в Сабунчи – 140 курсантов и т.д. [117, л. 76].

27 ноября 1920 г. в помещении бывшей персидской школы «Иттихад» состоялся выпуск слушателей трёхмесячных

педагогических курсов [14, л. 116]. Сальянские вечерние учительские курсы выпустили 50 курсантов [9а, л. 55], Губинские педкурсы выпустили 115 курсантов, из них женщин-мусульманок – 15 [9а, л. 68]. Таким образом, Наркомпрос Азерб. ССР в тяжелейших условиях оккупации заботился о подготовке педагогов.

Несмотря на тяжелейший период, удачно функционировали годовичные Высшие педагогические курсы. На основании декрета Азревкома (февраль 1921 г.) паёк к содержанию для командированных на эти курсы выдавали их семьям [223, л. 64]. В то тяжёлое время, когда продукты питания были дефицитом и ценились очень высоко, такой паёк был весьма кстати.

Важным событием в строительстве новой школы и концентрации всех сил работников просвещения явился Первый съезд работников просвещения и социалистической культуры, созданный в Баку в сентябре 1920 г., на который прибыли делегаты из всех уездов Азербайджана. Особое внимание съезд уделил развёртыванию работы в области просвещения в уездах республики [376, 69]. Докладчики информировали съезд о том, что в уездах началась организация изб-читален, клубов, театров, а также детских садов, приютов, площадок. На этом съезде было отмечено, что в единственном уцелевшем от армянских действий селении Лагич Шамахинского уезда были организованы рабоче-крестьянский клуб им. Н.Нариманова с театральной секцией, женский клуб имени III Интернационала, кружок самообразования с вечерними курсами для взрослого неграмотного населения. В Гусаре открылись мужские и женские педагогические курсы, на которых было 200 слушателей. Выступавшие отмечали, что на Газахских педагогических курсах обучались 60 курсантов, а летом 1920 г. здесь функционировали курсы неграмотных [350].

Открылись также курсы для подготовки инструкторов

внешкольного образования. Для ликвидации безграмотности в АССР с мая по октябрь 1920 г. было открыто 310 школ ликбеза, из них на Баку приходилось 149 [352].

Однако и эта работа встречала большие трудности, т.к. воинские части своими разрушительными действиями мешали культурно-просветительной работе. Работники швейного профсоюза «Игла», например, приступили к ликвидации своей безграмотности, однако школа посещалась плохо вследствие введения десятичасового рабочего дня для выполнения срочных заказов XI Армии и отсутствия постоянного помещения [309].

Очаги просвещения открывались, но часто их деятельность не могла развиваться по вине оккупационной XI Красной Армии. Члены Профсоюза работников просвещения отмечали на съезде, что им приходилось сталкиваться с отсутствием помещений для культурно-просветительных организаций. Например, в Баку были организованы курсы по подготовке работников к трудовой школе. Но фактически из-за отсутствия помещения проведение в жизнь этого замечательного начинания стало невозможным [190, л. 34]. Организовали клуб, но скоро его помещение заняла военная санитарная часть [190, л. 35]. Деятели профсоюза с негодованием констатировали, что «мы ограничиваемся только словами, а практически не можем провести ни одного задания» [190, л. 36].

В Губе открылись краткосрочные курсы ликвидации безграмотности. На занятия с большим энтузиазмом записались рабочие и крестьяне, но все скамейки забрали и присвоили красноармейцы [190, л. 454].

В Лянкяране 26 сентября 1920 г. была организована женская секция. 10 января 1921 г. начались занятия в школе грамоты, которая была открыта при этой секции. Кроме того, были приняты меры к открытию женского клуба. Однако из-за наплыва воинских частей все подходящие помещения

были заняты военными учреждениями, и это мешало открытию клуба [70, л. 8].

Осенью 1920 г. даже детский сад в Лянкяране был занят войсками [234, л. 6]. Помещение женского клуба занял лазарет. Организатор-инструктор ЦК Гаджиева заявила в женотдел 1 марта 1921 г., что отказывается работать при таком положении [238, л. 246]. Осенью 1920 г. помещение рабоче-крестьянского клуба на станции Дзегам заняли войсковые части [184, л. 55]. В начале 1921 г. несмотря на энергичный протест со стороны педагогического коллектива Акстафинскую школу заняло военное ведомство. Школьное имущество частично было поломано, а частично реквизировано. Так как были реквизированы лампы – это лишило возможности продолжить работу на вечерних курсах ликвидации безграмотности. Наркомпрос требовал у Военного комиссара прекратить реквизиции в этой школе [125, л. 107, 108].

К концу июля 1920 г. в тяжелейших условиях оккупации в Бакинском уезде было организовано 8 крестьянских клубов. В сел. Мардакян была организована колония для детей [52, л. 26]. В женскую школу в сел. Хизи, рассчитанную на 25 человек, записалось 60 учениц [52, л. 27].

Открылся клуб в Акстафе. Однако большое здание, отведённое для этого клуба, было занято Особым отделом [9а, л. 133].

Особенно тяжело обстояли дела на культурно-просветительном поприще в Гянджинском уезде. В сводке от 25 и 26 октября 1920 г. сообщалось, что в участке Сафигюрд работа замерла, школа грамоты не функционирует, читальни и клубы тоже отсутствуют [67, л. 76].

Райкультвод (культурный отдел профсоюза водников) неоднократно обращался во все правительственные инстанции о предоставлении помещения под клубы водников. В помещение Общественного собрания, которое числилось за

Райкультводом, был переведён военный лазарет. Помещение Польского Дома, откуда 28-я дивизия должна была уйти и это помещение уже было предоставлено Райкультводу, перешло 32-ой дивизии, которая пришла на смену 28-ой дивизии. Без клуба работа Райкульвода была невыполнимой, так как он не мог организовать музыкальный, художественный и драматический кружки. Из-за отсутствия помещения летом 1920 г. бездействовала большая библиотека, не было также читальни для рабочих. Все это происходило вопреки декрету о ликвидации безграмотности, который вменял в обязанность всем органам власти удовлетворять запросы культурно-просветительных организаций преимущественно перед другими учреждениями. Особенно беспокоило водников то обстоятельство, что постановление III съезда Всероссийского Союза Работников Водного Транспорта гласило, что все неграмотные моряки, не обучившиеся к навигации 1921 г., будут исключены из членов Союза [24, л. 72].

С 27 мая 1920 г. начал формироваться Отряд особого назначения, высший командный состав которого дала XI Армия [85, л. 1]. Красноармейцы отряда заняли две комнаты в помещении партийной школы при ЦК АКП(б). Секретарю ЦК пришлось обратиться к начальнику отряда с предложением распорядиться об очистке помещения, но дело не двигалось [24, л. 215; 85, л. 2]. Таким образом, даже партийная школа при ЦК АКП(б) была занята красноармейцами отряда Особого назначения. И только 6 октября 1920 г. помещение школы ЦК, занятое красноармейцами Отряда Особого назначения при Бакинском Комитете АКП, было освобождено [77, л. 132].

Заведующий школьным подотделом и подотдел охраны детства и материнства ревкома просили в январе-феврале 1921 г. Гянджинский комитет компартии помочь освободить читальню [214, л. 2].

14 сентября 1920 г. организатор отдела по работе в де-

ревне Качаев докладывал в ЦК о том, что в Шамахе и Лагиче открыты детские приюты. Клубы, читальни, кружки самообразования имелись в 10 сёлах, но по заявлению самого заведующего отделом «только на бумаге» [65, л. 121]. Так, многие культурно-просветительные учреждения в период оккупации числились, но бездействовали по вине военных.

Однако, несмотря на тяжелое положение в Барде, например, в здании первой школы в октябре 1920 г. открыли читальню и библиотеку [80, л. 58]. В Сальяне был открыт детский приют для 50 детей и рабочий клуб [9а, л. 55].

Учителей в Губинском уезде было 160, школ – 119. Однако, ввиду того, что все школы пришли в негодность, были вынуты все рамы, не было дверей, занятия не проводились ни в одной из них. Однако в этом уезде открылись 48 школ грамоты для ликвидации безграмотности взрослых. Кроме того, в сёлах были открыты 3 клуба и 31 изба-читальня [9а, л. 68].

Из-за нехватки помещений в Агдаше не могли открыть школы, несмотря на то, что в это же время должностные лица занимали несколько квартир. Их хотели переселить в другое место, но они не согласились. По этой же причине в уезде в 1920 г. не смогли открыть ни одну школу грамотности, ни одну библиотеку. Только в Рабочем клубе имелась библиотека. Между тем, краткосрочные курсы здесь окончили 15 учителей, их распределили в уезде, но они вынуждены были бездействовать [9а, л. 43, 45]. Таким образом, новоиспечённые учителя не могли найти применения своим знаниям.

Национальным меньшинствам, проживавшим в АССР, тоже уделялось внимание. Например, ЦК АКП(б) предложил Центрожилотделу содействовать группе поволжских татар в приобретении помещения для библиотеки [24, л. 154].

Осенью 1920 г. в Бакинском уезде, несмотря на тяжёлые

условия, функционировали 12 рабоче-крестьянских клуба. Наркомпрод даже снабжал их хлебом, сыром, чаем и кишмишом [15, л. 171].

Развитие искусства тоже было в центре внимания Наркомпроса.

Наркомпрос прилагал все усилия для того, чтобы не было реквизировано помещение Государственного театра [125, л. 3]. Благодаря настойчивости НКП, у Особого отдела XI Армии был отвоёван Театр бывшего Армянского Человеколюбивого общества, где стали проходить репетиции и на начало 1921 г. были назначены постановки. У Особого отдела отстояли помещение бывшего синемаатографа «Амбир» для устройства театра при Драматической студии. К началу февраля 1921 г. даже предполагалось открытие этого театра. НКП входил в переговоры с Особым отделом и по поводу других синемаатографов, например «Луна парк» [123, л. 40].

В то же время Наркомпросу удалось спасти от реквизиции помещения кинотеатров «Экспресс» и «Французский» [125, л. 58]. Однако здание Русского государственного драматического театра (б. «Пель-мель») с жилыми помещениями при нём было занято военморами до 1 июня 1923 г. [141, л. 210].

В первый же месяц оккупации, 18 мая 1920 г. Наркомпрос предотвратил реквизицию военными организациями книг из частных библиотек граждан. Эти книги использовались Внешкольным отделом Наркомпроса для занятий с азербайджанскими трудящимися [125, л. 25].

НКП просил военное ведомство не реквизировать библиотеку им. Сабира [125, л. 106].

12 сентября 1920 года Н.Нариманов потребовал от руководства XI Армии освободить здания мечетей от постоя войск [263, 152; 270, 127].

Выписка из мусульманской газеты «Азербайджанская беднота» от 11 января 1921 г. дает характеристику уездов

того времени. «В Тер-Тере нет школ, сиротских домов. В Агдаринском районе культурно–просветительного дела нет. Школы хотя и имеются, но учебных пособий нет. В Таузском (Товузском – А.Н.) уезде ... школы хотя и есть, но учебных пособий нет. Детских приютов нет. В Евлахском районе только одна школа. Аптеки и фельдшера нет. В Ширване ... помощи медицины... нет. Культурных мероприятий не видно» [161, л. 356].

В телеграмме из Билясувара сообщалось, что туда в конце января 1921 г. прибыли начальник пограничного отряда и военком, приказали освободить помещение клуба и библиотеки-читальни. Все принадлежности бесцеременно были выброшены на улицу [165, л. 55]. Даже некоторые помещения, ранее занятые для детских домов, были взяты для военных надобностей [113, л. 7].

В октябре 1921 г. Политуправление Военно-Морского Комиссариата требовало освободить библиотеку еврейской школы, т.к. комнаты были необходимы под классы для военно-политических курсов [114, л. 50].

В дальнейшем культурно-просветительные и дошкольные учреждения также занимались красноармейцами. В Каниталинском районе, например, был детский приют «Ясли». Осенью 1921 г. детей выставили из приюта и открыли, якобы, просветительный клуб для раненых красноармейцев. Здесь дважды в неделю устраивались шумные танцевальные вечера, на которые допускались, как образно сообщала пресса, «все, кому охота танцевать и которые не только никогда в боях не были ранены, но даже никогда пороха не нюхали» [310].

В невероятно тяжёлых условиях оккупации началась просветительская работа среди женщин. Хавер Шабанова (жена Алигейдара Караева) в ноябре 1920 г. организовала в Агдаше женский отдел и клуб им. Нариманова [83, л. 102].

В Загатальский уезд была послана из ЦК для работы сре-

ди женщин русская женщина – коммунист. Она энергично взялась за работу среди мусульманских женщин, которые с пониманием отнеслись к ней. Но по истечении недолгого времени инструктор отказалась работать, так как эти женщины спрашивали у неё, почему советская власть отбирает имущество и расстреливает людей [2, л. 5, 6]. Так, работа среди женщин встречала много трудностей благодаря самому факту оккупации и установлению антиазербайджанского режима.

Таким образом, Наркомпрос решил заняться развитием культурно-просветительной работы, т.е. внешкольным образованием. Однако, XI Красная Армия мешала этой работе, забирая здания и оборудование культурных очагов для своих нужд. Бесцеремонность военных привела к тому, что многие очаги числились только на бумаге, и им приходилось бездействовать. Так, бесчинства XI Красной Армии негативно отразились и на культурно-просветительной работе, т.к. деятельность очагов этой сферы не могла развиваться.

§4. Просвещение красноармейцев в числе первостепенных задач Советской власти

В это трагическое для Азербайджана время просвещение воинов Красной Армии стало неотложной задачей Советской власти, так как и от этого во многом зависела боеспособность армии, а значит, и само существование Советской Республики [304, 121].

Огромное значение придавалось и повышению политической грамотности бойцов и командиров. В этом деле приоритетное место принадлежало политической литературе.

Армейские клубы, библиотеки получали большое количество центральных и местных газет. Если за две недели, с 25 июля по 10 августа 1920 г., политотделом 32-й стрелковой дивизии среди красноармейцев и населения было распределено свыше 21 тыс. экземпляров центральных, республиканских газет и газеты «Красный воин», то за две недели сентября было распределено уже свыше 30 тыс. экземпляров [304, 127, 128].

Таким образом, количество газет, распространявшихся среди солдат и командиров, непрерывно росло. Это было закономерно для нового строя, поскольку именно с этого времени газеты начинают исполнять роль главного политического пропагандиста, на которой базировалась идеологическая основа Советской власти.

Следует отметить, что борьба за ликвидацию неграмотности в армии началась с первых же месяцев её создания, но особенно широко она развернулась в XI Армии осенью 1920 г. [304, 135]. Например, на четырёх курсах грамоты для взрослых, открытых в Агдаше, учились 48 красноармейцев, и только 13 женщин и 60 мужчин из местного населения [51, л. 38]. К концу августа в XI Армии в целом было 63% грамотных, 23,9% малограмотных и 13,1% неграмотных [304, 136]. Тенденция к понижению процента неграмотности привела к тому, что в XI Армии уже «осенью 1920 года осталось всего 9,7% неграмотных» [369].

Красноармейцев обучали в школах 1-й ступени (неграмотные) и в школах 2-й ступени (малограмотные) в каждой роте, батарее, эскадроне и т.д. Обучение в них было обязательным, и для этого отводилось по 1,5-2 часа ежедневно. Организовывались также школы повышенного типа для грамотных красноармейцев, где они получали специальность по какой-либо отрасли народного хозяйства, которую могли применить после демобилизации. Красноармейцы, обучавшиеся грамоте, освобождались от внутренних наря-

дов, а увиливающие от учёбы подлежали наказанию в дисциплинарном порядке [314, 136, 137].

Успехи были налицо. С июня по октябрь удельный вес грамотных в армии вырос с 60,4% до 71%. По состоянию на 1 декабря 1920 года в армии осталось 5755 неграмотных бойцов, что составляло 8,5% от общего состава. В частях функционировало 398 школ I ступени, 32 школы II ступени. В красноармейских школах грамоты работало 507 учителей [304, 137].

В частях Красной Армии самыми популярными учреждениями культуры были красноармейские библиотеки. В мае 1920 г. в частях XI Армии функционировали 75 библиотек с общим количеством книг 20,5 тыс. экземпляров [304, 144, 145]. В сентябре 1920 г. армия располагала уже 157 библиотеками с книжным фондом 59794 экземпляра художественной, общественно-политической и военной литературы [304, 146].

Также предпринимались меры для улучшения клубного дела в армии.

Санчасть XI Армии совместно с Народным комиссариатом здравоохранения Азербайджанской ССР в январе 1921 года открыла при Бакинском Университете повторные курсы для военных и гражданских врачей. Кроме лекций, которые читали преподаватели университета, под их руководством на курсах велись практические занятия. 5 января были открыты шестинедельные курсы медицинских сестёр. А 25 февраля 16 девушек, окончивших курсы, получили звание сестёр милосердия и были распределены в лечебные учреждения Бакинского эвакуопункта [304, 164]. Таким образом, в Азербайджане проходили подготовку даже медицинские работники для XI Армии.

Пристальное внимание вынужден был уделять работе по ликвидации неграмотности среди красноармейцев и Наркомпрос республики. В сентябре 1920 года 50 лучших

гянджинских учителей были командированы в красноармейские школы для борьбы с неграмотностью. В Газахе от некогда «богатых школ осталось одно воспоминание», а учителя были заняты просвещением красноармейцев. [350].

В декабре 1920 г. на основе решения коллегии Наркомпроса в распоряжение Красной Армии было отправлено ещё 200 человек [376, 53].

Делались и популистские жесты со стороны армии в отношении местного населения. Например, при штабе Куринской флотилии открылась школа тюркского языка. Задача этой школы была путём ознакомления с тюркским языком сблизить, якобы, военморов и красноармейцев с местным мусульманским трудовым населением. [319]. Как известно, в этот период солдаты не проявляли уважения ни к языку, ни к традициям местного населения.

Красноармейцы не только ликвидировали свою безграмотность, обучались новым профессиям, но и приобщались к искусству. Ветеран азербайджанской сцены Мустафа Марданов вспоминал, что уже спустя десять дней после переворота в Баку для бойцов и командиров Красной Армии была сыграна пьеса Н.Нариманова «Шамдан-бек», а в оперном театре с успехом шла музыкальная комедия Уз.Гаджибекова «Не та, так эта». В роли Мешади Ибада выступал знаменитый актёр Мирза Ага Алиев, впоследствии народный артист СССР, а в роли Сарвара – талантливейший певец Г.Сарабский [371, 96].

В тяжелейший для гянджинцев период 16 июня 1920 г. в Народном Доме для красноармейцев был устроен спектакль «Лес», а также 2 спектакля в немецкой колонии [87, л. 25].

Солдаты XI Красной Армии в последующие месяцы получили 500, а моряки – 50 билетов в Государственный театр. Однако солдат не было видно на спектаклях, поскольку они открыто спекулировали билетами. [9а, л. 149]. Таким образом, не всегда приобщение к искусству завершалось

успехом.

Можно сделать следующий вывод. Просвещение азербайджанского народа в период оккупации стало проблематичным. В то же время в числе наиглавнейших задач новой власти выступило просвещение воинов XI Красной Армии, приобщение их к культуре и искусству.

§5. Проблемы интеллигентов – просветителей в период произвола

Период оккупации прибавил много проблем педагогам. Во время установления новой власти учителя обязаны были помогать ревкомам, т.к. многие сотрудники ревкомов были безграмотными, причём осуществлялось это в принудительной форме.

Летом 1920 г. вся трудоспособная интеллигенция Шамхорского уезда, например, была зарегистрирована и мобилизована для привлечения к работам при отделах уездного ревкома. Районным и сельским ревкомам вменялось в обязанность не позже 17 июля представить в уездный ревком их список. Предупреждалось, что уклоняющиеся считаются дезертирами и передаются суду военно-революционного трибунала [182, л. 72]. Таким образом, вместо летнего отпуска учителя и другие интеллигентные работники в период оккупации принуждались к административной работе в революционных органах местной власти.

Материальное положение учителей, между тем, было очень тяжёлым. Заведующий отделом образования Гянджинского уезда Эминбейли 16 декабря 1920 г. в телеграмме Н.Нариманову сообщал, что «учителя и служащие ... месяцами не получают содержания и поэтому вынуждены про-

давать свои домашние вещи и еле поддерживать своё существование» [53, л. 125].

Исследуемый период был чрезвычайно сложным для многих работников просвещения. У них появились жилищные проблемы. Как известно, в этот период реквизировались многие квартиры в Баку и уездах, деятели просвещения подвергались незаконным репрессиям. Азербайджанское правительство пыталось оградить их от произвола, издавая указы, ограничивающие права военных. Так, 28 сентября 1920 г. Азревком издал декрет, шестой пункт которого гласил: «Аресты, задержания, обыски по отношению к работникам просвещения могут быть производимы лишь по согласованию с наркомпросом». Седьмой пункт защищал работников просвещения от незаконных реквизиций их квартир, а восьмой пункт запрещал конфискацию их имущества. Всем работникам просвещения было дано право на занятие ещё одной комнаты сверх установленных жилищных норм для работы дома [332, 303].

Однако и после этого декрета нарушались права членов профессионального Союза работников просвещения и социалистической культуры, созданного после апрельской оккупации. Например, в Гяндже производились незаконные реквизиции жилищных помещений (квартиры Вердиева и Гамбар оглы), производились обыски без ведома Наркомпроса (у Хулуфлу и Бабекевховой). Правление Союза Гянджинского уезда 11 октября 1920 г. обратилось в Наркомпрос и Азербайджанский Совет профсоюзов с изложением этих фактов и требованием оградить работников просвещения от незаконных репрессий [142, л. 6].

Таким образом, несмотря на декрет Азревкома о том, что доктора и педагоги не подлежали выселению из своих квартир, в некоторых случаях, они тоже подвергались незаконному выселению [236, л. 29]. На нарушение декрета Азревкома (сентябрь 1920 г.), т. е. на незаконные реквизиции

квартир и пр., от работников просвещения неоднократно поступали жалобы в Губчека. Последний в свою очередь предлагал всем советским учреждениям при реквизиции квартир строго придерживаться этого декрета [213, л. 57], что также во многих случаях оставалось на словах.

Безобразия и произвол продолжались и осенью 1921 г. В квартиры преподавателей вселяли чужих людей. Например, в квартиру преподавателя бакинских средних учебных заведений, лектора гуманитарных наук Техникума Водного транспорта и Экономического техникума Л.В.Перчихина (63 года) вселили молодого, нигде не работающего (бывшего работника Наркомзема) человека, который самовольно захватил вещи хозяина. Хозяином был предъявлен иск, который Народный суд удовлетворил. Однако злключения учителя этим не завершились. В его отсутствие явился сотрудник Баксовета Газаров и без ведома хозяина реквизировал мебель, матрацы и даже единственную ванну для стирки белья, несмотря на то, что это было противозаконно, т.к. по закону принадлежавшие работникам просвещения и их семьям бельё, мебель и т.п. хозяйственное имущество конфискации и реквизиции не подлежало. Дом Перчихина был забронирован за военным ведомством. Старый работник просвещения сокрушался, почему он должен служить жертвой, причём в период новой экономической политики. Письмо-жалоба датировано 5 сентября 1921 г. [198, л. 188, 189]. Таким образом, оккупационная политика продолжалась ещё длительное время, а уплотнения квартир имели место и в 1921 году. При этом имущество незаконно подвергалось реквизиции.

Многие квартиры интеллигентных граждан (в тот период использовался термин «буржуазные квартиры») были заняты красноармейскими частями, а также военными и военморами. Много музыкальных инструментов в квартирах было испорчено [112, л. 13]. Из частных квартир реквизиро-

вались пианино и рояли [115, л. 12]. Наркомпрос обращался в АКП(б) и Центральный Жилищный отдел с просьбой о выдаче инструментов владельцам. Например, в конце августа 1920 г. Наркомпрос просил о возвращении пианино производства Беккер преподавательнице Блювштейн [14, л. 50], у которой 15 июля 1920 г. была реквизирована комната со всей обстановкой [14, л. 51]. При этом Наркомпрос учитывал, что без инструмента преподавательская работа учителей музыки просто невозможна.

Наглость отдельных военных зашла так далеко, что даже Политотдел XI Армии вынужден был объявить о запрещении самочинной реквизиции музыкальных инструментов. Со всеми требованиями на инструменты надлежало обращаться в Политотдел армии [362].

Работникам Наркомпроса и Профсоюза часто приходилось бросать текущую работу, бегать с обращениями в жилищную комиссию из-за уплотнений квартир, сталкиваясь при этом с грубостью чиновников. Были дни, когда все работники канцелярии, члены президиума были заняты исключительно тем, что писали письма, отношения и ходатайства, чтобы оградить работников просвещения от выселения. Иногда работников просвещения и культуры «выкидывали из комнаты прямо на улицу». Учителя сталкивались с очень тяжёлыми условиями, при которых невозможно было жить и работать, например, вынуждены были из-за уплотнений квартир жить в проходных комнатах с чужими людьми и детьми. Одной учительнице, например, в квартиру вселили умственно больного человека, при котором абсолютно невозможно было готовиться к урокам [190, л. 39].

Наркомпросу летом 1920 г. удалось спасти от реквизиции квартиры многих деятелей просвещения, например, квартиру заведующей педагогическими курсами Медины х. Киясбековой [125, л. 19], Тагиевского дома для служащих Наркомпроса [125, л. 92], а также заведующего тюркской семи-

нарией и 13 учителей из занимаемой ими квартиры [125, л. 94], квартиры учителей Консерватории [125, л. 102], квартиры учительницы А.х.Усуббековой и служащей Наркомпроса Ш.х.Гаспиринской [125, л. 101], профессора Л.Г.Лопатинского [125, л. 22], члена редакционной коллегии Известий Наркомпроса «Ахбар» Омара Фаика Неманзаде [125, л. 21], секретаря Наркомпроса Али Аббаса Музниба [125, л. 23], квартиру заведующего канцелярией школьного отдела Ал.Платонова [125, л. 33], управделами Наркомпроса Наби Мамедова [125, л. 34, 35], недвижимость Салмана Мумтаза [163, л. 132] и других представителей азербайджанской научной и творческой интеллигенции.

Также Наркомпрос осенью 1920 г. ходатайствовал перед центральным жилищным отделом об отводе квартир приехавшим из Советской России для преподавания в вузах Азербайджанской ССР таким профессорам, как Жузэ, Маковельскому, Гуляеву [125, л. 69].

ЦК АКП(б) также выступал инициатором ограждения людей от реквизиций их квартир. В основном это касалось партийных работников. Но были и исключения. Например, ЦК предложил Центрожилотделу отменить реквизицию двухкомнатной квартиры Лерман – инструктора библиотечного подотдела при Наркомпросе [24, л. 89].

В исследуемый период студенты относились к интеллигентной прослойке общества.

Следует отметить, что открытый правительством Азербайджанской Республики в 1919 году Бакинский Государственный Университет благодаря правительству АССР продолжал успешно функционировать и в оккупационный период. Ввиду чрезмерного наплыва студентов в БГУ, Азревком 13 ноября 1920 года постановил принять в текущем учебном году сверх комплекта 100 человек [381, 402].

Но у студентов тоже появились проблемы и трудности.

Как неоднократно подчёркивалось выше, XI Армия во-

обще не признавала даже Азревком, действуя вопреки его декретам. В Азербайджанской ССР все студенты были освобождены от воинской повинности, чтобы иметь возможность продолжать учёбу. Они были командированы Азревкомом с мест службы в места учёбы. Но, несмотря на этот декрет XI Армия отказывалась освобождать студентов, служивших в её рядах. Нарком просвещения Д.Буниатзаде был вынужден отправить телеграмму Ленину с просьбой сделать соответствующее распоряжение [263, 54].

Ещё одна проблема беспокоила интеллигенцию.

Так же, как и всё население, от произвола силовых органов новой власти страдали и работники просвещения. Местные Чрезвычайные Следственные комиссии производили аресты людей без ведома их начальства, которое зачастую узнавало об аресте сотрудника спустя продолжительное время. Особая смешанная комиссия отметила такой случай, когда агент, явившийся в школу во время урока арестовать учителя, не исполнил просьбу директора подождать с арестом 10 минут до окончания урока и арестовал учителя в классе на глазах у учеников [10, л. 90].

Такие явления дискредитировали советскую власть. Декреты Азревкома оказались недостаточными для Чрезвычайной Следственной комиссии, местные представители которой, не считаясь с декретами Азревкома, продолжали без достаточного основания и без ведома начальства арестовывать советских служащих (часто незаменимых) [10, л. 90].

Много усилий для ограждения азербайджанской интеллигенции от репрессий приложил Н.Нариманов. Спасая интеллигенцию из кровавых рук Панкротова, Нариманов фактически действовал и выглядел как оппозиционер. Благодаря его усилиям не был репрессирован крупнейший нефтепромышленник – меценат Гаджи Зейналабдин Тагиев, у которого было только конфисковано имущество, великий

композитор и редактор газеты «Азербайджан» Узеир бек Гаджибеков, учёный Азиз Шариф [270, 117, 119].

В период оккупации прибавились проблемы у религиозных деятелей, которые тоже просвещали народ, занимались его духовным воспитанием. В первый же год советской власти начались притеснения верующих и гонения на ислам и мусульманские традиции. В бытность XI Красной Армии в Азербайджане по иронии судьбы и истории особо значимый для мусульман день траурного месяца магеррам – 40-й день ашуры – в 1920 г. попал на 7 ноября. На заседании Оргбюро ЦК АКП 2 ноября А.Караев сообщил о том, что 7 ноября в мусульманских частях города будут отмечать «Шахсей-Вахсей» и это может отразиться на празднике Октябрьской революции. Оргбюро поручило Нариманову предложить аксакалам шествий по городу в этот день не устраивать [67, л. 92].

Власть, однако, демагогически декларировала свободу совести. Но, несмотря на провозглашение лояльности к верующим, многие религиозные деятели оккупационным режимом были репрессированы. Н.Нариманову удалось освободить из-под ареста религиозных просветителей Пишнамазде, Имамзаде, Наби оглу [270, 118].

Азербайджанские просветители продолжали честно трудиться во благо родного народа и при новом строе.

Многие выдающиеся представители азербайджанской интеллигенции были приглашены в бытность Н.Нариманова в Азербайджане, особенно в 1920-1921 гг., на работу. Например, в систему Наркомпроса были приглашены Узеир бек Гаджибеков, Абдурагим бек Ахвердов, Сулейман Сани Ахундов, Абдулла бек Субханвердиханов, Азим Азимзаде, Мустафа Векилов, Таги Шахбази, Бююкага Талыблы, Мирза Джалил Мамедкулизаде [270, 117, 119, 120, 124, 125]. В 1920 году по приглашению Н.Нариманова в Баку приехал работать Бекир Чобанзаде [270, 124].

Однако следует отметить, что большинство преподавателей, приехавших из Турции в период национального правительства, в первые годы Советской власти покинули Азербайджан и возвратились на Родину [291, 76].

Никакие проблемы и тяжёлое положение просветителей не могли препятствовать сопротивлению их оккупационному режиму.

Как указывалось во второй главе, несмотря на все преследования новой власти, выдающиеся представители азербайджанского народа продолжали борьбу за независимость. Подпольная организация «Мусават» вела работу под руководством Мирзабала Мамедзаде. Следует отметить, что для пропаганды использовались библиотеки и клубы, например, библиотеки им. М.А.Сабира и М.Азизбекова. До середины 1923 г. было выпущено 19 номеров подпольной газеты «Истиглал». Народ материально поддерживал тайную организацию «Мусават». Мамедгасан Бахарлы собирал взносы. А квартира учителя Абдулла бека Субханвердиханова была превращена в склад вещей. М.Бахарлы реализовывал эти вещи и решал финансовые проблемы организации [271, 108-111]. Таким образом, репрессии советской власти не сломили дух борьбы многих азербайджанских интеллигентов-просветителей, продолжавших подпольную работу в крайне опасных условиях и поплатившихся в будущем за это своими жизнями.

§6. Культура – идеологическое оружие оккупационного режима

Культпросвещение и искусство стали еще одним идеологическим оружием нового строя. Вся культурно-просветительная работа должна была строго соответствовать формату большевистских партийных канонов. Не только в Баку,

но в районах республики эта работа началась с первых же дней советской власти.

Отдел народного образования Казахского ревкома отремонтировал в городе помещение для Народного театра, создал драматический кружок и приступил с 4 января 1921 г. к постановке ряда спектаклей и вечеров культурно-просветительного характера в новом советском духе [46, л. 98]. Так, театр превратился в идеологическое оружие большевистской власти.

13 июля 1920 г. в Кюндамирском рабочем клубе была показана драма на русском языке «Железо, огонь и люди». Перед началом спектакля состоялся митинг, на котором выступивший Мухтар Теймурханов затронул тему коммунистического просвещения бедноты. Мурсал Гусейнов (председатель комитета партии) дал разъяснения по поводу нового строя и будущего страны [91, л. 51].

Огромной популярностью среди местного населения пользовалось творчество У.Гаджибекова. 26 июля в Рабочем клубе было представление оперы «О олмасун бу олсун», в котором участвовали артисты: завклубом С.Гусейнов, Агалар Алиев, Теймур Азизов, Алигусейн Абдулов, Алиджаббар Дамиров, Абдурахим Зейналов, А.Абдуллаев, Агасаф Шихалиев, М.Эфендиев, Г.Магсудов, М.Мамедов, Б.Ахмедов. До представления состоялся митинг, на котором Мурсал Гусейнов говорил о значении театра [91, л. 43]. 5 августа 1920 г. в сел. Алаверди Кюндамирского участка местными любителями была показана оперетта «Аршин мал алан». Перед началом театра также состоялся митинг. Выступавшие говорили о театральном просвещении народа [91, л. 33]. Таким образом, используя искреннюю любовь народа к творчеству гениального композитора, новая власть приобщала народ к митингам, на которых пропагандировались идеи коммунизма.

Следует отметить, что в 1919 г. были заложены основы

музейного дела. В июне 1920 г. по решению советского правительства Азербайджана специальным постановлением была создана Музейно-экскурсионная секция при отделе просвещения Временного Бакинского Ревкома, которая руководила организацией музеев [345, 24]. Однако и это благородное дело проводилось в жизнь в духе нового строя, сопровождаясь конфискациями ценных вещей и произведений искусства у бывших владельцев. Первый же Учебный музей родного края «Истиглал» был создан в бывшем доме миллионера и мецената Г.З.Тагиева. В связи с этим Музейно-экскурсионная секция 7 июля 1920 г. обратилась к председателю комиссии по ревизии сейфов в Государственных банках при Наркомфине с письмом, где говорилось: «Просим все старые деньги, оружие и другие вещи, имеющие археологическую или научную ценность, присылать в Учебный музей родного края, находящийся в доме Тагиева по Барятинской ул. Вход с Горчаковской, 2-ой этаж» [345, 24-25].

Так, самый щедрый меценат не только Азербайджана, но и всего мусульманского Востока был вынужден в престарелом возрасте доживать последние дни на даче, а его роскошный дом был превращён в музей, пропагандирующий идеи Ленина и Октября. Такая несправедливость могла иметь место только при антидемократическом режиме.

Для пополнения экспонатов обращались даже напрямую к XI Армии.

В письме заведующему полевой почтой XI Армии от 10 июля 1920 г. Музэккурс просил отпустить «под расписку в Учебный музей родного края находящиеся в доме Бенкендорфа художественные картины и комнатную обстановку, представляющую художественную ценность» [345, 26].

Квартира Бехбуд хана Джаваншира была отнята, а вещи перешли в музей.

В письме заведующему подотделом Музэккурса от 24

июля 1920 г. заведующий внешкольным отделом Народного комиссариата просвещения Азербайджанской республики писал: «По определению наркома просвещения тов. Буниатзаде прошу из бывшей квартиры инженера Бехбуда Джаваншир по Николаевской ул. (ныне квартира тов. Караева и Гусейнова) взять все музейные вещи в Учебный музей» [345, 25].

Как указывалось ранее, в период оккупации имело место разоружение азербайджанского населения.

В письме начальнику гарнизона Баку говорилось о том, что «среди сданного оружия имеется много оружия, не представляющего современного боевого значения (кремневые пистолеты и т.д.), но имеющего археологическую и художественную ценность. Озабочиваясь возможно лучшим использованием такого оружия, представляющего для Музея особую ценность, подотдел Музэкскурс отдела внешкольного образования просит разрешить представителю Музея составить список оружия, имеющего археологическую ценность, из числа сданного Вам для последующего возбуждения ходатайства о передаче их Музею» [345, 25]. Так, музей пополнял свои экспонаты древним оружием, конфискованным у населения.

В коллекцию музея поступали интересные экспонаты, взятые из реквизированного у «буржуазии» имущества. Можно привести письмо в наркомпрос от 12 декабря 1920 г.: «Среди предметов, реквизированных в последнее время у буржуазии, могут встретиться весьма полезные для Государственного Музея: старинные монеты, утварь, украшения, художественные картины, научные коллекции и т.п. Прошу Вашего распоряжения о допущении заведующего археологическим отделом к участию при разборке реквизированных вещей с целью выделения подходящих из них для Госмузея» [345, 26].

Музэкскурс обращался в районные Исполкомы Губы,

Шамахи и других городов Азербайджана с просьбой присылать ценности, имеющие историческое значение.

Уже первые месяцы существования Учебного музея показали необходимость дальнейшего расширения его функции и прав. 21 октября 1920 г. Коллегия Музея постановила присвоить Музею наименование, «точно определяющее его общегосударственное значение», а именно: «Государственный Музей АССР». Это постановление было утверждено внешкольным отделом Наркомпроса [345, 26].

Следует отметить, что музей выполнял не только просветительные функции. Он превратился в агитационно-пропагандистский рупор советской власти, и таким образом выполнял идеологическую функцию. Несколько десятилетий, т.е. весь советский период вплоть до 1991 г., экспозиция Музея истории Азербайджана рассказывала бакинцам и гостям города «о подготовке и проведении восстания в апреле 1920 г., а также об огромной братской помощи великого русского народа, приславшего для поддержки восставшему Азербайджану XI Красную Армию».

В центре зала находилась витрина с двумя богато отделанными шашками одного из командиров XI Красной Армии М.Г.Ефремова, преподнесёнными ему Советским правительством Азербайджана и населением Гянджи, а также адрес Советского правительства Азербайджана одному из комиссаров частей XI Армии И.Г.Дудину, орден Боевого Красного Знамени Азербайджанской ССР, которым награждались участники борьбы за установление Советской власти в Азербайджане. На стене висели портреты руководителей Азревкома: Н.Нариманова, Г.Мусабекова, А.Караева, Г.Султанова, М.Гусейнова [254, 30].

Первые коммунисты Азербайджана руководили не только боевым фронтом против своего народа. С первых дней переворота они стали руководить и идеологическим фронтом, направленным опять против национальных интересов

своего народа. Например, Оргбюро ЦК АКП 23 сентября 1920 г. поручило А.Караеву заняться агитационной и пропагандистской работой, принимая самое активное участие в работе Центропечати [6, л. 21]. А за неделю до этого, 16 сентября 1920 г. Оргбюро, заслушав заявление Лукина о том, что мусульманские издания по сведениям его агентов писались «на полуарабском непонятном» для них языке, постановило поручить Караеву редактирование мусульманских изданий [6, л. 18]. Для справки хочется отметить, что Лукин был членом РКП; работал старшим морским начальником рейда Энзели; будучи командиром речного отряда на р. Куре, активно участвовал в боевых операциях против азербайджанских патриотов на Куре и Араксе [36, л. 70].

Пропагандой новой идеологии усиленно занимался Политотдел XI Армии. В июле 1920 г. Политический отдел потребовал у Бакинского комитета АКП срочно сообщить, что им сделано по вопросу о переводе «Азбуки коммунизма» на азербайджанский, персидский и армянский языки [68, л. 67]. Так, XI Армия выступала в качестве проводника советской идеологии в азербайджанские массы. Её интересовало, прежде всего, политическое просвещение масс, а классическое образование отходило на второй план.

Немаловажным проводником пролетарской идеологии в массы стали агитационные поезда. Предметом обсуждения Оргбюро 23 сентября 1920 г. была деятельность этих агитпоездов. Было решено оставить в Азербайджане 2 агитпоезда: один – поезд Пура – должен был обслуживать исключительно Азербайджан, другой, фактическое управление которым находилось в руках Центроагита – Азербайджан и мусульманскую часть Северного Кавказа. Оба агитпоезда начали функционировать с осени 1920 г. [6, л. 21].

Народный артист Азербайджанской ССР Мустафа Марданов в своих мемуарах касается деятельности агитпоездов. В середине 1920 г. Политуправление Красной Армии назна-

чило М.Марданова режиссёром, а затем начальником организованного агитпоезда «Красный Азербайджан». В составе агитпоезда находилась художественная бригада из двенадцати актёров и музыкантов. Среди них был актёр и партийный агитатор Ашраф Юзбашев, член компартии с 1910 года, в прошлом опытный подпольщик-большевик. Бригаде была придана походная типография, выпускавшая воззвания и листовки от имени ЦК КП Азербайджана и Политуправления Красной Армии. Некоторые актёры и музыканты были одновременно наборщиками и редакторами. На агитпоезде выезжали видные советские деятели С.Агамалиоглы, А.Г.Караев, Г.Султанов и др. [371, 97].

М.Марданов вспоминал, что однажды с бригадой агитпоезда беседовал Н.Нариманов, который объяснил значение политической агитации в укреплении Красной Армии и советской власти. Вместе с тем, он указал на ошибки, упрекнул в том, что агитбригада недостаточно часто выезжала в отдалённые селения. Нариманов дал поручение – выезжать подальше от железной дороги, выступать в сёлах и в беседах с крестьянами рассказать о значении первых декретов Советской власти [371, 97]. Таким образом, защищая национальные и духовные ценности азербайджанского народа, Н.Нариманов одновременно ратовал за новую, социалистическую идеологию, что вполне понятно.

Оргбюро ЦК АКП 5 сентября 1920 г. постановило передать всех сотрудников и все материалы Агитпоезда Наркомвоенмора в ведение Наркомпроса [6, л. 15]. А 16 сентября 1920 г. Оргбюро постановило передать Агитпоезд в ведение Азревкома [6, л. 18]. Это свидетельствует о том, что Агитпоезду придавалось наиважнейшее государственное значение.

В дело пропагандирования идеи нового строя активно включились местные партийные организации. 12 ноября Товузский комитет партии на ст. Товуз организовал митинг

при участии сотрудников агитпоезда «Красный Азербайджан» на тему положения Советской России, Азербайджана и третьей годовщины советской власти. Была принята резолюция, в которой говорилось о желании скорейшего взрыва мировой революции и освобождения угнетённых народов Востока. После митинга состоялся концерт [63, л. 64-66]. Понятно, что местное население в такой тяжёлый период было озабочено своей собственной судьбой, а не резолюциями о мировой революции, которые навязывались ему сверху.

В скором времени был сформирован второй агитпоезд. Здесь были собраны популярные актёры драмы, оперы, музыкальной комедии, лучшие учителя, библиотекари и другие деятели культуры и искусства [371, 98].

14 октября 1920 г. из Баку по направлению к ст. Пойлы выехал агитпоезд «Имени 26». С поездом были командированы инструктора от наркомов (от Наркомпроса Микаэлян (библиотечный подотдел) и Аджалов (подотдел внешкольного образования), концертная труппа из русских и тюркских артистов, духовой оркестр и тюркский оркестр. Из доклада политического комиссара агитпоезда Рохлина о работе, произведённой в первый рейс, ясно, что за 40 дней на 15 железнодорожных станциях, в 10 селениях и 3 уездных городах было устроено 47 концертов и митингов. Темы митингов были следующие: «Неделя крестьянина», «Что даёт крестьянству Советская власть», «Комитеты бедноты», «Сельскохозяйственные коммуны и трудовые артели», «Три года Советской власти», «Разгром Врангеля». Количество слушателей на митингах превышало 15 тыс. человек [10, л. 61]. Так, на митингах под видом культурно-просветительской работы проводилась массовая идеологическая агитация и пропаганда.

Летом 1920 г. был оборудован агитпароход, отправившийся 18 августа из Баку в Лянкяран. На агитпароходе ра-

ботала мусульманская труппа из 14 человек и 8 музыкантов, а также русская труппа и музыканты. Спектакли «Под красные знамёна» и «Последний день Парижской Коммуны» носили, конечно же, пропагандистский характер, не представляя особой художественной ценности [67, л. 56].

Цель культурной работы в новых условиях была одна – изменить психологию населения. Это касалось не только взрослых людей. Психологической и идеологической атакам подвергалось юное поколение.

Изменить психологию подрастающего поколения, воспитать их в коммунистическом духе – эту задачу ставила перед собой новая власть сразу после завершения оккупации. Весной 1921 г. Чингиз Ильдырым объехал порученные ему Гарягинский, Шушинский и Губатлинский уезды для проведения выборов на Всеазербайджанский Съезд Советов. В докладной записке в ЦК, Азревком, ВЭС он с сожалением отмечал, что в Шуше работа в области просвещения носит строго национальный характер. В семинарии дети пели исключительно шовинистические национальные песни, в которых воспевалась нация турок, Джихад и т.д. «Вся спальня курсантов увешена портретами разных пашей, начиная от Мустафы Кемаль-паши, Зии паши и других пашей. На вопрос, почему все паши, директор семинарии М.Илиасов ответил: «Все эти Паши – литераторы Турции». Мною было сделано распоряжение убрать портреты этих пашей и украсить зал портретами вождей III-го Интернационала. Детские сады в таком же духе ...» [101, л. 50].

Таким образом, истинные национальные ценности постепенно заменялись «ценностями» надуманными и внедрялись в сознание взрослых и детей. Для этого новая власть использовала культурно-просветительные учреждения. Присутствие оккупационной армии в республике гарантировало новой советской власти успех и в этом деле.

Подводя итоги главы, можно заключить, что оккупация

Северного Азербайджана XI Красной Армией имела очень тяжёлые последствия для образовательной сферы, а также материально-технической базы учебных заведений.

Реквизиции помещений и имущества учебных заведений осуществлялись вопреки противодействию местной советской власти и Наркомпроса. Это свидетельствовало о том, что XI Красная Армия действовала как оккупационная и вражеская.

В результате пребывания XI Красной Армии в Северном Азербайджане материально-техническая база учебных заведений, десятилетиями созданная в тяжёлых исторических условиях царизма и укреплённая демократическим правительством суверенной Азербайджанской Республики в 1918-1920 гг., в течение нескольких месяцев пришла в такой упадок, что после ухода армии остались груды развалившегося испорченного имущества. Это тяжёлое бремя отразилось на учебных заведениях и в последующие годы.

АКП(б), ревкомы и органы просвещения всеми силами пытались предотвратить негативные последствия размещения частей XI Красной Армии в учебных заведениях республики. Тем не менее, нехватка помещений и слабая материально-техническая база системы народного образования ещё долго давали о себе знать.

Азербайджанские дети в 1920-1921 учебном году остались за бортом школы, а учителя без работы из-за того, что школы были заняты военными. Лучшие учителя тем временем вынуждены были помогать ликвидировать неграмотность среди красноармейцев. Деятельность Наркомпроса в области школьного строительства в 1920/21 учебном году свелась к нулю, так как произошло неслыханное событие – первый учебный год при Советской власти не состоялся. Поэтому Наркомпрос направил свои усилия на подготовку кадров учителей, организацию культурно-просветительной работы и внешкольного образования. В этот период разви-

тие получило музейное дело. Однако культурно-просветительная работа встречала трудности, связанные с присутствием в республике огромной оккупационной армии.

Следует отметить, что вся культпросветработа была пронизана новой идеологией, чуждой для азербайджанского народа. А музей, по сути, являлся выставкой народного имущества, награбленного с оружием в руках.

Также НКП предпринимал меры для спасения квартир учителей от реквизиций. Несмотря на тяжёлую политическую ситуацию в республике, в июне 1920 г. собрался съезд народных учителей и учительниц Бакинского уезда, мобилирующий учителей на строительство новой социалистической школы. А в сентябре 1920 г. был созван Первый съезд работников просвещения и социалистической культуры, который принял важные решения в области просвещения.

В течение последующих лет была проведена огромная работа по восстановлению и укреплению материально-технической базы народного образования, сильно пострадавшего от первых лет советской оккупации, развёртыванию сети учебных заведений, созданию всех необходимых условий по широкому притоку учащихся в учебные заведения республики.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Книга эта – о некоторых аспектах оккупации Северного Азербайджана весной 1920 г. XI Красной Армией, первом аккорде ленинско-сталинской политики, лицемерно и старательно в течение многих лет в советской империи преподносимом совершенно в противоположном духе. Очевидно, апологеты советской системы были уверены в том, что эта трагическая страница в истории азербайджанского народа канет в небытие, так как уйдут из жизни все очевидцы истории, и оккупанты, и жертвы оккупации. Но надежды, не только светлые, но и тёмные, не всегда оправдываются. Народная память сохранила и передала будущим поколениям многие воспоминания, хоть и не радостные, но правдивые, помогающие воссоздать реальную картину тех лет. А исторические архивы сохранили документы, которые помогли в научном плане доказать, что то, что называлось освободительной миссией и интернациональной помощью, на самом деле явилось оккупацией.

Из всего изложенного сделаем обобщающие выводы.

27 апреля 1920 г. независимая демократическая Азербайджанская Республика прекратила своё существование в результате оккупации Северного Азербайджана Советской Россией. С этого дня начался новый этап развития Азербайджана теперь уже в рамках советской империи. В Азербайджанской ССР государственная власть стала строиться по образцу РСФСР.

Как известно, азербайджанский народ поднялся на борьбу против оккупантов. Во многих регионах Азербайджана начались антисоветские восстания. Однако эти восстания были жестоко подавлены XI Армией. За «освободительную миссию» местные большевики и военачальники Красной Армии были награждены большевистскими орденами.

В стране установилось господство террора. Особый отдел беспощадно уничтожал всех защитников своего отечества, среди которых был и цвет азербайджанской интеллигенции – мозг и совесть нации.

Были наказаны не только лидеры независимости, военные, но и все, кто был косвенно причастен к антисоветским восстаниям. Все партии, за исключением большевистской, постепенно ушли с исторической арены – в стране установилась однопартийная система.

Профессор Ширмамед Гусейнов в присущей ему манере выразился так: «28 мая и 28 апреля – две знаменательные даты в истории Азербайджана – одна знаменует освобождение, другая – кровавую большевистскую оккупацию, день начала бесчеловечного и лицемерного полицейского режима. С этого дня свобода и независимость были подавлены превосходящими силами, огнём и мечом большевистской русской красной армии. В этой борьбе, полной трагедий и героизма, пали десятки тысяч сынов нации. Над истинными патриотами и националистами была учинена расправа» [329, 33].

Оккупация Северного Азербайджана в апреле 1920 г. повлекла за собой тяжелейшие последствия, как для жизни отдельных граждан республики, так и общества в целом. Лучшие сыны Отечества были казнены. Жизнь тысяч людей была трагически прервана. Некоторым удалось эмигрировать, что тоже означало в той или иной форме потерю их для Родины, так как они были объявлены персонами «нон-грата».

Негативные последствия эта интервенция имела и в политической, хозяйственной и культурной жизни Республики. Оккупация негативно отразилась на жилищной проблеме и бытовой жизни рядовых граждан, которые испытали на себе все тяготы расквартирования и обеспечения огромной армии РСФСР. Бесчинства красноармейцев имели место в городах и сёлах Азербайджана. Подстрекательскую роль в бесчинствах Красной Армии сыграли армяне, которые использовали тяжёлую ситуацию в своих антиазербайджанских планах.

Местные органы власти и партийные комитеты пытались препятствовать бесчинствам армии, однако их попытки завершались безуспешно. Некоторые председатели ревкомов отказывались работать в таких условиях. Только благодаря настойчивым требованиям ревкомов и местных партийных организаций некоторые продагенты были наказаны за совершённые бесчинства и преступления.

Особенно старался смягчить ситуацию Н.Нариманов, который сам в результате стал мишенью для чиновников оккупационного режима. Его декреты и распоряжения во всех областях жизни не устраивали советских чиновников, которые предпринимали попытки от него избавиться, донося на него в Центр.

Архивные документы свидетельствуют о том, что весной 1921 г. после ухода основной части XI Армии, со стороны правительства молодой АССР предпринимались попытки хоть в какой-то степени восстановить справедливость, устранить вред, нанесённый оккупационными войсками. Возможно, эти попытки должны были поднять престиж советской власти, резко упавший среди азербайджанского народа после жестокого подавления в ряде городов антисоветских восстаний, а также нанесённого населению материального ущерба со стороны военных.

Конечно, в Северном Азербайджане нашлись люди, спо-

собствующие приходу XI Красной Армии. Это были азербайджанские коммунисты, обманутые демагогическими обещаниями светлого будущего главарей Октябрьского переворота. Наивно полагая, что, доверив судьбу Азербайджана в руки русских большевиков, они обеспечат счастье своего народа, азербайджанские коммунисты и «в страшном сне» не могли предположить, что через несколько лет сами станут жертвами созданной ими системы.

В Азербайджанской ССР начались репрессии в отношении сотен учителей, учащихся и студентов. Их исключали из учебных заведений, обвиняя в мусаватизме, национализме, азербайджанизме, русофобии, в том, что они выступали против классовой борьбы и защищали идею «единой нации», ставили азербайджанскую идею выше интересов пролетариата, а также считали, что Северный Азербайджан сможет жить самостоятельно, вне сообщества «братских» республик. Школы, якобы, были отравлены ядом национализма [278, 17, 30.] Национальные и религиозные праздники постепенно отменялись, вместо них вводились революционные праздники. Любимый праздник азербайджанского народа «Новруз байрамы» превратился с годами в символ национализма и даже атрибут отсталости. Молодёжь стала воспитываться на идеях марксистско-ленинской идеологии и атеизма. Четыре поколения людей воспитывались в безбожной атмосфере.

Репрессиям подверглись не только люди, но и все области общественно-политической жизни Азербайджана: литература, культура, история, мораль, идеология и т.д. Появилась пролетарская культура, пролетарская литература, пролетарское искусство и т.д.

Экономике, культуре, народному образованию был нанесён ощутимый и многие годы невосстановленный материальный и моральный ущерб, не поддающийся точному подсчёту. Эти сферы жизни были подчинены чуждой для азербайджанцев

байджанского народа идеологии.

Некоторые исследователи и сегодня пытаются оправдать политический строй, навязанный азербайджанскому народу в 1920 году. Обычно их доводами в пользу этого строя становятся преувеличенные ими успехи Советской власти и Коммунистической партии в области просвещения и культуры, например, в области ликвидации безграмотности, развитии книгоиздательства, кино, оперы, балета и т.д. Но, во-первых, в XX веке многие страны мира развивали свою культуру и просвещение, и там не было Советской власти, и не компартия руководила их обществом. Почему же СССР должен был оставаться в стороне от мирового развития? Во-вторых, до оккупации Азербайджана XI Армией правительство Азербайджанской Республики (1918-1920 гг.) взяло курс на развитие языка, культуры и просвещения [378], а апрельская оккупация 1920 г. имела плачевные последствия для учреждений культуры и учебных заведений. Более того, развитие просвещения и культуры советского, в том числе азербайджанского народа, было необходимо во все периоды Советской власти, так как основная цель этой власти была – построение социализма и коммунизма, а это невозможно было достичь с отсталым, неграмотным, некультурным народом. Советская власть предполагала, что только грамотный народ можно воспитывать в идейно-политическом отношении, в духе марксизма-ленинизма и атеизма. Поэтому просвещая народ, Советская власть преследовала свои сугубо политические цели.

Конечно, в течение семидесяти лет в Азербайджане были достигнуты значительные успехи в области просвещения, науки, литературы и искусства. Однако в нефтяной республике для развития просвещения и культуры имелась возможность вложить капиталовложений намного больше, чем это разрешал центр. Кроме того, во все области науки и культуры большими темпами внедрялась русификация, хотя

в 20-х годах на словах много говорилось о тюркизации. По словам М.Э.Расулзаде, русификация культуры Азербайджана – это настоящая трагедия [292, 97-98]. Культурные достижения азербайджанского народа – это наши национальные успехи и достижения. Если бы советская цензура не так сильно усердствовала, то успехов, несомненно, было бы ещё больше, и наша культура ещё сильнее расцвела бы [292, 106].

Можно смело утверждать, что если бы в 1920 г. не пала Первая Республика, удалось бы избежать многих изъянов в просвещении и культуре, а умы азербайджанской молодёжи не были бы отравлены не присущими ей идеологическими установками.

Но главная потеря была, конечно, в политической сфере: это потеря независимости и суверенитета Азербайджанской Республики. В чём же это выразилось? Проследим дальнейший путь развития после оккупации Северного Азербайджана.

В результате оккупации Азербайджан прекратил свой самостоятельный, независимый путь развития. Весной 1921 г. произошел повсеместный переход от ревкомов и комбедов к Советам. В мае 1921 года на I съезде Советов была принята Конституция Азербайджанской ССР и избран ЦИК Азерб. ССР. 12 марта 1922 г. между Азербайджанской ССР, Армянской ССР и Грузинской ССР был заключён договор об образовании федеративного союза. 30 декабря 1922 г. Азербайджанская ССР в составе ЗСФСР вошла в Союз ССР, а после упразднения в 1936 г. ЗСФСР она находилась непосредственно в составе Союза ССР [325, 27]. Азербайджан был вынужден жить в незрелой политической системе, которую характеризовали отсутствие подлинной демократии, гласности, плюрализма мнений, излишняя централизация управления. В обществе победила тенденция на создание административно-командной системы партийно-государ-

ственного руководства с присущим сдерживанием прогресса в области развития демократии и других областях. [397, 95]. Главным «достижением» СССР была реализация однопартийной системы без оппозиции с присущей ей апологией насилия (например, репрессии в сталинские времена) и шельмование инакомыслящих (например, диссидентство в период застоя).

Октябрьская революция выступила с лозунгами «Мир – народам», «Фабрики-рабочим», «Земля-крестьянам», «Свобода-угнетённым». Ни один из этих лозунгов не был реализован. Также народ получил законодательную власть в виде Советов, т.е. «Думу не выборную, а подобранную» [329, 165, 453].

После падения независимой демократической Азербайджанской Республики в 1920 г. и оккупации Северного Азербайджана XI Армией фактически был сделан огромный шаг назад в политическом развитии общества, что на семь десятилетий обрекло азербайджанский народ на политическое бесправие, беззаконие и произвол. Несмотря на предоставление, якобы, широких конституционных прав, в том числе и права свободного выхода из СССР, ни одна советская республика, в т.ч. Азербайджанская ССР, не имела возможности выйти из состава советской империи. Даже за мысли о таком развитии событий можно было поплатиться не только свободой, но и жизнью.

Более того, ограничивались связи и отношения с зарубежьем, в результате чего несколько поколений азербайджанцев выросло в полной изоляции от мира, даже забыв о своих родственных связях в странах, находящихся по соседству (например, Иране и Турции).

Хотя Советский Союз позиционировал себя как «государство рабочих и крестьян», эти два «союзника» отнюдь не были равноправны. В 30-х годах рабочие получили долгожданное удостоверение личности – паспорта. А труженики

села насильно были привязаны к «родному колхозу». Аббревиатуру ВКП(б) среди них стали расшифровывать как «второе крепостное право большевиков». Сельские жители, составлявшие большую часть страны, оставались «гражданами второго сорта» вплоть до середины 1970-х годов. И только с января 1976 г. в стране началась поголовная паспортизация.

СССР был единственной в мире страной, который воевал со своим народом (гражданская война, высылка граждан, депортации целых народов) [300, 144]. С 60-х годов XX века были попытки изменить политическое лицо страны (оттепель), в 70-е и 80-е надели «гуманную» маску на облик социализма, но коренных перемен это не принесло. Империя развалилась и в 1991 г. СССР перестал существовать. 276 миллионов людей стали жить в разных странах.

Советские граждане до развала СССР вынуждены были молчать по поводу сущности государственного устройства своей страны, но за рубежом не молчали.

Газета «Интернешнл геральд трибун» 26 ноября 1985 г. заявила: «Советская демократия» означает господство партии над народом», в СССР «правящая партия в действительности не является политической партией, а есть исполнительный орган правительства; государство же является административным органом партии, выполняющим партийные команды...». [409, 9]. Нечем возразить против правдивых характеристик бывшего СССР «буржуазными фальсификаторами»! Диктатура пролетариата, провозглашённая Лениным, на деле обернулась диктатурой партии над собственным народом. Такая участь постигла все народы СССР, включая и русский, однако в национальных республиках все особенности советского правления воспринимались намного болезненнее, а потери были намного больше в процентном исчислении, чем в центре.

Наш современник профессор Иванов Р.Н. справедливо

отмечает: «Советская власть во все её времена декларировала, догоняла и обгоняла страны умирающего империализма, боролась, гарантировала, объявляла судебные процессы и войны, арестовывала, сажала в тюрьмы и казнила исключительно от имени народа или даже по его категорическому велению. Власть Советов – народная власть. Она всегда держала палец на пульсе народа. Без мнения народа Советская власть и лишнего шага не делала. Действительно, куда деваться властям, если народ велит». Сам же народ, не разгибая спины, от зари до захода солнца, трудится, что есть мочи, размышляя: «Пусть партийцы кричат, отработывая свой хлеб, а кто конкретно «Да здравствует», для народа это уже не имеет значения. Партийцы ведают лучше народа» [337, 406].

Советизация Азербайджана провела рубеж суверенному демократическому периоду истории, как светлой эпохе, за пределами которого началась чёрная эпоха ленинской национальной политики, что означало для азербайджанского народа не только потерю самостоятельности, но и отторжение его исконных земель и передачу их неблагодарным соседям, расхищение природных богатств, главным из которых было чёрное золото-нефть, произвол и беззаконие в период массовых репрессий, когда цвет народа был физически уничтожен, что повлияло, не побоимся этого слова, на генофонд нации, заражение умов вымышленной советской идеологией, замаскированная русификация, замена алфавита, разрушение мечетей или превращение их в амбары и политика насильственного внедрения атеизма, а также многое другое.

Ещё один вывод напрашивается сам.

М.Э.Расулзаде вспоминал, что первое, что бросилось в глаза, когда он в 1920 году приехал в Москву, были развешанные по всему городу портреты и фотографии Ленина, Троцкого, Зиновьева, Каменева, Чичерина, Радека, Томско-

го, Луначарского, Иоффе, Фрунзе [293, 48]. А где оказались через несколько лет эти люди и их фотографии?

В Советском Союзе, как известно, было принято в общественных местах вывешивать портреты видных государственных деятелей и военачальников. Однако здесь же был накоплен и большой многолетний опыт по снятию портретов тех же самых видных государственных деятелей и военачальников. Легким движением руки со стен снимались портреты обвинённых в государственных преступлениях «врагов народа». Тогда люди молчаливо понимали, что эти люди ушли из политики, а может быть, из жизни тоже. Так произошло в 1937-38 годах и со многими теми, кто стоял у руля оккупации и истоков советизации Азербайджана: с М.Тухачевским, Ф.Раскольниковым, А.Караевым, Д.Буниатзаде, Г.Султановым и др. От рук своих же единомышленников исчезли Г.Орджоникидзе, С.Киров. Таким образом, бывшие в чести в двадцатых годах стали негодными в тридцатых. Сбылось пророческое выражение времен Французской революции – «революция пожирает своих собственных детей».

Репрессии, начавшиеся с первого дня оккупации и продолжавшиеся в течение всего сталинского периода (1920-1953 гг.) являлись одной цепью, звенья которой отпадали постепенно. Сначала ушли патриоты, выступившие против оккупации, потом мусаватисты, иттихадисты, ведущие подпольную антисоветскую работу, в 30-х годах видные партийные и общественные деятели, лучшие предприимчивые крестьяне, яркие представители национальной интеллигенции. В 40-х годах мировая война унесла миллионы жизней советских людей, более 300 тысяч из которых отдал Азербайджан, а после войны началась новая волна репрессий, продолжавшаяся вплоть до смерти «отца народов». Антидемократический стиль управления позволил погибнуть миллионам людей в СССР в течение всего нескольких лет.

Поэтому в книге репрессии 20-х и 30-40-х годов рассматриваются как единое целое, как тяжёлые последствия оккупации.

Не будет отступлением от этой темы и следующий момент.

Известный на Западе как специалист по советским вопросам и истории русской революции, один из редакторов Энциклопедии о России и Советском Союзе, изданной в Нью-Йорке в 1961 году, Д.С.Анин писал: «Демократический режим в России был свергнут во имя немедленного мира, передачи земли крестьянам и скорейшего созыва свободно избранного Учредительного собрания. Вместо этого Россия была ввергнута в долгую гражданскую войну, а крестьяне были определены в колхозы. Что касается Учредительного собрания, то вместо него народы России получили Верховный Совет, куда все избираются и где всё решается с обязательным единодушием.

В свете этой «диалектической» метаморфозы трудно согласиться с Троцким, который в предисловии ко II т. своей «Истории Русской революции» самодовольно утверждает, что так же, как и якобинцы, большевики могут вызывать вражду, ненависть, ужас, проклятия, но ни в коем случае не иронию... Ирония к ним не приставала; ей не за что зацепиться». Нет, Троцкий заблуждался и в отношении якобинцев, и в отношении большевиков. Вражда и ненависть к якобинству и к большевизму законны, хотя с годами и с исчезновением революционного поколения они, разумеется, притупляются. Пристает к ним, большевикам, однако, и ирония. И судьба, постигшая большевиков-революционеров, и судьба идей, программ, надежд и лозунгов, во имя которых революция была совершена, не могут не вызывать не только чувства ненависти и злорадства, но также иронию, т.е. чувство, которое, по известному французскому выражению, противника убивает вернее всего» [388, 367].

Особо хочется подчеркнуть следующее. Азербайджанский народ в годы войны 1941-1945 гг., которую многие десятилетия называл Великой Отечественной войной, в едином ряду со всеми народами СССР встал на защиту Родины. Благодаря героическим усилиям трудящихся Азербайджанской ССР республика превратилась в один из могучих арсеналов Советской Армии. На фронт шли нескончаемым потоком эшелоны с бакинским высококачественным бензином (22 млн. тонн), смазочными материалами, вооружением, боеприпасами, снаряжением и продовольствием. В республике производилось свыше ста видов вооружения, боеприпасов и снаряжения. Нефтяники за 4 года дали стране 75 млн. тонн нефти [252, 14].

«Всеми миру известно, что одной из главнейших стратегических задач Гитлера перед нападением на СССР было овладение бакинской нефтью. Он говорил: «Если мы не получим бакинскую нефть, война проиграна». Да, Гитлер проиграл войну, и в этом велика заслуга бакинских нефтяников. Баку сыграл также исключительно важную роль и в создании «Второго Баку» в восточных районах Сибири. Четыре из пяти самолётов заправлялись бакинским горючим» [390, 3].

«Азербайджан направил на фронт более 600 тысяч человек, более половины из которых погибли. Это примерно столько, сколько погибло во Второй мировой войне американцев. А ведь всего в те годы население Азербайджана составляло 2 млн. 800 тыс. человек, включая стариков, женщин и детей. Свыше 170 тыс. граждан Азербайджана были награждены орденами и медалями. 42 азербайджанца стали Героями Советского Союза, а 12 – полными кавалерами Ордена Славы» [404, 274, 275].

Характерно, что после Второй мировой войны повторилась картина советской оккупации 20-х годов в Азербайджане. Вернувшиеся с войны солдаты и офицеры Советской

Армии вели себя очень разнузданно, что явилось следствием поощрения великодержавных настроений со стороны руководителей Советского правительства. В народе усиленно муссировалась идея о спасительной миссии русских в войне и незначительной роли других народов в победе над фашизмом.

После войны военные вели себя словно не в одной из частей единой страны, а на оккупированной территории. Характерным является обращение М.Д.Багирова к командующему Закавказским военным округом маршалу Толбухину в июне 1947 г. В нём говорилось: «Мародёрство и бесчинства не прекращаются... Массовые жалобы поступают от районных организаций. Сегодня получена следующая шифровка от секретаря Самухского РК КП(б) Азербайджана: «Отдельные бойцы войсковых частей Кировабадского гарнизона приезжают на автомашинах, даже танках, систематически нападают на огороды и сады колхозов им. Кирова и Микояна, расхищают и уничтожают овощи и фрукты колхозов, избивают руководящих работников колхозов и колхозников» [340, 260].

«Пренебрежительное отношение военных проявлялось и к самому Багирову. Назначенный осенью 1948 г. командующим расквартированной в Азербайджане 4 армией генерал-полковник Колпакчи потребовал от Багирова явиться к нему на встречу, выдвинув целый ряд требований к руководству республики, включая неукоснительное выполнение всех его требований правительством и Бакинским горисполкомом. Багиров спустя всего полтора месяца после назначения Колпакчи добился согласия Сталина на выдворение его из Азербайджана и назначения на эту должность другого человека» [340, 261].

«В целом, в первые послевоенные годы драки, иницированные военнослужащими, избиения ими гражданских лиц и милиционеров, совершаемые ими кражи и ог-

раблениа стали обычным явлением на улицах Баку, Кировабада (Гянджа), других городов и сельских районов республики. Только за май-июнь 1946 г. военнослужащие на территории Азербайджана совершили 36 преступлений. Дважды в течение этого же времени на автомашинах одной из войсковых частей, в которых находился генерал-майор Денисенко, совершался наезд на людей, причем в одном случае со смертельным исходом. И дважды этот генерал вместе с водителями скрывался с места происшествия» [340, 262].

После войны в Азербайджане, как указывалось выше, неоднократно отмечались случаи избиения военнослужащими милицейских работников. Группа солдат 648 зенитно-артиллерийского полка 50-й зенитно-артиллерийской дивизии 21 февраля 1950 г. избила работников 17-го отделения милиции при исполнении последних своих служебных обязанностей. В инциденте участвовали старшина батареи, он же секретарь бюро КСМ, командиры взводов, командиры орудий и даже сам дежурный по батарее. Данный поступок солдат являлся по существу бандитским налётом и свидетельствовал о крайне низком уровне воинской дисциплины и распушенности личного состава и командиров батарей [102, л. 192, 194].

«Армейские командиры до того обнаглели, что считали себя вправе порой давать оценку уровню благонадёжности местного населения. Например, в 1951 г. командир воинской части подполковник Сапленок в письме председателю Совмина республики подверг сомнению политическую благонадёжность населения посёлка Ленинкенд. Багиров, узнав об этом, потребовал срочного вмешательства от командующего Закавказским военным округом генерала армии Антонова» [340, 262]. Не напоминают ли читателю события 40-х и 50-х годов 20-е годы? История повторяется ...

Если оккупация в 1920 г. была первым аккордом злодеяний, то заключительным аккордом стала спровоцированная

Центром советской империи, проблема Нагорного Гарабаха. Вновь, как и в 1920 г., с конца 1980-х годов по сей день, азербайджанский народ стал жертвой хитроумной политики оккупантов. И это несмотря на то, что красный день в календаре под названием «9 Мая – День Великой Победы» появился не без помощи героического труда азербайджанских нефтяников. Однако всё это и пролитая вместе кровь в войне были не в счёт. «Свои советские» войска в январе 1990 года залили азербайджанской кровью азербайджанскую землю.

«20 января 1990 года Председатель Президиума Верховного Совета Азербайджанской ССР Эльмира Кафарова от имени азербайджанского народа, всех граждан республики заявила решительный протест «в связи с грубым нарушением суверенитета Азербайджанской ССР и объявлением Президиумом Верховного Совета СССР чрезвычайного положения в столице республики г. Баку, во исполнение которого была проведена жестокая акция против мирного населения с применением тяжёлой боевой техники и автоматического оружия, приведшая к многочисленным жертвам, среди которых молодёжь, женщины, старики и дети» [323, 7].

«Следует отметить, что через 70 лет после второй оккупации Северного Азербайджана произошла третья оккупация теперь уже Азербайджанской ССР теперь уже Советской Армией разлагающегося Советского Союза. Иначе как назвать действия солдат, которых никто в гости не звал? Разве не приходит в голову параллель между двумя оккупациями XX века? Судите сами.

Известный кинорежиссёр Станислав Говорухин, узнав о событиях в Баку, немедленно выехал туда вместе с оператором. Приводим его личное свидетельство: «Передо мной журнал происшествий одного из отделений милиции. Листаю его: солдаты остановили прохожего, обыскали его, отобрали деньги; солдаты танком наехали на дверь магазина,

взломав, совершили кражу; солдаты сняли с прохожего шапку; солдаты вошли в квартиру, искали ценные вещи, не найдя, сняли с руки хозяйки обручальное кольцо... » [323, 59].

«А вот выдержка из отчёта независимых экспертов организации «Щит»: В Баку имели место: 1) Расстрелы людей в упор с особой жестокостью. Например, на теле Я.Мееровича 21 пулевое отверстие, Д.Ханмамедова – более 10, Р.Рустамова – 23. Обстрелян автобус с пассажирами, в котором находились и дети. 2) Умышленные наезды танков и БТР на легковые машины с убийством находившихся в них людей. 3) Обстрелы больниц, машин «скорой помощи» и убийства врачей, препятствия медико-санитарному персоналу в оказании помощи раненым... 4) Добивание раненых. 5) Убийства штык-ножами. Среди таких жертв Б.Ефимычев – слепой. 6) Использование пуль автомата Калашникова калибром 5,45 со смещённым центром тяжести. 7) Открытие огня по людям без предупреждения. 8) Мародёрство, грабежи квартир и граждан, оскорбления, унижение человеческого достоинства [323, 59]. Главная цель этой оккупации очевидна: наказать народ, требующий суверенитета. Дать жестокий урок всем движениям за национальную независимость. И заодно отработать методы силового предотвращения грядущего краха коммунистической системы и тоталитарной советской империи» [323, 60].

Вновь в 1990 г. русский солдат повёл себя как оккупант, прикрываясь демагогическими лозунгами о защите отечества и спасении народа. Говорят, история повторяется... Несмотря на третью оккупацию, прикрываемую словосочетанием «ввод войск», Советскую империю, показавшую своё истинное лицо, спасти не удалось.

Даже сегодня, в начале XXI века, в условиях добрососедства России и Азербайджана можно с уверенностью сказать, что политика Кремля – это политика двойных стандартов,

позволяющая армянскому национализму оккупировать чужие территории и запрещающая любые попытки азербайджанцев защитить свои национальные интересы [300, 19].

Однако волю нашего народа не сломить. «Азербайджанская Национальная Армия, считающаяся сегодня самой современной армией на Кавказе, является основным гарантом независимости Азербайджана и имеет достаточно сил для предотвращения любой военной угрозы, направленной против нашей страны. Увеличивающиеся из года в год бюджетные средства Азербайджанских Вооружённых Сил, соответственно увеличивают военный потенциал страны. В 2003-м году военный бюджет Азербайджана составлял 115 миллионов манат (135 миллионов долларов США). В 2010-м году эта сумма уже составляла 2.2 миллиарда манат (2.7 миллиардов долларов США), в 2011-м году – 2.4 миллиарда манат (3 миллиарда долларов США)» [410].

Не заикливаясь на прошлых обидах и несправедливости, азербайджанский народ энергично строит свою государственность, всеми средствами отстаивает свою территориальную целостность, нарушенную при попустительстве той же советской империи, добивается успехов в политике, экономике, искусстве, науке, образовании, спорте и т. д. Сам факт подготовки и издания представленной монографии – характерный штрих к культурной панораме сегодняшнего Азербайджана.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Архив Политических Документов Управления Делами Президента Азербайджанской Республики (далее АПДУДПАР): ф. 1, оп. 1, д. 8
2. АПДУДПАР, ф. 1, оп. 1, д. 9
3. АПДУДПАР, ф. 1, оп. 1, д. 15
4. АПДУДПАР, ф. 1, оп. 1, д. 18
5. АПДУДПАР, ф. 1, оп. 1, д. 19
6. АПДУДПАР, ф. 1, оп. 1, д. 20
7. АПДУДПАР, ф. 1, оп. 1, д. 22
8. АПДУДПАР, ф. 1, оп. 1, д. 23
9. АПДУДПАР, ф. 1, оп. 1, д. 24
- 9а. АПДУДПАР, ф. 1, оп. 1, д. 26.
10. АПДУДПАР, ф. 1, оп. 1, д. 29
- 10а. АПДУДПАР, ф. 1., оп. 1, д. 33
11. АПДУДПАР, ф. 1, оп. 1, д. 36
12. АПДУДПАР, ф. 1, оп. 1, д. 39
13. АПДУДПАР, ф. 1, оп. 1, д. 40
14. АПДУДПАР, ф. 1, оп. 1, д. 42
15. АПДУДПАР, ф. 1, оп. 1, д. 43
16. АПДУДПАР, ф. 1, оп. 1, д. 44
17. АПДУДПАР, ф. 1, оп. 1, д. 45
18. АПДУДПАР, ф. 1, оп. 1, д. 46
19. АПДУДПАР, ф. 1, оп. 1, д. 47
20. АПДУДПАР, ф. 1, оп. 1, д. 49
21. АПДУДПАР, ф. 1, оп. 1, д. 51
22. АПДУДПАР, ф. 1, оп. 1, д. 52
23. АПДУДПАР, ф. 1, оп. 1, д. 54
24. АПДУДПАР, ф. 1, оп. 1, д. 55

25. АПДУДПАР, ф. 1, оп. 1, д. 57
26. АПДУДПАР, ф. 1, оп. 1, д. 58
27. АПДУДПАР, ф. 1, оп. 1, д. 60
28. АПДУДПАР, ф. 1, оп. 1, д. 61
29. АПДУДПАР, ф. 1, оп. 1, д. 62
30. АПДУДПАР, ф. 1, оп. 1, д. 63
31. АПДУДПАР, ф. 1, оп. 1, д. 64
32. АПДУДПАР, ф. 1, оп. 1, д. 68
33. АПДУДПАР, ф. 1, оп. 1, д. 72
34. АПДУДПАР, ф. 1, оп. 1, д. 76
35. АПДУДПАР, ф. 1, оп. 1, д. 77
36. АПДУДПАР, ф. 1, оп. 1, д. 78
37. АПДУДПАР, ф. 1, оп. 1, д. 79
38. АПДУДПАР, ф. 1, оп. 1, д. 83
39. АПДУДПАР, ф. 1, оп. 1, д. 85
40. АПДУДПАР, ф. 1, оп. 1, д. 88
41. АПДУДПАР, ф. 1, оп. 1, д. 89
42. АПДУДПАР, ф. 1, оп. 1, д. 91
43. АПДУДПАР, ф. 1, оп. 1, д. 92
44. АПДУДПАР, ф. 1, оп. 1, д. 94
45. АПДУДПАР, ф. 1, оп. 1, д. 95
46. АПДУДПАР, ф. 1, оп. 1, д. 97
47. АПДУДПАР, ф. 1, оп. 1, д. 108
48. АПДУДПАР, ф. 1, оп. 1, д. 109
49. АПДУДПАР, ф. 1, оп. 1, д. 112
50. АПДУДПАР, ф. 1, оп. 1, д. 115
51. АПДУДПАР, ф. 1, оп. 1, д. 117
52. АПДУДПАР, ф. 1, оп. 1, д. 118
53. АПДУДПАР, ф. 1, оп. 1, д. 120
54. АПДУДПАР, ф. 1, оп. 1, д. 122
55. АПДУДПАР, ф. 1, оп. 1, д. 123
56. АПДУДПАР, ф. 1, оп. 1, д. 124
57. АПДУДПАР, ф. 1, оп. 1, д. 125
58. АПДУДПАР, ф. 1, оп. 1, д. 126

59. АПДУДПАР, ф. 1, оп. 1, д. 129
60. АПДУДПАР, ф. 1, оп. 1, д. 131
61. АПДУДПАР, ф. 1, оп. 1, д. 133
62. АПДУДПАР, ф. 1, оп. 1, д. 135
63. АПДУДПАР, ф. 1, оп. 1, д. 136
64. АПДУДПАР, ф. 1, оп. 1, д. 139
65. АПДУДПАР, ф. 1, оп. 1, д. 140
66. АПДУДПАР, ф. 1, оп. 1, д. 141
67. АПДУДПАР, ф. 1, оп. 1, д. 142
68. АПДУДПАР, ф. 1, оп. 1, д. 146
69. АПДУДПАР, ф. 1, оп. 1, д. 147
70. АПДУДПАР, ф. 1, оп. 1, д. 149
71. АПДУДПАР, ф. 1, оп. 1, д. 151
72. АПДУДПАР, ф. 1, оп. 1, д. 155
73. АПДУДПАР, ф. 1, оп. 1, д. 164
74. АПДУДПАР, ф. 1, оп. 1, д. 165
75. АПДУДПАР, ф. 1, оп. 1, д. 166
76. АПДУДПАР, ф. 1, оп. 1, д. 183
77. АПДУДПАР, ф. 1, оп. 1, д. 185
78. АПДУДПАР, ф. 1, оп. 1, д. 186
79. АПДУДПАР, ф. 1, оп. 1, д. 188
80. АПДУДПАР, ф. 1, оп. 1, д. 209
81. АПДУДПАР, ф. 1, оп. 1, д. 241
82. АПДУДПАР, ф. 1, оп. 1, д. 244
83. АПДУДПАР, ф. 1, оп. 1, д. 246
84. АПДУДПАР, ф. 1, оп. 1, д. 247
85. АПДУДПАР, ф. 1, оп. 1, д. 250
86. АПДУДПАР, ф. 1, оп. 1, д. 252
87. АПДУДПАР, ф. 1, оп. 1, д. 255
88. АПДУДПАР, ф. 1, оп. 1, д. 256
89. АПДУДПАР, ф. 1, оп. 1, д. 260
90. АПДУДПАР, ф. 1, оп. 1, д. 262
91. АПДУДПАР, ф. 1, оп. 1, д. 264
92. АПДУДПАР, ф. 1, оп. 1, д. 265

93. АПДУДПАР, ф. 1, оп. 1, д. 267
94. АПДУДПАР, ф. 1, оп. 2, д. 16
95. АПДУДПАР, ф. 1, оп. 2, д. 17
96. АПДУДПАР, ф. 1, оп. 2, д. 18
97. АПДУДПАР, ф. 1, оп. 2, д. 26
98. АПДУДПАР, ф. 1, оп. 2, д. 29
99. АПДУДПАР, ф. 1, оп. 2, д. 29а
100. АПДУДПАР, ф. 1, оп. 2, д. 38
101. АПДУДПАР, ф. 1, оп. 2, д. 105
102. АПДУДПАР, ф. 1, оп. 36, д. 168
103. АПДУДПАР, ф. 1, оп. 74, д. 32
104. АПДУДПАР, ф. 1, оп. 74, д. 33
105. АПДУДПАР, ф. 1, оп. 74, д. 127
106. АПДУДПАР, ф. 1, оп. 74, д. 128
107. АПДУДПАР, ф. 1, оп. 74, д. 141
108. АПДУДПАР, ф. 609, оп. 1, д. 21
109. АПДУДПАР, ф. 609, оп. 1, д. 99
110. АПДУДПАР, ф. 609, оп. 1, д. 119
111. Государственный Архив Азербайджанской Республики
(далее ГААР): ф. 57, оп. 1, д. 1.
112. ГААР, ф. 57, оп. 1, д. 2.
113. ГААР, ф. 57, оп. 1, д. 3.
114. ГААР, ф. 57, оп. 1, д. 5.
115. ГААР, ф. 57, оп. 1, д. 14.
116. ГААР, ф. 57, оп. 1, д. 20.
117. ГААР, ф. 57, оп. 1, д. 21.
118. ГААР, ф. 57, оп. 1, д. 23 (I том).
119. ГААР, ф. 57, оп. 1, д. 26.
120. ГААР, ф. 57, оп. 1, д. 27.
121. ГААР, ф. 57, оп. 1, д. 28.
122. ГААР, ф. 57, оп. 1, д. 31 (а).
123. ГААР, ф. 57, оп. 1, д. 36.
124. ГААР, ф. 57, оп. 1, д. 46.
125. ГААР, ф. 57, оп. 1, д. 47.

- 126.ГААР, ф. 57, оп. 1, д. 49.
- 127.ГААР, ф. 57, оп. 1, д. 54.
- 128.ГААР, ф. 57, оп. 1, д. 59.
- 129.ГААР, ф. 57, оп. 1, д. 70.
- 130.ГААР, ф. 57, оп. 1, д. 137.
- 131.ГААР, ф. 57, оп. 1, д. 139.
- 132.ГААР, ф. 57, оп. 1, д. 140.
- 133.ГААР, ф. 57, оп. 1, д. 150.
- 134.ГААР, ф. 57, оп. 1, д. 152.
- 135.ГААР, ф. 57, оп. 1, д. 154.
- 136.ГААР, ф. 57, оп. 1, д. 155.
- 137.ГААР, ф. 57, оп. 1, д. 159.
- 138.ГААР, ф. 57, оп. 1, д. 178.
- 139.ГААР, ф. 57, оп. 1, д. 235.
- 140.ГААР, ф. 57, оп. 1, д. 252
- 141.ГААР, ф. 57, оп. 1, д. 259.
- 142.ГААР, ф. 57, оп. 2, д. 50.
- 143.ГААР, ф. 223, оп. 1, д. 1.
- 144.ГААР, ф. 223, оп. 1, д. 3.
- 145.ГААР, ф. 223, оп. 1, д. 4.
- 146.ГААР, ф. 223, оп. 1, д. 29
- 147.ГААР, ф. 223, оп. 1, д. 48
- 148.ГААР, ф. 223, оп. 1, д. 51
- 149.ГААР, ф. 223, оп. 1, д. 56
- 150.ГААР, ф. 379, оп. 1, д. 1311
- 151.ГААР, ф. 379, оп. 1, д. 1842
- 152.ГААР, ф. 410, оп. 1, д. 78
- 153.ГААР, ф. 410, оп. 1, д. 94
- 154.ГААР, ф. 410, оп. 1, д. 106
- 155.ГААР, ф. 410, оп. 1, д. 231
- 156.ГААР, ф. 411, оп. 1, д. 10
- 157.ГААР, ф. 411, оп. 1, д. 42
- 158.ГААР, ф. 411, оп. 4, д. 8
- 159.ГААР, ф. 411, оп. 4, д. 9

- 160.ГААР, ф. 411, оп. 4, д. 11
161.ГААР, ф. 411, оп. 4, д. 17
162.ГААР, ф. 411, оп. 4, д. 18
163.ГААР, ф. 411, оп. 4, д. 22
164.ГААР, ф. 411, оп. 4, д. 23
165.ГААР, ф. 411, оп. 4, д. 36
166.ГААР, ф. 411, оп. 4, д. 42
167.ГААР, ф. 411, оп. 4, д. 49
168.ГААР, ф. 411, оп. 4, д. 93
169.ГААР, ф. 411, оп. 4, д. 95
170.ГААР, ф. 411, оп. 4, д. 99
171.ГААР, ф. 420, оп. 1, д. 1
172.ГААР, ф. 420, оп. 1, д. 3
173.ГААР, ф. 420, оп. 1, д. 5
174.ГААР, ф. 420, оп. 1, д. 8
175.ГААР, ф. 420, оп. 1, д. 13
176.ГААР, ф. 673, оп. 1, д. 3
177.ГААР, ф. 673, оп. 1, д. 11
178.ГААР, ф. 673, оп. 1, д. 24
179.ГААР, ф. 673, оп. 1, д. 52.
180.ГААР, ф. 676, оп. 1, д. 1.
181.ГААР, ф. 676, оп. 1, д. 4.
182.ГААР, ф. 676, оп. 1, д. 5.
183.ГААР, ф. 676, оп. 1, д. 15.
184.ГААР, ф. 676, оп. 1, д. 20.
185.ГААР, ф. 676, оп. 1, д. 22.
186.ГААР, ф. 676, оп. 1, д. 26.
187.ГААР, ф. 1114, оп. 1, д. 20.
188.ГААР, ф. 1114, оп. 1, д. 725.
189.ГААР, ф. 1114, оп. 1, д. 775.
190.ГААР, ф. 1119, оп. 1, д. 32.
191.ГААР, ф. 1933, оп. 1, д. 1.
192.ГААР, ф. 1933, оп. 1, д. 2.
193.ГААР, ф. 1933, оп. 1, д. 4.

- 194.ГААР, ф. 1933, оп. 1, д. 12.
195.ГААР, ф. 1933, оп. 1, д. 16.
196.ГААР, ф. 1933, оп. 1, д. 17.
197.ГААР, ф. 1933, оп. 1, д. 26.
198.ГААР, ф. 1933, оп. 1, д. 65.
199.ГААР, ф. 1933, оп. 1, д. 75.
200.ГААР, ф. 1933, оп. 1, д. 98.
201.ГААР, ф. 1933, оп. 1, д. 154.
202.ГААР, ф. 2095, оп. 1, д. 8.
203.ГААР, ф. 2095, оп. 1, д. 15.
204.ГААР, ф. 2095, оп. 1, д. 16.
205.ГААР, ф. 2095, оп. 1, д. 19.
206.ГААР, ф. 2475, оп. 1, д. 9.
207.ГААР, ф. 2475, оп. 1, д. 10.
208.ГААР, ф. 2475, оп. 1, д. 19.
209.ГААР, ф. 2475, оп. 1, д. 28.
210.ГААР, ф. 2475, оп. 1, д. 42.
211.ГААР, ф. 2475, оп. 1, д. 49.
212.ГААР, ф. 2475, оп. 1, д. 74.
213.ГААР, ф. 2475, оп. 1, д. 81.
214.ГААР, ф. 2475, оп. 1, д. 82.
215.ГААР, ф. 2475, оп. 1, д. 88.
216.ГААР, ф. 2475, оп. 1, д. 90.
217.ГААР, ф. 2475, оп. 1, д. 92.
218.ГААР, ф. 2475, оп. 1, д. 93.
219.ГААР, ф. 2475, оп. 1, д. 136.
220.ГААР, ф. 2475, оп. 1, д. 137.
221.ГААР, ф. 2475, оп. 1, д. 140.
222.ГААР, ф. 2484, оп. 1, д. 1.
223.ГААР, ф. 2484, оп. 1, д. 4.
224.ГААР, ф. 2484, оп. 1, д. 5.
225.ГААР, ф. 2484, оп. 1, д. 12.
226.ГААР, ф. 2484, оп. 1, д. 13.
227.ГААР, ф. 2484, оп. 1, д. 17.

-
-
- 228.ГААР, ф. 2484, оп. 1, д. 18.
229.ГААР, ф. 2484, оп. 1, д. 20.
230.ГААР, ф. 2484, оп. 1, д. 27.
231.ГААР, ф. 2484, оп. 1, д. 29.
232.ГААР, ф. 2484, оп. 1, д. 31.
233.ГААР, ф. 2484, оп. 1, д. 33.
234.ГААР, ф. 2484, оп. 1, д. 41.
235.ГААР, ф. 2484, оп. 1, д. 50.
236.ГААР, ф. 2484, оп. 1, д. 53.
237.ГААР, ф. 2484, оп. 1, д. 64.
238.ГААР, ф. 2484, оп. 1, д. 66.
239.Государственный Исторический Архив Азербайджанской Республики (далее ГИААР): ф. 395, оп. 1, д. 82.
240. ГИААР, ф. 395, оп. 1, д. 413.
241. ГИААР, ф. 395, оп. 1, д. 414.
242.Российский Государственный архив социально-политической истории: ф. 80, оп. 4, д. 27.

На азербайджанском языке

- 243.Abdullayeva S., Şərifov A. Özümü təqsirkar bilmirəm. «Kommunist» qəz., 1991, 11 may.
244.«Azərbaycan» qəz., 1991, 28 noyabr.
245.«Azərbaycan» qəz., 1996, 29 may.
246.Azərbaycan arxivi. Bakı: 1971, №1(9).
247.Azərbaycan Demokratik Respublikası: Azərbaycan hökuməti (1918-1920). Bakı: Gənclik, 1990, 96 s.
248.Azərbaycan Xalq Cümhuriyyəti Ensiklopediyası: İki cildə, I c., Bakı: Lider nəşriyyat, 2004, 440 s.
249.Azərbaycan Xalq Cümhuriyyəti Ensiklopediyası: İki cildə, II c., Bakı: Lider nəşriyyat, 2005, 470 s.
250.Azərbaycan xalq cümhuriyyəti (1918-1920) Parlament (II kitab. Stenoqrafik hesabatlar). Bakı: Azərbaycan, 1998, 992 s.

251. Azərbaycan Xalq Cümhuriyyəti – 80 (sənədlər və mənbələr toplusu). / Məhəmməd Füzuli adına Əlyazmalar İnstitutu. Bakı: Örnək, 1998, 65 s.
252. Azərbaycanın qızıl ulduzları. Kitab-albom, Bakı: İşıq, 1975, 315 s.
253. Azərbaycan İnqilab Komitəsi və xalq komissarları soveti iclaslarının protokolları (1920-1922-ci illər). Bakı: Çarşıoğlu, 2009, 554 s.
254. Azərbaycan Tarixi muzeyi (Qısa bələdçi). / Red.: M.A. Qazıyev. Bakı: Azərbaycan SSR EA, 1959, 36 s.
255. Azərbaycan tarixi: Yeddi cildə, V c. (1900-27 aprel 1920-ci illər), Bakı: Elm, 2001, 672 s.
256. Azərbaycan tarixi: Yeddi cildə, VI c. (aprel 1920-iyun 1941), Bakı: Elm, 2000, 568 s.
257. Baykara H. Azərbaycan istiqlal mübarizəsi tarixi. Bakı: Azərənəşr, 1992, 276 s.
258. Bayramov X. Gəncə üsyanı – 1920. Sənədlər və materiallar. Bakı: Ləman Nəşriyyat, 2010, 290 s.
259. Böyük Oktyabr və Azərbaycanda Sovet hakimiyyətinin qələbəsi (1917-1920-ci illər) (Ədəbiyyat göstəricisi). Bakı: Elm, 1988, 119 s.
260. Bünyadov Z. Bir türkün 1920-ci il Qafqaz xatirələri (Həsən bəy Ağayevin Ənvər paşaya məktubu). / «Elm»in əlavəsi «Tarix», №7(36), may 1992-ci il.
261. Bünyadov Z. Qırmızı terror. Bakı: Azərənəşr, 1993, 331 s.
262. Çıraqzadə V. İstiqlal yollarında: tarixi oçerklər. Bakı: Azərənəşr, 1992, 82 s.
263. Əhmədova F. Nəriman Nərimanov. İdeal və qerçəklik (1920-ci il), Bakı: Elm və həyat, 1998, 170 s.
264. Əliyərli İ., Behbudov T. Azərbaycanın daxili işlər nazirləri. Bakı: Mütərcim, 2008, 536 s.
265. Əliyev H.Ə. Ölkəmizdə elmin inkişafına qayğı dövlət siyasətinin mühüm istiqamətidir. «Azərbaycan» qəz., 1997, 1 fevral.

-
-
- 266.Əliyev M. Həmidbəy Şaxtaxtinski. «Odlar yurdu» qəz., 1989, avqust.
- 267.Əlizadə N. Böyük xalq inqilabı. Bakı: Azərneşr, 1966, 96 s.
- 268.Həsənli C. Sovet dövründə Azərbaycanın xarici siyasəti. Bakı: Adiloğlu, 2012, 653 s.
- 269.Həsənov C. Azərbaycan beynəlxalq münasibətlər sisteminə (1918-1920-ci illər). Bakı: Azərneşr, 1993, 363 s.
- 270.Həsənov H.Ə. Nəriman Nərimanovun milli dövlətçilik baxışları və fəaliyyəti. Bakı: Elm, 2005, 248 s.
- 271.Həşimova A. XX əsrin birinci yarısında Azərbaycan mühacirəti (30-cü illərin sonlarına qədər). Bakı: Bilik, 1992, 167 s.
- 272.Hüseynov A.Ə. Əliheydər Qarayev. (Bioqrafik очерk). Bakı: 1961, 96 s.
- 273.İbişov F. Azərbaycan kəndində sosial-siyasi proseslər (1920-1930). Bakı: Mütərcim, 1996, 168 s.
- 274.İbrahimli F. Azərbaycanın istiqlalında Türkiyə amili. // Tarix və onun problemləri, 2005, №2, ss. 77-81.
- 275.İbrahimli X.C. Azərbaycan siyasi mühacirəti (1920-1991). Bakı: Elm, 1996, 308 s.
- 276.İbrahimov Z. V.İ.Lenin və Azərbaycanda sosialist inqilabının qələbəsi. Bakı: Azərneşr, 1970, 527 s.
- 277.«İpəkçi» qəz., 1992, 21 sentyabr.
- 278.İstila qurbanları. Bakı: Azərneşr, 1993, 35 s.
- 279.Katibli M. Çingiz İldırım. (Bioqrafik очерk). Bakı: Azərneşr, 1964, 118 s.
- 280.Qasimov C. Represiyadan deportasiyaya doğru. Bakı: Mütərcim, 1998, 292 s.
- 281.Qasimov C. Yaddaşın bərpası. Bakı: Mütərcim, 1999, 256 s.
- 282.Qasimov Ş. Xalq qəhrəmanı Sultan bəy. Bakı: Elm, 2011, 385 s.
- 283.Qurbanov Ş. Nərimanovun «Azərneftin» rəisi Serebrovski ilə mübarizəsi. «Yeni Azərbaycan» qəz., 2002, 7 noyabr.
- 284.Qurbanov Ş. Ömər Faiq Nemanzadə. Bakı: Gənclik, 1992,

208 s.

- 285.Mahmudov Y.M. Azərbaycan xalqının ilk Demokratik Respublikası. // AMEA Tarix İnstitutunun Elmi Əsərləri, 25-ci cild, Bakı: 2008, s. 4-36.
- 286.Məmmədzadə M.B. Milli Azərbaycan hərəkatı. Bakı: Nıcat, 1992, 246 s.
- 287.Nemanzadə O.F. Seçilmiş əsərləri. Bakı: Yazıçı, 1992, 536 s.
- 288.Nəsibzadə N. Azərbaycan Demokratik Respublikası (məqalələr və sənədlər). Bakı: Elm, 1990, 112 s.
- 289.Oruclu M.R. Azərbaycanca və mühacirətdə Müsavat Partiyasının fəaliyyəti (1911-1992). Bakı: Azərənşr, 2001, 272 s.
- 290.Rəhmanzadə Ş. Azərbaycan – Qürçüstan münasibətlərində ərazi məsələləri (Azərbaycanın Şimal-Qərb bölgəsinin materialları əsasında, 1917-1930-cu illərin əvvəlləri). Bakı: Aspoliqraf, 2008, 376 s.
- 291.Rəsulzadə M.Ə. Azərbaycan Cümhuriyyəti. Bakı: Elm, 1990, 116 s.
- 292.Rəsulzadə M.Ə. Əsrimizin Səyavuşu. Çağdaş Azərbaycan ədəbiyyatı. Çağdaş Azərbaycan tarixi. Bakı: Gənclik, 1990, 112 s.
- 293.Rəsulzadə M.Ə. Stalinlə ixtilal xatirələri. Bakı: Elm, 1991, 84 s.
- 294.Rüstəmbəyli M.G. Cərpışan qüvvələr. Bakı: Maarif, 1991, 188 s.
- 295.Süleymanov M. Müsəlman dünyasında ilk xalq cümhuriyyəti. Bakı: Hüquq ədəbiyyatı, 1999, 164 s.
- 296.Şeyxzamanlı N. Azərbaycan istiqlal mücadiləsi xatirələri. Bakı: Azərbaycan, 1997, 176 s.
- 297.Şükürov K. Azərbaycanca demoqrafik vəziyyət (1920-1941). // Kitablər aləmində, 1990, №1-2.
- 298.Yaqublu N. Musavat partiyasının tarixi. Bakı: Ay-ulduz, 1997, 328 s.

299. Zülfüqarlı M. Azərbaycanı kimlər idarə edib? (may 1918 – oktyabr 2003). Bakı: Qanun, 2006, 136 s.

На русском языке

300. Абуталыбов Р.А. Годы и встречи в Париже. М.: SJS Media, 2006, 222 с.
301. Агамалиева Н., Худиев Р. Азербайджанская Республика. Страницы политической истории 1918-1920 гг. Баку: Сабах, 1994, 112 с.
302. Азербайджанская Демократическая Республика (1918-1920). Парламент. (Стенографические отчёты). Баку: Азербайджан, 1998, 992 с.
303. Александр Тодорский: Воспоминания друзей и соратников. М.: Военное издательство, 1986, 182 с.
304. Амирханова-Кулиш А.С., Зулпукаров З.Г. Помощь Красной Армии в социалистическом строительстве в Азербайджане. М.: Наука, 1981, 184 с.
305. Архивы раскрывают тайны... Международные вопросы: события и люди / Сост. Н.В. Попов. М.: Политиздат, 1991, 383 с.
306. Аскеров-Кенгерлинский А. Трагедия Азербайджана. // Хазар, 1990, №3.
307. Баберовски Й. Враг есть везде. Сталинизм на Кавказе / пер. с нем. В.Т. Алтухова. М.: РОССПЭН, 2010, 855 с.
308. Багров В.Н. и др. «Приказываю самым срочным порядком». М.: Воениздат, 1991, 223 с.
309. Бакинский рабочий, 1921, 25 января.
310. Бакинский рабочий, 1921, 26 октября.
311. Балаев А. Азербайджанское национально-демократическое движение. 1917-1920 гг. Баку: Элм, 1990, 96 с.
312. Безугольный А.Ю. Народы Кавказа и Красная армия. 1918-1945 годы. М.: Вече, 2007, 512 с.
313. Борьба, 1920, 4 августа.

314. Борьба, 1920, 5 августа.
315. Борьба, 1920, 28 сентября.
316. Борьба за победу Советской власти в Азербайджане. 1918-1920. Документы и материалы. Баку: Изд-во АН Азерб. ССР, 1967, 569 с.
317. Братья навеки. Документы и материалы об исторической дружбе русского и азербайджанского народов: 2-х томах, т. 1. Баку: Азернешр, 1987, 649 с.
318. Вдохновлённый Лениным. Александр Тодорский: произведения о родном крае, биографические и другие материалы. М.: Московский рабочий, 1985, 287 с.
319. Военмор, 1921, 30 января.
320. Военмор, 1921, 28 апреля.
321. Военные моряки в борьбе за власть Советов в Азербайджане и Прикаспии. 1918-1920 гг. Сборник документов. Баку: Элм, 1971, 392 с.
322. Вооружённые силы Великого Октября. М.: Наука, 1977, 287 с.
323. Выжutowич В., Самедов В. Вторжение. Баку: Азербайджан, 1993, 72 с.
324. Гаджиев И.Б. Совместная борьба трудящихся Азербайджана и Дагестана за власть Советов. 1918-1920. Махачкала: Дагестанское книжное издательство, 1968, 89 с.
325. Гражданская война и военная интервенция в СССР. Энциклопедия / Ред. С.С.Хромов. – М.: Сов. Энциклопедия, 1983, 704 с.
326. Гулиев Г. Эмигрантская литература Азербайджана. Баку: Нурлан, 2004, 284 с.
327. Гулиев Дж.Б. К истории образования Второй Республики Азербайджана. Баку: Элм, 1997, 164 с.
328. Гулиев Дж. Политика, которая «больше и больше всего ударила по мусульманству»: Газ. «Бакинский рабочий», 18 августа 1992 года.

-
-
329. Гусейнов Ш. Нравственное наследие и современность. Баку: Чанлибел, 2007, 528 с.
 330. Гусейнов Ш. Публицистическое наследие и современность. Баку: Чанлибел, 2007, 484 с.
 331. Дарабади П.Г. Военные проблемы политической истории Азербайджана начала XX в. Баку: Элм, 1991, 205 с.
 332. Декреты Азревкома (1920-1921 гг.). Сборник документов. Баку: Азернешр, 1988, 519 с.
 333. Дудин И.Г. Прорыв бронепоездов. Баку: Азернешр, 1970, 67 с.
 334. Емельянов В.С. На заре новой жизни. Баку: Азернешр, 1979, 251 с.
 335. Зейналова С. Установление Советской власти и укрепление советского режима в немецких поселениях Азербайджана (1920-1922 гг.). *Tarix və onun problemləri*, 2005, №2, сс. 88-93.
 336. Зеркало, 1997, 27 сентября.
 337. Иванов Р.Н. Нашествие. Печальная быль о бесчинствах и расправе большевиков на советской земле древнего Нахчывана. М.: Герои Отечества, 2009, 448 с.
 338. Интернациональная помощь XI Армии в борьбе за победу Советской власти в Азербайджане. Баку: Азернешр, 1989, 194 с.
 339. Исмаилов Э.Р. Азербайджан: 1953-1956 гг. Первые годы «оттепели». Баку: Адильоглы, 2006, 368 с.
 340. Исмаилов Э.Р. Власть и народ. Послевоенный сталинизм в Азербайджане. 1945-1953 гг. Баку: Адильоглы, 2003, 342 с.
 341. История Азербайджана: в 3-х томах, т. 3, ч. 1, Баку: Изд-во АН Азерб. ССР, 196 с.
 342. Исхаков С.М. Российские мусульмане и революция (весна 1917 г. – лето 1918 г.). М.: Социально-политическая мысль, 2004, 600 с.
 343. Кадишев А.Б. Интервенция и гражданская война в За-

- кавказье. М.: Воениздат, 1960, 510 с.
- 344.Кадырли А. М.Н.Кадырли (Исрафилбеков). Баку: Элм, 1970, 47 с.
- 345.Казиев М.А. Из истории музейного дела в Азербайджане // Известия Академии наук Азербайджанской ССР. Серия общественных наук, 1960, №2, с. 23-30.
- 346.Коммунист, 1920, 8 мая.
- 347.Коммунист, 1920, 18 мая.
- 348.Коммунист, 1920, 16 июня.
- 349.Коммунист, 1920, 28 июля.
- 350.Коммунист, 1920, 28 сентября.
- 351.Коммунист, 1920, 11 октября.
- 352.Коммунист, 1920, 13 октября.
- 353.Коммунист, 1920, 21 октября.
- 354.Красный воин, 1920, 30 мая.
- 355.Красный воин, 1920, 2 июня.
- 356.Красный воин, 1920, 3 июня.
- 357.Красный воин, 1920, 4 июня.
- 358.Красный воин, 1920, 6 июня.
- 359.Красный воин, 1920, 22 июня.
- 360.Красный воин, 1920, 29 июня.
- 361.Красный воин, 1920, 14 июля.
- 362.Красный воин, 1920, 6 августа.
- 363.Красный воин, 1920, 24 августа.
- 364.Ленин В.И. Военная переписка. 1917-1922 гг. / Сост.: Л.Б.Виноградова, Е.Ф.Полковникова. М.: Воениздат. 1987, 438 с.
- 365.Ленин В.И. Полное собрание сочинений: в 55-ти томах, т. 3, М.: Политиздат, 1975, 791 с.
- 366.Леонтьев Б. Красная армия – интернациональная армия (к XIX годовщине Красной Армии) // Революция и национальности, 1937, №2, сс. 48-54.
- 367.Лепехин М. Баку зовёт. Воспоминания ветерана XI Красной Армии / Лит. запись Н.Калмыкова. Баку: Азер-

-
-
- нешр, 1977, 76 с.
368. Лепешкин А.И. Местные органы власти Советского государства (1917-1920 гг.). М.: Государственное издательство юридической литературы, 1957, 304 с.
369. Лисенков М.М. Культурная революция в СССР и армия. М.: Воениздат, 1977, 220 с.
- 369а. Маггеррамов Э.А. Газета «Коммунист» (на азерб. языке) и вопросы восстановления сельского хозяйства Азербайджанской ССР (1921-1928 гг.). Баку: Nurlan, 2004, 344 с.
370. Мамедова Ш. Интерпретация тоталитаризма. Сталинизм в Азербайджане. 1920-1930 гг. Баку: Адилоглы, 2004, 320 с.
371. Марданов М. Агитпоезд «Красный Азербайджан» // Литературный Азербайджан, 1958, №2, сс. 96-99.
372. Меламуд В.Д. Профсоюзы Азербайджана – верные помощники КП в борьбе за победу и укрепление Советской власти. Баку: Азернешр, 1957.
373. Микоян А.И. В начале двадцатых... М.: Изд-во политической литературы, 1975, 383 с.
374. Микоян А.И. Дорогой борьбы. Книга первая. М.: Изд-во политической литературы, 1971, 590 с.
375. Мусабеков Г. Избранные статьи и речи: в двух томах, т. I, 1920-1927 гг. Баку: Изд-во АН Азербайджанской ССР, 1960, 197 с.
376. Мусаева Т.А. Революция и народное образование в Азербайджане. (Очерки истории развития народного образования в Азербайджане. 1920-1940 годы). Баку: Элм, 1979, 286 с.
377. Мустафа-заде Р.С. Две Республики. Азербайджано-российские отношения в 1918-1922 гг. М.: Изд-во «МИК», 2006, 356 с.
378. Назарли А.Э. Народное образование в Азербайджанской Республике (1918-1920 гг.). Баку: Нурлан, 2008,

224 с.

379. Назарли А.Э. Оккупация Северного Азербайджана XI Красной Армией и её негативные последствия на материально-технической базе учебных заведений (1920-1921 гг.) // АМЕА. *XəbərLər. Tarix, fəlsəfə, hüquq.* 2009, №12, сс. 225-241.
380. Нариманов Н.Н. Избранные произведения: в трёх томах, т. 1, 1890-1917, Баку: Азернешр, 1988, 376 с.
381. Нариманов Н.Н. Избранные произведения: в трёх томах, т. 2, 1918-1921, Баку: Азернешр, 1989, 768 с.
382. Насиров Т. Борьба за власть в Азербайджане (1917-1920 гг.). Баку: Азербайджан, 1993, 120 с.
383. Нифталиев И. Азербайджанская ССР в экспансионистских планах армян (20-е годы XX века). Баку: Təhsil, 2010, 292 с.
384. Новая Россия, журн., 1989, №71, 1 октября.
385. Обертас И.А. Начдив двадцатой Великанов. М.: Воениздат, 1964, 160 с.
386. Октябрьская революция и армия. 25 октября 1917 г. – март 1918 г. Сборник документов под ред. д.и.н. Л.С.Гапоненко. М.: Наука, 1973, 455 с.
387. Октябрьская революция перед судом американских сенаторов: Официальный отчёт «Оверменской комиссии» сената. / Пер. с англ. – М.: Профиздат, 1990, 208 с.
388. Октябрьский переворот. Революция 1917 года глазами её руководителей. Воспоминания русских политиков и комментарий западного историка. / Сост., вступит. ст., послесл., примеч. Д.С.Анина. М.: Современник, 1991, 381 с.
389. Печенко Г.А., Реент А.П. Бесстрашный бронепоезд. Документальная повесть. Харьков: Прапор, 1989, 186 с.
390. Победа была бы невозможна без бакинской нефти: Специальный выпуск газеты «Игтисадийят» и Союза экономистов Азербайджана. 60-летию Великой Победы

-
-
- посвящается. / Гл. ред. и рук. проекта З.Самедзаде. Баку: 2005, 104 с.
391. Политика Советской власти по национальным делам за три года. 1917-ХІ-1920. М.: Госиздат, 1920, 185 с.
392. Политические партии России. Конец ХІХ – первая треть ХХ века. Энциклопедия. М.: РОССПЭН, 1996, 800 с.
393. По светлому пути Октября. Статьи, речи и воспоминания. Баку: Азернешр, 1977, 250 с.
394. Правда и только правда. «Белые пятна» нашей истории. Баку: Азернешр, 1991, 160 с.
395. Рафиев Б.Дж. Если снять гриф секретности (Очерки новейшей истории Азербайджана). Глазов: Глазовская типография, 2008, 112 с.
396. Рафиев Б.Дж. 1920-й: голодный и обобранный. Газ. «Вышка», 26 мая 1992 г.
397. Рашитов Ф.А. Альтернатива октября: мирный или насильственный переворот. Саратов: Приволж. кн. изд-во, 1990, 104 с.
398. Реввоенсовет Республики (6 сент. 1918 г. – 28 авг. 1923 г.). М.: Политиздат, 1991, 464 с.
399. Садыхлы М. Ответ тебе даст история ... Баку: Мутарджим, 1995, 382 с.
400. Святочовский Т. Русский Азербайджан. 1905-1920 // Хазар, 1990, №3.
401. Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ – НКВД. 1918-1939 гг. Документы и материалы: в 4-х т., т. I, 1918-1922 гг. / Под ред. А.Береловича, В.Данилова. М.: РОССПЭН, 2000, 864 с.
402. Советская историческая энциклопедия (СИЭ). М.: 1962, т. 2, 517 с.
403. Стрижков Ю.К. Продотряды. М.: Политиздат, 1976, 111 с.
404. Султанов Ч. Выстояли бы СССР и Европа против фашизма, в случае потери бакинской нефти? (к 60-летию

- победы). Баку: Нафта-Пресс, 2005, 371 с.
- 405.Тодорский А.И. Маршал Тухачевский. М.: Изд-во политической литературы, 1966, 93 с.
- 406.Тодорский Ал. Красная Армия в горах. Действия в Дагестане. / Пред. С.С.Каменева. М.: Воениздат, 1924, 186 с.
- 407.Хесин С.С. Моряки в борьбе за Советскую власть. М.: Наука, 1977, 175 с.
- 408.Чекисты Азербайджана. Документы, очерки, рассказы. Баку: Азернешр, 1981, 293 с.
- 409.Черемных В.М. На защите завоеваний революции: Военно-организаторская деятельность ВЦИК в первые годы Советской власти. М.: Мысль, 1988, 238 с.

Интернет-ресурсы

- 410.[http://www.azerbaijans.com/content/652 ru.html](http://www.azerbaijans.com/content/652_ru.html)
- 411.[http://www.ap7.ru/krasnaja imperija.html](http://www.ap7.ru/krasnaja_imperija.html)
- 412.[http://www.nnre.ru/istorija/apokalipsis XX veka ot voiny do voiny/p4.php#metkado c2.](http://www.nnre.ru/istorija/apokalipsis_XX_veka_ot_voiny_do_voiny/p4.php#metkado_c2)

*Əzizə Nəzarli,
tarix üzrə fəlsəfə doktoru*

XI QIRMIZI ORDU ŞİMALİ AZƏRBAYCANDA: İŞĞAL, QANLI DİVAN, ÖZBAŞINALIQ

X Ü L A S Ə

«XI Qırmızı Ordu Şimali Azərbaycan: işğal, qanlı divan, özbaşınalıq» adlı monoqrafiya Azərbaycan tarixşünaslığında işlənməmiş bir problemin tədqiqinə həsr olunmuşdur.

Monoqrafiyanın girişində mövzunun aktuallığı əsaslandırılmış və onun tarixşünaslığını səciyyələndirən icmal verilmişdir. Burada qeyd olunmuşdur ki, uzun illər sovet rəhbərliyinin siyasəti nəticəsində Azərbaycan tarixi saxtalaşdırılmış, bir çox həqiqi tarixi hadisələr isə xalqdan gizlədilmişdir. Azərbaycan xalqının başına müsibətlər açan XI Qırmızı Ordu «xılaskar» kimi qələmə verilmişdir. Bu gün Azərbaycanın müstəqilliyi tariximizin obyektiv yazılması üçün geniş imkanlar yaradır. Təsədüfi deyil ki, Azərbaycan xalqının ümummilliyi lideri Heydər Əliyev 1920-30-cu illərin tarixini yenidən yazılmasını tarixçilərə tövsiyyə etmişdir.

Problemin bir çox aspektləri Azərbaycan tarixşünaslığında ilk dəfə öyrənilir və yeni tarixi sənədlər elmi dövriyyəyə daxil edilir.

Birinci fəsil «1920-ci ilin aprel işğalının tarixindən. Antisovet üsyanlarının yatırılması və «Azadlıq missiyasına» görə mü kafatlar» adlanır. Fəsildə göstərilir ki, Azərbaycan Cümhuriyyətinin mövcud olması Leninin və Sovet hökumətinin şovinst

planlarına uyğun olmamışdır. Bolşeviklərin məkrli planlarında keçmiş Rusiya imperiyasına daxil olmuş ərazilər yenidən bu dəfə Sovet Rusiyasına birləşdirilməli idi. Bu məqsədə nail olmaq üçün Qırmızı Ordudan istifadə olundu. 1920-ci ilin aprelində Şimali Azərbaycan Sovet Rusiyasının XI Qırmızı Ordusu tərəfindən işğal olundu. Aprelin 27-də Gümhuriyyətin süqutu baş verdi. AKP-nin II qurultayında (1920, oktyabr) Azərbaycan kommunistləri özləri də boyunlarına aldılar ki, Qırmızı Ordu olmasaydı, Azərbaycanda Sovet hakimiyyəti də qurula bilməzdi. Bolşevik təbliğatına uymuş yerli kommunistlərin bir hissəsi Orduya dəstək oldular. Lakin Azərbaycan xalqı işğalla barışmaq istəmədi. Müxtəlif qəzalarda rus hakimiyyətinin əleyhinə müqavimət hərəkəti baş qaldırdı. Bu üsyanlar qəddarlıqla yatırıldı. Hərbi komandirlər və yerli kommunistlərin başçıları bu fəaliyyətlərinə görə mükafatlar aldılar.

«İnsanlar və talelər» adlı ikinci fəsildə göstərilir ki, üsyançılar bağışlanmadı. Onlar XI Qırmızı Ordunun «Xüsusi şöbəsi» (rəhbəri – Pankratov) tərəfindən həbs edilib güllələndilər. Milis orqanlarına bəyləri həbsə almaq haqqında əmr verildi. Bir çox şəhər və qəzalarda hətta üsyanlarda iştirak etməyən sivi sakinlər belə haqsız-qanunsuz cəzalandırıldılar. Qocaların, qadınların, uşaqların qanları su kimi axıdıldı. Təkcə Gəncədə 13 min insan qətlə yetirildi. Bu vəhşilikləri Qırmızı Ordunun əsgərləri ermənilərin köməyi ilə həyata keçirdilər. Lakin onu da qeyd etmək lazımdır ki, Ordu da böyük itkilər verdi. Məsələn, Gəncədə 8,5 min rus əsgəri canını Sovet hakimiyyəti uğrunda qurban verdi. Onlar 70 il qəhrəman adlandırıldı. Sovet hakimiyyətinə qarşı çıxan vətənpərvərlərin adları isə «əks-inqilabçı, düşmən, quldur» kimi 70 il tarixdə qaldı. Hətta onların övladları da bu «damğadan» əziyyət çəkдилər.

Sovet hökuməti amnistiya haqqında dekretlər qəbul etdi. Bunun yerli əhalidən daha çox Qırmızı Ordunun zabit və əsgərlərinə xeyri dəydi. 1920-ci ilin sentyabr ayının 1-nə qədər törətdikləri cinayətlərə görə həbs olunmuş hərbi xidmətçilərə am-

nistiya verildi.

Ermənilər Azərbaycanın hökumət başçısı Nərimanov haqqında şayələr yayırdılar. Məsələn, guya Nərimanov Qarayev tərəfindən həbs olunub və Moskvaya göndərilib, çünki «gündüz bolşeviklərlə, gecə isə müsavətçilərlə işləyir». Bu şayələr onu göstərir ki, Nərimanovun xalqın milli mənafeyini qoruması ermənilərin ürəyini heç də açmırdı. Ermənilər arzuolunması hadisəni həqiqi hadisə kimi qələmə verirdilər.

Ermənilər hətta Nərimanovun kölgəsini qılınclayırdılar. ÇK-nın erməni işçisi 1920-ci ilin iyul ayında «İslam» gəmisini 2 saat ərzində həbsdə saxlamışdı. Bu zaman gəmidə Nərimanov və xalq komissarları yerləşmişdi. Erməni çəkisti Hərbi Tribunal tərəfindən güllələndi.

Nərimanovun bir çox sərəncamları Pankratovun xoşuna gəlmirdi. O, AKP-nin Mərkəzi Komitəsinə və Moskvaya müraciət edib bildirdi ki, Nərimanov öz işinə aid olmayan əmrlər, sərəncamlar verir.

Lakin Nərimanov öz xeyirxah əməllərindən əl çəkmirdi. Bir çox dekretləri ilə o, xeyli insanları qanunsuz həbslərdən xilas etdi. Hətta Pankratovun özünü bir sıra əmrləri icra etməyə vadar etdi. Pankratov etiraf etdi ki, xalq arasında Xüsusi Şöbə «cəzalandıran və heç kəslə hesablaşmayan orqan» kimi tanınır.

Müsavətçilər «bandit şaykası» adlandırılıb güllələndilər. Kommunist hakimiyyəti Müsavatın nüfuzundan qorxaraq bu fırqəni əksinqilab hərəkatının başında görürdü.

Onu da qeyd edək ki, mühacirətdə olan soydaşlarımız azadlıq uğrunda mübarizələrini davam etdirir, mətbuat vasitəsilə Azərbaycanın tarixini və incəsənətini dünyada təbliğ edirdilər. Onların yazdıqları əsərlər və xatirələr bu gün tədqiqatçılarımız üçün çox mühüm tarixi mənbəyə çevrilmişdir.

Gümhuriyyətimizin liderlərinin bir hissəsi güllələndi, bir hissəsi mühacirətə yollanmağa məcbur oldu, bəziləri isə erməni terrorçuları tərəfindən öldürüldü. İyirminci illərdən salamat çıxanlar isə otuzuncu illərdə qohumları ilə birlikdə güllələndilər.

Minlərlə insan sürgündə həlak oldu. 1937-38-ci illərin «böyük terroru» nəticəsində nəinki müsavətçilər və onların qohumları repressiyaya məruz qaldılar, hətta Azərbaycanı Sovet hakimiyyətinin baniləri də «xalq düşmənləri» kimi güllələndilər.

Üçüncü fəsil: «Şəhərdə özbaşınalıq. Ordunun təchizatı» adlanır. Bu fəsildə göstərilir ki, Sovet Rusiyasının gözü Bakının neftində və ümumiyyətlə Azərbaycanın sərvətlərində olmuşdur. Neftimizi Rusiyaya çatdırmaq üçün Xəzər Donanmasından istifadə olundu. Leninin iştahası gündən-günə artdı. Hər ay o, daha çox neft tələb edirdi.

Hərbçilər neft sənayesinin ambarlarını talan edib, orada saxlanılan bahalı texniki vəsaitləri apardılar. Bununla Respublikaya böyük maddi ziyan vurdular.

Məlumdur ki, yay mövsümündə balıq tutulmaz. Lakin Ordunun tələbi ilə 1920-ci ilin yayında hər gün 1000 pud təzə balıq ona çatdırılırdı.

Şəhərlərdə yerli əhalinin bir hissəsi öz evlərindən çıxarılır, orada rus zabıt və əsgərlər yerləşdirilirdi. Müsəlman əhalisi bundan çox narazı idi.

Qəzalarda insanlar evlərindən çıxarılarəkən tövlələrdə yaşamağa məcbur idilər.

Müsadirə zamanı nəinki varlılar, hətta kasıblar da əziyyət çəkirdilər. Nəinki dəmir yol fəhlələri, kuryerlər, müəllimlər və başqaları, hətta Sovet orqanlarında çalışan qulluqçular da öz evlərindən çıxarıldılar. Bu, böyük hərc-mərclik və qanunsuzluğun nəticəsi idi.

Evlər müsadirə olundu. Varlılar kasıblaşdı, onların var-dövlətləri əlindən alındı. Müsadirə edərəkən insanların xalçaları, xəzləri, furqon və fayetonları, pərdələri, geyimləri, mebelləri, hətta çarpayıları əllərindən alındı. Hətta qadınların üstündə olan zinyyət əşyaları zorla alındı.

Müsadirələr zamanı ermənilər çox canfəşanlıq edir, varlıların evlərinin ünvanlarını rus əsgərlərinə verirdilər. Bakı kommunistlərinin başçısı Sarkis Partiya iclasında (21.12.1920) böyük

lovğalıqla müsadirənin nəticələrindən danışdı. Beləliklə, azərbaycanlılar vardan-yoxdan çıxarıldılar. Müsadirə olunmuş şeylərin paylaşdırılması Sarkisə tapşırıldı. Pay-püşdən ən çox kommunistlər uddular.

Ayaqyalın rus əsgərlərini təmin etmək məqsədilə mağazalardan və alverçilərdən bütün ayaqqabılar müsadirə edildi. Tağiyevin trikotaj fabriki yalnız üstü-başı tökülmüş rus ordusunu təmin etməyə məcbur oldu. Eyni vaxtda azərbaycanlılar hətta həlak olmuş qohumlarını torpağa tapşırmaq üçün bez parçası tapmırdılar.

Bakını tutan kimi əhalinin silahları əllərindən alınmağa başlandı. İşə hədə-qorxu salındı. Güllələnmə ilə Bakı əhalisini qorxudan Qarnizon rəhbərliyinin iki məqsədi var idi. Birincisi, gündən-günə sayı artan Qırmızı Ordu əsgərlərini silah ilə təmin etmək. Deməli, əsgərlərin əsas atributu olan silahı da yerli əhali verməli idi. İkinci məqsəd - vətənpərvərləri tərksilah etməklə antisovet üsyanlarının qarşısını almaq.

Respublikada olan avtomaşınlar da hərbiçilərin əlinə keçdi. Bəzi xalq komissarları isə məşını əldə edə bilmirdilər. Bununla belə Azərbaycan İncilab Komitəsi Ermənistan Kommunist partiyasına «1Nə-li avtomaşın» hədiyyə etdi.

Ordu həddindən artıq çox kağız, çap məşınları tələb edirdi. Hətta bir sıra mətbəələri də tutub qaytarmaq istəmirdilər. Bununla müvafiq orqanların sərəncamlarına məhəl qoymurdular.

Hamamlar, paltaryuyan müəssisələr də XI Ordunun əlinə keçdi. Yerli əhali bunlardan istifadə edə bilmirdi və narahətçilik yaşayırdı. Əsgərlər isə hamamlarda çirkli və bitli paltarlarını yuyurdular. Bu isə, xəstəliklərin yayılmasına səbəb olurdu.

Rus əsqərləri alkoqollu içkilərə qurşanmaqla məşqul olub, özlərini nalayiq aparırdılar, hətta qadınlara sataşırdılar. Hərbi komandanlıq isə onların əvəzinə yerli əhalidən onlara spirtli içkiləri satanları cəzalandırırdı.

Bakı şəhərinin siması xoşagəlməz oldu. Piyadalar üçün olan yollar atların ayaqları altında sökülüb dağıdıldı. Küçə və mey-

danlarda atların meyitləri atılıb iylənirdi. Bu da xəstəlik yayırdı. Hərbi rəhbərlik gec də olsa bu vəziyyəti aradan qaldırmaq istiqamətində müvafiq əmrlər verirdi.

Həkimlər və tibb fakültəsinin tələbələri Orduya çağırıldılar. Həkim qıtlığı əmələ gəldi.

Bakıda xəstəxanalar ilk növbədə əsgərləri müalicə etməli idilər. Hətta zöhrəvi və diş həkimlərinə də tapşırılmışdı ki, əvvəl Sovet əsgərlərini müalicə etsinlər. Eyni vaxtda yerli əhali xəstəliklərdən əziyyət çəksə də, onların müalicəsi üçün heç bir şərait yox idi. Hərbçilər isə nəinki müalicə olunurdular, hətta xəstəxanalardan spirt oğurlayırdılar.

Qəzalarda da bütün xəstəxanalar ancaq hərbiçilərin qulluğunda dururdular. Yerli əhali isə apteklərdən belə dərman ala bilmirdi – bütün dərmanlar XI Orduya göndərilirdi. Məsələn, qəzalarda malyariya baş alıb gedirdi, lakin nə xinin, nə də iynə tapılmırdı.

Dördüncü fəsil «"Müsəlman əhalisi bezikmişdir..." (Özbaşınalıqların xronikası)» adlanır. Bu fəsildə göstərilir ki, Azərbaycanın bütün qəzaları da talan olundu. Ac-yalavac ordunun qarını doyurmaq üçün Azərbaycan kəndlilərinin mal-qarası əllərindən alındı, bağ-bostanları soyuldu. Kəndlilər aclıq keçirildilər, hətta duz tapmırdılar. Əsgərlər isə tütün və yemək-icməklə təmin olunurdular.

Nərimanov bunun qarşısını almaq məqsədiylə bir-neçə dekret və sərəncam verdi. Bir neçə qəzaları talandan qurtarmaq istədi. Lakin qəzalar artıq talan olunmuşdur. Hərbçilər isə öz işlərini davam edirdilər.

Bu zaman erməni aqressorlarının əlindən xilas olmuş azərbaycanlılar qaçqın düşdülər. Onların taxıla böyük ehtiyacı var idi. Lakin XI Ordunun rəhbərliyi onlara kömək etməyə icazə vermədi. Azərbaycan hökuməti qaçqınlara ancaq pulla yardım etdi. Bu köməyin effekti olmadı. On minlərlə qaçqın soydaşlarımız acından, xəstəlikdən dünyasını dəyişdi.

Cəbrayıl qəzasında yerləşən erməni kəndləri XI Ordunun

təchizatından kənarda dururdular. Onlar Orduya nə çörək, nə mal-qara, nə araba vermirdilər. Bu ağır vəzifə müsəlmanların üzərinə düşürdü. Bundan başqa güllələnmiş bəylərin var-dövlətləri bir çox hallarda ermənilərin əllərinə keçirdi. Kommunist fırqəsi isə buna göz yumurdu, çünki ermənilərdən ibarət idi.

Bütün arabalar, atlar hərbiçilərin əlinə keçdi. Kənd təsərrüfatına böyük zərbə dəydi, çünki bunlarsız işləmək mümkün olmadı. Bundan başqa kəndlilərin ev və şəxsi əşyaları hərbiçilər tərəfindən qanunsuz müsadirə olundu. Hətta atlar üçün xalçalar da əhalidən yığıldı. Əsgərlər özbaşınalıq göstərərək, güya əhalidən silah yığmaq məqsədi ilə evlərdə axtarışlar aparırdılar və bu zaman nəinki Orduya lazım olan əşyaları, hətta qadın və uşaqlara məxsus olan şeyləri də özləri ilə aparırdılar. Aparma bilmədiklərini vəhşiləmiş əsgərlər söküb-dağıdır yaxud yandırdılar. Ağacları, çəpərləri sındırırdılar, hətta evləri də uçururdular.

Qəzalar talan olundu. Bu da az göründü. Ermənistanı yola düşən Qırmızı Ordu yenə də Azərbaycan çörəyi ilə dolandı.

Yeri gələndə hərbi komandirlər hətta Orconikidzenin göstərişlərinə də məhəl qoymurdular.

Yerli kommunistlər qəddarlığın və özbaşınalığın qarşısını ala bilmirdilər. Onlar Qırmızı Ordunun rəhbərliyinə müraciət etməyə məcbur idilər. Ordu rəhbərləri, guya ki, nizam-intizamı gücləndirmək üçün ölçü götürürdülər. Lakin vəziyyət dəyişmirdi. Əsgərlər tərəfindən törədilmiş cinayətlərin sayı daha da artırdı.

Qırmızı Ordunun zabit və əsgərləri qəzalarda da sərxoşluqla məşğul olurdular. Rus əsgərləri arasında sərxoşluq o qədər yayılmışdır ki, hətta səhvə yol verərək əksinqilabçılarla birlikdə bir kommunisti də güllələmişdilər (Cəvanşir qəzasında).

Bu ağır dövrdə yerli əhalinin dilini və adət-ənənələrini bilməyən əsgərlər bunlara hörmət etmir, hətta ələ salırdılar, sonra isə deyirdilər ki, anlaşılmazlıq oldu. Bəzi hallarda isə Ordunun rəhbərləri yerli orqanları böhtançılıqda günahlandırırdılar və XI

Ordunun özbaşınalıqlarından şikayət edənləri güllələnmə ilə qorxudurdular.

Xalq təsərrüfatı Sovetinin sədri Solovyov N.İ. XI Ordunun İnqilab-Hərbi Sovetin tərəfindən həbs edilmişdir. Onun günahı Azərbaycanın iqtisadi mənafeələrini qorumaq idi.

Xüsusi şöbə o qədər azğınlaşmışdı ki, Zaqatala və Nuxa qəzalarında 1920-ci ilin noyabr ayının 11-nə keçən gecə bütün sovet və partiya işçilərini həbsə alıb, onlara 19 gün işgəncə verdi. XŞ həmin gecə əksinqilab qiyamı gözləyirdi. Yalnız Nərimanovun bu işə qarışması yerli işçiləri ölümdən xilas etdi.

Nəinki sırayı ermənilər, hətta özlərini «kommunist» adlandıran təşviqatçılar da danosçuluqla məşğul olurdular. Onlar AKP-nin Mərkəzi Komitəsinə partiya və dövlət işçiləri haqqında gizli məlumatlar çatdırırdılar. Bundan başqa, ermənilər XI Ordunun Xüsusi Şöbəsinə də qulluq göstərirdilər.

XI Qırmızı Orduda bir çox ermənilər qulluq edirdilər. Vəziyyətdən istifadə edib bunlar bəzi qəzalarda (Gəncə, Qarabağ, Şamaxı) qəddarlıq edib, Azərbaycan əhalisinin başına müsibətlər açırdılar. Lakin erməni hərbcilərinin bir hissəsi yaxalanmış və cəzalandırılmışdır. Hərbi rəhbərlər özləri də bəzi hallarda etiraf edirdilər ki, ermənilər rus əsgərlərini «qızışdırıb» azərbaycanlıların üstünə yönəldirdilər. Hərbcilərin bir çox özbaşınalıqları da bundan irəli gəlirdi. Anastas Mikoyan XI Ordunun komandirinə göndərdiyi teleqramda tövsiyyə edirdi ki, arzuolunmaz və ziyanlı təəssüratı, yəni «Qırmızı Ordunun müsəlmanların düşmanları erməni daşnakları ilə müttəfiq kimi qələmə verməsi aradan qaldırılmalıdır».

Azərbaycan əhalisi bir çox qəzalarda təhqirlərə məruz qalırdı. Azərbaycan əhalisi tərəfindən çox sayda şikayətlər N.Nərimanova ünvanlanırdı. Nərimanov doğma xalqını Ordunun özbaşınalıqından qorumaq üçün əlindən gələni etdi. Lakin qeyd etmək lazımdır ki, yerlərdə hərbcilər Azərbaycan hökuməti ilə hesablaşmır, lazım gələndə hətta silahdan istifadə edirdilər.

«Aprel işğalından sonra Azərbaycanda təhsilin vəziyyəti»

adlı beşinci fəsildə göstərilir ki, Qırmızı Ordu Bakı şəhərinin və bir sıra qəzaların təhsil müəssisələrində yerləşdirilmişdi. İşğalçı ordunun əsgərləri təhsil ocaqlarının binalarına, laboratoriyalarına və dərs vəsaiti avadanlıqlarına talançı münasibət göstərir, onları yararsız hala salırdılar. Nəticədə, təhsil müəssisələrinin maddi-texniki bazası bir neçə ay içində dağıldı. Bundan başqa, yeni 1920/21-ci tədris ili də vaxtında başlanmadı və şagirdlər dərsləri davam etdirmək imkanından məhrum oldu, müəllimlər işdən kənar qaldılar. Xalq Maarif Komissarlığı məktəb təhsili sahəsində heç bir iş apara bilmirdi. Buna görə, bütün səylərini başqa sahələrə, məsələn, müəllim kadrlarının hazırlanmasına, yaşlılar arasında savadsızlığın ləğv edilməsinə, klub, kitabxana və muzey işinin inkişafına, yeni quruluşun təbliğatına yönəltdi.

Lakin bu işlərdə də çətinliklər törədən məhz XI Qırmızı Ordu olurdu. Məsələn, Xüsusi Şöbə klublar üçün ayrılan binaları tuturdu və işləməyə imkan vermirdi. Beləliklə, bir sıra kitabxana, klublar açılırdı, ancaq fəaliyyət göstərmirdi. Demək olar ki, bir çox maarif ocaqları ancaq kağızda olaraq qalırdı.

Sovet hakimiyyətinin təbliğata böyük ehtiyacı var idi. Azərbaycanın bu qara günlərində yeni hakimiyyət mitinqlər keçirir, yeni quruluşun və kommunistin məğzindən söhbət açıb, ölkənin işiqlı gələcəyindən xəbər verirdi. Bu mitinqlər mədəni-maarif tədbirləri ilə sona yetirdi. Adətən, konsert və ya opera, dram əsərləri göstərilirdi, və bununla əhali mitinqlərə cəlb olunurdu. Xalq arasında sevilən Üzeyir bəy Hacıbəylinin «O olmasın bu olsun», «Arşın mal alan» əsərləri yerli artistlər tərəfindən oynanırdı.

Müəllimlərin maddi vəziyyəti olduqca acımacaqlı idi. Onlar neçə aylarla maaşla təmin olunmurdular. Buna görə dolanmaq üçün ev şeylərini satmağa məcbur idilər.

Onu da qeyd etmək lazımdır ki, bu dövrdə Respublikanın ən qabaqcıl müəllimləri Qırmızı Ordunun əsgərləri arasında savadsızlığın ləğv edilməsi işinə zorla cəlb olunmuşdular. Əsgərlər üçün mədəni-maarif ocaqları açılırdı.

XI Ordunun əsgərlərini incəsənətə cəlb edirdilər. Lakin onlar bunun qədrini bilmirdilər. Onlar üçün teatra pulsuz verilən biletləri əsgərlər alverçi qiymətinə satıb teatrdan yayınırdılar.

Bu fəsildə yerli hakimiyyət orqanlarının məktəbləri xilas etmək sahəsində söyləri də işıqlandırılmışdır.

Milli azlıqlar da yerli partiya orqanlarının diqqətindən kənar deyildilər. Onların maariflənməsi üçün şərait yaradılırdı.

Onu da qeyd edək ki, Azərbaycan İnqılab Komitəsi və Xalq Maarif Komissarlığı təhsil işçilərinin evlərini müsadirədən xilas etməyə çalışır və bir çox hallarda buna nail olurdu.

Yerli orqanlar çalışırdılar ki, müəllimlərin müsadirə olunmuş musiqi alətləri onların özlərinə qaytarılsın.

N.Nərimanov bir sıra ziyalılarımızı, o cümlədən din xadimlərimizi Xüsusi Şöbənin cəza mənğənəsindən qurtarmışdı. Bundan başqa, görkəmli ziyalılar Nərimanov tərəfindən məsul işlərə cəlb olundular.

N.Nərimanov azərbaycanlıların maariflənməsi üçün çox işlər gördü. Bu və ya başqa sahələrdə Azərbaycanın xeyrinə gördüyü işlərə və söylərə görə tezliklə o, Moskvanın bolşevik rəhbərlərinin gözündən düşdü, nəticədə vətəndən uzaqlaşdırıldı.

1921-ci ilin fevral ayında XI Ordunun bir hissəsi «gürcü xalqını azad etmək üçün» Gürcüstana yollandı. Gürcüstanda da Qırmızı Ordu əlindən əziyyət çəkən daha çox azərbaycanlılar oldu. Orada da ermənilər məkrli planlarına uyğun hərəkət edirdilər. Azərbaycanda qalan ordu hissələri isə özbaşınalıqdan və qanunsuz hərəkətlərdən əl çəkmədilər.

Monoqrafiyanın «Nəticə»sində tədqiqatın əsas elmi yekunları göstərilmiş, Şimali Azərbaycanın XI Qırmızı Ordu tərəfindən işğal edilməsinin tarixi nəticələri işıqlandırılmış və qeyd olunmuşdur ki, bu işğal Azərbaycan xalqının siyasi, iqtisadi və mədəni həyatında ağır izlər buraxdı. Yetmiş il Azərbaycan xalqı totalitar və inzibati-amirlik sistemində yaşamağa məcbur olmuş, Azərbaycan Sovet Sosialist Respublikası zorla SSRİ-nin subyektinə çevrilmişdi. Bu illərdə xalqımızın başına çox müsibətlər

gəlmişdir: o, özünün suverenliyini və azadlığını, sərvətlərini, torpaqlarını, əlifbasını, məscidlərini, ən görkəmli nümayəndələrini itirmişdir. 1990-cı ildə baş vermiş qanlı yanvar hadisələri və Azərbaycan xalqının başına gələn müsibətlər də elə bu qəbildəndir. Lakin Azərbaycan xalqı yaşayır və öz gələcəyini qurmaqda uğurla davam edir.

*PhD in history
Aziza Nazarli*

**The XI Red Army in North Azerbaijan:
occupation, massacre, violence**

Summary

The monograph “**The XI Red Army in North Azerbaijan: occupation, massacre, violence**” was devoted to the investigation of a very important problem in historiography of Azerbaijan.

For many years the Azerbaijan history had been falsified owing to the policy pursued by the Soviet regime. Thus, real historical events were concealed from the people. Instead, the XI Red Army was presented to Azerbaijani people as the Salvation Army. Some aspects of the problem have been investigated in the Azerbaijan historiography for the first time in this book and new archival documents on history have been included to scientific circulation.

In the result of the occupation by Soviet Russia’s XI Red Army Azerbaijan Democratic Republic declined in North Azerbaijan.

In the work is stated how the Azerbaijani people rose against the Russian authority and did not reconcile with this occupation. Therefore, different oppositional movements began against the new Soviet regime. However, these uprisings were suppressed ruthlessly. Violence and outrageous behavior of the XI Red Army should be assessed as crimes aimed against the Moslem population. Consequently, not only opposition and rich

people, as well as simple citizens had suffered. The instigating policy of the Armenians directed against the native people had played an important part in this violence. This occupation inflicted damage on the social and public life, economy, medicine and educational area of Azerbaijan as well. The position of the Azerbaijan Communist Party and local authorities has been illuminated in the monograph.

Сокращения

Агитпоезд	–	Агитационный поезд
Аз.ССР, АССР, Азерб. ССР	–	Азербайджанская Советская Социалистическая Республика
Аздивизия	–	Азербайджанская дивизия
Азерцентропечать	–	Азербайджанское отделение Центрального агентства Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета по распространению печати
Азревком	–	Азербайджанский Революционный Комитет
АзЦИК	–	Азербайджанский Центральный Исполнительный Комитет
АзЧека, АЧК	–	Азербайджанская Чрезвычайная Комиссия
АКП(б)	–	Азербайджанская Коммунистическая партия (большевиков)
Арм.ССР	–	Армянская Советская Социалистическая Республика
АСПС	–	Азербайджанский Совет Профессиональных Союзов
Бакгубисполком	–	Бакинский губернский Исполнительный Комитет
Бакисполком	–	Бакинский Исполнительный Комитет
Баккаврост	–	Бакинское отделение Кавказского Краевого отделения Российского телеграфного Агентства
Бакревком	–	Бакинский Революционный Комитет
Баксовет	–	Бакинский совет
Бакуездревком	–	Бакинский уездный Революционный Комитет
БГУ	–	Бакинский Государственный Университет
Бежотдел	–	Отдел по работе с беженцами
БК АКП	–	Бакинский Комитет Азербайджанской Коммунистической партии
ВКП(б)	–	Всероссийская Коммунистическая партия (большевиков)
Военком	–	Военный комиссар
Военкомрат	–	Военный комиссариат

Военмор	–	Военный моряк
ВРК	–	Всероссийский Революционный Комитет
ВЦИК	–	Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет
ВЦСПС	–	Всероссийский Центральный Совет Профессиональных Союзов
ВЧК	–	Всероссийская Чрезвычайная Комиссия
ВЭС	–	Высший экономический совет
Главнефть	–	Главное нефтяное управление
Горздравотдел	–	Городской отдел здравоохранения
Зак.ЦИК	–	Закавказский Центральный Исполнительный Комитет
ЗКК РКП(б)	–	Закавказский Краевой Комитет Российской Коммунистической партии (большевиков)
Исполком	–	Исполнительный Комитет
Кавдивизия	–	Кавказская дивизия
Кавфронт	–	Кавказский фронт
Каспвоенфлот	–	Каспийская военная флотилия
КГБ	–	Комитет Государственной Безопасности
Командарм	–	Командир армии
КП(б)	–	Коммунистическая партия (большевиков)
КРКИ	–	Кавказская Рабоче-крестьянская инспекция
КСМ	–	Коммунистический союз молодежи
Ликвидкомиссия	–	Ликвидационная комиссия
Музэкскурс	–	Музейно-экскурсионная секция
НАН Азербайджана	–	Национальная Академия наук Азербайджана
Нарком	–	Народный комиссар (комиссариат)
Наркомвоенмор	–	Народный комиссар по военно-морским делам
Наркомпрод	–	Народный Комиссариат Продовольствия
Наркомпрос, НКП	–	Народный Комиссариат Просвещения
Наркомсобес	–	Народный Комиссариат социального обеспечения
Наркомфин	–	Народный комиссариат по финансам
Нахревком	–	Нахчыванский Революционный Комитет
Начдив	–	начальник дивизии
НК	–	Народный Комиссариат
НКВД	–	Народный Комиссариат Внутренних Дел
НКИД	–	Народный Комиссариат Иностраннных Дел
НЭП	–	Новая экономическая политика
ОГПУ	–	Объединённое государственное политическое

*XI Красная Армия в Северном Азербайджане:
оккупация, расправы, бесчинства*

	управление при СНК СССР
Опродкомарм	– Особая продовольственная комиссия по снабжению армии продовольствием
Опродкомдив	– Особая продовольственная комиссия дивизии
Оргбюро	– Организационное бюро ЦК
Осботдел XI	– Особый отдел XI
Полиграфотдел	– Полиграфический отдел
Политбюро	– Политическое бюро
Политотдел, Поарм	– Политический отдел
Рабинспекция	– Рабочая инспекция
РВС XI	– Революционный военный совет XI армии
РВРС	– Революционный Военный Совет Республики (России)
Реввоенсовет	– Революционный военный совет
Реввоен трибунал;	– Революционный военный трибунал
Рев трибунал	
Ревком	– Революционный Комитет
РКП(б)	– Российская Коммунистическая партия (больше- шевиков)
РСФСР	– Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика
Санчасть	– Санитарная часть
СДРП	– Социал-демократическая рабочая партия
Снабарм	– Отдел снабжения армии
СНК, Совнарком	– Совет народных комиссаров
Совнархоз	– Совет народного хозяйства
СССР	– Союз Советских Социалистических Республик
СТО	– Совет Труда и Обороны
т.к.	– так как
Уездкомпартия	– Уездная коммунистическая партия
Упродарм	– Управление по снабжению армии продовольствием
Упродком	– Управление продовольственного комитета
Центрожилотдел	– Центральный жилищный отдел
ЦК	– Центральный Комитет
ЦК АКП	– Центральный Комитет Азербайджанской Коммунистической партии
ЧК	– Чрезвычайная Комиссия
Штарм	– Штаб армии
Эсер	– Социал-революционер

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	5
ГЛАВА I. ИЗ ИСТОРИИ АПРЕЛЬСКОЙ ОККУПАЦИИ 1920 г. ПОДАВЛЕНИЕ АНТИСОВЕТСКИХ ВОССТАНИЙ И НАГРАДЫ ЗА «ОСВОБОДИТЕЛЬНУЮ МИССИЮ»	22
ГЛАВА II. ЛЮДИ И СУДЬБЫ	57
§1. Лидеры азербайджанской независимости, беки и интеллигенция – жертвы «красно- го террора»	57
§2. Вынужденная эмиграция. Судьба студен- тов	66
§3. Репрессии против всех, кто косвенно при- частен к антисоветским восстаниям. Тра- гедия простых жителей	75
§4. Ещё раз о Нариманове	93
§5. Жертвы и проводники оккупации в годы «массового террора» тридцатых	110
ГЛАВА III. ГОРОДСКОЙ ПРОИЗВОЛ. СНАБЖЕ- НИЕ АРМИИ	121
§1. Состояние XI Армии	121
§2. Обмундирование, табак, типографии, ма- шины, продукты питания – всё на службу XI Армии	127
§3. «Чёрное золото» и продукты для России и армии	147

§4. Расквартирование частей XI Армии	153
§5. Экспроприации. Разоружение местного населения	160
§6. Пьянство красноармейцев на новом месте. Здравоохранение на службе оккупантов	172
§7. Облик города. Разрушенный быт населения	179

ГЛАВА IV. «МУСУЛЬМАНСКОЕ НАСЕЛЕНИЕ ДОВЕДЕНО ДО ОТЧАЯНИЯ...» (ХРОНИКА БЕСЧИНСТВ)	184
§1. Положение в Гянджинском уезде	184
§2. Шамхорский уезд	193
§3. Ситуация в Гарабахе и Нахчыване	202
§4. Беззакония в Нухинском и Загатальском уездах	217
§5. Газахский и Товузский уезды	226
§6. Шамахинский, Гёйчайский и Губинский уезды	238
§7. Лянкяранский и Джавадский уезды	252
§8. Комиссии разбирают жалобы	263
§9. Докладные записки Н.Соловьёва и Б.Шахтахтинского. Бесчинства по отношению к азербайджанскому населению Грузии в рапортах Омара Фаига Неманзаде	269

ГЛАВА V. СОСТОЯНИЕ ПРОСВЕЩЕНИЯ В АЗЕРБАЙДЖАНЕ ПОСЛЕ АПРЕЛЬСКОЙ ОККУПАЦИИ	280
§1. Разрушение материально-технической базы бакинских учебных заведений	280
§2. Разрушения в уездах	296
§3. Просветительная работа в условиях ок-	

купации	305
§4. Просвещение красноармейцев в числе первостепенных задач Советской власти...	313
§5. Проблемы интеллигентов – просветите- лей в период произвола	317
§6. Культура – идеологическое оружие окку- пационного режима	324
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	335
ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА	352
XÜLASƏ	371
SUMMARY	382
СОКРАЩЕНИЯ	384
СОДЕРЖАНИЕ	387

Kompüter yığıımı: Rəhilə Kazımova
Kompüter dizayını: Nigar Məmmədli

Yığılmağa verilmişdir: – 5 iyun 2014
Çapa imzalanmışdır: – 9 oktyabr 2014

Sifariş: №
Formatı: 60/84 – $\frac{1}{16}$. Həcmi: 24,5 ç.v. Tirajı: 500
Qarnitur «Times New Roman»

Kitab «Nurlan» nəşriyyat-poliqrafiya müəssisəsində
hazır diapozitivlərdən çap edilmişdir.
Müəssisənin direktoru professor **N.B.Məmmədli**
Tel. 497-16-32; 427-44-61; 417-41-89; 050-311-41-89
Ünvan: Bakı, İçərişəhər, 3-cü Maqomayev küç., 8-ci döngə, ev 4

Əzizə Ənvər qızı Nəzərli

*XI Qırmızı ordu Şimali Azərbaycanda:
işğal, zorakılıq, vəhşiliklər
(rus dilində)*

Назарли Азиза Энвер гызы

*XI Красная Армия в Северном Азербайджане:
оккупация, расправы, бесчинства*

Проводимая большевиками Восточная политика со всей ясностью и очевидностью проявилась на примере Азербайджана. Большевики на словах, провозглашая лозунги о спасении и освобождении восточных народов, уважают их права, свободу и независимость. Но на деле ничем не отличаются от других империалистов... Красный империализм!

М.Э.Расулзаде

